Антонина Ванина

Журнал
«Самиздат»
samlib.ru

Историческая Альтернатива

Всё закончится на берегах Эльбы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как тяжела жизнь в эпоху между двумя мировыми войнами, когда старый мир рушится, а новый болезненно зарождается. Ещё тяжелее оказаться на стороне проигравших и жаждущих реванша. Покинув Россию и перебравшись в Германию, Александра не знала, что некогда родной отец желал ей смерти. Не знала она, выходя замуж за жениха родной сестры, чем обернётся для неё этот брак, из которого приличной женщине вырваться будет решительно невозможно. Александра не мечтала вернуться на родину и старалась забыть язык, на котором некогда говорила её мать, вот только война и нацистские власти рассудили иначе. Тогда-то в гуще боёв Александра и узнала, что смерть для неё непозволительная роскошь, ведь погибнув однажды, нельзя умереть вновь. Потому что всё началось с неосторожного медицинского эксперимента и всё закончится на мосту через Эльбу.

- Антонина Ванина
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 37
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Антонина Ванина
Всё закончится на берегах Эльбы

1

В пасмурное июньское утро 1899 года по коридорам александрийского дворца пронесся детский крик — государыня императрица Александра Фёдоровна благополучно разрешилась от бремени дочерью.

Принимавшие роды лейб-акушер и лейб-хирург поспешили сообщить, что здоровье матери и дочери не вызывают у них ни малейшего опасения, а присутствующий при этом знаменательном событии лейб-медик-консультант Павел Иванович Метц только облегченно выдохнул. Родилась девочка, а значит, династия Романовых получила отсрочку от гессенского проклятия.

Стоило Павлу Ивановичу покинуть покои царицы, как ему тут же вручили телеграмму из Иллукста. С трепетом он принял листок бумаги и тут же прочёл:

«ОЛЬГА ПОМЕРЛА ТЧК ПОСКОРЕЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ»…

Телеграмма выпала из дрожащих рук, но посыльный поспешил поднять бумагу с пола и повторно вручил её адресату.

В тот день для Павла Ивановича кончилась его недолгая семейная жизнь. И двух лет не продлилось его позднее счастье.

Когда ему исполнилось тридцать семь лет, он успел разувериться в мысли, что когда-нибудь женится. Но однажды, покинув многолюдный Петербург и уехав по делам в самую глушь Курляндской губернии, он встретил простую красивую девушку, дочь русского кожевенника и латышской крестьянки, которую называл Хельгой.

Когда они поженились, Павел Иванович тщетно пытался уговорить её переехать в Петербург. Почему-то его молодая жена боялась больших городов. А он не спешил возвращаться в столицу, ведь пока императрица не родила наследника, он был лишним при дворе.

В поезде до Риги Павел Иванович в горестных раздумьях размышлял, что бы было, не покинь он Иллукст по долгу службы? Какое жестокое совпадение — Хельга была на сносях, а он уехал в Петергоф, принимать роды у императрицы. Александра Фёдоровна благополучно произвела на свет третью дочь, а Хельга умерла в родах с их первенцем.

На вокзале в Иллуксте Павла Ивановича встретила Агапея, пятидесятилетняя тётка Хельги, что жила в их доме на правах

бедной и бессемейной родственницы.

— Померла, померла Оленька, — причитала Агапея, размазывая слёзы по щекам, — первой дитяткой разродилась, а второй не смогла.

— Какой второй? — глупо переспросил Павел Иванович.

— Так ведь Оленька двоих под сердцем носила, да кто ж знал… Дохтор этот, которому ты, Пауль Йоханыч, наказал за Оленькой врачевать, сам ничего не понял. Как только первехонька девочка родилась, так Оленька дух испустила. Дохтор этот, изверг, живот ей как вспорол, а там вторая девчушка, живехонька!

И только сейчас Павел Иванович сообразил, что от нахлынувшего отчаяния не смог дочитать телеграмму до конца и тут же кинулся на вокзал. Дети, две дочери, близнецы! Так значит, он всё-таки стал отцом. И тут же овдовел…

— Чудо-то какое, — продолжала голосить Агапея, — живы деточки, крепенькие. Мы пока тебя ждали, окрестили их. Старшенькую Елисаветою, а младшенькую Александрой. Как царицу и сестру её старшую.

В миг, когда Павел Иванович впервые увидел в колыбельке своих дочерей, спелёнатых крошек, он не смог сдержать слёз по своей почившей супруге. Он поймал себя на страшной мысли, что был бы рад, если бы умерли его дети, а Хельга осталась жива.

Ещё он понял, что не хочет больше видеть Иллукст и ходить по его улицам, где всё неминуемо будет напоминать ему о Хельге. Так через три дня Павел Иванович с дочерями и их нянькой Агапеей навсегда уехал из Курляндии в Петербург.

В столице доктор Метц с головой погрузился в университетскую работу и практику. Не успевая закончить с одним делом, он находил себе новое, всё реже и реже появляясь дома. На душе его было тяжело и пусто, ничто и никто вокруг не радовал ни взор, ни разум. Тогда-то Павел Иванович вспомнил о «московском Сократе». То был необычайный человек с необычайным образом мыслей. Когда-то он покорил Павла Ивановича с первых слов, заставив задуматься о вещах вечных и значимых.

И доктор Метц отправился в Москву к Николаю Фёдоровичу в надежде, что его слова вновь зажгут в его сердце огонь, пробудят разум от дремоты, и сам Павел Иванович найдёт утешение своему горю.

Семидесятилетний аскет Николай Фёдорович жил уединённо, не ища ни славы, ни денег. Днём он служил библиотекарем, а по вечерам принимал на квартире своих учеников и гостей. Его голос всегда был ровен, а взгляд в задумчивости направлен в

пустоту, сквозь время и пространство.

— Вы скорбите о потере жены, — говорил он Павлу Ивановичу. — Но она умерла, дав жизнь вашим детям. В этом и есть проявление оборотной стороны рождения — за ней рано или поздно, но всегда следует смерть. Но понимаете ли вы истинную природу своих чувств? Ведь любовь к женщине не может сравниться с любовью к матери. Первая привязанность вызвана лишь силой чувственной, тогда как вторая — силой чувствующей. Если вы поймете это и полюбите своих детей так, что и они полюбят вас, тогда-то и пройдёт ваша скорбь, будто и не было её вовсе.

Умом Павел Иванович понимал правоту Никола Фёдоровича, но сердцем не мог так просто принять его слова. Перед глазами стоял образ Хельги, какой он запомнил её перед отъездом из Иллукста, и вместе с тем в памяти всплывало видение креста, что теперь стоял на её могиле. И доктор Метц не удержался от вопроса, что волновал его долгие месяцы:

— Я помню, вы говорили, что жизни и смерти всё равно, что добро и зло. Жизнь есть истинное добро, а смерть есть зло истинное. Но как мне бороться со злом, если сама природа решила, что все живущее должно страдать и умирать?

— Природа неразумна и слепа, она рождает и умерщвляет. Но смертность не изначальна. В сути, она не так уж и необходима.

— Как вас понимать? — пораженно вопросил Павел Иванович.

— В природе нет целесообразности, — всё так же размеренно и вдумчиво продолжал Николай Фёдорович, — её должен внести сам человек. В этом и заключается высшая целесообразность. Человечество сейчас находится лишь на первой ступени перехода природы от слепоты к сознанию. Когда-нибудь люди изменятся и научатся изменять. Человек наделен разумом, так почему бы ему не подчинить себе слепой механизм природы и не научиться управлять им? Наша высшая цель в этой жизни — победить смерть и вернуть жизнь тем, кто её утратил.

Доктору Метцу показалось, что он ослышался или неправильно понял слова философа и потому переспросил:

— Что значит, «вернуть»?

— Вы когда-нибудь задумывались, что каждое поколение живёт за счёт вытеснения предыдущего? Но так оно и есть, ибо такой порядок установила природа. Да вы и сами не так давно имели несчастье убедиться в этом лично. По сути каждый из нас виновен в смерти наших же отцов, каждый из нас сирота. Но разве наши предки не были достойны жизни вечной? Разве наш

долг перед отцами, давшими нам жизнь, не заключается в возвращении жизни им самим?

— Как вы это себе представляете? Из чего, в конце концов, воссоздавать тела, если от них, в лучшем случае, остались лишь кости?

— Конечно, тела наших предков давно обратились в прах. Но часть их естества всё равно осталась в нас, надеюсь, вы не станете с этим спорить. Стоит только научиться выделять из сынов первоначальную материю их отцов, и на её основе можно будет их воскрешать. От отцов можно будет получить материю дедов, оживлять их, и так далее, вглубь поколений.

— И что же, придётся возрождать всех людей, когда-либо живших на земле?

— Конечно, — кивнул Николай Фёдорович, — иначе в воскрешении не будет смысла. Оно должно стать всеобщим. Но для этой работы человечеству нужно объединиться в братство сынов, помнящих своих отцов. Только единение каждого человека на земле, объединение всех культур, всех религий и сословий позволит сынам осознать своё сиротство. Это понимание и заставит их исполнить свой долг перед отцами. Вначале им нужно будет собрать рассеянный прах, потом сконцентрировать его в тела, пользуясь для этого лучистыми образами или изображениями, оставляемыми волнами от вибраций всякой молекулы, что когда-либо существовала.

— И, — с едва скрываемым недоверием и вместе с тем с надеждой, спросил Павел Иванович, — вы знаете, как это осуществить на практике?

Николай Фёдорович глубоко вздохнул:

— Наука, увы, оторвана от жизни. Сейчас мы видим лишь то, как теоретический разум ведёт к отрицанию объективного знания. Поэтому только деятельное знание может быть подлинным. Теоретический разум должен объединиться с практическим для общего дела — познания природы, а, в конечном счёте — познания жизни и смерти и управления ими.

— Вы призываете изменить привычный ход вещей? Мне всегда казалось, что природу невозможно изменить, потому что сама её суть в постоянстве.

— Мир дан нам Творцом не на созерцанье. И земной рай следует воздвигнуть трудом самого человечества, а не ждать его в дар от Бога. Через нас Творец воссоздаст мир и воскресит всё погибшее. Ведь смерть есть наказание за грех, посему искупление греха есть избавление от смерти, а значит, воскрешение.

— Это будет воскрешение из мертвых, как после Страшного Суда? На что это будет похоже?

— Это будет совсем иной мир, — мечтательно протянул Николай Фёдорович. — Обретая вторую жизнь, человек получит бессмертие. Он изменится. Его органы будут преобразованы психофизиологической регуляцией. Он сможет обитать во всех мирах, как близких, так и отдаленных.

— Но это же будут миллиарды бессмертных людей, — покачал головой Павел Иванович, — даже больше. Земля не выдержит столько. Она их просто не прокормит.

— Разумеется, — согласился Николай Фёдорович. — Потому преображенный человек не должен испытывать нужды в пище. Он вообще не должен быть ограничен в среде обитания. Во вселенной множество планет. Задача механики — создать корабли для путешествий к близким и дальним мирам. Только так можно расселить воскресших на другие планеты. И с приходом нового человека вселенная одухотворится, все миры, движимые ныне бесстрастными силами, будут управляться братским чувством всех воскрешенных поколений. Ведь люди созданы быть небесными силами, взамен падших ангелов, чтобы послужить божественными орудиями в деле управления миром, в деле восстановления его в то благолепие нетления, каким он был до падения.

— Но как же быть с теми предками, кто не оставил потомства? — задумчиво вопросил Павел Иванович. — Они будут навсегда потеряны?

— Конечно это проблема, — согласился мыслитель. — Но нужно найти другой путь, чтобы получить первоначальное вещество этих людей. Лучшим вариантом было бы сохранение их тел до тех пор, пока наука не найдёт способа воскрешать.

— Бальзамирование, например.

— Очень даже может быть. Я, Павел Иванович, знаете ли, всего лишь старый библиотекарь. Всё, что в моих силах, так это сохранять литературные труды минувших поколений. В каждой книге остается жить их автор, надеюсь, вы согласны со мной? Я не даю увянуть остаткам жизни тех людей единственным доступным мне способом. Вы же, Павел Иванович, медик. И работаете вы с человеческим телом, материалом крайне хрупким и недолговечным. Я уверен, в ваших силах изменить человеческую природу. Помните, что наука не должна оперировать лишь слепыми теориями. Объективность и практика — основа всего. Они должны послужить вашему сыновьему долгу перед отцами — всеобщему бессмертию. Не забывайте о нём.

Николай Фёдорович был далеко не первым, кто предлагал Павлу Ивановичу изобрести эликсир вечной жизни. Три года назад в Лондоне доктор Метц уже видел бессмертную подземную

женщину по имени Мери, видел и операцию, что проделали над ней, дабы узнать секрет её вечной жизни. Одно воспоминание о том дне вызывало испуг и отвращение, и вместе с тем пробуждало призрачное желание никогда не иметь ничего общего с практическим бессмертием.

Но сейчас, покинув дом «московского Сократа» Павел Иванович заставил себя переоценить былые взгляды. Эта беседа не просто принесла ему облегчение в его горе, она словно окрылила и преобразила, придала новый смысл его жизни. Доктор Метц думал лишь о том, что в его дочерях осталась частичка Хельги, и в его силах однажды преобразить эту частичку в изначальное создание.

2

Минуло два года, и вновь Павла Ивановича призвали явиться в Александрийский дворец. Когда императрица родила дочь, доктор Метц снова облегченно перевел дыхание. Александра Фёдоровна же не смогла скрыть своего разочарования. Весь двор ждал наследника и тоже не смог смириться с рождением у императорской четы уже четвёртой дочери.

И вскоре во дворце появился некий медиум из Лиона, которого все называли мэтром Филиппом. При виде этого господина в докторе Метце взыграла молчаливая ревность. Доктор Филипп вызвался осуществить то, чего никак не мог пообещать доктор Метц — с помощью гипноза повлиять на пол ребенка ещё в утробе матери. На скромное замечание Павла Ивановича, что подобное невозможно, императорская чета лишь отстранила его от двора.

Доктор Метц был в панике. Он слал письма своим британским кураторам, что некогда рекомендовали его Романовым, писал и своему деду, с этими кураторами его познакомившим. Через месяц от деда, девяностотрёхлетнего профессора анатомии Юлиуса Книпхофа пришёл ответ, а вместе с ним и целый компромат на лионского «доктора». Профессор не стеснялся в выражениях и называл Филиппа не иначе как мошенником и сатанистом. Как первое сочеталось со вторым, Павел Иванович не мог взять в толк, однако задумался, откуда его деду так много известно о французских оккультистах.

Но вскоре до доктора Метца дошли слухи, что императрица вновь беременна и ждёт наследника. Не прошло и недели, как Павла Ивановича срочно вызвали во дворец. Он ожидал, что вновь будет присутствовать при родах, но ошибся. Перед покоями взад-вперед ходил обеспокоенный лейб-акушер Отт. Роды всё не начинались, а Александра Фёдоровна не допускала к себе врачей, по настоянию мэтра Филиппа, разумеется.

— Я видел её величество два месяца назад, — тихо по-немецки прошептал Отт Метцу. — Я видел её и вчера. И она совсем не изменилась.

— Что вы имеете в виду?

— У неё нет живота.

Пораженный, Павел Иванович захлопал глазами, не понимая, что происходит.

— Я просил её позволить осмотреть себя, — ещё тише и тревожнее произнёс Отт, — но она сказала только: «Будьте покойны, ребенок там». Я чувствую, что всё это скверно кончится.

Время шло, а схватки всё не начинались. Павел Иванович успел услышать от придворных дам пару сплетен о мэтре Филиппе: что императрица каждый день ездит в гости к этому недоучке-магнетизёру, что он устраивает для неё и императора спиритические сеансы, где вызывает дух Александра III, и дух советует каких министров императору назначать и какие договоры подписывать. А ещё Филиппу выдали диплом доктора медицины от Петербургской Военно-медицинской академии и чин действительного статского советника, и теперь он гордо расхаживает по Петербургу в военной форме.

Вдруг началась суета. Доктора Отта пригласили в покои, и через час он с крайне мрачным видом показался в коридоре, неся что-то в прикрытом сосуде.

Доктор Метц пошёл за ним следом в отдельную комнату, морально готовясь увидеть мертвый эмбрион. Но он ошибся. Это было что-то странное и ни на что не похожее — гладкое и чёрное, сферическое и продолговатое, размером с грецкий орех. Павел Иванович в жизни бы не поверил, что подобное может исторгнуть женское тело, если бы доктор Отт не подтвердил, что так оно и было.

— Я укажу в бюллетене, что беременность была ложной, а это, — мрачно произнёс он, кидая взгляд отвращения на чёрный комок, — отмершее плодовое яйцо не более четырёхнедельного развития.

— Но вы же видите, что это никакое не яйцо, — попытался было возмутиться доктор Метц.

— Тогда, может, вы мне скажете, что это? Потому что я, лейб-акушер, понятия не имею, чем это может быть.

И Павел Иванович промолчал, потому как не знал, что и ответить.

— Видит Бог, — продолжал Отт, — я близок к тому, чтобы поверить, будто тот лионский мерзавец околдовал императрицу и вселил в неё гомункула. Другого объяснения я не в состоянии придумать.

Павлу Ивановичу оставалось только согласиться с удобным для доктора Отта объяснением. Но увиденное заставило его задуматься об истинных способностях мэтра Филиппа, которого все дружно именовали шарлатаном. Все кроме императорской четы.

Что если мэтр Филипп и вправду обладает некими невероятными способностями и умеет воздействовать на плод, просто это воздействие оказалось не совсем удачным? Павел Иванович всерьёз намеревался расспросить лионца о его умении влиять на зарождающуюся жизнь, но как ни странно, о мэтре

Филиппе в Петербурге больше никто ничего не слышал. Говорили, он спешно собрал чемоданы и умчался на родину, а на прощание снова напророчествовал императрице, что она родит сына.

А люди в городе уже судачили о том, что на самом деле произошло с неродившимся младенцем. Один из слухов дошёл и до Павла Ивановича через няньку Агапею:

— Так правда, что царица родила уродца с рогами?

— Господи, — вздохнул он, — Агапея Тихоновны, ну вы-то что выдумываете?

— Так ведь, люди говаривают.

Павел Иванович только отмахнулся от бабских сплетен. А в голове невольно начали крутиться строчки: «родила царица в ночь не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку».

Как же хорошо, что его малышки, трёх лет отроду, были здоровые и красивые. Дочери подрастали, но ничто в их облике не напоминало Павлу Ивановичу о Хельге. Они совсем не были на неё похожи. И на самого Павла Ивановича тоже. Пухленькие щечки, рыжие кудряшки, озорные зеленые глазки. Почему-то близнецы напоминали ему двоюродную сестру Иду, что жила с Мюнхене вместе с дедом. Видимо, Ида и его дочери унаследовали внешность от покойной прабабки. Её-то и можно было воскресить от биологических частиц Иды и близнецов, внешность бы воспроизвелась без изъянов. Вот только как быть с воскрешением Хельги?..

После удивительных событий в Петергофе не прошло и двух лет, как всю империю облетело радостное известие: родился наследник, цесаревич! Сердца монарших родителей ликовали от счастья, лишь Павел Иванович озабоченно осматривал новорожденного.

— Сделайте хотя бы вид, что рады, — шепотом попрекнул его доктор Отт.

Но доктор Метц не мог выказать счастья, ведь кровоточащая пуповина младенца не давала ему покоя. Павел Иванович бережно наложил на ранку повязку и, всякий раз меняя её, отмечал, что пятнышек крови день ото дня остаётся все меньше и меньше. Но через месяц кровотечение открылось вновь. Сомнений не было: наследнику передался недуг гессенского дома — гемофилия. Павел Иванович знал по собственному врачебному опыту, что болезнь эта протекает у разных людей по-разному. По счастью, ранка цесаревича Алексея затянулась через несколько дней. Опасность минула. Пока.

3

Одним январским днём 1905 года, охая и ахая, в дом доктора Метца вбежала Агапея, держа под руки Лизоньку и Сашеньку. Пока нянька пыталась отдышаться, Лиза расплакалась, а Саша только надулась и продолжала молчать. Павел Иванович знал, что по воскресеньям тётка водит девочек в церковь, но никак не мог взять в толк, что же там с ними случилось.

— В чём дело, Агапея Тихоновна?

— Ой, Пауль Йоханыч, так стреляют, стреляют на улице!

— Кто стреляет? — поразился доктор.

— Так солдаты по людям простым! Жандармы детишек саблями рубят! Рабочих убивают! Они ж к царю-батюшке крестным ходом шли, а их — стрелять.

Так Павел Иванович узнал о начале «кровавого воскресенья». Он и представить себе не мог, что доживёт до таких времён, когда столица будет на осадном положении, по улицам станут ходить войска, а рабочие в отместку начнут охотиться на полицейских. В этот день будто открылся ящик Пандоры, из которого вырвались взбешённые террористы, провокаторы, революционеры, забастовщики и экспроприаторы.

По всей империи было убито столько генерал-губернаторов, что назначение на этот пост стало расцениваться как смертный приговор. Когда из Москвы пришла весть, что бомбистами убит генерал-губернатор Москвы, что приходился родственником императору и императрице, министр Двора только и сказал Павлу Ивановичу:

— Чему тут удивляться. Лет двадцать назад разжалобившиеся присяжные оправдали одну террористку, из чего другие её единомышленники сделали соответствующий вывод: отныне можно убивать градоначальников, и не только их. Кстати, Павел Иванович, вам известно, что лет двадцать пять назад было в квартире, где вы сейчас живёте?

— Не имею понятия, — пожал плечами тот.

— А была там, — с лукавым прищуром протянул министр, — в 1881 году, Павел Иванович, динамитная мастерская народовольцев. Там-то они и сделали бомбу, что убила Александра II, деда нашего императора. Вот в такой квартире с богатой историей вы живёте. Кстати, те бомбисты могли бы стать вашими коллегами, если бы успели окончить Медико-хирургическую академию. Вроде как, учились спасать чужие жизни, а на деле вышло совсем наоборот.

Павлу Ивановичу стало не по себе от такого рассказа,

собеседник же удалился прочь, наслаждаясь произведенным эффектом.

А террористы продолжали убивать министров, градоначальников, генерал-губернаторов, военных, детей чиновников, простых прохожих и самих себя. Те, кто выкрикивал лозунг «свобода или смерть» не ценили жизнь, ни свою, ни чужую.

То и дело в разных концах империи возникали крошечные республики, а на окраинах, где перевороты не удавались, вспыхивали массовые бунты. Казалось, карта страны вот-вот станет похожа на дырявый лоскут, после чего порвётся на части.

— Как хорошо, Пауль Йоханыч, — заметила Агапея, — что мы из Курляндии уехали. Там теперь, говорят, латыши немцев средь бела дня убивают и дома их сжигают. Страсти-то какие!

— Так это остзейских баронов убивают, — отмахнулся Павел Иванович. — В их же поместьях их же наёмные крестьяне, которых они многие десятилетия обирали.

— Это ты так рассудил. Да не в деньгах только дело. Случись что, люди и не посмотрят, барон ты или дохтор, есть у тебя поместье или нет. Немец ты и детки твои. Вот как страшно!

Революция как стихийное бедствие катилась по стране и не думала прекращаться. Император учредил парламент и разделил власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов из департамента полиции. Вот только пыл революционеров от этой уступки не остыл, а ещё больше распалился, как аппетит, который приходит во время еды.

Когда два года погромов, терактов и кровопролития окончились, то пополз шепоток, что самодержавию пришёл конец. Кто-то изрекал это с плохо скрываемым ликованием, а кто-то глухо и подавленно.

Для Павла Ивановича эти времена стали предзнаменованием чего-то мрачного и сокрушительного. При лицезрении кипящего Петербурга он будто взглянул в глаза чудовищу, что поднялось из океанских глубин, лишь для того, чтобы заполучить человеческой плоти. И доктор Метц ждал неотвратимой кровавой бури.

Когда цесаревичу минуло три с половиной года, случилось страшное. Во время игры наследник упал и ушиб ногу, отчего кровь скопилась под кожей и надулась в огромную шишку.

Врачи суетились у постели больного и тревожно перешептывались, пока бедный мальчик плакал от боли, а под его глазами явственно появлялись тёмные круги. Никто из медиков не знал, что предпринять, и Павел Иванович также пребывал в растерянности. Император пригласил его для конфиденциальной беседы, где попросил рассказать всё, как есть.

— Кровь скапливается в коленном суставе, — терпеливо объяснял доктор Метц, — она давит на нерв и оттого возникают боли. Можно сделать массаж, чтобы кровь не застаивалась в суставе, но тогда есть вероятность, что кровотечение станет только сильнее. Если кровь и дальше будет находиться возле мышц и кости, она постепенно начнёт их разрушать. Должно быть, вы видели положение колена — его невозможно разогнуть. Я полагаю, когда кризис минует, потребуется помощь ортопеда.

— Когда это наступит? — спросил император с такой надеждой в голосе, что доктор Метц побоялся его обнадёживать.

— Ваше величество должны быть осведомлены, что наследник цесаревич никогда не поправится от своей болезни. Гемофилия неизлечима.

После этих строгих и роковых слов отец больного сник. На следующий день, когда Павел Иванович увидел императора, ему показалось, что тот постарел на десять лет. Горе родителей было велико. Императрица и слышать ничего не хотела о бессилии врачей, называя их невежами. Её раздражение можно было понять, но принять — несказанно тяжело.

— Вы же знаете, что случилась с вашим братом, — говорил ей доктор Метц, — и оба ваших племянника…

— Не смейте мне об этом напоминать, — резко оборвала его императрица. — Мой сын здоров. Он не умрёт.

Павел Иванович не посмел возражать матери. Весь день вместе с родственниками он пробыл у постели больного в ожидании худшего. В полночь, когда все уже разошлись и подле наследника остался только доктор Метц, в комнату вошла императрица, а с ней и странного вида человек: в крестьянской одежде с длинной чёрной бородой и пронзительными светлыми глазами. Императрица попросила Павла Ивановича удалиться из покоев цесаревича и тот, сам не понимая почему, не сказав и слова, последовал к двери, не сводя глаз с крестьянина в голубой рубашке и высоких сапогах. Было в нём что-то необычное, будто великая тайна.

Наутро Павел Иванович вошёл в комнату наследника и не поверил своим глазам: мальчик уже сидел на кроватке, болтая ножками и улыбаясь. Огромная гематома куда-то подевалась, а на её месте осталось лишь багровое пятнышко.

Тогда-то доктор Метц и узнал имя ночного визитера. Императрица называла его не иначе как «человек Божий Григорий». По её словам, этот крестьянин из Тобольской губернии, старец, всю ночь молился у постели наследника и Бог его услышал — мальчик выздоровел.

В тот день свершилось чудо, и повторялось оно не один раз. С

тех пор как болезнь царевича дала о себе знать, её приступы время от времени приковывали больного к кровати. Лейб-медики оставались бессильны перед внутренними кровотечениями, и даже не всегда могли их локализовать. А Григорий просто молился, после чего маленький Алексей неизменно поправлялся.

Доктора были вынуждены признать силу старца, отчего и невзлюбили его. Метц же был честен с самим собой и не отрицал собственную беспомощность перед недугом цесаревича. Он лишь укрепился в вере, что не медицина, а только старец может помочь бедному мальчику. Павел Иванович не выказывал собственного высокомерия Григорию, как обыкновенно поступали другие придворные доктора, считающие его простым неграмотным мужиком. Цесаревич был здоров — и для Павла Ивановича это было главным. Да и императрицу духовные беседы с Григорием сделали мягче и отчего-то меланхоличнее.

Ежеминутная опасность, что болезнь наследника обострится, вынудила Павла Ивановича сутками пропадать во дворце, не видясь с дочерями. Однажды во время беседы император сказал ему:

— Я слышал, дома вас ждут очаровательные близнецы. Приводите их к нам, я уверен все будут от них в восторге.

Павел Иванович очень удивился такому предложению, но отказать не посмел. Перед визитом отец провел обстоятельную беседу с восьмилетними дочерями и настращал их вести себя тихо, не озорничать, не вводить в заблуждение, кто из них Лиза, а кто Саша, и говорить, только если их о чём-нибудь спросят.

Во дворце девочки ожидали увидеть огромные залы с шелками, золотом и каменьями, а ещё трон, где будут восседать царь и царица. Но вместо этого их привели в уютную, светлую комнату и представили таким непривычно обыкновенным, без всякого налета величия, людям, что и не верилось, будто это и есть император с императрицей.

Появление близнецов с рыжими кудрями и веснушками, похожих друг на друга как две капли воды, обрадовало княжон, особенно младших — ровесниц Лизы и Саши. Дети принялись за игры, пока их не позвали на чай к столу. Тогда-то близнецы и увидели старца Григория. С интересом дети слушали его речи, такие простые и понятные, как у тёти Агапеи.

На прощание старец ласково посмотрел на близнецов, погладил их по головкам и сказал:

— Жизнь долгая долгими страданиями полна. Живите, чада, с Богом в ладу, тогда и в житье нескончаемом будет вам отрада.

Девочки мало что поняли из этих слов, кроме напутствия усердно молиться и хорошо себя вести.

Павел Иванович же заметил, как не понравилось императрице это пророчество о долгих годах жизни его детей — уж очень она была ревнива к чужому семейному счастью. Поговаривали, что даже с сестрой императора она держалась холодно только потому, что у той было шестеро сыновей.

Так или иначе, а больше Лизу и Сашу во дворец не приглашали. Да и самого Павла Ивановича отныне всё реже просили посетить больного наследника.

4

Что-то странное происходило в небе летом 1908 года. В вечерних сумерках появлялись странные облака, такие высокие и далекие, что и представить себе невозможно, где они начинались и заканчивались, а небосвод перед заходом становился слишком ярким. Когда солнце клонилось к горизонту, вокруг него возникала сияющая дуга и два маленьких солнца вспыхивали на её боках.

Странные атмосферные явления над городом продолжались несколько дней. Агапея крестилась и причитала, что это небеса карают грешников за революцию, и скоро наступит конец времен. Павел Иванович наказал ей не пугать детей и самой успокоиться.

Через неделю из газет доктор Метц узнал, что в Сибири упал метеорит.

— Вот видите — нравоучительно говорил он Агапее, — а вы боялись. Всего лишь небесное тело.

— А с чего бы какой-то каменюке с небес на нас падать? Знамение это, знамо дело, за грехи наши. Три солнца на небе были и в кровавое воскресенье.

Павел Иванович не стал бороться с суевериями и объяснять полуграмотной крестьянке природу небесных тел и оптических явлений, а просто погрузился в чтение газеты.

Но её слова растревожили в нём гнетущее ощущение чего-то тягостного и неминуемого. Это походило на ожидание бури, предвкушение шторма, который вскоре сметёт всё на своём пути — именно это он видел в лицах своих студентов, молодых людей, которым опостылело жить по вековым порядкам отцов и дедов. Они не просто ждали перемен, а готовы были их исполнить. Но чём станет их новый мир, Павел Иванович не решался даже представить. Чувство, что грядёт перелом, после которого всё изменится и уже не вернется на круги своя, не покидало его.

Тяжёлые дни наступали и для самого доктора Метца — неумолимо приближалась дата векового юбилея его деда. За свои сто лет профессор Книпхоф успел пережить всех своих детей и потому ждал на торжества в свою честь пока ещё здравствующих внуков и правнуков.

В тягостных думах доктор Метц со своими дочерями и их нянькой выехал в Мюнхен. Он не хотел возвращаться в этот город, оттого что не желал вновь попасть под жесткий надзор деда, из-под которого вырвался лишь двенадцать лет назад, укрывшись в России. Невольно Метц принялся вспоминать всю свою жизнь и понял, что кроме Хельги ничего лучшего в ней не

было, а сейчас нет ничего важнее дочерей.

Для девочек же поездка в Германию стала настоящим приключением, впрочем, как и для их тёти Агапеи. Незнакомая страна, множество незнакомых людей, и все приходились близнецам то дядьями, то кузенами. Но главное, все они говорили на другом языке. Конечно, дважды в неделю Лиза и Саша рассказывали урок учительнице немецкого языка. Но одно дело учиться, а другое — разговаривать по-настоящему, а не с учительницей.

Но самое главное удивление ждало девочек, когда они впервые увидели свою троюродную тётю Иду. Сёстры не знали свою мать, даже фотографии от неё не осталось, но она всегда представлялась им такой же, какими были они сами, какой оказалась и тётя Ида — невысокого роста, зеленоглазая с рыжими кудрями и веснушками на круглом лице. Поразительное сходство удивило и всех собравшихся на торжестве родственников.

— Да, — сипловато протянул профессор Книпхоф, — как же похожи на мою покойницу-жену. Одна порода.

Прадедушка оказался маленьким полноватым старичком в круглых очках. Ходил он медленно, опираясь на тросточку, и постоянно шаркал. Волосы его были абсолютно белые, а за густой бородой еле проглядывало лицо. Было в прадедушке что-то страшное и до дрожи пугающее. Он совсем не выглядел как милый старичок.

Отец никогда не говорил Лизе и Саше, чем занимается их прадедушка. Зачем же понапрасну пугать девятилетних девочек? А ведь профессор Книпхоф был анатомом, известным на всю Европу специалистом в своей области. Как и философ Николай Фёдорович, Книпхоф любил костерить теоретиков и превозносить практиков, только делал это куда агрессивнее и с азартом. И не мудрено, ведь он успел застать времена, когда патологическую анатомию человека брезговали изучать тщательно, больше полагаясь на общие заключения. Восемьдесят лет своей жизни Книпхоф провёл в моргах, на кладбищах и в анатомических театрах, доказывая, что человеческое нутро порой выглядит совсем не так, как о том привыкли думать. Он занимался только тем, что резал мертвые тела, извлекал из них внутренности, описывал их и обучал этому ремеслу других.

Но пока девочки ничего этого не знали, хотя один вид деда заставлял их сердечки сжиматься в невнятном страхе.

Доктор Метц и сам инстинктивно сторонился собственного деда, но разговора тет-а-тет не избежал. Главным образом старика интересовало лечение цесаревича. Но услышав, что внук уже давно этим не занимается, Книпхоф просто взорвался от

негодования, отчего Метцу стало не по себе.

— Пауль, это просто позор нашей семье! Как ты мог уступить своё законное место какому-то шаману?

— Он не шаман, профессор, — покорно потупив взор, отвечал доктор Метц, — а ортодоксальный христианин. Он лечит молитвой. Не знаю как, но ему это очень хорошо удаётся.

— Что за чушь? Ты когда это успел стать таким религиозным? Может от проповедей этой Агапеи? Кстати, не из-за общения ли с ней мои правнучки так отвратительно говорят на родном языке?

— Русский тоже их родной язык. Поверьте, на нём они говорят безупречно.

— Но почем только на нём? Пауль, это просто неслыханное безобразие! Если ты не способен дать должное воспитание моим правнучкам, тогда дай мне сделать это самому.

Больше всего в жизни Пауль Метц опасался безграничного влияния деда. Именно в этом он видел главную причину, почему Ида осталась старой девой, и почему он сам почти до сорока лет не мог найти своего места в университетской и личной жизни. В научных кругах Европы для всех он был лишь внуком великого Книпхофа. Нет, доктор Метц вовсе не искал славы на хирургическом поприще. Он просто хотел жить собственной жизнью, без оглядки на одобрение профессором каждого его шага. Не хотел он того же и для своих дочерей, больше всего на свете не хотел.

— Пауль, — более мягким тоном обратился к нему Книпхоф, — зачем ты продолжаешь жить в этой варварской стране, если ты там уже не нужен? Здесь в Мюнхене не стреляют на улицах и никого не взрывают, и взрывать не будут. Потому что здесь Бавария, а не вольница для бомбистов.

— И вы хотите, чтобы я перевёз сюда своих детей?

— Да, я хочу, чтобы из моих правнучек выросли нормальные люди, получше иных внуков. Ты посмотри, кто сегодня сюда приехал…

— Ваши внуки и правнуки, профессор.

— Нет, приехали клерки, распорядители, — с брезгливостью перечислял Книпхоф, — торговцы и даже один писатель. Не этого я хотел для своей семьи. Только ты и Ида связали свою жизнь с медициной. Пауль, если бы ты только знал, как я ценю ваш выбор. А как я ценил твоего отца!.. Если бы он не был врачом и не проявлял интереса к инфекционным заболеваниям, я бы в жизни не выдал за него твою мать.

— Он и умер от тех самых инфекционных заболеваний, — мрачно напомнил ему Метц.

— Он пожертвовал собой, спасая людей во время эпидемии, Пауль. Даже я не могу похвастаться подобным. Ты же знаешь, живые люди меня мало интересуют. А его интересовали. И тебя интересуют, ведь так? Но что поделать, даже маленькие мальчики порой умирают от чрезмерной потери крови, тут уж ничего не поделать. А ты подумай, что будешь делать дальше, как жить и где работать. Подумай.

На следующий же день Павел Иванович с дочерями и Агапеей сел на поезд и отправился в Петербург. Даже думать о том, чтобы вернуться жить в Мюнхен, он не желал.

5

Мало что отвлекало доктора Метца в Петербурге от тоскливых мыслей. Работа подворачивалась редко, а свободного времени стало слишком много.

В один из дождливых дней Павел Иванович погрузился в чтение фантастического романа о цивилизации на Марсе. Тема показалась ему забавной и своевременной, ведь сейчас, когда астрономы всего мира наблюдали за великим противостоянием Марса и Земли, в газетах то и дело появлялись сообщения, что на красной планете видели странные вспышки, похожие на световые сигналы. Марсиане ли подавали их землянам или же это была лишь причуда природы, никто не знал. Но если верить писателю-фантасту, то на Марсе точно есть люди и там уже успел восторжествовать социализм. В его романе тяжелую работу за марсиан выполняли автоматы, а искусство не только ублажало взор людей, но и служило сугубо практическим целям. Детей же жители Марса воспитывали в духе рационализма, а все решения принимали коллективно, и от того на их планете больше не было места насилию. Одним словом — утопия.

Но кое-что в описанной марсианской цивилизации привлекло внимание доктора Метца: все жители этой планеты обменивались между собой кровью. Эту процедуру они называли обменом жизнью: юные давали свою кровь старикам и те получали с ней силу и молодость, а юные лишь преобразовывали свою природу от крови старших товарищей. Все жители красной планеты приходились друг другу братьями по крови, составляя чуть ли не единый организм. А главное — благодаря кровообмену марсиане обрели почти что вечную молодость.

Конечно, всё это лишь выдумка писателя. Но ведь доктор Метц уже слышал о чём-то подобном восемь лет назад в Лондоне, когда ему показали белую женщину Мери, которая утверждала, что пьёт только кровь и живёт уже много сотен лет. Не важно, правдивы её слова или нет, но в них, безусловно, что-то было. К тому же, мысль обретения бессмертия через кровь отчасти перекликалась с идеями «московского Сократа». После прочтения фантастической книги Павлу Ивановичу не давала покоя сама идея переливания крови. Что если это и есть путь к бессмертию?

Да, римскому императору Тиберию переливали кровь, но он всё равно умер. Так ведь и «переливание» в те времена было банальным питием крови — абсолютно бесполезной и вредной процедурой. Но с тех пор прошло много веков, и люди нашли способ переливать кровь из вены в вену. А не так давно врачи

узнали, что кровь всех людей на Земле разделяется на четыре группы, и потому можно безопасно осуществлять гемотрансфузию от одного человека другому не опасаясь осложнений или даже смерти.

Павел Иванович сильно сомневался в пользе крови гемофилика для здорового человека, но вот наоборот… Что-то подобное он уже слышал от деда, вот только всерьёз не задумывался над практическим применением такой теории — повода не было.

Когда с цесаревичем случилось носовое кровотечение, которое не могли остановить целый день, Павел Иванович и предложил порциальную трансфузию крови для восполнения потерянной. На все заверения о безопасности процедуры последовал лишь решительный отказ — императрица вновь предпочла помощь сибирского старца.

После этого Павел Иванович, наконец, осознал, что его присутствие при дворе в качестве лейб-медика-консультанта абсолютно бессмысленно. Зачем здесь нужна медицина, если новаторские способы терапии заменила молитва?

Недолго думая, доктор Метц попросил отставку и незамедлительно её получил. Он покидал больного мальчика с лёгким сердцем, зная, что при нём всегда будут врачи, способные помочь, а главное, старец Григорий, который попросит у Бога здоровья для цесаревича.

— Хороший ты человек, Павел Иванович, — на прощание сказал Григорий доктору Метцу, — но без Бога живешь. Неправильно это. Оттого в жизни и беды все. Не думай, что человек может Бога обхитрить, грешно это.

Странное напутствие растревожило доктора, но вскоре забылось. На следующий день он полностью погрузился в заботы, связанные с переездом из Петербурга. Доктор Метц всерьёз намеревался перебраться в Мюнхен, где старые знакомые уже пообещали ему место преподавателя в университете. Вопрос с жильем он думал решить на месте, а на первое время воспользоваться навязчивым гостеприимством деда. Но только на первое время.

Просторная квартира в исторической части Мюнхена досталась профессору в качестве глубочайшей благодарности от семьи одного высокопоставленного пациента. Здесь хватило места и доктору Метцу и его дочерям и даже их няньке. Помимо самого профессора в доме жила Ида, хотя большую часть дня она проводила в госпитале, где служила сестрой милосердия.

Чаще в доме профессора Книпхофа можно было застать Гертруду фон Альнхафт. Это была элегантно одетая дама с

изысканными манерами и подчеркнуто правильной речью. Своей прической и ухоженным лицом она показывала всем, что не намерена мириться с подступающей старостью. Но несмотря на все старания женщины, без труда можно было догадаться, что её жизненный опыт давно преодолел рубеж в шестьдесят лет.

Графиня фон Альнхафт принадлежала к той категории обедневших аристократов, у которых из всех унаследованных ценностей осталась лишь фамилия. В молодости она, отвергнутая свахами всех дворянских домов, связала свою жизнь с уже немолодым, но очень душевным и отзывчивым аптекарем. Их брак продлился недолго, и в тридцать лет графиня стала вдовой. Из живых родственников у неё остался только свёкор — старый придирчивый грубиян Книпхоф. Двадцать пять лет понадобилось графине, чтобы исчерпать до самого дня наследство покойного мужа, заложить дом и лишиться его. Дожив до этого страшного возраста — пятьдесят пять лет, графине перестало казаться, что профессор Книпхоф слишком уж невыносим. Так или иначе, за семь лет она прижилась в его доме, по вечерам развлекая Книпхофа разговорами на разные темы и игрой в шахматы.

Появление новых лиц весьма оживило застоявшееся болото профессорской квартиры. Графиня не могла устоять, чтобы не расспросить племянника покойного мужа о нравах далекой России.

— Не понимаю, как вы там жили, да ещё с детьми. Это ведь ужасно — в любой момент стать жертвой террористов. Наверное, эти несчастные отчаялись найти для себя справедливость, раз решились на убийства. Надеюсь, они щадят детей?

— Они живые мертвецы, — констатировал Метц. — Вряд ли таким людям присуще сочувствие и сострадание не то что к другим, даже к самим себе.

— Какой поэтический и пугающий эпитет вы им придумали, — восхитилась графиня, — «живые мертвецы».

— Это не эпитет, а факт. Революционеров судят и отправляют в ссылки, а они оттуда бегут и покупают поддельные паспорта, вернее паспорта уже умерших людей.

— Позвольте, но кто же может торговать такими вещами?

— Доктора при больницах, у которых умирают пациенты. Кто-то делает это из-за сочувствия идеям революции, кто-то просто из желания поживиться. А беглые революционеры присваивают себе имена покойников. Так с ними и живут, даже подписывают ими статьи в своих газетах.

— Какой кошмар! — поморщилась графиня.

— Революционеры, марксисты, — заворчал Книпхоф, ёрзая в своём кресле, — все они неучтенные пациенты психиатрических

лечебниц. Вот главная примета нашего времени — больные люди ведут за собой массы.

— Что вы такое говорите? — возмутилась графиня. — Вы же учёный. Как вы можете так категорично утверждать, будто все революционеры нездоровы. Вы что же, обследовали их на предмет душевных болезней?

— Революция и есть их болезнь, — резко рявкнул профессор, ибо крайне не любил, когда с ним спорят. — Человек, которому пришло в голову разрушить вековые устои явно ненормален. А если учесть, что ему ненавистны все, кто хочет жить по-старому, то революционер ещё и опасный психопат.

— Боже мой, — наигранно закатила глаза графиня, — вас послушать, так все прогрессивные умы безумны. Какой же вы ретроград.

— Я нормальный человек, — прошипел профессор, а его густая борода негодующе растопырилась во все стороны, — в отличие от того Ницше, которого вы почитываете. Да-да я видел у вас его книжонки! А знаете, что с ним случилось, когда он покончил с бумагомарательством? Его свезли в психиатрическую лечебницу, а там он стал пить собственную мочу из сапога да ещё орал благим матом и называл себя Фридрихом-Вильгельмом IV? Это был не философ, а больной человек!

— О, Боже мой, — простонала графиня, — господин профессор, лучше просто скажите, что вам не близки его взгляды. И не надо так упирать на ненормальность. Все гении были и будут не от мира сего. Не стоит их мерить в узких рамках нормальности.

— А вы, госпожа фон Альнхафт, — коварно улыбнувшись, предложил профессор, — хоть раз зайдите в психиатрическую лечебницу и пообщайтесь с тамошними обитателями, если санитары разрешат, а потом расскажете нам о гениальности буйнопомешанных.

— Не сваливайте всё в одну кучу, — обиделась графиня. — Я же не говорю, что всех больных нужно выпустить из лечебниц. Я говорю лишь, что Ницше нужно понять не столько умом, сколько сердцем. Его философия как музыка, упоительная и ослепляющая своей ясностью. Вы просто не умеете его правильно читать.

— Да что вы? Зато я умею читать истории болезней. Будь я священником, то сказал бы, что Ницше был одержимым нечистой силой, которая надиктовала ему грязные книжонки. Может он и при виде распятия шипел и изгибался в корчах, как знать. Но я медик и потому вижу самую что ни на есть прямую связь между его, так сказать, философией и последовавшим за ней помешательством.

— Ницше действительно был не в ладу с христианством, — согласился с дедом Пауль Метц. — Графиня, вам ведь лучше известно, что он писал: есть боги, но нет Бога, а Бог лишь предположение. Широкая душа есть жалкие угодья. Война свершила больше великого, чем любовь к ближнему. Благо войны освящает всякую цель. Нищих следовало бы уничтожить. Милосердные лишены стыда и потому противны Ницше.

— Такая философия вам нравится, графиня? — вопросил Книпхоф. — Это философия не разума, а вырождения.

— Если долго вглядываться в бездну, бездна начнёт вглядываться в тебя, — процитировал Метц, отрешенно улыбнувшись. — Жутковато, не правда ли?

— А это его «Бог умер»? Это глупо даже для философии, такое мог написать только дурак. — Профессор повернулся к Гертруде и, хитро сощурившись, заметил. — Неплохой повод задуматься: а чего стоит такая дегенеративная философия?

— Дегенеративная?! — оскорбленно воскликнула фон Альнхафт.

— Да, любезная, именно что дегенеративная. Кстати, учение так любимого вами Фройда тоже не что иное, как дегенерация под видом научной дисциплины.

Такого поругания своих кумиров графиня не смогла стерпеть, но вместо того чтобы возразить, лишь задохнулась от негодования.

— Фройд настоящий шарлатан, — продолжал нажимать Книпхоф. — Вы хоть знаете, что все свои теории он сочинил после работы с душевнобольными?

— Это гениальнейший человек, — твердо и уверено заявила графиня. — История, господин профессор, нас рассудит. Когда-нибудь имя Фройда встанет в один ряд с Коперником и Дарвином.

— Не сомневаюсь. Достойная компания. Первый сказал, что человек отныне не центр космоса, второй — что человек есть животное. А сам Фройд видимо считает это животное похотливой тварью, у которой только одно на уме.

— Но почему же нет? — удивилась фон Альнхафт, — разве всем живым на планете не движет инстинкт размножения?

— Самое главное, что движет живыми существами, это желание поесть, — безапелляционно заявил Книпхоф. — Что-то давно в Европе не было голода. Люди подзабыли, что это такое и от сытой жизни начали выдумывать всякий бред про сношения с матерью и оскопление отца.

— Нет, — не унималась графиня, — либидо и есть движущий инстинкт человека.

— Гертруда, — недовольно воззрился на неё Книпхоф, — попробуйте для интереса не поесть дня три. Потом расскажете нам, о чём вы думали всё это время, желательно подробно и с рецептами. Тоже мне, выдумали движущий инстинкт. Крестьянин — вот кто на самом деле является двигателем цивилизации. Без него в городах не будет еды, и все эти орды психоаналитиков взвоют от голода, станут рыскать по городу в поисках чего-нибудь пожевать, а потом пожрут друг друга, наплевав на все приличия и врожденный гуманизм. Ни один горожанин не знает, как правильно держать плуг, с какой стороны доить корову и как растить брюкву. Крестьянин — вот столп цивилизации, он её фундамент. Не будет его, всё рухнет, и мир погрузится в варварство. Крестьянин есть основа и первопричина всего, понимаете графиня, крестьянин, который кормит наши желудки, а не бордельная шлюха, что ублажает чей-то половой инстинкт. Нет никакого эдипова комплекса. Любой нормальный ребенок привязан к матери только потому, что она его мать. Если сам Фройд когда-то и желал собственную мать, это ещё не повод утверждать, что все люди хотят того же. Не надо приписывать свои извращённые мании другим, да ещё утверждать, что это нормально. Болезнь не может быть нормой. Если Фройд всерьёз считает, что всё в этом мире вращается вокруг полового инстинкта, то ему самому стоит подвергнуть себя психоанализу. Себя, а не нормальных людей.

— Вы совершенно неправы, — обиделась графиня. — Вы не умеете читать ни Ницше, ни Фройда.

— Да что вы говорите?! Я-то как раз очень даже умею. Фройд называет свою писанину научной теорией, а я категорически заявляю, что и тени научности там нет и не было.

— Ах вот оно что! Значит, в вас говорит ревность академического учёного.

— А в вас говорит глупость, — отмахнулся Книпхоф, — А может вас одурманил какой-то психоаналитик? Они это могут даже без гипноза. Простыми разговорами вас могут завести в такие дебри сознания, что и не отличите мысли такого мошенника от собственных.

— Послушайте, профессор, — вскипела графиня, — я вам не маленькая девочка и не одна из ваших студентов. Нечего учить меня жизни! Я взрослая женщина и сама могу выбирать, что читать и как жить.

— Да ради Бога! Но если ещё раз заведёте в этом доме разговор о фройдистских глупостях, я запрещу подавать вам обеды и ужины в пере воспитательных целях, — серьёзно заявил Книпхоф, сложив руки на круглом животе. — Вы поняли, я буду

морить вас голодом, пока вы не проникнитесь самым главным инстинктом любого живого существа.

6

Шли годы. Доктор Метц всё больше погружался в работу, целыми днями пропадая в мюнхенском госпитале и в университете, где успел получить звание профессора. Лиза и Саша, ставшие в Баварии Лили и Сандрой, исправно ходили в школу и понемногу привыкали к прадедушке, пока и вовсе не перестали его побаиваться. А Агапея даже немного выучила немецкий язык, хотя говор её не был образцовым.

Вот только профессор Книпхоф недолюбливал старую крестьянку. Даже графиня, её ровесница, не держалась с Агапеей высокомерно. Книпхоф же постоянно упирал на дурное деревенское влияние, которая та оказывала на близнецов. Метц пытался объяснить деду, что его девочки не только немки, но отчасти и русские и латышки, и нет ничего плохого, если они будут знать язык, обычаи и веру своих дедов.

— Черт с ней, с верой, — разорялся Книпхоф, — но почему у них пост чуть ли не каждую неделю? Дети должны полноценно питаться.

— Профессор, они и так не выглядят худышками. Выходит, это питание им вполне подходит.

Но Книпхофа всё равно не устраивало влияние няни на рацион правнучек, и терпел он её только потому, что она приходилась близнецам родственницей.

Да и сама Агапея не жаловала старого профессора:

— Ворон потому триста лет живёт, что по полям брани летает и мертвечину склёвывает, — как бы невзначай сказала она доктору Метцу, пока тот читал газету за утренним кофе. — Чужая смерть — жизнь ему.

Доктор Метц только подивился ходу её мыслей.

— Агапея Тихоновна, с чего вы взяли, что ворон может столько жить?

— Так ведь в народе это испокон веков известно, — ответила она, продолжая махать тряпкой по пыльным полкам.

— Ваша народная мудрость не более чем суеверие. Ворон это не попугай, больше семидесяти лет он не проживёт. А на воле и того меньше. Так что, не выдумывайте.

Сказав это Метц остался доволен собой — рациональное знание должно искоренять житейские вымыслы. Однако он прекрасно понял витиеватый намёк старой крестьянки на долголетие деда и его специфическую работу.

Тут-то он и задумался: а что если близость профессора к мертвецам каким-то неизвестным образом повлияло на

продолжительность его жизни? Что если в природе существует пока ещё не открытый никем механизм, где жизнь есть постоянная величина? Тогда смерть есть лишь её отсутствие, а сама жизнь как субстанция способна покидать одно биологическое тело и перетекать в другое. Такая теория могла бы объяснить, почему Книпхоф в свои сто с лишним лет здоров как бык и вынужден притворяться немощным, чтобы хоть как-то привлечь внимание родственников.

Рассуждения о природе жизни и смерти заставили доктора Метца вспомнить о напутствии «московского Сократа». Воскрешение усопших и идея победы жизни над смертью занимали его мысли с тех самых пор, как умерла Хельга. И новый повод для размышлений о вечном ему дал гость из Туманного Альбиона — верный ученик и последователь профессора Книпхофа — сорокапятилетний доктор Рассел.

Он приехал в Мюнхен специально для серьёзного разговора с доктором Метцем, но тот поймал себя на мысли, что не хочет видеть Рассела, памятуя, что для англичанина понятие врачебной этики лишь пустой звук. Но Рассел настоял на разговоре, от которого доктор Метц не смог уклониться.

— Почему вы меня избегаете? — спросил его гость. — Не так часто нам приходится видеться. Почти двадцать лет прошло с вашего визита в Лондон. Тогда я был моложе, да и вы не были профессором.

— Что сейчас с той белой женщиной? — поинтересовался доктор Метц.

— С Мери? — не выказав удивления, переспросил Рассел. — Ничего особенного. Она по-прежнему с нами. Общество, знаете ли, было вынужденно переехать из Лондона и поселиться в загородном особняке. Разумеется, я забрал Мери туда. В подвале для неё оборудовали удобную комнатку.

— Вы держите её в подвале?! — поразился доктор.

— Конечно, — как ни в чём не бывало подтвердил Рассел. — Вы же знаете, она не выносит солнечного света. Когда Мери жила в моей квартире, мне пришлось поставить в лаборатории глухие ставни.

— Я думал, вы собираетесь отпустить её.

— Нет, что вы. Тот реабилитационный комплекс, что написал для Мери ваш дед пока ещё рано опробовать.

— Почему?

— Потому что я привёз вам кое-что. — С этими словами доктор Рассел вынул из саквояжа банку, где в растворе плавало до боли знакомое доктору Метцу шишковидное тело. — Полагаю, предыдущее вы давно расщепили на сотню кусочков и окунули в

десятки реактивов. Так что держите новое. И продолжайте исследовать.

Рассел поставил склянку на стол и придвинул её удивлённому доктору Метцу, но тот не решился к ней даже прикоснуться.

Один вид комочка нетленной плоти пробудил в его памяти страшные воспоминания: кричащая Мери, длинный крючок, уходящий вглубь её ноздри, чёрная кровь на абсолютно белой коже и шишковидная железа, подцепленная крючком. Ни один научный эксперимент не стоил таких страданий для живого существа, кем бы оно ни было.

— Нет, доктор Рассел, — резко заявил доктор Метц, — у меня полно работы в университете. Мне некогда заниматься… этим.

Англичанин недовольно передернул плечами и заметил:

— Послушайте, профессор Метц, Общество давно не спрашивает, чего вы хотите, а чего нет. Тогда в Лондоне вас предупреждали, что обратного пути не будет. Но вы на него ступили.

— Увы… — вздохнул доктор Метц, соглашаясь.

И Рассел одобряюще улыбнулся:

— Когда-то вы говорили, что смерть — это лишь клеточная патология. Стоит изменить механизм, и смерть обратится вспять.

— Это лишь теория, умозрительное предположение. У меня нет практического решения этой задачи.

— Но вы же знаете, что оно может найтись, — и Рассел подвинул банку с железой ещё ближе к доктору, — стоит лишь понять, что делать с этим. Вы же знаете, я вас не тороплю. Работайте, сколько потребуется, материал я вам предоставлю, только попросите.

— И вы опять выскребете мозг той несчастной женщине?

На лице Рассела отразилось недовольство таким прямолинейным вопросом, и холодным тоном он заявил:

— Вы же знаете, регенерация её организма абсолютна.

— И сколько раз вы уже удаляли ей шишковидное тело? Два, три, четыре? Или вы делаете это раз в год? Я просо хочу понять, есть ли предел её выносливости и вашего бессердечия?

— Не драматизируйте. В конце концов, Мери преступница и искупает свою вину с пользой для науки.

— А в чём повинен я?

— Ни в чём. Напротив, Корона благодарна вам за службу при правнуке покойной королевы. Но ещё больше мы будем вам благодарны, когда вы получите пресловутый эликсир бессмертия. Хотя, по праву первооткрывателя можете назвать его как угодно.

Когда Рассел покинул квартиру, доктор Метц впервые за

долгие годы обратился к деду за советом. Он не знал что делать. Давнее напутствие «московского Сократа» говорило ему продолжить исследование, но тяжёлые воспоминания об измученной жительнице подземелий диктовали порвать все связи с альбионским Обществом.

— Знаешь, Пауль, — полусонно протянул профессор, сидя в своём любимом кресле, — больше полувека я бьюсь над этой загадкой: почему кому-то отмерено лишь тридцать лет жизни, а кто-то ходит по земле столетиями, не старея ни на день? Вот минул век, как я живу на свете, но я ни на шаг не приблизился к пониманию самой главной тайны мироздания. И уже вряд ли её разгадаю. Тебе лишь пятьдесят три года и ты в силах закончить эту работу за меня. Так что не отказывайся от предложения Рассела и прими его дары.

Никогда доктор Метц не стремился вершить великие дела и делать научный открытия, полагая, что это совсем не его призвание. Просто некогда Николай Фёдорович зажёг в нём искру сомнения в том, что природу нельзя преобразовать. А Рассел и вовсе показал, что в природе обитают существа, о которых ранее и помыслить было трудно. Только профессор Книпхоф признался честно, что не знает секрета бессмертия и даже не надеется его отыскать. Зато он желал, чтобы Метц узнал это секрет сам.

— Профессор, — попытался отговорить его доктор Метц, — я не уверен, что судьба отмерила мне тот же срок, что и вам.

— Ничего страшного. У тебя самого есть дети…

— Вы что же, — не поверил своим ушам доктор Метц, — хотите, чтобы Лили с Сандрой занялись медициной?

— Да нет же, торопыга, всегда ты меня не дослушиваешь! Какая медицина для этих четырнадцатилетних кокеток? Лет через пять ты выдашь их замуж за своих учеников, которые будут в состоянии продолжить наше семейное дело. Ты же преподаёшь в университете. Чего проще найти и воспитать толкового преемника своих идей. Главное, чтобы он вошёл в нашу семью. Тогда тебе и не придётся сомневаться в его верности.

— Вы уверены?

— Конечно. С твоим отцом всё вышло именно так.

Доктор Метц призадумался над словами деда. Конечно, единомышленника и продолжателя можно найти и среди своих учеников. Но подавлять волю дочерей и выдавать их замуж за нужных, но нелюбимых людей он точно бы никогда не стал.

После того разговора доктор Метц всё чаще вглядывался в лица своих студентов, ловил их малозначимые фразы, задавал им осторожные вопросы. Но молодых людей больше интересовало убийство эрц-герцога в Сараево, чем занятия по анатомии.

Отовсюду то и дело раздавался тревожный шепоток, что вскоре начнётся война между Австро-Венгрией и Сербией. Самые смелые предсказатели говорили, что германский император вступится за австрийских соседей, а русский царь — за сербских единоверцев.

— Нет, — уверено заявлял на это доктор Метц, — российский император не станет начинать войну, защищая цареубийц.

Через месяц, когда русские войска вторглись в Восточную Пруссию, профессор Книпхоф удостоил внука ехидным замечанием:

— Плохо же ты его знал. Хотя, чего ещё ожидать от дурака?..

Доктор Метц опешил от таких слов, даже не нашёлся, что возразить.

— А кто он, русский император, если не дурак? — продолжал Книпхоф. — Женился по любви, видите ли. А какое он имел на это право, а? Он же монарх, а монарх должен руководствоваться во всех вопросах только интересами своей державы, даже в выборе жены. Особенно в выборе жены. Разве никто не говорил ему, что гессенский дом болен? Что, никто не знал, что брат принцессы Алисы умер, потому что страдал от гемофилии? Нет, этот Николаус просто дурень…

— Профессор, — скорбно обратился к нему доктор Метц, — пожалуйста, перестаньте.

— Нет, он дурень, — настаивал старик. — Ладно, дочь германского императора больна порфирией. Но ведь ей не наследовать престол. А доживёт ли тот больной мальчик Алексиус до собственного царствования?

Но этот вопрос недолго занимал мысли доктора Метца. С началом войны в дом Книпхофа нагрянули баварские власти и объявили, что все подданные российской короны должны покинуть территорию Германии в ближайшие дни. Услышав это, доктор Метц спал с лица:

— Но как?.. — от нахлынувшего волнения еле выговорил он. — Это же мои дети. Что вы такое говорите, почему нужно высылать?

— Идёт война, профессор Метц, — чеканя каждое слово, изрёк чиновник. — Германская империя объявила России войну. Все российские подданные отныне наши враги.

— Вы что же, считаете, что мои пятнадцатилетние дочери могут оказаться русскими шпионками?

— Речь идёт вовсе не о ваших детях. Они такие же подданные империи, как и их отец. Нам известно, что в вашем доме проживает некая… — чиновник вынул из кармана постановление и с трудом зачитал, — Агапея Куликова.

Все заверения о родственных связях на полицию не подействовали. Согласно директиве, Агапея была российской подданной, и её надлежало арестовать и выслать на родину как можно скорее.

Бедная женщина так и не поняла, что происходит, почему её заставляют собрать свои вещи и немедленно покинуть дом. Доктор Метц намеривался проводить её, но полиция ему этого не позволила. На пороге он лишь обнял Агапею и сунул ей в карман все деньги, что были при нём и наказал написать, как только она прибудет в Россию.

Когда девочки вернулись из школы домой, отец рассказал им о случившемся, не скрывая горечи и сожаления. После бессонных, полных слёз ночей близнецы уяснили для себя, что пока идёт война, в Германии нельзя быть русским. С тех пор доктор Метц и заметил, что Лиза и Саша перестали говорить друг с другом по-русски на людях, и только дома наедине и шепотом делились секретами на первом родном языке, пока ещё без акцента.

Проходили месяцы, а от Агапеи не было вестей. Отчаявшись, доктор Метц написал письмо старым знакомым в Иллукст с просьбой о помощи. Но письмо вернулось обратно — его принёс чиновник тайной полиции и пригрозил доктору Метцу арестом и судом за поиски связи с врагом. Больше Пауль Метц писем в Россию не писал, решив отложить поиски тётки покойной жены до окончания войны.

В конце года профессора Метца призвали в тыловой госпиталь хирургом. С тяжёлым сердцем он попрощался с дочерями. После высылки тёти Агапеи, девочкам было несказанно тяжело расстаться ещё и с отцом.

— Приглядывайте за дедушкой, — ласково наказал им доктор Метц, — слушайтесь тётю Гертруду. И пишите мне, обязательно, раз в неделю.

После отъезда отца для Лили и Сандры наступили безрадостные дни, ведь уехала в саксонский лазарет и любимая, всегда ласковая тётя Ида. В доме остались только чересчур легкомысленная для своих лет графиня фон Альнхафт и постоянно ворчащий прадедушка.

— Где мой сюртук? — спрашивал он Сандру, недовольно расхаживая по комнате.

— Да вот же, в шкафу.

— Давай сюда.

— Дедушка, ты собрался гулять? — осторожно поинтересовалась Лили, наблюдая, как прадед суетится у зеркала. — Но ведь ещё рано.

— Нет, мне нужно в морг.

— Зачем? — спросила Сандра.

— Зачем-зачем… Надо. Сегодня туда привезли каменщика с гигантской опухолью в животе. Говорят, она потянет килограммов на сорок. Будь я проклят, если не увижу это собственными глазами.

— Но ты ведь не пойдешь туда один? — с надеждой вопросила Лили. — Нам надо тебя проводить…

— Что, — озорно хихикнул старик, — тоже хочешь посмотреть на покойников?

— Нет, не хочу! — чуть не взвизгнула юная девушка.

— Но тебе нельзя идти одному, — принялась отговаривать его Сандра. — Мы тебя проводим, но подождем на улице, хорошо?

— Долго придётся ждать.

— Ой, дети, — вальяжно протянула графиня, — оставьте своего прадеда в покое. В немецком языке нет таких слов, чтобы переубедить этого упрямца.

— Вот именно, — вторил ей Книпхоф, — сидите дома, учите уроки.

— Нет, дедушка, мы всё же пойдём с тобой.

— Ну ладно, — с явным недовольством сдался прадед, — только переодевайтесь быстрее, модницы.

Когда Лили поменяла платье и вышла в коридор, то профессора там уже не застала, только отметила, что его трость одиноко стоит в подставке для зонтов.

— Лиза! — крикнула ей из комнаты Сандра, — ты смотри…

Девушки прильнули к окну, наблюдая, как их прадед бодрым шагом идёт по улице, едва не срываясь на бег. До сего момента они и подумать не могли, что профессор в свои сто шесть лет не настолько стар, как порою хотел казаться.

7

Один месяц сменял другой, а война продолжалась уже второй год и не думала заканчиваться. Никто не мог сказать вразумительно во имя каких идеалов и благ она была затеяна. Это была страшная война, где машины несли людям смерть, пули разрывали плоть, газы отравляли тело, а снаряды разносили его на куски. Слишком много смертей было на полях сражений, слишком много горя было в мирных городах.

А в юные девичьи головки Лили и Сандры Метц закралась авантюрная мысль — сбежать из дома и стать сёстрами милосердия в лазарете, где служила тётя Ида, чтобы вместе с ней помогать раненным. Вот только возраст не позволял семнадцатилетним девушкам пуститься в далекое путешествие и начать самостоятельную жизнь. Близнецам было обидно и досадно, что в семнадцать лет мальчики бросали школу и записывались добровольцами на фронт, а они всё равно не могли добровольно работать в лазарете.

— Дедушка, — в один из вечеров спросила его Сандра, — а ты бы гордился, если бы мы с Лили стали сёстрами милосердия?

— Гордился бы? — прокряхтел Книпхоф. — Конечно! Ваша тётя Ида уже двадцать пять лет служит сестрой. Сразу видно, моя внучка. И вы, когда подрастёте и послужите, тоже станете настоящими правнучками Книпхофа. А потом замуж! За докторов, хирургов, на худой случай, за биологов.

Эти слова окрылили близнецов. А через пару недель их мечта стала близка к исполнению, когда утром Лили не добудилась прадеда. На сто восьмом году жизни профессора Книпхофа не стало.

— Какая лёгкая смерть во сне, — меланхолично заметила графиня. — Всем бы такую.

Похороны вышли странными. В самый разгар войны, когда армия терпела одно поражение за другим, присутствовать на них смогли только с десяток родственников и семь учеников профессора, остальные же слали телеграммы с соболезнованиями. Но самым неожиданным стало известие, что профессор Книпхоф завещал своё тело родному университету для изучения причин собственного долголетия. Так, после панихиды его тело увезли, а в могилу опустили лишь пустой гроб, после чего все присутствующие спешно разошлись по домам.

Нося траур, сёстры Метц стали всё чаще задумываться о побеге. Жить втроём в одной большой квартире с графиней, которая то и дело норовила замучить их своими воспоминаниями

о былом великолепии аристократических семей, становилось всё скучнее и тоскливее.

И наконец, они решились. Взяв с графини слово, что она ничего не напишет отцу, а все письма от него будет переправлять в лазарет, Лили и Сандра покинули дом и отправились в Саксонию. Каково же было удивление тёти Иды, когда она увидела на пороге лазарета своих племянниц.

— Что же я скажу вашему отцу? — бессильно спросила она, глядя в лучащиеся глаза близнецов.

— А ты ничего не говори. Тётя Гертруда тоже обещала не говорить.

— Моё начальство не разрешит вам здесь остаться. Вам ведь всего семнадцать лет.

— Но ты же старшая сестра, — начали в унисон упрашивать её Лили и Сандра. — Скажи, что мы уже совершеннолетние. Мы будем стараться честное слово. Будем делать всё, что ты скажешь. Только не отправляй нас домой.

Ида лишь покачала головой и согласилась всё устроить. Что ей ещё оставалось делать, если в близнецах взыграла дедова кровь и они поняли, что без помощи ближним не проживут и дня.

Работа сестёр милосердия оказалась не из лёгких. На суточных дежурствах приходилось неустанно следить за состоянием больных, внимать всем их жалобам и докладывать о них доктору. А ещё нужно наблюдать за состоянием ран, делать перевязки, давать лекарства, менять нательное и постельное бельё и многое другое.

Но ещё тяжелее было сидеть у постели умирающего. В такой момент было непросто подобрать слова успокоения, чтоб облегчить агонию и помочь совсем юному парнишке или отцу семейства во цвете лет уйти в лучший из миров, где больше не будет газовых атак и разрывов снарядов.

Чтобы не вводить в замешательство больных, близнецы дежурили в разные смены, из-за чего их принимали за одного человека — сестру милосердия, что неустанно трудилась и день и ночь. Их так часто называли дочерями Иды, что девушки устали это отрицать.

Порой раненые солдаты просили сестёр написать за них письма домой. Особенно в этом деле преуспела Сандра, выработав ровный каллиграфический почерк. А письма родному отцу близнецы отправляли в двух конвертах в Мюнхен, где их получала тётя Гертруда. После того как она снимала конверт с саксонским штампом, графиня несла чистый подписанный сёстрами конверт на почтамт, где на него ставили баварский штамп и письмо отправлялось в госпиталь, где служил доктор

Метц. Но, в конце концов, такая цепь ухищрений всё же дала сбой.

Прошло полгода, прежде чем Пауль Метц узнал правду о том, где находятся его девочки. Он пришёл в ужас, когда в одном из писем графиня случайно проговорилась, что дома их нет. Не медля и секунды, он тут же попросил телефониста связать его с лазаретом.

— Ида, как ты могла?! — восклицал в трубку доктор Метц. — О чём ты только думала, когда разрешила такое? Они же ещё дети!

— Пауль, уймись, — пыталась успокоить его кузина, — ничего страшного же не произошло.

— Ладно, дед задурил им головы, но ты!

— При чём тут дедушка?

— Ты же прекрасно его знала, зачем же спрашиваешь? Или ты забыла его высокопарные речи о необходимости врачебного служения людям? Будь хоть хирургом, хоть повитухой, но оставайся верен идеалам семьи. Неудивительно, что за восемь лет общения с дедом, Лили и Сандра поддались на его пропаганду. Но его больше нет, и с него не спросишь. Поэтому я спрашиваю у тебя — почему мои дети в лазарете? Они же совсем ещё юные девочки. Зачем им смотреть на кровь, гной, выносить судна и видеть каждый день смерть? Ида, мы с тобой зрелые люди, но они… Зачем им так рано взрослеть?

Ответа он так и не услышал. Доктор Метц и сам понимал, что свершившегося уже не исправить. Когда он вновь увидит своих дочурок, в их лучистых зеленых глазах уже не будет детской доверчивости. Его встретят повзрослевшие женщины с юными лицами и без наивных надежд. Не этого он желал для своих дочерей.

Первым же делом доктор Метц воспользовался своими связями и ходатайствовал о переводе Лили и Сандры в госпиталь под собственный неусыпный надзор.

Воссоединение семьи было бурным и радостным. Доктор с удивлением и восхищением смотрел, как изменились его девочки за те два года, что он не видел Лили и Сандру. Фигуры их стали ещё женственнее, с лиц пропали былые детские черты. Раньше он и подумать не мог, что у его дочерей может хватить сил и терпения каждый день быть при больных и умирающих. Но теперь он убедился, что призвание к врачеванию у его семьи действительно было в крови.

Со всем усердием сёстры преступили к работе на новом месте. Каждая стремилась показать отцу свою прилежность и старание, и тем самым заслужить его похвалу и внимание, но не

только его одного. Ведь при докторе Метце неустанно служил писарь — очень красивый молодой человек. Смуглая кожа, карие глаза, тёмные волосы, правильные и тонкие черты лица — он казался прекрасным чужестранцем из чарующей южной страны. Но имя его было самым обыкновенным — Даниэль Гольдхаген — и до войны всю свою жизнь он провел в Баварии.

Благодаря госпитальным пересудам сёстры узнали, что молодой человек был сиротой и никогда не знал своих родителей, но в интернате, где он воспитывался, ходили упорные слухи, что его отцом был юный сын некоего барона, а матерью была молодая и прекрасная еврейка из очень религиозной семьи. Но плод страстной и скоротечной любви не был нужен ни аристократической родне, ни иудейской, скрывшей от общины сам факт позора их дочери, и вскоре выдавшей её замуж за подходящего жениха. Впрочем, был и другой слух, где матерью Даниэля была проститутка, не пожелавшая прерывать карьеры из-за рождения ненужного ребёнка.

Но всё это было лишь неподтверждёнными домыслами. Достоверно сёстрам было известно лишь то, что в 1912 году Даниэль Гольдхаген поступил на медицинский факультет Мюнхенского университета, но не успел окончить обучение, так как был направлен на службу в госпиталь. Для их отца молодой писарь стал не только прилежным учеником, что жаждал новых знаний, но и приятным собеседником, с которым можно было обсудить и научные теории, и житейские проблемы.

— Несчастный мальчик, сирота, — говорил дочерям о Даниэле доктор Метц, — никогда не знал ни матери, ни отца. Как же ему не хватает семьи и заботы. А как мне не хватало вас. Если б не Даниэль, не знаю, как бы я справлялся с нахлынувшей тоской. Но вот приехали вы, значит, будет мне ещё одна отрада. А точнее, две.

— А Даниэль, что же, стал тебе как сын? — поинтересовалась Лили.

— Неужели ревнуешь? — мягко улыбнулся доктор Метц, отчего дочь зарделась и потупила взор. — Он добрый, незлобивый, очень мягкий юноша. Не обижайте его.

— А мы и не думали ничего такого. Раз он твой ученик, стало быть, нам всем надо подружиться.

С этими заверениями близнецы отправились на поиски писаря. За две недели в госпитале они успели не только освоиться с новыми сестринскими обязанностями, но и поддержать знакомство с учеником отца. Вот только Даниэль постоянно путал близнецов, как ни старался, не мог различить, кто из них есть кто. Когда ему встречалась Сандра, он упорно

принимал её за Лили, а когда находил Лили, вместе они скрывались подальше от шума госпитальных коридоров и мило беседовали о разном. А Сандра лишь смущено улыбалась при виде Даниэля и не забывала, что она лишь младшая сестра.

8

Наступил тяжёлый 1917 год. Казалось, Европа возненавидела всё немецкое, что есть на свете, даже собственные столицы и фамилии. Ганноверы стали Виндзорами, а Баттенберги — Маунтбаттенами. Даже Санкт-Петербург переименовали в Петроград.

Из штаба распространялись мрачные слухи, что армия не переживёт весенней кампании — ослабленная, она неминуемо будет разбита. Но в марте из Российской империи пришли вести, что военные устроили переворот и Николай II отрёкся от власти. Временное правительство дезорганизовало русскую армию, а потому на Восточном фронте ещё не всё было потеряно. Агония германской армии затягивалась.

А Лили постигло страшное горе — Даниэля отправляли на фронт в полевой госпиталь санитаром. Даже доктор Метц не смог повлиять на решение госпитального начальства — на фронте не хватало рук, чтоб выносить раненных с поля боя.

— Мне так страшно. А если он не вернётся? — плакала Лили на плече у сестры. — А если в него выстрелят, когда он будет спасать солдат?

— Зачем ты говоришь о плохом? — строго пожурила её Сандра. — Не думай так. Он вернётся.

Даниэль уехал, пообещав писать Лили каждый день, но на деле выходило куда реже. Каждый вечер после смены Лили перечитывала послания возлюбленного, делясь каждой строчкой с сестрой. Сандра слушала и радовалась за Лили. Она не сомневалась, когда закончится война, Даниэль и Лили обязательно поженятся.

Когда красная пентаграмма стала гербом России, новое большевистское правительство поспешило капитулировать перед слабеющей германской армией. Война с Россией закончилась, и доктор Метц принялся писать письма большевистским властям в надежде узнать хоть что-то о судьбе Агапеи Тихоновны. Но те отвечали, что ничего о таковой не знают и знать не хотят. Из Курляндии пришёл схожий ответ.

А обитатели госпиталя столкнулись с новыми испытаниями. Невиданная ранее болезнь косила выживших после боёв солдат. Кто-то умирал быстро, не успев ничего понять, а кто-то мучительно и долго. Доктора не знали, откуда пришла эта напасть, как она называется и как её лечить.

В один из дней доктору Метцу сообщили, что Сандра почувствовала себя плохо. Она не смогла внятно объяснить отцу,

что с ней происходит — просто пульс стал очень редким и едва прощупывался. По настоянию доктора Метца ей дали день отдыха, но с постели Сандра так и не встала. Её изводил жар, ужасно болела голова, все мышцы словно скрутило, даже глазами было тяжело повести из стороны в сторону.

Доктор Метц внимательно осмотрел дочь и диагностировал воспаление верхних долей обоих лёгких. Он прекрасно знал, что это означает, но даже боялся подумать, что ждёт его девочку. Доктор Метц видел уже с полсотни смертей от этой заразы, и всегда она протекала одинаково, забирая молодую жизнь на двенадцатый день.

Сандру душил мучительный кашель, порою кровь шла горлом и носом. Бессонница сменялась забытьем, изредка прерываясь бредом. Целыми днями Лили сидела у кровати сестры и плакала, не в силах сказать и слова. Приближался двенадцатый день, за ним наступил тринадцатый, а потом и четырнадцатый. Кризис минул.

Выздоровление было долгим и мучительным. К собственному удивлению и отчаянию, Сандра поняла, что больше не чувствует запахов — ни сильных, ни слабых. Тяжёлая болезнь всё же оставила ей жизнь, но лишила одного из пяти чувств.

Только когда Сандра немного окрепла, доктор Метц сообщил ей, что тётя Ида умерла. В разгар дневного дежурства на неё навалилась сильная усталость. Она успела лишь присесть на стул и закрыть глаза. Больше она не проснулась.

— Как же так, папа!? — захлебывалась слезами Сандра. — Ведь я болела совсем по-другому.

Доктор Метц это прекрасно понимал. Он подозревал, то, что прозвали «испанской болезнью» зачастую путали с чем-то иным, более зловещим и стремительным. Как бы ему не было важно, от чего на самом деле умерла Ида, никто ему этого не скажет и не захочет разобраться. В те дни людей умирало слишком много: от гриппа, неизвестной болезни, пуль, газа или карательных казней. И именно тогда страшная новость пришла с Урала — революционные власти убили царя и его семью — расстреляли в подвале и взрослых и детей. Кажется, только в войну люди звереют от крови настолько, что готовы творить зло не только на передовой. Пройдут ли эти времена, излечатся ли люди от жестокости, когда закончатся все битвы? Излечатся ли они от странной «испанской болезни» и чего-то иного, неназванного? Ведь мор поразил каждого пятого жителя планеты, а скончался от него уже миллион человек — столько не полегло даже на поле боя за всю войну.

Из-за этого Лили всё боялась отойти от постели Сандры,

страшась, что той снова может стать плохо, ведь слабость во всем теле долго не проходила.

— Не надо так переживать, — успокаивала её Сандра, — всё хорошо. И мне уже лучше. Ты только не плачь.

— Сашенька, мне было так страшно, — шептала Лили, не выпуская руку сестры из своей. — Я боялась, что ты… что я… что половины меня не станет, а мне придется жить одной и без тебя. Тогда бы я сама была живой лишь наполовину. Я бы стала ходячим мертвецом без тебя.

Как не успокаивала Сандра сестру, сколько не говорила, что худшее миновало, но Лили не могла побороть собственные страхи за сестру и саму себя.

Вскоре из госпиталя Сандру Метц отослали поправлять и восстанавливать утраченные силы домой, где её ждала лишь тётя Гертруда.

А война близилась к своему неумолимому финалу, и у армии больше не было необходимости в мобилизованных докторах и сёстрах. Вскоре и отец с Лили возвратились в Мюнхен. Профессор Метц вернулся к преподаванию в университете, и не прошло и месяца, как в городе объявился и его главный ученик.

— Лили! — со взглядом полным любви Даниэль Гольдхаген метнулся к девушке, завидев её на улице.

— Нет, Даниэль, я Сандра, — смущенно улыбнулась та.

— Правда? А где Лили?

— Дома. Беги скорее, она будет вне себя от счастья.

И молодой человек радостно кинулся к двери парадной.

На душе у Сандры было радостно за сестру и вместе с тем грустно. Никто никогда не смотрел на неё саму такими влюбленными глазами. В тот момент, когда Даниэль назвал её именем сестры, Сандре и вправду захотелось хоть на миг побыть Лили. Но такова участь близнецов — их двое, а Даниэль только один.

По приезду в Мюнхен Даниэль Гольдхаген поспешил продолжить обучение в университете, но категорически отказался возвращаться на медицинский факультет. Фронт изменил его, надломив что-то внутри. Даниэль отказался от былой мечты стать доктором и спасать человеческие жизни. В спасении он преуспел и на передовой, вот только это принесло ему не удовлетворение, а желание никогда больше не видеть окровавленных и сожжённых тел, не слышать предсмертные стоны. Профессор Метц отнесся с пониманием к решению Даниэля поменять медицинский факультет на биологический. В конце концов, ему было чему научить и биолога.

Даниэль вернулся в Мюнхен не один, а с псом-санитаром по

кличке Дирк, с которым служил в санитарной бригаде последние полгода. Дирк оказался на редкость толковым псом. Когда противник открывал плотный огонь, и никто из санитаров не мог подобраться к раненным, Дирк по-пластунски полз к позиции и безошибочно находил живых. Даже если боец лежал без сознания, пёс принимался облизывать его, пока тот не приходил в себя. Только тогда Дирк подставлял раненому солдату свой бок с прикрепленной к нему сумкой, чтобы тот вынул бинты и перевязал себя. Когда бои затихали и санитары добирались к передовой, пёс помогал искать живых, расталкивая их и облизывая, и не обращал никакого внимания на павших.

За время службы Даниэль успел привязаться к Дирку, ведь тот стал для него не только помощником, но и другом, что всегда преданно смотрел ему в глаза. Во время одного из боев пёс убежал с сумкой к передовой, но обратно так и не вернулся. Позже Даниэль нашёл его раненым и тихо поскуливающим — Дирку оторвало заднюю лапу и распороло брюхо.

Даниэль Гольдхаген рассорился с госпитальным начальством, но принёс Дирка в операционную и как смог, остановил кровотечение и зашил раны. Кто-то смотрел на Даниэля как на дурака, а кто-то понимающе кивал головой и приговаривал что-то о том, как из-за людских страстей приходится страдать ни в чём не повинным и доверчивым животным.

Раны Дирка зажили, но к службе санитарного пса он больше не годился. Даниэль с радостью согласился забрать пса себе, когда ему это предложили. Уж очень он не хотел расставаться с теперь уже трёхногим другом.

Пока люди возвращались от неоконченной войны к прежней жизни, события в стране нарастали со скоростью снежного кома. Предчувствия профессора Метца оправдались — настали новые времена, времена чудес, где всё искажалось как в кривом зеркале. Сквозь обыденную реальность уже стали проступать очертания нового мира, где стало возможным многое.

7 ноября, в первую годовщину большевистского переворота в России, Мюнхен охватили демонстрации против правящей династии Виттельсбахов в целом и короля Людвига III в частности. Виттельсбахи спешно сбежали из Мюнхена, прекрасно помня, как революционеры предпочитают поступать с королями и императорами, и на утро следующего дня Бавария проснулась независимой республикой.

Новоиспеченный премьер-министр Баварии Курт Айзнер клял Берлин во всех бедах, свалившихся на Баварию, и попытался заключить с Антантой свой, отдельный от Германии мир.

А в это время в Берлине новоиспеченный канцлер Макс

Баденский заснул на двое суток и проспал выход союзников Германии из войны. И начало революции тоже. Кто-то говорил, что всему виной было снотворное, а может и простуда. Но кто-то считал, что никакого крепкого сна не было вовсе, а имперский канцлер просто предал национальные интересы, которые в силу должности обязан был защищать.

А в Киле вспыхнул мятеж революционных матросов. Проснувшийся канцлер тут же позвонил в ставку и предложил императору отречься от престола. Как это всё напомнило март 1917 года в России: всё те же бунтующие матросы, всё та же революция, всё тот же отъезд императора из столицы в ставку, всё то же отречение. Но теперь было известно, к чему привела покорность русского царя. Кровавые конец — все о нём помнили.

Макс Баденский объявил об отречение Вильгельма II от престола 9 ноября, но лишь через три недели император и вправду отрекся и покинул страну. Через два дня социал-демократы поспешили объявить Германию республикой, а марксисты из «Союза Спартака» и вовсе потребовали «всю власть Советам».

Новые власти поспешили подписать капитуляцию. Война закончилась. И снова происходящее напомнило о большевистской России: отныне в немецкой армии появились народные комиссары с собственным планом реформ. Больше не было знаков различия, а командиров выбирали солдаты, от чего армия стала похожа на балаган.

Макс Баденский пробыл у власти ровно месяц и успел совершить великие перемены. Солдаты союзников не ступили на исконно германскую территорию, не заняли города, не осадили столицу. Но их правители получи всё, что желали, не сделав для этого ровным счётом ничего. Предатели на чужом Олимпе власти обошлись куда дешевле пехоты и флота.

9

Европа окунулась в омут переворотов, свержений и революций. Четыре великих империй прекратили своё существование, и на их осколках появилось множество республик без твердой власти и внятного будущего. Казалось, будто незримый кукловод выбросил на политическую арену множество партий и союзов, и теперь наблюдает, кто же из них сможет одолеть конкурентов и взять всю власть себе.

На западе Берлина рабочие принялись требовать экспроприацию всех банков и конфискацию имущества толстосумов. Вслед за этим родилась идея учредить революционный трибунал и казнить бывшего императора, президента Эберта, а за одно и генералов Гинденбурга и Людендорфа.

Но всё это происходило далеко на севере, в столице. Лили и Даниэлю было совсем не до этого, ведь они обручились и с нетерпением ждали часа собственной свадьбы. Не проходило и дня, чтобы молодой человек не вырвался из затхлой комнатки на индустриальной окраине города и не навестил невесту в доме её отца.

Сандра радовалась и грустила, глядя на сестру и Даниэля — так отрадно было наблюдать за их нежными отношениями, и вместе с тем тревожно — а будет ли когда-нибудь нечто подобное у неё самой?

А в Берлине уже начались бои между коммунистами и властями. В Бремене образовалась советская республика, а в Гамбурге красный переворот не удался, да и советский Бремен быстро привели в чувства войска добровольцев.

Всё это казалось далеким и почти неправдоподобным, пока по Мюнхену не прокатилась тревожная новость — по дороге в земельный парламент был убит премьер-министр Баварии Курт Айзнер. Стрелял в него офицер-фронтовик граф фон Арко ауф Валлей.

— Ах, граф, бедный мальчик! — восклицала Гертруда фон Альнхафт, — какая глупость, губить молодость из-за какого-то вздора.

— Вы называете политическое убийство вздором? — пораженно переспросил доктор Метц.

— Да нет же, — всплеснула руками она, — просто графа Арко отказались принять в «Общество Туле», и он решил доказать свою верность их идеалам. А теперь его казнят!..

— Простите, но что за идеалы у этого общества, если ради

них приходится убивать премьер-министра?

— Так ведь и министр не германский, — парировала графиня, будто одна её фраза была способна объяснить всё.

— Не германский? — сурово переспросил доктор Метц. — Еврейский, вы хотите сказать? И с каких пор вероисповедание стало весомой причиной для расправы?

— Ох, не преувеличивайте, — отмахнулась графиня. — Просто «Обществу Туле» не нужна независимая Бавария. Да и нам с вами, наверное, тоже.

— Вы действительно думаете, что Баварии не нужно восстанавливать свободу, какую она имела до Бисмарка?

— О, — закатила глаза графиня, — узнаю влияние профессора Книпхофа. Это он любил по поводу и без клясть борьбу за культуру и канцлера Бисмарка. Вот только именно в империи он и нажил себе и эту квартиру и регалии и почёт.

— Может вы не заметили, но империи больше нет, — заметил доктор Метц, — а северные земли всё больше скатываются в хаос. Что же, по-вашему, нам всем стоит пойти на дно вместе с тонущим кораблем?

— С тонущего корабля бегут только крысы, — гордо вздернув подбородок, ответила графиня.

Доктор Метц готов был поспорить с родственницей, но передумал, зная, что графиню невозможно в чём-либо переубедить. Даже профессор Книпхоф в этом не преуспел. А ведь он лелеял мечту, что однажды Бавария сбросит с себя оковы прусского рабства и заживёт лучше прежнего. Да, профессор Книпхоф был баварским националистом, и куда большим, чем доктор Метц.

Тем временем противоборство сторонников единой Германии и независимой Баварии усиливалось. После выстрелов в Айзнера левые не заставили себя долго ждать и в память об убиенном единомышленнике нанесли ответный удар — захватив земельный парламент. Месяц Баварию лихорадило от стачек, пока не наступила логическая развязка: законное правительство бежало на север, а Бавария осталась не только независимой — она стала советской республикой.

Судя по пламенным заверения новых красных властей, впереди новоиспеченную республику ждало торжественное объединение с советской Венгрией и Австрией, вот-вот готовящейся стать советской. Пошёл слух, что из России от самого Ленина приехали большевики — делиться опытом социалистической революции.

— Прекрасно, — недовольно прокомментировал свежий выпуск прессы доктор Метц, — Теперь Бавария объявила войну

Вюртембергу. В жизни не думал, что доживу до такого. О… — воскликнул он, перевернув страницу, — да мы ещё и намереваемся победить буржуазную Швейцарию! Конечно, как же она, негодяйка, посмела не дать свои паровозы на нужды революции. Ну и дела…. Хорошо, хоть профессор Книпхоф не дожил до этих дней.

Вот так исполнившаяся мечта о свободе обернулась для многих баварцев жестоким разочарованием. Они бы охотней согласились на независимость, но без коммунистов.

А жизнь в Баварской советской республике продолжала преподносить неожиданные сюрпризы. Главой страны стал двадцатипятилетний поэт Толлер, а парламент перестал заседать в прежнем здании и на полном серьёзе переместился в Придворную пивную, где и проводил свои сессии. Видимо, за очередной кружечкой пенного в головах депутатов наступило просветление, раз они постановили расформировать полицию и вооружить пролетариат, отменить в школах уроки истории, закрыть банки и напечатать деньги с указанием их окончательного срока действия. Самого Толлера его же советская власть успела два раза арестовать и два раза выпустить из заточения.

Но с каждым днём поводов для смеха становилось всё меньше. В городе наметилась нехватка еды. Продовольствие, которое везли в Баварию с севера, теперь не пропускала белая армия изгнанного правительства, а молоко и вовсе варварски выливалось ею в землю. Красные советские власти решили заручиться поддержкой крестьян, но даже с ними у левых не получилось найти общего языка, за что крестьян поспешили объявить контрреволюционерами. А еды с каждым днём становилось всё меньше и меньше. В довесок к продовольственному кризису красное правительство объявило о все баварской стачке, и на девять дней всё производство в республике встало.

Стоит ли удивляться, что многие граждане были недовольны такой политикой или, скорее, её отсутствием. Северную границу Баварской советской республики уже пересекли белые добровольческие войска, но новоиспеченные власти сумели создать Баварскую Красную армию в тридцать тысяч человек, и в Дахау она начисто разбила противника. Но Толлер зачем-то заключил с белыми мир, за что быстро поплатился и был арестован единомышленниками в третий раз, впрочем, и в третий раз ими освобождён.

После демарша Толлера, красные командиры неожиданно смягчились и не стали расстреливать всех белых военнопленных,

как намеривались поступить ранее. Вместо этого было решено отомстить подстрекателям убийства Айзнера — тайному «Обществу Туле».

С тех пор как Бавария успела стать советской, тулийцы не теряли времени зря. Они успели проникнуть в ряды красной армии, где принялись скупать у бесхитростных красногвардейцев их вооружение: винтовки, гранаты, пистолеты и даже пулеметы. Когда белые добровольческие корпуса пошли в наступление, воевать красным уже было нечем.

Революционное правительство не промедлило с ответом. Во дворе Луитпольдовской гимназии были расстреляны восемь руководителей «Общества Туле» из числа аристократии.

— О Боже, — рыдала Гертруда фон Альнхафт, когда узнала эту новость, — бедный принц! Как же так! За что?! Он ведь был так молод.

— Какой принц? — поинтересовался доктор Метц, желая отвлечь графиню от причитаний.

— Принц Турн унд Таксис. Куда он полез? Зачем ему эти тайные общества? Его прадед был иллюминатом, и ничем хорошим для него это не закончилось!

— Вы правы, история мало кого учит.

— Но зачем же убивать?! Что такого ужасного этим революционерам сделал принц? Всего лишь ходил на собрания общества.

— Не того ли общества, — лукаво поинтересовался Метц, — что науськало графа Арко на убийство Айзнера из-за его еврейства?

Графия согласно всхлипнула, а доктор Метц холодно заметил:

— В Ветхом Завете это называлось «кровь за кровь».

— Но это же варварство!

— Это противоборство идеологий. С недавних пор, если вы не заметили, стало принятым заканчивать мировоззренческие споры резнёй. И в этой ситуации, уж поверьте, мне не жаль ни покойного премьер-министра, ни принца.

На этом профессор покинул заплаканную графиню, дав понять, что вовсе не намерен сочувствовать горю аристократки.

— Сегодня будет Вальпургиева ночь, — прошептала она в пустоту, — вся нечисть слетится на гору Броккен. Там им и место, красным дьяволам…

Как и было предсказано графиней, на утро после Вальпургиевой ночи, в так чтимый всеми революционерами День Труда, в Мюнхене загромыхала канонада. Белые добровольческие войска взяли город. Советская республика пала.

Вот только контрреволюция оказалась куда кровавее революции. Если красные перед угрозой белого вторжения казнили десять человек, то белые, войдя в Мюнхен, принялись расстреливать всех, у кого в руках оказалось оружие. Не пощадили они и пятьдесят русских солдат, плененных ещё во время Великой войны, несмотря на то, что те никоим образом не участвовали в революции. Жертвами белого террора стал двадцать один подмастерье-католик — их просто приняли за собрание коммунистов и поспешили расстрелять без суда и следствия. Та же участь постигла и санитарную колону и рабочих из Перлаха.

Всего белые власти признали 135 убийств красногвардейцев и 355 убийств мирных жителей. Говорили, военный министр Носке, прозванный «кровавой собакой» был очень доволен результатом.

Только когда кровавые события в городе поутихли, доктор Метц согласился выпустить дочерей из домашнего заточения на прогулку.

— Как хорошо! Мы ведь дней пять на улицу не выходили, — радовалась Лили, мечтательно закатив глаза. — Я уже начала себе представлять, будто я принцесса, живу в высокой башне, и внизу меня караулит страшный красный дракон… А я сижу и жду, когда же меня спасёт прекрасный принц.

Сандра весело рассмеялась и заметила:

— Твой принц приходит к нам каждый вечер.

— Ну да, — озорно улыбнулась Лили. — Вот только я жду подвига.

— И какого?

— Пока не знаю. Но самого необычного.

— А скоро ты станешь Елисаветой Гольдхаген. Как звучит, а?

И девушки весело рассмеялись.

Подходивший мимо офицер улыбнулся милым сёстрам-близнецам, ступающим под руку, и они ответили ему тем же.

— …Ой! — воскликнула Лили.

— Что такое? — озабоченно поинтересовалась Сандра.

— Не знаю. В животе так резко кольнуло, — ответила ей сестра, машинально хватаясь за больное место.

Но тут же девушка отняла руку от пальто. На ладони осталось пятно горячей крови.

— Саша!.. — дрожащим голосом еле выдавила она, и ноги ту же подкосились.

Толпа обступила потерявшую сознание Лили и склонившуюся над ней Сандру. Вокруг то и дело раздавались выкрики о помощи. Говорили, что стрелок-революционер засел в «осином гнезде» и

целился в белого офицера, а вовсе не в проходящую мимо девушку.

Сандра ни на миг не отпускала руку Лили, а та держалась за Сандру, всё боясь её потерять. Прохожие помогли сёстрам добраться до дома, а вскоре с неоконченной лекции примчался профессор Метц со своим ассистентом. Сандра умоляла его позволить ей остаться и помощь, но отец был непреклонен. Он перепоручил младшую дочь графине и запретил им обеим выходить из гостиной, пока на дому не закончится срочная операция.

Как опытный военный хирург доктор Метц прекрасно знал, что теперь дорога каждая минута. Ранение оказалось сложным — пуля прошла навылет, задев кишечник, печень и раздробив правую почку. Только когда операция подошла к концу, доктор Метц позволил сёстрам увидеться.

— Ничего-ничего, — глотая слёзы, говорила Сандра, накладывая Лили повязку. — Раньше ты за мной ухаживала, теперь я за тобой. Для этого ведь и нужны сёстры, правда? А помнишь… помнишь, как старец Григорий во дворце говорил, что жизнь у нас будет долгая? Всё, что он говорил, всегда сбывалось. Значит и у нас тоже сбудется.

Доктор Метц сделал всё как должно, как он делал это не раз с ранеными солдатами в госпитале. Но шли дни, а Лили не становилось лучше. Она совсем не могла есть и постоянно стонала от нескончаемых болей.

Сердце Сандры разрывалось на части. Со страхом в душе она думала лишь об одном — что же будет дальше? Когда Лили, наконец, заснула, Сандра вошла в кабинет отца:

— Папа…

Но он молчал, обхватив голову руками.

— Папа, ну скажи!

Выпрямившись, доктор Метц глухим голосом произнёс:

— Ты же уже взрослая девочка, знаешь многое об этой жизни. И такие раны наверняка видела не раз. И что после них случается, тоже.

— Папа, — всхлипнула Сандра, — ты не о том сейчас говоришь…

— О том, дочка, о том, — еле выговорил он и замолчал.

Сколько раз Сандра держала за руку прооперированных солдат, в муках умиравших от перитонита. Но ведь война кончилась, все вернулись к мирной жизни. Значит, больше не должно быть таких страшных смертей. Ведь тётя Ида уже умерла, умерла её мать, которой она никогда не видела. Но зачем же Лизе покидать её так скоро, зачем? Она её единственная сестра, её

близнец, её вторая половинка от неделимого целого. Если она умрет, то и Сандре придётся существовать лишь наполовину.

Взволнованный жених тоже не находил себе места. Сандра уступила ему своё место у постели Лили, когда та ненадолго пришла в сознание.

— Я всё понимаю, — слабеющим голосом говорила Даниэлю Лили, — от моей болезни во всём мире нет лекарства. — Подарив ему ласковую улыбку, она лишь попросила, — Пожалуйста, позови Сашу…

— Конечно.

— Я хочу сказать… вам обоим…

Когда сестра вошла в комнату и присела у её кровати, Лили глухо произнесла:

— Пожалуйста, пообещайте мне, что будете заботиться друг о друге, когда меня не станет. Я хочу, чтобы вы были счастливы без меня, больше всего этого хочу. Сашенька, Данни, поклянитесь, что исполните мою просьбу, и я уйду со спокойным сердцем. Поклянитесь.

— Конечно, Лили. Что ты хочешь?

— Поженитесь.

В комнате повисло тягостное молчание. Эти слова на миг оглушили молодых людей, прежде чем Сандра нашлась, что сказать:

— Нет, Лиза, как же так? Это ведь ты невеста…

— Ты же понимаешь, что ненадолго…

Лили вытянула бледную руку из-под одеяла, и Даниэль накрыл её ладонью, уткнувшись лицом в рассыпанные по подушке кудри возлюбленной. Было слышно, как его тяжелое дыхание срывалось в протяжные всхлипы.

— Саша, — произнесла Лили по-русски, — он же так и не научился нас различать. Только ты можешь заменить ему меня. А мне не будет спокойно там, если он будет страдать здесь. Пожалуйста, Сашенька, это всё, чего я хочу. Когда выйдет срок траура — поженитесь.

Так Лили вырвала обещание от дорогих ей людей и, обессиливши, забылась в тревожном сне, а Даниэль всё не отходил от её постели, боясь отпустить руку возлюбленной.

Сандра оставила их, и лишь украдкой посмотрела на Даниэля, пока закрывала дверь. Разве он ей не нравится? Конечно, нравится. Просто она никогда не задумывалась об этом всерьёз. Вернее, не хотела задумываться. Ведь Даниэль и Лили… Сандра расплакалась, когда представила, что Лили больше не будет рядом ни с ней, ни с Даниэлем.

Закрывшись в их с Лили комнате, Сандра принялась за шитье.

Лили должна быть в белом подвенечном платье, ведь таков обычай их далекой родины. Лили будет спящей невестой, сраженной вечным сном. Такой её и опустят в землю. Такой её увидят в последний раз и запомнят — бледной невестой, которая так и не станет женой.

10

Ослепленный отчаянием, профессор Метц перебирал в кабинете деда все склянки, книги и записи, что тот оставил после себя. Почему-то именно сейчас, когда его дочь умирает, ему вспомнился наказ деда, его главное напутствие и завещание — изменить природу человека, убить в нём смерть и наполнить его жизнью.

Много лет доктор Метц размышлял, составлял теории и робко экспериментировал, но так ничего и не понял до конца. А профессор Книпхоф ничего ему не рассказал, даже не поделился собственными наработками. Но он не мог не оставить записей с собственными рассуждениями и идеями. Они обязаны были быть!

На глаза доктору Метцу попались только старые дедовы письма, что прислал ему из английской деревни Чекомб некий викарий Эйтон в 1875 году. На испещренных странными символами листах говорилось о неких веществах, явно не имеющих к химии прямого отношения. Перечитав один из текстов ещё раз, Метц стал подозревать, что речь в нём идёт об алхимии. Ознакомившись с содержанием ещё пары писем, он окончательно уверился в своих догадках.

«Дорогой Юлиус, меня ставит в тупик просьба поведать тебе о сухом пути Великого Делания. Видишь ли, мастера не очень жаловали его, и не известно ни одного цельного трактата об этом пути. Всё что я могу сделать для тебя, так это скупо пересказать обрывки учений, что попались мне на глаза…»

И далее следовал перечень из двенадцати пунктов, где викарий подробно описывал стадии, пройдя которые из сырого вещества можно получить нечто. Все поля письма дед исписал комментариями и замечаниями по поводу изложенного. Зная профессора Книпхофа, доктор Метц не мог и подумать, что тот отнюдь не станет высмеивать средневековый вздор. Напротив, профессор тщательно переработал текст на свой лад, из-за чего письма викария были испещрены красными чернилами.

Внезапно доктор Метц вспомнил о своём дальнем родственнике Диппеле Франкенштайнском и его опытах по оживлению трупов. Доктору тут же стало не по себе. Неужели профессор Книпхоф решил перещеголять пращура и создать гомункула?

К третьему пункту под названием «разделение» профессор приписал: «Очевидно, после принятия препарата, полученного после прокаливания и растворения, сущность испытуемого ждёт разделение на тело, дух и душу, то есть — физическая смерть».

Метц поморщился и перевернул страницу. Четвертый пункт «соединение» Книпхоф прокомментировал следующим образом: «Чтобы тело, душа и дух вновь соединились, следует присовокупить к ним нечто живое, например частичку бессмертного существа».

Доктор Метц поспешил перечитать текст заново и не поверил своим глазам. Уже в 1875 году дед знал о существовании бессмертных людей вроде той белой женщины по имени Мери, которую сам Метц увидел лишь в 1896 году. Но Книпхоф знал о подобных ей и раньше, только никогда не говорил об этом. Впрочем, и об алхимии он никогда не вёл бесед.

Внимание доктора Метца привлекли слова викария: «… кровь должна была впрыснуть в Камень жизненную энергию… Камень становится плодоносным в союзе противоположностей, в царском бракосочетании красного человека и белой женщины…»

И доктора Метца осенило: кровь даёт жизнь! Белая женщина принесёт плоды! Вот в чём дело!

Но ведь всё это он уже видел и слышал, в Лондоне, двадцать три года назад, когда доктор Рассел показал ему белокожую Мери, что пьёт только кровь и живёт вечно. А потом… До сих пор доктор Метц был не в силах забыть ужасную операцию, в которой участвовал сам, когда профессор Книпхоф вынул шишковидную железу крючком из-под черепа несчастной.

Доктор Метц вспомнил, как шесть лет назад принял от альбионца Рассела банку с нетленной железой, что тот вырвал у бедной бледной Мери. Разыскав склянку, он убедился, что железа по-прежнему в превосходном состоянии. В дедовой коллекции заспиртованных аномалий нашёлся и пузырек с чёрной кровью Мери. Она была свежа, словно её забрали вчера, а не больше двадцати лет назад — всё такая же жидкая, без единого тромба.

Перечитав письма викария Эйтона ещё раз, Метц наткнулся на приписку деда: «Алхимик Парацельс считал, что в мире нет ничего, что могло бы избавить человеческое тело от смерти. Но, как говорят знающие люди, во времена Парацельса алхимия выродилась, став пошлым материализмом».

И в голове доктора Метца созрел безумный план, и осуществить его он собирался как можно скорее.

— Мальчик мой, — обратился он к подавленному Даниэлю, когда его место у постели умирающей заняла Сандра, — ты должен понять, что я не могу довериться никому кроме тебя. Ты мне как сын, а то, что я хочу сделать — давний долг моей семьи, и о нём не должно стать известно никому из посторонних.

С лица молодого человека спала скорбь, а при слове «сын» глаза его и вовсе засияли.

— Конечно профессор. Как вы скажете.

— Я бы никогда не решился на подобное ни с одним живым существом, — продолжал увещевать его доктор Метц, — тем более с родной дочерью. Но она умирает, и я не могу ничем ей помочь. Я могу лишь попытаться провести одну операцию, зная, что уже не сделаю Лили хуже. Я не прощу себе, если не попробую. И не прощу себя, если ничего не получится. Мне трудно сказать, сколько займёт времени весь процесс.

— Я буду с вами до конца, — тут же заверил его Даниэль.

— Мне отрадно это слышать. Но знай, путь будет очень трудным и порою может показаться страшным.

— Я не дрогну, профессор.

— И я не уверен в положительном результате.

— Но мы будем к нему стремиться.

— Конечно.

— Только чтобы Лили жила.

Первым, что сделал доктор Метц, так это выпарил всю влагу из чёрной крови белой женщины Мери. Когда в прокалённой чашечке остался лишь чёрный порошок, он добавил к нему молока. Чёрное растворилось в белом — почти что «альбедо» сменило «нигредо». Но до этих стадий было ещё очень далеко.

— Папа… — еле слышно прошептала Лили, когда открыла глаза и увидела склонившегося над ней отца.

— Здесь и Даниэль, милая.

— Да?..

— Я тут, Лили… — прильнул к изголовью кровати молодой человек.

— Дочка, я дам тебе кое-что, — обратился к ней доктор Метц, поднеся к её губам стакан с мутной жидкостью, — выпей, пожалуйста. Тебе должно стать легче.

Даниэль помог приподнять ей голову, и девушка послушно приняла лекарство мелкими глотками.

— Папа… я так… просто хотела…

Но Лили не успела договорить и впала в дрему.

— Держи её за руку, — обратился к Даниэлю доктор, — следи за пульсом.

— Хорошо.

Тем временем доктор Метц достал банку с плавающей в растворе шишковидной железой — частичкой бессмертного существа.

— Что это? — поинтересовался ученик.

— А на что похоже?

— Не знаю… — замялся тот, — скорее всего часть мозга.

Затем доктор Метц достал старый инструмент, которым

когда-то пользовался ещё профессор Книпхоф.

— Это крючок? — спросил Даниэль.

— Ты прав.

Молодой человек тревожно обхватил запястье Лили.

— Пульс стал слабее. Я его еле прощупываю!

— Так и должно быть, — спокойно ответил ему доктор Метц, хотя и понимал, что сейчас он не мог ни за что поручиться.

Но Даниэль уже не внимал его словам. Его возлюбленная больше не подавала признаков жизни.

— Лили… — позвал он в последний раз и сорвался в беззвучный плач у её смертного ложа.

— Послушай, мальчик мой, — дрогнувшим голосом обратился к нему доктор Метц, силясь не потерять самообладания, чтобы самому не припасть к одру дочери, — возьми себя в руки. От тебя зависит, получится ли у нас задуманное или нет.

— Зачем?.. — качал головой Даниэль. — Её больше нет.

Но доктор Метц был непреклонен:

— Это лишь третья стадия — разделение. Нужно пройти ещё девять.

— О чём вы говорите?

Доктор Метц взял в руки крючок и принялся его дезинфицировать.

— Открывай банку и подготовь препарат, — скомандовал он, — мы должны осуществить соединение.

— Соединение чего?

— Тканей. Вернее, нам необходимо вживить чужеродный орган.

Даниэль кинул тревожный взгляд на железу, потом снова на своего учителя и спросил:

— Профессор, вы что, хотите провести операцию на мозге?

— Это единственный вывод, к которому я пришёл. Больше ничего не остаётся.

— Но ведь это невыполнимо! Мы не сможем вскрыть черепную коробку!

— Поэтому мы и не будем этого делать. Насади препарат на крючок. Только аккуратно, целостность не должна быть нарушена.

Когда Даниэль выполнил поручение учителя, доктор Метц принял инструмент и поднёс частичку чужого мозга к ноздре дочери. Медленным точным движением он стал проталкивать комок внутрь, и когда крючок вошёл вглубь на пятнадцать сантиметров, доктор Метц неспешно стал выдвигать его обратно, пока пустой крючок не вышел наружу, оставив после себя лишь

тонкую струйку крови.

— Это было соединение…

— Оно бы убило её, — безучастно произнёс Даниэль.

Доктор Метц хотел было резко одернуть ученика и сказать, что Лили и так жива, но теперь он и сам стал в это сомневаться.

— Думаю, нам нужно ждать.

— Чего?

Доктор Метц и сам не знал, но твердо верил, что нечто обязательно должно произойти. Судя по английским письмам и комментариям к ним, даже профессор Книпхоф в этом не сомневался, а он был большим знатоком в вопросах жизни и смерти.

На следующий же день на бездыханном теле Лили начали проступать странные пятна. Из багровых синяков они превращались в чёрные пятна. Казалось, все сосуды вмиг лопнули и разлагающаяся кровь почернела.

— Это же не трупные пятна? — пораженно вопросил Даниэль.

— Ты прав, это не они. Но так и должно было произойти. Нигредо…

— О чём вы?

— Почернение. Начало Великого Делания.

По прошествии двух дней чёрные пятна стали сходить. Кожа Лили вновь становилась светлой и гладкой, даже веснушки исчезли с лица.

— Это свертывание, — пояснил доктор Метц.

— Крови? — непонимающе переспросил Даниэль.

— Нет, так называется шестая стадия. Её ещё именуют побелением — «Альбедо».

Произнеся это, доктор Метц вспомнил о белой женщине Мери, чья железа отныне поддерживала в его дочери остатки жизни. Лишь бы Лили не побелела как та несчастная. Но что-то уже произошло с её волосами — в них пропал рыжий огонь, и они стали тускло-медными. Кудри слегка расправились и теперь спадали мягкими волнами по простыне.

Пару дней не происходило ничего нового. Тело не разлагалось, а значит, Лили оставалась живой.

— Я думаю, пришло время вскармливания, — объявил доктор Метц, оторвав взгляд от старого письма.

— И как, по-вашему, следует интерпретировать это указание?

— Самым прямым образом. Викарий Эйтон писал профессору Книпхофу, что только кровь даёт жизненную силу. Пожалуй, нам стоит это испытать.

— Но как мы вскормим Лили кровью? Она ведь без сознания и не сможет глотать.

— Значит, сделаем переливание. Поможешь мне с гемотрансфузным аппаратом.

Понемногу изо дня в день доктор Метц делился с дочерью собственной кровью. Чудесные изменения происходили на глазах: плоть её неумолимо таяла, отчего фигура приобрела более хрупкие женственные линии. Послеоперационные швы рассосались, волосы потемнели до черноты и окончательно выпрямились. Температура тела упала до странной отметки в 33,3 градуса по шкале Цельсия. Приподняв закрытое веко, доктор убедился, что и радужка глаз сменила свой цвет со светло-зеленого на болотный, почти карий. Даже черты лица Лили претерпели изменения. Верхняя губа теперь казалась тоньше, нос уже, а скулы стали более выразительными.

— Папа… — Грудь Лили поднялась и опустилась в протяжном вдохе, когда девушка открыла глаза.

В этот миг доктор Метц не смог сдержать слёз счастья. Мысли путались от вороха эмоций и переживаний. Лили жива! Он смог, сам ещё не понимая как, но смог вернуть жизнь в мёртвое тело и спасти дочь! Он доказал самому себе, что невероятное тоже возможно.

— Данни… — прошептала она, каким-то иным, певучим голосом, протягивая тонкую руку в сторону оробевшего жениха.

Нерешительно Даниэль подошёл ближе. Было заметно, как ему не по себе смотреть на новое лицо возлюбленной, в совсем другие глаза. Перед ним была исхудавшая и похорошевшая, но совсем иная Лили. Казалось, даже её голос звучал совсем не так как раньше, словно у чужого человека.

Когда Сандра и графиня впервые за долгое время вошли в домашнюю операционную, то не знали, как и реагировать.

— А где же?.. — хотела было спросить Сандра, глядя на незнакомую стройную брюнетку, что лежала на кушетке и отчего-то приветливо на неё смотрела, будто они были знакомы много лет.

— Это же я, Сашенька, — по-русски произнесла незнакомка, отчего Сандра пошатнулась и едва устояла на ногах.

— Как!? — только и смогла молвить она.

Долго пришлось доктору Метцу объяснять дочерям, что побочный эффект от операции не замедлил сказаться на внешнем виде Лили, но как бы не выглядела его старшая дочь, это по-прежнему была она.

— А как же единые половинки неделимого целого? — пораженно спросила Сандра. — Разве теперь мы не близнецы?

Да, в чертах лица и поведении этой стройной кареглазой брюнеткой ещё угадывалась прежняя Лили, но в остальном

Сандра не могла узнать сестру, как ни пыталась. Что-то безвозвратно изменилось на уровне ощущений и от новой прекрасной Лили веяло холодом чужеродности.

Доктор Метц успокаивал дочь, как мог, но был не в силах объяснить, как, сохранив Лили жизнь, он лишил Сандру близнеца. Говоря о чуде, которое нельзя отвергать, он надеялся, что дочерям нужно лишь время, чтоб привыкнуть и вновь осознать себя сёстрами.

Через две недели, когда дух Лили окреп и она, наконец, покинула постель, доктор Метц увидел её походку, грациозную и легкую, совсем иную, без тени угловатости, что была у неё прежде и осталась у Сандры. В этот миг он с ужасом для себя понял, что своими собственными руками разверз пропасть между своими дочерями, даровав Лили мягкую и притягательную красоту, и оставив Сандру такой, какой она была всегда. Породив их едиными, в итоге он разделил своих дочерей, навсегда порвав незримую мистическую связь, что связывала близнецов.

Доктор Метц казнил себя. По незнанию и от отчаяния он совершил великое открытие, но совсем забыл о том, что требовал от других — всегда следовать принципам медицинской этики. Отныне он стал не лучше англичанина Рассела, что мучал тело белой женщины Мери. Сам же доктор Метц своим поступком истерзал души обеих своих дочерей.

— Но, учитель, — недоумевал Даниэль, — выходит всё закончилось на десятой стадии, а не на двенадцатой.

— Пожалуй, что так, — безрадостно признал Метц.

— Тогда чем же должны быть умножение и проекция?

— Не знаю. Великое Делание ведь не просто создание философского камня. В сути это создание идеального человека. Но мне не нужен идеал. Мне нужна моя дочь. Живой.

Да, он победил смерть, он выполнил наказ деда, альбионского доктора Рассела и «московского Сократа». Но «московский Сократ» наставлял воскрешать отцов. Отцов, но никак не детей. Доктор Метц запустил механизм воскрешения ровным счётом наоборот, но ему не было стыдно за это. Он сделал всё, как должно, потому что отцы не должны переживать собственных детей.

А в голове доктора неизменно мелькала нехорошая мысль. Это он, а не дед, закончил дело Диппеля Франкенштайнского — оживил покойника, родную дочь, приговоренную к смерти. И она стала совсем другой — новым человеком, что сможет жить в новом, безвозвратно изменившемся мире.

11

В один и дней Даниэль Гольдхаген пришёл с визитом в дом профессора Метца. На его скуле красовался свежий кровоподтек.

— Боже, мальчик мой, — воскликнул профессор, при виде ученика, — что с тобой случилось?

Смущаясь, Даниэль с неохотой поведал:

— Сегодня я как всегда проходил мимо завода. А молодые рабочие устроили на улице потасовку.

— И ты попал под горячую руку?

Даниэль кивнул и инстинктивно прикоснулся к ноющей ране:

— Они кричали что-то про еврея Толлера и его еврейское правительство и что иудо-марксисты отнимают у них страну. Наверное, они приняли меня за еврея, — и неуверенно добавил, — или марксиста.

Профессор Метц понимающе кивнул и спросил только:

— А ты увлекаешься марксизмом?

— Нет, — пожал плечами Гольдхаген, — политика мне не особо интересна. Пожалуй, даже совсем неинтересна.

Профессор услышал в коридоре приближающиеся шаги и окликнул дочь:

— Сандра, иди сюда. И захвати марлю со спиртом.

— Да нет, не стоит, — тут же засуетился молодой человек, — ничего серьёзного со мной ведь не случилось.

Но профессор дал знак молчать и не сопротивляться. Когда Сандра обрабатывала скромные боевые раны Даниэля, их взгляды встретились. Впервые они были так близки друг к другу. Впервые Сандра прикасалась к Даниэлю бережными, почти невесомыми движениями. Впервые он ответил на её взгляд своим, полным нежности и ласки. Сандра уже видела его таким, но тогда рядом с Даниэлем была Лили. Прежняя Лили. Сейчас же отчего-то Даниэль не спешил искать встреч со своей похорошевшей невестой, зато упорно делал вид, что навещает в их доме исключительно своего учителя.

А Лили поправилась, и уже ничто не напоминало о её недуге, разве что внешний вид. Порою Сандре казалось, что это не её любимая Лиза, а совсем другой человек, и дело тут было не только во внешности. Она помнила, как раньше на прогулках незнакомые люди приветливо улыбались им обеим — милым близнецам. Теперь же прохожие, особенно мужчины, обращали внимание исключительно на Лили, и ей это внимание несказанно нравилось. Словно чувствуя свою власть над мужчинами Лили одаривала их самыми разными улыбками — от скромной и

приветливой до многообещающей и дерзкой. Порою молодые и не очень незнакомцы заискивающе заговаривали с ней, и Лили кокетливо поддерживала с ними мимолётную беседу.

— Лили, — укоризненно говорила ей сестра, — как ты можешь так?

— Что могу? — непонимающе хлопала та пушистыми ресницами. — Мы всего лишь разговаривали. Это ничего не значит.

А Сандра слушала и не узнавала сестру. Ещё никогда она не видела её такой легкомысленной и вместе с тем раскованной. Беззастенчиво она принимала записки от поклонников и завязывала с ними не только переписку, но даже соглашалась на встречи. И за всё это время Лили ни разу не вспомнила о несчастном Даниэле.

Но если бы изменения ограничились только внешностью и характером… Лили совсем перестала есть и спать. Сандру это очень пугало, но отец успокаивал её, объяснив, что у любой болезни есть свои последствия. Вот только лекарство от болезни было выбрано очень странным: раз в неделю отец приводил в дом донора для переливания крови, расплачиваясь с ним условленной суммой.

«Преображенный человек не должен испытывать нужды в пище», — цитировал он слова некоего Николая Фёдоровича. Что ж, так оно и получилось — новую Лили прежняя пища, действительно, больше не интересовала.

— Всё так изменилось, — с лучащимся взглядом поведала Лили сестре.

— Ты права, — понуро согласила та.

— Да нет же, — рассмеялась девушка. — Сейчас мне так хорошо. Столько новых ощущений. Как будто у меня выросли крылья, и я могу совершить невозможное. День сменяет ночь и снова настаёт день, а я не замечаю этого. Я ведь совсем не хочу спать, и из-за этого мне начинает казаться, что я живу в одном нескончаемом дне. Я буквально чувствую, что мне подвластно время, а оно свою власть надо мной утратило, и я как будто бессмертна… Правда, по ночам бывает жутко скучно. Ты спишь, тётя Гертруда тоже. А так хочется с кем-нибудь поговорить.

Но Сандру интересовали не новые ощущения сестры, а её дальнейшие планы на жизнь. Сандра спросила прямо:

— А как же Даниэль?

Лили только отвела глаза и строго произнесла:

— Разве ты не помнишь? Вы оба обещали мне…

— Но ты выжила! — воскликнул Сандра, поразившись её ответом. — Ты жива, ты его невеста, но почему-то ищешь

внимания других мужчин. Лили, что случилось, почему ты себя так ведёшь?

Посмотрев на Сандру, Лили взяла её за руку и проникновенно, почти шёпотом, поведала:

— После того что было… того, что Данни видел на операции и как смотрит на меня сейчас… Я чувствую от него такое равнодушие, даже страх. Он видит меня только в тебе, меня прежнюю, понимаешь? А я сама теперь для него только пациентка. Всё, что его беспокоит относительно меня, так это правильно ли он воткнул иглу мне в вену. Как странно!..

— Что странно?

— Я чувствую твой пульс даже на кончиках пальцев, — игриво призналась Лили.

В ужасе, Сандра отшатнулась и вырвала руку из ладони сёстры. Определенно, с Лили случилось что-то непоправимое.

Однажды, когда Лили помогала Сандре на кухне с готовкой, то случайно рассекла ножом палец. При виде выступивших чёрных капель крови Сандра запаниковала и кинулась было искать бинты и антисептик, но сестра поспешили сообщить, что ничего страшного с ней не случилось. В доказательство своих слов, Лили промокнула ранку полотенцем и Сандра отчётливо увидела, что на коже не осталось и следа пореза. Он затянулся за минуту, и это не могло не пугать.

Когда Лили нашла подвенечное платье, что сшила для неё Сандра, то охотно приняла подарок, несмотря на все протесты, что это, в сути, погребальный саван. Легкомысленно, словно бравируя своей победой над смертью и расстроившейся свадьбой, Лили ушила подвенечное платье под свою новую фигуру и стала носить его в повседневной жизни.

Так Лили ещё раз дала Сандре понять, что не станет забирать свои слова касательно Даниэля обратно. В новой жизни с новыми ощущениями и новыми знакомствами, старый жених престал ей быть нужным.

Сандру мучали сомнения и терзала лёгкая влюбленность, а может и просто любопытство, но когда Даниэль задал ей сокровенный вопрос, она не задумываясь дала свое согласие на брак. Они поженились в середине лета — Даниэль и Александра Гольдхаген поклялись, что будут вместе в горести и здравии, пока смерть не разлучит их.

Профессор Метц ничего не хотел и слышать о том, что Сандре придётся покинуть отчий дом и переехать жить в крохотную съёмную комнатушку мужа. Вместо этого он предложил молодожёнам поселиться в пустующей после смерти профессора Книпхофа комнате. Метц был так счастлив, что

Даниэль наконец-то стал его зятем и вошёл в семью, что не стал возражать против появления в квартире отставного пса-санитара Дирка.

— Какой он умница, твой Дирк. — говорила Даниэлю Лили, почесывая довольного пса за ухом. — Жаль, что тоже спит по ночам.

Зато Дирк неизменно каждое утро ускользал из комнаты приласкавшей его Лили и шёл будить хозяина и его молодую жену. По старой фронтовой привычке сначала пёс пытался расшевелить лапой хозяина, потом перебегал к другой стороне кровати и распихивал Сандру. Если оба упорно притворялись спящими, Дирк всё так же по привычки принимался их облизывать, а с тех, кто упрямо укрывался одеялом с головой, пёс тут же его стягивал.

На фоне семейных забот и радостей для Метцев и Гольдхагенов незаметно прошли судьбоносные для страны события. Германия подписала Версальский договор, который оказался вовсе не установлением мира, а узаконенным грабежом. Под угрозой иностранного вторжения, победители отторгли от Германии седьмую долю её исконных территорий с десятой частью населения. Страну лишили всех её колоний и обязали возместить странам-победительницам все их затраты на прошедшую войну. А ещё Германию заставили отказаться от армии и затопить собственный флот. Так страна потеряла свой суверенитет. Теперь любой из соседей, хоть Польша, хоть Франция или Чехословакия могли вторгнуться на её землю и по праву сильного разорвать остатки страны на части.

Вскоре Германская империя переименовала себя в Веймарскую республику, а новые баварские власти, желая обезопасить себя от новых выходок коммунистов, поспешили присоединиться к ней.

Графиня фон Альнхафт не переставала причитать о беззаконии, когда узнала, что отныне все дворянские титулы и привилегии в республике упразднены. Порой профессору Метцу хотелось ответить ей в грубой манере своего деда: «Скажите спасибо, что не поставили к стенке, как в России», но он вежливо молчал.

То, что былые властители стали простыми гражданами республики, профессор Метц в полной мере осознал, когда в его дом пожаловал отставной гросс-адмирал, брат самого бывшего императора. Его просьба оказалась крайне неожиданной — продолжить лечение старшего сына, которое началось ещё при профессоре Книпхофе.

На свою беду, профессор Метц даже не подозревал, что дед, с

его-то квалификацией, мог кого-то активно лечить. Он даже не подозревал, чем болен молодой принц.

— Тем же, — ответил гросс-адмирал, — чем и его кузен, которого вы выхаживали в Петербурге.

От этих слов безутешного отца, профессор Метц только помрачнел:

— В таком случае, вам должно быть известно, что я не смог его вылечить.

— Не ваша в этом вина, профессор. Жизнь Алексиуса оказалась не в ваших руках. Но я надеюсь, что могу вверить вам здоровье своего сына. Я слышал, из-за революционеров с вашей дочерью случилось несчастье.

— Всё уже позади.

— Это очень хорошо, — с грустью в голосе произнёс гросс-адмирал. — Я искренне рад за вас. Ведь это так тяжело, всё время ждать, когда закончится приступ, но ещё тяжелее ждать, когда случится новый. Да что я говорю, наверняка, вы и сами всё это пережили.

После этих слов профессор Метц более не смог сопротивляться и дал своё согласие на лечение. Принц Вальдемар оказался тридцатилетним симпатичным молодым человеком с печальными глазами. Большую часть своей жизни он провёл в больницах под неусыпным наблюдением врачей. Но этим летом он твердо решил жениться, чем немало удивил своих близких. Кое-кто из родственников невесты в частном письме просил профессора Метца отговорить своего пациента от этой безумной затеи, но Метц не поддался на провокацию. Он слишком хорошо знал, как мало радостей в жизни оставляет человеку такой недуг как гемофилия, и было бы преступлением лишать его любви и заботы.

В августе принц Вальдемар обвенчался с принцессой Каликстой, и по рекомендации профессора молодожены переехали жить в свою баварскую резиденцию, поближе к Мюнхену и самому Метцу.

Профессор начал лечение методом, который в своё время ему запретила императрица Александра Фёдоровна — переливанием крови. Принц Вальдемар дал своё полное согласие на процедуру, и профессор с головой погрузился в гематологию, не только ради принца, но и своей старшей дочери, что с недавних пор стала питать силы исключительно от человеческой крови.

Современная медицина научилась различать кровь по группам, а значит, прямое переливание стало безопасным. Но профессор Метц безуспешно бился над проблемой непрямого переливания и искал способ консервировать кровь не только для

нужд принца, но и Лили. До него доходили отрывочные сведения о подобных экспериментах в Америке, но технология по-прежнему оставалась для него неизвестной.

Острейшую необходимость в собственной разработке консерванта, профессор Метц в полной мере осознал, когда однажды ночью в его квартире раздался телефонный звонок от принцессы Каликсты. У принца Вальдемара открылось внутреннее кровотечение, а в больнице поблизости не было не то что препаратов для переливания, даже инструментов и соответствующего специалиста. Профессор Метц наказал молодой супруге немедленно привезти мужа к нему в Мюнхен.

Принц был плох, опираясь на руку своего водителя, он с трудом поднялся в квартиру профессора. Не теряя самообладания, принцесса четко и точно рассказала Метцу, когда начались боли в груди, об их характере и продолжительности. Профессор Метц понял, что требуется срочное переливание. Но донора не было.

Взбудораженный появлением чужаков, Дирк с лаем выбежал в коридор, и Лили стоило немалых трудов затащить его обратно в комнату. Даниэль и Сандра проснулись от шума и вышли узнать, что же случилось. Отец старался убедить дочь, что она ничем не может помочь, но Сандра отказывалась в это верить.

— Я отдам принцу свою кровь, — твердо решила она.

— Нет, это исключено, — отрезал профессор Метц, — ты серьёзно болела и едва не умерла.

— Но это же было больше года назад. Я здорова.

— Нет, Сандра, — категорично заключил он. — Я не разрешаю.

— Но где ты будешь искать донора в такой час? Папа, ты же знаешь, что у меня универсальная группа крови.

— Первая, — поправил он.

— Папа, можно же сделать пробу на совместимость.

Как не упрямился профессор Метц, он понимал, что Сандра права — времени на поиски донора не осталось. Будь у него самого подходящая принцу группа крови, он отдал бы её, не задумываясь. Так поступил бы любой врач. Но дочь… Она и есть его плоть от плоти, кровь от крови. Но почему же ему так претит её самоотверженность?

Даниэль, поднаторевший за последние месяцы в гемотрансфузии, с лёгкостью настроил аппарат для прямого переливания и аккуратно, почти безболезненно ввел иглу под кожу жене и ночному гостю.

Когда процедура окончилась, профессор Метц наказал Даниелю отвести Сандру в их спальню, а сам оставил принца

Вальдемара отдыхать на кушетке. Разглядывая обстановку кабинета, тихим голосом принц поинтересовался:

— У другой вашей дочери тоже заболевание крови?

— С чего вы так решили? — насторожился профессор Метц.

— Просто когда мы сегодня прибыли в больницу, там упомянули ваше имя. Сказали, что в Мюнхене практикует профессор Метц, и он часто приглашает в дом доноров за вознаграждение. Ведь это для вашей незамужней дочери?

— Вы правы, — вынужден был согласиться Метц.

— Сегодня она не выглядела вялой или больной, даже уставшей. Это вселяет в меня надежду, что когда-нибудь и я избавлюсь от этих ужасных болей.

Профессор Метц благодушно улыбнулся, но только для того, чтобы подбодрить пациента и его супругу, тихо сидящую подле него. Ему не хотелось разочаровывать этих милых людей, но вряд ли он когда-нибудь сможет излечить принца. Профессор Метц всего лишь нашёл лекарство от смерти, но не от гемофилии.

12

Закончилось второе десятилетие века потрясений. Теперь стало абсолютно очевидным, что это столетие будет всецело принадлежать разуму, и скоро не останется вещей, ему не подвластных. Новый век ждут великие свершения и преображение целого мира. И в этом веке не останется места Богу.

Студенты подчеркнуто не ходили в церковь и всё чаще взахлёб спорили о философии Ницше. Некогда тот писал, что война свершила больше великого, чем любовь к ближнему, и что милосердные лишены стыда. Видимо такая философия нравилась не только студентам, но и людям куда более зрелым и даже облечённым властью.

С каждым годом в Веймарской республике появлялось всё больше переселенцев из России. От эмигрантов профессор Метц, наконец, узнал, что же произошло с российскими подданными, высланными из Германии в 1914 году, в самом начале Великой войны. Профессор слушал и не мог поверить, что немецкие офицеры были способны на издевательства и бесчеловечность, о коих ему поведали. При высылке жён разлучали с мужьями, а матерей с детьми. Их держали в одиночных камерах, а поутру раздевали, грубо обыскивали и сажали в вагон, где всю дорогу отказывались дать пищи. Порой, у самой границы, состав останавливали и людей везли обратно, говоря, что пути взорваны. Российские подданные добирались на родину обессиленными и сломленными. Но всё это происходило лишь с аристократами и мещанами. Крестьян никуда не высылали, их оставили в Германии на положении рабов, а взбунтовавшихся попросту расстреляли.

От услышанного у профессора потемнело перед глазами. Теперь он всё понял. Тогда, в 1914 году, Агапею Тихоновну никуда не увозили из Германии, лишь потому, что она принадлежала к крестьянскому сословию. А ведь она родилась в крепостной семье и пережила немало горя, будучи дворовой девкой при барской усадьбе. Кто же знал, что получив свободу от российского царя, Агапея вновь потеряет её в землях германского императора. Но останься она жива после четырёх лет рабства, то нашла бы способ добраться до дома, в Мюнхен к любимым девочкам. Профессору Метцу было горько и страшно признавать, но Агапея уже никогда не увидит Лизу и Сашу, как и они её.

Но жизнь шла своим чередом. Даниэль, наконец, окончил своё обучение в университете. По ходатайству профессора Метца, Даниэль Гольдхаген остался на службе при альма-матер и с

головой погрузился в экспериментальные исследования. Так в доме профессора Метца появились клетки с мышами, крысами и морскими свинками.

Даниэль мог часами делиться с супругой своим восхищением грызунами:

— Сандра, ты знаешь, что у людей и мышей кости устроены одинаково? Если бы мышь была ростом с человека и ходила на двух задних лапах, её скелет был бы очень похож на человеческий. А крысы? Они же умнейшие животные. В природе крыса всего лишь мелкий грызун, лёгкая добыча для птиц и зверей. А рядом с человеком она эволюционировала в весьма умную и проворную особь. Что только не вытворяют крысы, когда охотятся за едой… А как мигрируют! Между прочим, на каждого жителя Мюнхена приходится по три крысы. С их сообразительностью и плодовитостью однажды может наступить момент, когда крысы отвоюют у людей города, а то и вовсе заполонят мир и станут его полновластными хозяевами. Тогда людям останется лишь ютиться в хижинах и довольствоваться скудной пищей, которую крысы соблаговолят им оставить.

Сандра пыталась спорить, что господства крыс на Земле никак не может наступить, но всё было безуспешно. Багаж знаний об этих грызунах у Даниэля был куда богаче бытовых познаний Сандры, и после подобных разговоров крысы нравились ей все меньше и меньше.

Зато среди грызунов мужа у Сандры нашёлся любимиц — упитанный самец морской свинки с рыжей шерсткой, которому она дала прозвище Людвиг. Каждый день Сандра подкармливала его капустным листом или морковкой. Но однажды она обнаружила, что клетка Людвига пуста, а его бездыханная разделанная тушка лежит на столе для аутопсии.

Заливаясь слезами, она забрела в кабинет отца.

— Что случилось? — взволновано вопросил профессор Метц. — Поругались с Даниэлем?

— Хуже, — всхлипывала Сандра.

— Он тебя обидел?

— Да! — подняв голову, выпалили она. — Он убил Людвига!

— Кого? — опешил профессор.

— Морскую свинку.

От этих слов профессор Метц лишь облегчённо выдохнул:

— Ах ты, Боже, а я уже подумал, что случилось что-то по-настоящему страшное.

— А разве это не страшно? — подняв на отца глаза полные слёз, вопросила Сандра. — Я ведь всегда кормила Людвига, гладила его. Он даже узнавал меня по голосу. А теперь его тельце

лежит на столе со вспоротым брюхом!

Профессор лаково провел ладонью по рыжим кудрям дочери и сказал:

— Сандра, ты пойми, для Даниэля это работа, а не развлечение. Все те мыши и свинки не домашние питомцы, а подопытные животные. Нельзя к ним привязываться.

— Я понимаю. Но ведь, Данни знал, как я отношусь к Людвигу. Он мог бы сделать исключение.

— Ну, полно. Хватит лить слёзы. В конце концов, у вас же есть Дирк.

— Он больше любит Лили.

— Больше всего он предан своему хозяину, — возразил отец. — И что это за детское соперничество за внимание, а? Вам обеим уже по двадцать два года, совсем взрослые женщины.

Сандра сама не понимала, почему ревнует к родной сестре даже пса мужа. Самого Даниэля она не ревновала. Но когда по ночам он целовал её и шептал, как она красива, Сандра не могла отделаться от мысли, что Даниэль говорит о былой красоте Лили. Сандру терзали сомнения, что в её голосе он слышит прежние слова Лили, что на её губах видит улыбку бывшей невесты. Неужели он с ней только из-за того, что она близнец своей сёстры? Когда Сандра набралась смелости спросить Даниэля об этом прямо, то в ответ услышала лишь удивленное: «Нет, конечно». Но сомнения почему-то никуда не делись.

Новая Лили держалась с Даниэлем мило и непринужденно, и ничего в её нынешнем отношении к нему не говорило, что когда-то Лили любила этого человека. Более того, она увлеклась другим. Это был приятель Даниэля ещё со времён его жизни в интернате — Отто Верт.

Энергичный Отто был журналистом, и у него имелось с десяток псевдонимов для разных изданий. Почти каждую пятницу Отто Верт приходил в гости к другу и его новой семье, чтобы поделиться с ними последними новостями.

Лили так сосредоточенно слушала речи Отто, что он всерьёз думал, будто Лили разбирается в политике. На самом деле, она просто умела внимательно слушать. Это обстоятельство всегда оказывало приятное впечатление на собеседника и заставляло его приписывать Лили неприсущие ей качества.

— Боже мой, до чего же мы дожили? — разорялся профессор Метц. — Треть продовольствия в страну везут из-за границы, а нас уверяют, что сельское хозяйство стало убыточным и нерентабельным. Тогда что же мы за республика, если не в состоянии себя прокормить?

— Что вы, профессор, — с легкостью в голосе парировал

Отто, — нет никакой республики. За последние десять лет в государственном механизме ничего не изменилось, разве что не стало императора. Но монархическое мышление наших верхов явно осталось при них. Посмотрите на нынешний парламент — никто толком не знает, как им управлять, а нам, простым смертным, приходится выбирать его чуть ли не каждый год. Министры то и дело подают в отставку, а в здании парламента шныряют английские советники. Такое ощущение, что мы живём не в стране, а в железной клетке, как мыши Даниэля, и над всеми нами проводят беспрецедентный эксперимент.

— И в чём же его смысл? — с умным видом вопросила Лили, желая показать свою заинтересованность, нежели из реального интереса к разговору.

Отто неопределённо пожал плечами:

— Наверное, просто хотят посмотреть, вымрем мы или нет. Кстати, Даниэль, как там твоя облысевшая крыса, ещё жива? — шутя, вопросил Отто и, не дождавшись ответа, заметил, — Чего стоит хотя бы обвал курса марки, из-за него нам скоро всем придётся несладко. И дело здесь не только в Версальском грабеже.

— Как же нет? — всполошился профессор, — Антанта собирается обирать нас до нитки сорок два года. Они хотят 132 триллиона марок! Это же заоблачные деньги.

— И их заведомо невозможно выплатить, — кивнул Отто. — В этом и заключён весь смысл их претензий — поставить такие условия, чтобы Германия никогда не смогла их выполнить. Не выплатим деньги — не освободимся от обязательств, не освободимся от обязательств — останемся на крючке у победителей, и они будут вольны делать с нами всё, что им заблагорассудится. И так оно и будет, поверьте мне. Какие 132 триллиона, если из страны пропадает капитал?

— Как это пропадает? Испаряется, что ли?

— Да, профессор, испаряется в Германии и конденсирует в швейцарских банках — тридцать пять миллиардов за этот год — как сказал мне один осведомленный чиновник. Денег в стране нет. Франция отказывается покупать наши товары, потому что Британия обложила их двадцатишестипроцентной пошлиной.

— Как это возможно? — нахмурился профессор Метц. — Я бы понял, если бы Франция ввела пошлину на германские товары, которые в неё ввозятся. Это ведь называется защитой внутреннего рынка, так? Но какое дело Британии до германо-французских торговых отношений? По какому праву она может в них вмешиваться?

— Британии всегда есть до всего дело, профессор, и к этому

пора привыкнуть. А нам пора свыкнуться с необходимостью посылать в Америку пароходы с золотыми слитками. Что тут сказать — в новом веке после войны мы вернулись обратно в средневековье.

Слава Отто Верта как проворного и осведомлённого журналиста, которому можно поручить какую угодно тему и он с ней обязательно справится, достигла ушей главного редактора конкурирующего издания. Недолго думая, Отто согласился на предложение о работе и тут же придумал себе новый псевдоним. И первым редакционным заданием для него стало освещение предстоящей Генуэзской конференции — главного политического события года все европейского масштаба.

После долгой командировки Отто Верт вновь появился в доме Метцев-Гольдхагенов, по большей части из-за очаровательной Лили, а не старого приятеля Даниэля. Конечно же, детские привязанности и давняя дружба никуда не делись, просто по мере взросления жизненные интересы Отто и Даниэля сильно разошлись. Отто абсолютно не интересовала биология, как и Даниэля политика. Зато с профессором Метцем и в компании его прелестной дочери, можно было запросто обсудить последние мировые события. Генуэзскую конференцию, например.

— Я хочу сказать вам много приятных слов о советской делегации, раз уж вы когда-то жили в России, — радушно произнёс Отто.

— Но мы же не коммунисты, — хотел было возразить профессор Метц.

— Но и не царисты, как я успел заметить. Просто на конференции многие ожидали, что от Советской России приедет полуграмотный пролетариат, а явились изысканные европейские дипломаты. Особенно всех поразил народный комиссар Чичерин. На первом заседании он даже сорвал овации, когда предложил всеобщее перемирие и разоружение. Правда, французский делегат Барту выступил решительно против — это к вопросу о русской кровожадности. Надо сказать, никто не ожидал, что у Советской России окажутся такие подкованные дипломаты. Все ждали, что французы с англичанами разнесут их в пух и прах, но не вышло. Их хватило лишь на мелкие козни.

— Какие, интересно знать?

— Например, кое-кто из советских делегатов пожаловался, что их телеграммы доходят до Москвы чуть ли не через сутки после отправки.

— Что-то долго для передового вида связи.

— Так ведь телеграммы слали через Лондон, где их, возможно, читали заинтересованные лица. Правда, длилось это

недолго, потому как советская делегация заявила итальянцам протест, и телеграммы пошли через Берлин и куда быстрее. Но лично меня возмутило поведение устроителей конференции. Никого из журналистов к советской делегации упорно не допускали. Карабинеры даже оцепили отель, где их поселили. К счастью, Чичерина такая изоляция тоже не устроила, и пресс-конференция всё же состоялась. А потом начались переговоры. Британский премьер-министр предложил возместить долги царского правительства, потери иностранных капиталов от национализации и даже призвал оплатить долги белой армии. Всего восемнадцать миллиардов золотых рублей, шутка ли? Надо отдать должное большевикам, они тоже зачитали свои претензии к Антанте, в частности, потери России от иностранной интервенции и блокады во время гражданской войны на общую сумму тридцать девять миллиардов. Каково?! Я просто восхитился Чичериным, когда услышал об этом в кулуарах. У меня даже закралась крамольная мысль: победи у нас в Германии красная революция, а не социалисты вроде Эберта, может наши коммунисты бы и не подписали Версальский договор?

— Эх, к чему сейчас гадать, — понуро протянул профессор. — История не знает сослагательного наклонения.

— И что, удовлетворены претензии России? — спросила Лили.

— Девочка моя, — игриво ответил ей Отто, — пора перестать верить в сказки со счастливым концом. Собственно, большевики и не настаивали на выплате тех миллиардов. Но из-за одного этого их требования союзники поспешили обвинить Россию в попытке срыва конференции.

— Ах, ну конечно, — ухмыльнулся Метц, — что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

— Вот именно, профессор. Но всё, что я рассказал, было только прелюдией к главному. Наш министр иностранных дел Ратенау подписал с Россией договор об отказе от их финансовых претензий к нам в обмен на наше признание советской национализации.

— Ну, слава Богу, — выдохнул профессор. — Хоть жить станет чуть-чуть легче.

— Сильно сомневаюсь. Дело-то не в самом договоре, разве что отчасти. Его ведь подписывали ночью и тайно.

— Тайно от кого?

— Англичан и французов, разумеется. У меня сложилось такое впечатление, что Ратенау не может и шагу ступить без одобрения Ллойд-Джорджа. Порой я не могу понять, чей он министр — германский или британский? Канцлер Вирт всё-таки

куда более самостоятельная и последовательная фигура. Но интересно не это. Я уже сказал, договор подписали ночью. Утром о нём объявили во всеуслышание, и началось что-то невообразимое. Англичане разве что слюной не брызгали от возмущения. До меня дошёл кулуарный слушок, что Ратенау на следующий же день чуть ли не на коленях умолял Чичерина расторгнуть договор. Но большевики не дураки, это они в Генуе дали понять всем. Так что, думаю, нужно ждать отставки Ратенау и канцлера Вирта заодно со всем кабинетом.

Отто Верт немного ошибся в прогнозах. Через два месяца после этого разговора из Берлина пришла весть, что Ратенау убит. На его машину напали трое студентов-бомбистов с гранатами и огнестрельным оружием.

— Здесь явно проглядывается английский след — уверенно говорил Отто. — Я задаюсь извечным вопросом «Кому выгодно?» и нахожу ответ, что выгодно только англичанам. То, что произошло на Генуэзской конференции между Германией и Россией, для британских политиков настоящий демарш. А демарш наказуем, чтобы никому больше не было повадно срываться с поводка. Вы, кстати, слышали, что месяц назад с Лениным случился инсульт?

Профессор Метц ни о чём подобном не слышал и очень сомневался, что до баварского журналиста может дойти достоверная новость о болезни лидера иностранного и более чем изолированного государства.

Но не здоровье политиков отныне занимало думы профессора. Инфляция, что ещё с начала войны понемногу съедала семейные накопления, теперь совершила резкий скачок вверх. Веймарское правительство приняло спорный закон «О защите республики», запрещающий деятельность всех экстремистских организаций в стране, а заодно и урезающий права земельных правительств. Больше всех оскорбилась баварская «директория» в лице генерального комиссара фон Кара. Ссора с Берлином вылилась в угрозы снова отделиться от республики, наплевать на демократию и либерализм, и возродить монархию.

Впереди страну ждали тяжёлые времена.

13

Германию лихорадил политический и экономический кризис. Пока в Берлине сменялись канцлеры и министры, а за буханку хлеба приходилось отдавать миллиард марок, в семье Гольдхагенов едва не случился раскол.

В одну из ночей Сандра внезапно проснулась и не обнаружила Даниэля рядом. Она уже хотела пойти в библиотеку или лабораторию, чтобы оторвать его от работы и позвать обратно, но её остановил таинственный шёпот в коридоре. Слегка приоткрыв дверь, Сандра увидела в узкую щелочку, как Даниэль выходит из комнаты Лили. Сандра уже готова была подумать, что никогда не спящая Лили заболтала подвернувшегося Даниэля, но прощальные объятия и горячий поцелуй тут же перечеркнули все мысли о хорошем.

Сандра спешно закрыла дверь и опустилась на кровать. Через минуту Даниэль зашёл в комнату и тихо побрел к постели. Неожиданно для себя он наткнулся на Сандру и получил в темноте звонкую оплеуху. Его оправдание: «Это было всего два раза», прозвучало с такой наивностью, что хотелось и поверить и ударить вновь.

— Уходи к своим крысам, — злобно выплюнула Сандра и завернулась в одеяло, давая понять, что не пустит осквернителя на семейное ложе. И Даниель обреченно побрел ночевать в лабораторию.

Сандра проплакала всю ночь, а поутру не сказала мужу ни слова. Долгое время она вообще не хотела с ним разговаривать и слушать его извинения. Ей решительно не хотелось винить в случившемся родную сестру, ведь это не Лили клялась Сандре перед алтарём в верности до гроба. Просто случилось то, что должно было случиться. Конечно, Лили теперь куда красивее её самой, что поделать. Она была первой невестой Даниэля и должна была стать его женой, если бы не вмешалась трагедия с ранением. А ведь до того рокового выстрела Лили намекала, а Сандра смутно догадывалась, но делала вид, что не расслышала в словах сестры признания — она и Даниэль были вместе, очень близко… Что ж, они спали, когда были обручены, спят и теперь. Что изменилось? Только то, что Лили и Даниэль так и не поженились, а он женат на другой, всего-то… Только теперь Сандра честно призналась самой себе, что никогда не любила Даниэля, а замуж согласилась выйти только из симпатии и девичьего любопытства. Но до вчерашней ночи она хотя бы уважала его, а теперь не осталось и этого.

Но всё это казалось мелочью на фоне чужих семейных трагедий. В соседнем доме чуть не произошёл взрыв газа. Когда стали искать утечку, в одной из квартир обнаружили семью: отца, мать, троих детей и их бабушку. Бездыханные взрослые сидели за столом и держали на коленях мертвых малышей. В квартире царило запустение, из всей мебели остался только тот самый стол и три стула. Видимо отчаявшиеся от постоянного голода и беспросветной бедности взрослые решились на самоубийство, все и разом. Вряд ли дети понимали, что с ними происходит.

Безудержная инфляция по-настоящему задела все слои населения. Рантье больше не мог жить на проценты с капитала, потому что даже на некогда крупные сбережения теперь можно было купить лишь билет на трамвай. Зарплата рабочего, выдаваемая два раза в день, обесценивалась за несколько часов.

Профессор Метц с ужасом для себя констатировал, что три четверти детей в городе страдают от истощения, а половина от туберкулеза. И помочь им было некому, даже при всём пламенном желании.

Однажды он увидел странную похоронную процессию — покойник лежал в картонной коробке, потому как у семьи не было денег на гроб.

Казалось, что наступили последние времена перед самым пришествием антихриста. Родители убивали детей. Даже матери семейств продавали своё тело, в надежде найти деньги, чтобы прокормить детей. Профессору Метцу вспомнился давний разговор с дедом и его критика фройдизма. Теперь же на каждом шагу можно было увидеть до боли убедительную иллюстрацию, как желание есть оттеснило половой инстинкт на третий план.

А за океаном один американский экономист пригрозил странам-союзницам, что если они не перестанут тянуть из Германии деньги, и будут дальше способствовать её обнищанию, то рано или поздно немецкий народ отомстит им.

— Боюсь, — прокомментировал эту реплику профессор Метц, когда прочёл её в газете, — когда мы действительно захотим отомстить, у нас совсем не останется денег. Чтобы выплатить 132 миллиарда золотых марок, министерству финансов придётся изобрести способ трансмутации.

Последующие месяцы показали, как горько обернулась эта шутка. В Веймарской республике действительно объявились алхимики. Один из них, бывший баварский жестянщик, объявил, что периодическая система химических элементов никуда не годится, ибо в ней не учтены ещё сто элементов, двенадцать из которых легче водорода. Но поскольку только алхимик знает, что к чему, он готов превратить свинец в золото. И ведь нашлись

люди, кто поверил ему, потому как в те тяжёлые дни для них не осталось ничего, во что ещё можно было верить. После скачка инфляции, когда за месяц марка обесценивалась в пятьдесят раз, в предприятие баварского алхимика поверили многие промышленники. Ему ссужали немалые деньги на разработку метода трансмутации. А потом алхимик исчез где-то в Италии, вместе со своим методом, золотом и деньгами промышленников.

Семью Метцев-Гольдхагенов инфляция не довела до полного разорения лишь благодаря помощи августейшего пациента. По рекомендации принца Вальдемара, за консультацией к профессору обратилась его двоюродная сестра, принцесса Феодора. Как и мать, она страдала от порфирии, ещё одного наследственного недуга Ганноверов, которые с недавних пор стали именовать себя Виндзорами. Профессор ожидал встретить послушную пациентку, но вместо этого столкнулся с каким-то необъяснимым упрямством. Сорокачетырёхлетняя принцесса желала немедленного исцеления, но вместе с этим пренебрегала курсом лечения, что прописал ей Метц. А ведь профессор даже не стал говорить впечатлительной особе, что в состав изготовленных им пилюль входит высушенная человеческая кровь, так необходимая тяжело больным порфирикам.

В связи со всеобщим безденежьем, желающих сдать кровь стало в разы больше. Теперь профессору не было нужды искать доноров для Лили или принца Вальдемара. Они приходили в его дом сами, и в таком количестве, что многим жертвователям крови приходилось отказывать. Узнав американский секрет консервации крови, профессор Метц стал активно применять его для нужд Лили. Жаль лишь, что раствор цитрата натрия и глюкозы не позволял хранить кровь больше двух-трех дней.

С трудом, но за четыре года Сандра привыкла к бессоннице и кровопийству Лили. По её расчётам, покупать у доноров кровь оказалось выгоднее, чем простую пищу на рынке. Четыре процедуры переливания в месяц для Лили обходились куда дешевле, чем пропитание одной лишь Сандры за тот же срок.

Графиня Альнхафт разочаровалась в продуктовой ситуации, а заодно и в жизни, когда ей пришлось отдать крестьянке единственную фамильную ценность — перстень с изумрудом в обмен на мешок картошки. После такого нравственного потрясения графиня прожила лишь две недели и скончалась от внезапного удара. На последнюю наличность её похоронили в дубовом гробу, а на могиле установили надгробный памятник.

Глядя на то, как финансы семьи неумолимо тают, Сандра посчитала, что на четырёх членов семьи приходится только двое работающих, и потому задумала устроиться на службу. Она даже

записалась на курсы машинисток-стенографисток, куда звала и Лили, но та лишь уклончиво отказалась, сказав, что для учёбы и работы у неё совсем нет времени. Понимания со стороны отца девушка тоже не встретила.

— Сандра, дочка, подумай хорошенько, нужно ли тебе работать?

— Мы теперь живем в республике, — уверенно отвечала она, — а у республики есть конституция. Там написано, что женщины и мужчины равны перед законом и в правах и в обязанностях.

— Ох, девочка моя, — вздохнул отец, — конституцию можно написать за месяц. А на то, чтобы изменить сознание людей, потребуются годы.

— Ты боишься, что работая, я опозорю семью?

— Что ты такое говоришь?.. Я совсем не об этом хотел сказать.

— А о чём тогда?

— Видишь ли, — тяжело вздохнул профессор, — служба, где бы то ни было, не призвание женщины. Её призвание — дом и семья. Когда у меня родятся внуки, ты это и сама поймешь, и забудешь про все эти блокноты и печатные машинки.

— Но у нас с Даниэлем ещё нет детей, — упрямо заявила Сандра, — а если будут, чем мы их будем кормить?

— Нет-нет, ты совсем меня не хочешь понимать, — покачал он головой. — У твоей тёти Иды была работа, в которую она погрузилась без остатка. Она отдала ей молодость, и даже жизнь. И у неё так и не появилось ни семьи, ни детей. Ида осталась только в нашей памяти, но род свой продолжить она не смогла. Вот чего я не хочу для тебя. Понимаешь?

— Нет, — упрямо заявила Сандра. — Она не создала семью не потому, что много работала, а потому что всю жизнь любила одного человека.

— Что за глупость? — удивился профессор. — С чего ты это взяла?

— Тётя Ида сама рассказала нам с Лили об этом, когда мы служили в госпитале.

— Правда? Я ничего об этом не знал.

— Конечно, не знал. Тётя Ида держала эту тайну в своём сердце долгие годы, и поделилась ею только тогда, когда Лили завела разговор о наших с ней будущих женихах. Двадцать лет тётя Ида ждала, что он даст о себе знать, напишет ей или приедет, чтобы просто увидеться. Но не дождалась…

— Надо же, — пораженно произнёс профессор. — Кто бы мог подумать? Столько лет… А ведь я даже не догадывался, что Ида

кем-то увлечена.

— Не увлечена. Она любила его одного.

— И кто он, она говорила?

— Назвала только имя — Эжеб.

— Эжеб? — переспросил отец. — Неужели венгр? И чего только не узнаешь, спустя столько-то лет…

— Да, папа, — понуро произнесла Сандра. — Тётя Ида проработала всю жизнь в госпитале не потому, что хотела только работать. В её жизни просто не было любви.

— Ну, дочка, — начал ободрять её отец, — тебе-то жаловаться не на что. У тебя есть Даниэль. Так к чему эти разговоры о службе машинисткой?

Как бы Сандре не хотелось возразить отцу и сказать, что она несчастна не меньше покойной тёти Иды, но она побоялась признаться, опасалась, что слово за слово, и отец вытащит из неё признание об измене. В такой ситуации Сандре оставалось только натянуто улыбнуться.

— Нет, папа, я хочу быть не только… женой. Я хочу, чтобы мой труд был полезен республике.

Профессор только вздохнул и произнёс:

— Ты уже взрослая женщина и многое в этой жизни видела. Не мне тебя учить… Но у тебя есть муж, который теперь за тебя отвечает. Вот если он согласится, можешь работать. Но ты должна знать, что от постоянной работы с машинкой хрящи в твоих пальцах будут постепенно стираться, а к старости ты будешь мучиться от болей в суставах. Подумай хорошенько, нужно ли тебе всё это.

Про преклонные годы Сандре думать вовсе не хотелось, ведь когда ещё они наступят. Но ей было тяжело признать, что такой муж как Даниэль имеет над ней хоть какую-то, но власть. После их размолвки, он нередко ночевал на кушетке в своей лаборатории. Мыши и крысы стали интересовать его куда больше жены.

— Данни, — спросила его Сандра за завтраком, — а я вкусно готовлю?

— Да, — машинально ответил он, жуя гренок.

— А хозяйство я веду хорошо? Тебе всё нравится?

— Наверно.

— Тогда ты не станешь возражать, если я буду реже появляться дома?

— Что ты имеешь в виду? — отложив вилку, поинтересовался Гольдхаген.

— Я хочу пойти работать. Машинисткой-стенографисткой.

На минуту Даниэль погрузился в размышления, чтобы

заключить:

— А я не хочу.

— Как это? — опешила Сандра, ибо никак не ожидала, что мужа заботят её дела.

— Просто не хочу и всё, — как ни в чём не бывало, продолжал он. — С кем ты будешь работать? У кого? В какой-нибудь конторе у престарелого директора, которому нравятся молодые стенографистки? Нет, я не хочу, чтобы моя жена полдня проводила в обществе какого-то сластолюбца.

— Да как ты можешь мне такое говорить? — воскликнула Сандра.

Слова изменника оскорбили её до глубины души, но он упорно делал вид, что не понимает, из-за чего Сандра так обиделась.

Слёзы и скандалы продолжались из вечера в вечер, но Даниэль отказывался понимать чаяния жены.

— У тебя есть крысы, — говорила она. — А что остаётся мне? У меня, по-твоему, не может быть своих интересов?

— Ты же и так целыми днями свободна, — устало отмахивался от неё Даниэль. — Можешь делать что хочешь. Шей, вяжи крючком или чем ещё занимаются дома женщины. Вы с Лили всегда вместе, можете найти себе одно занятие на двоих. Не понимаю, чего ты ещё хочешь?

— Я хочу работать для семьи, — пытаясь подавить мандраж, продолжала настаивать Сандра. — Для тебя, для папы и Лили. А вы все как один, говорите мне, что это только моя блажь, а не забота о вас. Ладно, папа переживает за моё здоровье, а Лили так увлечена Отто, что ради него целыми днями только и делает, что выискивает в газетах все статьи на политические темы. Но ты почему против?

— Я же говорил тебе, — отвечал Даниэль, а в голосе его начали проскальзывать суровые нотки недовольства, — я не хочу, чтобы моя жена проводила полдня в обществе постороннего мужчины.

Сандра хотела рассмеяться, но вместо этого невольно расплакалась:

— А я хотела, — срывающимся голосом говорила она, — чтобы мой муж не проводил время в обществе чужой женщины.

От её слов Даниэль помрачнел и бессильно воскликнул:

— Ну сколько можно к этому возвращаться?! Я ведь уже не раз просил у тебя прощение, но ты постоянно начинаешь заново изводить и меня и себя. Пожалуйста, Сандра, хватит об этом вспоминать.

— Как я могу забыть?! — поражённо воскликнула она. — Я

видела, как ты целовал мою сестру, как ты обнимал её. Даже ко мне ты никогда не прикасался так, как к ней.

— Просто так вышло… — понуро пробубнил он.

— Просто так? — поразилась Сандра.

— Да, мы просто разговаривали и… как то… даже не знаю… будто искра проскочила… и…потом…

— Тогда уходи к ней.

— И не подумаю, — внимательно посмотрев на Сандру, произнёс Даниэль. — Ты моя жена, и я тебя люблю.

— Ты меня не любишь. Ты всегда любил Лили. С первого дня, как нас увидел, ты выбрал её.

— Но женился-то я на тебе.

— Так почему ты не вспомнил об этом, когда между вами полыхнула та искра?

— С тобой просто невозможно разговаривать, — заключил он и готов был выйти из спальни, но Сандра кинула подушку ему в спину, отчего Даниэль едва не упал и вынужден был обернуться:

— Ты что творишь? — поражённо вопросил он.

— А ты что? Лили ведь встречается с Отто, твоим другом. Как ты можешь так с ним поступать? А со мной, как ты можешь? Что я тебе сделала?

— Ну сколько мне ещё раз повторять, чтобы ты поняла, — бессильно воскликнул он, — между мной и Лили ничего уже нет! Если ты не хочешь верить мне, пусть Лили тебе скажет.

— Я никогда не стану с ней об этом говорить, — в испуге замотала головой Сандра. — И ты не скажешь, что я всё о вас знаю. Ты не посмеешь нас рассорить.

На этом разговор был окончен и Даниэль демонстративно отправился спать в лабораторию, оставив Сандру лить слёзы в подушку.

Затаив смертельную обиду на мужа, она долгое время не знала, как же её выплеснуть. Изменять изменщику с посторонним мужчиной было страшно, и оттого не хотелось. Закатывать новые скандалы становилось просто бессмысленно, потому как ни она, ни Даниэль своих позиций сдавать не хотели, и всё чаще размолвки заканчивались тем, что Сандра оставалась ночевать в пустой постели.

Одиночество душило её мертвой хваткой, с каждой ночью наваливаясь всё сильнее и сильнее. Сандре хотелось найти исцеление и забыть обо всех обидах и неурядицах, чтобы спокойно спать, а не размышлять до рассвета о своём несчастье.

И вскоре решение было найдено. Всё началось с домашних запасов вина. Поняв, что слабый градус не помогает залить печаль и уязвленную гордость, Сандра постепенно перешла на

виски и водку перед сном. Но алкоголь стал тяжелой статьей расхода семейного бюджета, и потому Сандра остановилась на неразбавленном 75 %-ном абсенте, купленным у соседа-бутлегера за полцены, ибо напиток был не самого лучшего качества. За вечер ей хватало всего пары рюмок горькой отравы, а позже и три, и четыре, и пять, чтобы почувствовать лёгкую эйфорию и притупить чувства, а после, увидеть искрящиеся сны.

Все возлияния происходили тихо, в запертой спальне. Больше всего Сандра боялась, что о её пьянстве узнает отец. Мнение Даниэля её не особо интересовало. А Лили была увлечена чем-то другим, чтобы обращать внимание, что сестра поднимается к завтраку позже обычного, выглядит апатичной, и небрежно относится к своему внешнем виду. Даже рыжие кудри Сандры стали выглядеть тусклее и жиже, под глазами появились тёмные круги, а лицо посерело.

Видимо, Даниэль успел что-то заподозрить, потому как в одну из ночей он покинул лабораторию с крысами и нагрянул в собственную спальню. В этот момент Сандра как раз наливала себе стопку из полупустой бутылки.

Даниэль долго молчал, прежде чем сказать:

— Ты же иссушишь свою печень. Ты это понимаешь? Тебе вообще знакомо слово цирроз?

— Отстань, — тихо ответила Сандра, уронив голову на ладони.

Даниэль попытался отобрать у жены абсент, но встретил активное сопротивление и оскорбления. Она била его по рукам и пьяно посмеивалась:

— Всё, кончились те времена, когда мужья транжирили приданое жён. Теперь я буду пропивать твое жалование.

На следующий вечер Даниэль снова пришёл в спальню, полагая, что при нём Сандра пить не станет. Но его расчёт не оправдался, и она снова потянулась к бутылке.

— Зачем ты так делаешь? — с грустью спросил он. — Я ведь люблю тебя.

Снова она услышала от него это признание, которое Даниэль произносил всякий раз, как Сандра поминала ему связь с Лили. И снова она не захотела верить в искренность его слов.

— С чего ты так решил? Мне казалось, ты любишь резать мышей и раскармливать крыс.

Произнеся это, она приняла две успокоительные рюмки и провалилась в глубокий сон.

14

В конце октября в далёкой Саксонии вспыхнули беспорядки, а всё из-за того, что в не менее далёкой Москве товарищ Троцкий задумал экспортировать мировую революцию в обитель загнивающего либерализма. В Гамбурге местные коммунисты попытались силой взять всю власть себе. Три дня в городе шли баррикадные бои, но армия подавила восстание. Раздуть мировой пожар у красных снова не получилось.

А через пару недель в самом сердце Баварии о себе заявила новая сила — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

Накануне пятой годовщины несуществовавшего отречения императора, по Мюнхену распространилась новость, что баварская армия вышла из повиновения веймарским властям и отныне подчиняется исключительно баварскому правительству в лице фон Кара. Поползли слухи, что со дня на день Бавария и вовсе окончательно отделится от Германии, восстановит монархию и создаст католическую Австро-Баварию.

Но в пятую годовщину мнимого отречения в центре Мюнхена прозвучали выстрелы. Профессор Метц был крайне подавлен — ему отчётливо вспомнились дни Первой русской революции и последовавшие за ними месяцы террора. Он не хотел пережить ещё раз и дни послесоветской власти, когда контрреволюционеры завалили город трупами. С ужасом он представлял, как и его младшая дочь падёт от шальной пули, после чего запретил Сандре выходить на улицу, тем более что выглядела она в последнее время немного болезненно.

В этот же пятничный вечер по традиции в дом Метцев пожаловал Отто Верт с последними новостями.

— Отто, скажи, что происходит? — взволнованно вопрошал профессор. — Мы снова отделились от Германии?

— Спокойствие, профессор, — заверил его журналист, трепля довольного Дирка по загривку, — радоваться рано, мы все ещё в одной шлюпке с Веймарской республикой. И не надо держать Сандру в темнице с крысами и хомяками. Стрельбы больше не будет. Всех зачинщиков путча арестовали.

Не потребовалось долгих уговоров, чтобы Отто принялся излагать хронику двух последних дней:

— Видимо, со времён Баварской советской республики у наших правителей стало традицией проводить заседания за кружкой пива. Вот и фон Кар вчера решил поупражняться в красноречии перед чиновниками в пивной. Все ждали, что он

объявит о реставрации монархии, но не дождались. Пока фон Кар драл глотку, пивную окружили шестьсот молодчиков. Они даже пулемёты с собой притащили. Потом на сцену вылез их лидер, пальнул в потолок и объявил, что началась национальная революция, и отныне веймарское правительство вместе с баварским низложены. А поскольку вместе с фон Каром в пивной заседал и начальник полиции с командующим армией, всех троих быстренько увели в соседнюю комнату. В зале сразу же начались возгласы недовольства, тогда молодчики притащили с улицы пулемёт, поставили его на сцену и посоветовали всем молча пить пиво. А директорию, этот, так сказать, триумвират, в это время активно уговаривали отправиться в поход на Берлин.

— Зачем на Берлин?

— Чтобы свергнуть президента Эберта. Надо сказать, когда к пивной привезли генерала Людендорфа, эта троица быстро согласилась на поход.

— Того самого генерала Людендорфа?

— Да, героя Великой войны. Правда, есть мнение, что он ничего не знал о перевороте, пока его не доставили к пивной. Но, переворот он охотно поддержал. Ещё бы, главарь революционеров назначил его главнокомандующим, а себя, ни больше, ни меньше, имперским канцлером. А фон Кара он определил регентом Баварии. Тот заявил толпе, что на Берлин идти согласен, и Людендорф со спокойным сердцем отпустил его домой. А после выяснилось, что фон Кар сбежал ночью в Регенсбург и оттуда заявил, что ни на какой Берлин идти не собирается и всё, что обещал под дулами пистолетов, выполнять отказывается, и вообще низлагает имперского канцлера с его главнокомандующим. И вот сегодня началась битва за министерство обороны. К слову, революционеры до него так и не дошли, их встретила полиции на площади Одеон. Вот тогда-то и началась стрельба. Говорят о шестнадцати убитых революционерах и трёх полицейских. Только Людендорф смог прорваться через полицейский заслон, и то лишь потому, что никто не посмел в него стрелять. В общем, сегодняшний путч можно считать провалившимся. Главарей сейчас активно ищут и арестовывают. Людендорф уже в тюрьме. А завтра утром я уеду в Берлин.

— Зачем? — удивленным, почти обиженным голосом вопросила Лили.

— В этом путче есть интересный след, и я хочу его проверить. Это русский след. Кстати, профессор, вам случайно не знакомо имя Шойбнер-Рихтера?

— Нет. И кто он?

— Ваш бывший соотечественник. Вы ведь из семьи остзейских немцев, не так ли?

— Не так, — возразил профессор Метц. — Я лишь несколько лет жил в Прибалтике, а девочки и того меньше, всего неделю, а затем мы перебрались в Петербург.

— Так значит, вы русские немцы.

— Нет, Отто, русскими немцами называют немцев Поволжья. А Поволжье от Петербурга отстоит на тысячу миль. Мы, если ты всерьёз хочешь знать, кочевые немцы. Дети мои родились в Курляндии, сам я — в Тюрингии, мой отец жил в Силезии, хотя родился в Польше, дед — в Баварии, а уж откуда родом его предки я даже боюсь предположить. Так что, Отто, мы из тех немцев, что как цыгане, не привязаны к родным местам, и определить нашу родину просто невозможно.

— Но у Лили с Сандрой ведь есть историческая связь с Прибалтикой, — продолжал настаивать Верт, — хотя бы по материнской линии. Да и вы наверняка общались с остзейскими немцами.

— Остзейскими немцами, — мрачно заговорила Сандра, — называют прибалтийских баронов. А наша мать была крестьянкой, а значит, её предков угнетали те самые бароны. Мы не имеем к ним никакого отношения.

— Ладно-ладно, только не обижайся. Мне ведь просто интересно узнать, что из себя представляют остзейские немцы. После революции в России они ведь массово хлынули на историческую родину. Что у них в головах, какое мировоззрение, какие идеалы? Мне просто хочется понять, что ими движет, раз такие люди как Шойбнер-Рихтер подержали национал-социалистов.

— А они их поддержали? — удивился профессор Метц.

— Пока это спорный вопрос, — аккуратно ответил Отто. — Как только вернусь из Берлина, всё вам расскажу.

— Так что же они поддержали? Какие требование у этих национал-социалистов?

— Хороший вопрос, — загадочно улыбнулся Отто, — Кажется, они ратуют за отмену Версальского договора, восстановление довоенных границ и армии. А ещё они требуют вернуть Германии все колонии, конфисковать спекулятивные доходы времён войны, национализировать тресты, выплатить достойные зарплаты рабочим, повысить пенсии, изъять земли на общественные нужды. Крупные промышленники должны рыдать. А ещё эти мечтатели обязуются обучить талантливых бедных детей за государственный счёт, заняться оздоровлением нации и всячески помогать матерям и детям.

— Что ж, и я бы поддержал такую программу.

— Не спешите, профессор, — ухмыльнулся журналист. — Эти революционеры планируют сладкую жизнь для всех граждан Германии, но готовы считать таковыми не всякого.

— В каком смысле?

— В их программе прямо сказано, что гражданином может быть только немец по крови, а все прочие — нет.

— Что за глупость? — нахмурился профессор Метц. — Как может быть иностранцем, например, поляк или чех по происхождению, если он и его предки всю жизнь прожили в Германии? Нелепица какая-то.

— Не знаю, что эти революционеры думают о чехах, поляках и русских латышках по матери, — в этот момент Отто нежно погладил руку улыбающейся ему Лили и перевёл взгляд на хмурого Даниэля, — а о евреях революционеры выразились предельно ясно. По их представлениям они гражданами быть не могут.

— Это ещё почему? — вопросил профессор Метц.

— Видимо, господа национал-социалисты считают, что в Германии слишком много евреев среди политиков и предпринимателей, а среди еврейских политиков и предпринимателей слишком много социал-предателей. Так что, их программа по отношению к евреям — это форма политической и экономической борьбы. Причудливой, но всё же борьбы.

— Это какая-то ненормальна борьба, — заключил профессор.

— Пожалуй, — согласился Отто. — Хотя, знаете ли, евреев в Германии очень мало, а в нынешней немецкой политике подозрительно много. На эту диспропорцию революционеры и упирают. Только бороться они хотят не с вредоносными политиканами, а со всеми евреями сразу. Сначала они собираются выдавить их из парламента, потом с рынков, и в конце, согласно их плану, все евреи независимо от политической ориентации прекратят издавать и редактировать газеты на немецком языке. При такой системе я бы лишился половины работодателей. А если национал-социалисты каким-то невероятным образом получат бразды правления и дореформируются до того, что нам станет нечего есть, то они обязуются выслать из Германии все лишние рты в лице не граждан. Каковы перспективы? Это все написано открытым текстом в их программе.

— Теперь я понимаю, почему они устроили путч, — мрачно заключил профессор, — с такими взглядами на будущее страны, никто не станет выбирать их в парламент.

15

От тревожных событий в городе и стране профессора Метца отвлекала только работа. Помимо преподавания и практики ему нередко приходилось консультировать коллег. Какого же было удивления Метца, когда в начале нового 1924 года в его дом пожаловал выдающийся берлинский терапевт Клемперер.

— Профессор, — вкрадчиво обратился он к Метцу, — у меня есть пациент, и я нахожусь в затруднении. Я не могу вам назвать его имени и должности, но скажу, что это высокопоставленный чиновник иностранного государства и ему чуть более пятидесяти лет.

— Что ж, и власть имущие не застрахованы от недугов.

— Вы правы.

— Так что же вы хотите у меня узнать?

— Дело в том, что болезнь моего пациента не укладывается ни в одну из известных форм мозгового заболевания.

— Интересно. Продолжайте.

— Первые симптомы проявились два с половиной года назад. Это были головокружения и ощущение тяжелой усталости. Пару раз пациент терял сознание. Поначалу я склонялся к тому, что головные боли и бессонница вызваны чрезвычайным переутомлением, так как никаких органических поражений мозга и нервной системы я не обнаружил.

— Надеюсь, ваш пациент позволяет себе отдых, чтобы восстанавливать силы?

— Увы, — признал Клемперер, — работа для него оказалась важнее собственного здоровья. К тому же он всё время сомневается в поставленном диагнозе.

— Вот как? Из-за чего же?

— Вначале он всерьёз опасался, что все эти симптомы предвещают душевный недуг. Когда через год его состояние неожиданно ухудшилось, мой коллега предположил, что всему виной старое ранение.

— Каким образом, позвольте узнать? — удивился такому обороту профессор Метц.

— Дело в том, что те пули так и не извлекли. Коллега подозревал, что болезнь может быть вызвана свинцовым отравлением и рекомендовал извлечь обе пули.

Имея за плечами опыт военного хирурга, профессор Метц тут же возразил:

— Но ведь они уже успели осумковаться. Сколько лет прошло с момента ранения?

— Четыре года.

— Тем более. Если свинцовое отравление не проявило себя в первые два года, вряд ли оно имеет место быть сейчас.

— Теперь коллега тоже это понимает, — кивнул Клемперер. — Но тем не менее, одну пулю он всё же удалил, из правой надключичной области. Операция прошла удачно, а через месяц случился приступ. У больного началась рвота, онемела правая рука и правая нога. Всё это сопровождалось сильной головной болью и помутнением зрения. А через час все симптомы исчезли, но повторились через четыре дня. Больной не мог говорить. Я заподозрил тромбоз мелких сосудов моторно-речевой зоны головного мозга.

— Но почему не тромбоз магистральных сосудов?

— Так ведь речь и подвижность конечностей вскоре вернулись. Это-то меня больше всего и удивляет. Состояние пациента периодически улучшается. Его интеллект полностью сохранился. Такая картина не характерна ни для одного известного мне заболевания. Коллеги твердят об артериосклерозе в тяжелой форме, но, согласитесь, для человека пятидесяти лет со здоровым сердцем, полностью сохранившим интеллект, подобное просто нехарактерно.

— И что же, ваш пациент выздоровел?

— Нет. Парез правых конечностей и потеря речи время от времени повторяются и так же периодически проходят. Я теряюсь в догадках. Такой болезни нет ни в одном медицинском справочнике.

— А вы не подозревали отравление? — к удивлению собеседника спросил профессор Метц. — Та периодичность, которую вы упоминаете, скорее, говорит не о внутренних изменениях, а о непостоянном внешнем воздействии. К тому же вы упомянули, что ваш пациент занимает высокую должность.

— Но, позвольте, сейчас не времена Борджиа.

— Коварство многих ядов состоит в том, что их нельзя обнаружить. Полагаю, никто бы не стал травить видного чиновника банальным мышьяком. Кстати о мышьяке, вы не подозреваете у пациента сифилис?

— Разумеется, это первое что мы с коллегами проверили. Брали кровь и спинномозговую жидкость — результат отрицательный. Но вы же понимаете, сифилис очень коварная и многоликая болезнь, чтобы так просто её отвергать. В конце концов, люэс бывает врожденным, а не только приобретённым.

— А если никакого сифилиса нет? Коллега, вы же знаете эту странную традицию медицинского сообщества — при спорных и необъяснимых случаях отчаянно диагностировать больному

сифилис, даже если его нет и в помине. Но тогда приходится давать пациенту препараты из йода и мышьяка. Я надеюсь, ртуть вы ему не прописывали?

Судя по молчаливой реакции Клемперера, больного не минула чаша сия.

— Коллега, — продолжил говорить профессор Метц, — мне очень жаль слышать историю вашего пациента. Если бы от меня что-то зависело, я бы приложил все усилия, чтобы отменить противолюэтическое лечение и искать другое — правильное и единственно верное.

В ответ Клемперер порылся в портфеле и протянул Метцу кипу измятых листов:

— Я знаю о вашем интересе к гематологии, потому и привез результаты анализов крови.

Профессор Метц внимательно изучил бумаги. Признаков сифилиса или тромбоза в них не просматривалось, как и подтверждения теории об отравлении. Но для такого рода заключения нужен был комплексный анализ совсем иного рода.

— Он скоро умрет, — неожиданно для профессора Метца произнёс Клемперер, принимая обратно результаты анализов, — как не прискорбно это осознавать. Он и сам всё прекрасно понимает, хоть мы и не говорим с ним об этом.

На этом Метц и Клемперер распрощались, и профессор почти успел позабыть об этой странной истории, как через несколько месяцев в начале марта к нему нагрянул нежданный гость — московский анатом по фамилии Карузин, его ровесник. До этого дня профессор Метц не был знаком с этим учеником своего деда, но медики быстро нашли общий язык. Профессор Карузин вспоминал, как двадцать семь лет назад впервые встретился с уже не молодым Книпхофом, и как тот поразил его своими знаниями и навыками. Метц внимательно слушал гостя, и не мог отделаться от мысли, что Карузин приехал в Мюнхен из советской России вовсе не для того, чтобы предаться воспоминаниям о профессоре Книпхофе.

— Да, вы правы, — признался Карузин. — Я приехал с просьбой и хочу обратиться к вам, Павел Иванович, как к наследнику профессора Книпхофа, преемнику всех тех знаний, что он оставил после себя. Мне крайне необходима формула его бальзама.

— Я впервые слышу, что мой дед был бальзамировщиком, — возразил Метц. — О чём вы говорите, Пётр Иванович? Он анатомировал трупы, а не сохранял их.

— Всё верно. Но изредка, в особо безнадежных случаях, когда тело плохо сохранялось и на лице появлялись пятна, профессор

Книпхоф применял свой секретный препарат. Многие бальзамировщики охотились за рецептом, предлагали ему немалые деньги, но профессор отвергал все предложения. Однажды я видел, как он впрыскивал под кожу трупа этот раствор. Через час от пятен ничего не оставалось — кожа была абсолютно чистой! Как преподаватель пластической анатомии я был просто поражен.

— Когда вы это видели?

Карузин ненадолго задумался и произнёс:

— Лет двадцать назад, здесь, в Мюнхене.

— Но в 1904 году профессору Книпхофу было уже девяносто шесть лет. Он никого не мог анатомировать, разве что в университете во время занятий со студентами.

— Официально, конечно, он не работал по основной специальности. Но негласно все знали, что профессора можно пригласить в морг, проконсультироваться по спорному случаю. Собственно, двадцать лет назад я так и сделал. Но помимо заключения, профессор помог мне и с бальзамированием.

— Увы, Пётр Иванович, мне ничего не известно об этом чудо-средстве.

Но Карузин и не думал принимать отказа. Напротив, он умоляюще обратился к Метцу:

— Наверняка профессор оставил записи о бальзаме. Павел Иванович, я прошу вас, найдите его формулу. Я не прошу отдать мне рецептуру, пусть она останется вашей династической тайной. Просто продайте мне сам раствор. Заказчик заплатит хорошие деньги. Только сделайте этот бальзам.

Что-то в тоне гостя не понравилось профессору Метцу, и он спросил:

— Простите моё любопытство, но кто заказчик?

Немного помявшись, Карузин всё же произнес:

— Да, вы правы, к чему скрывать? Вы, наверное, и сами догадываетесь. Ведь, как я слышал, недавно у вас консультировался доктор Клемперер.

Профессор Метц уже хотел было спросить, какова связь между бальзамированием и берлинским терапевтом, но тут же перед его глазами начала складываться мозаика: Советская Россия, высокопоставленный чиновник, тяжело болел неизвестно от чего, недавно умер, раз Карузин собирается его бальзамировать. И тут в голове прозвучал голос, словно чужой: «Ленин».

— Нет! — воскликнул Метц, сорвавшись с места, — уходите, прошу вас. Я не могу вам ничем помочь!

— Павел Иванович, что с вами? — искренне изумился

Карузин. — Разве вы успели чем-то насолить советской власти, что так её боитесь?

С тех пор как началась Великая война, профессор запретил себе говорить с кем бы то ни было о своей работе в России, о цесаревиче и его родителях. После падения монархии в обеих странах, нашествия коммунистов и расстрела семьи русского царя, он и вовсе опасался за безопасность своих детей и себя самого. Узнай кто-нибудь из интернационалистов, кого он лечил в царской России, беды было бы не миновать.

Кроме покойного профессора Книпхофа и дочерей, о его давней связи с Романовыми, не знал никто. Профессор Метц искренне надеялся, что и советским властям об этом неведомо.

— Нет-нет, — лихорадочно продолжал отказываться Метц, расхаживая по кабинету из угла в угол. — Это большая ответственность, я не могу.

— Полно вам, — добродушно улыбался ему Карузин, — какая у вас может быть ответственность? Вы же уже давно не живёте в Петрограде. Тем более другие специалисты провели вскрытие ещё в январе. Кстати, вам как консультанту не любопытно узнать результаты? — Профессор Метц не успел возразить, как анатом тут же продолжил, — Там было тяжелое поражение мозговых сосудов в особенности сонной артерии. Мозг испещрен многочисленными вмятинами, рубцами и полостями. Странность заключается в том, что было поражено исключительно левое полушарие мозга. И причин такой избирательности недуга никто до сих пор не знает. Зато целым осталось правое полушарие, его-то и отдали на исследования. Вообще, сейчас тело в неважном состоянии: глазницы заметно запали, уши заострились, на носу появились пигментные пятна. Увы, тело обречено на высыхание и искажение.

— Чего же вы хотите, ведь прошло уже полтора месяца.

— В том - то и дело, что мы хотим найти способ более длительного сохранения.

— Зачем?

Карузин неловко улыбнулся и произнёс:

— Мы уже давно с вами не соотечественники. Что я буду вам рассказывать об уникальности Владимира Ильича и его гения? Вам приходилось слышать имя Николая Фёдорова?

Внутри профессора Метца всё похолодело. Он не просто слышал о нём — он слышал его самого. Николай Фёдорович, «московский Сократ», давным-давно, двадцать пять лет назад дал Метцу надежду, что смерть возможно победить, что всякая жизнь может длиться вечно — нужно только захотеть найти способ и открыть путь к бессмертию. Тогда мёртвые воспрянут из небытия,

отцы вновь встретятся со своими детьми. Собственно это профессор Метц и осуществил четыре года назад с Лили. Но к чему вспомнил о заветах Николая Фёдоровича Карузин?

— Вы, что же, — неуверенно вопросил профессор Метц, — хотите оживить мертвого Ленина?

— Нет, конечно, — заверил его Карузин, — ведь пока такой технологии нет. Николай Фёдорович, знаете ли, был большим мечтателем. Все его теории о воскрешении детьми отцов родом из его детства, да. Он ведь был внебрачным сыном князя Гагарина, рос без участия отца. Отсюда и все его мысли о высшем единении сынов и отцов, даже если их разделила смерть. Как помните, он призывал воскрешать всех. Но к чему нам это? Во все времена люди были разные, зачем нам возвращать к жизни и откровенных подонков? Другое дело, если подходить к процессу избирательно, и даровать бессмертие только выдающимся людям. У Владимира Ильича не осталось потомков, а это осложняет процедуру его возможного воскрешения. Но мы с товарищами можем попытаться сохранить его тело, чтобы потом, когда технология оживления появится, у нас был хоть какой-то биологический материал для воскрешения. Мы обсуждали различные варианты — и содержание тела в атмосфере азота для препятствия окисления жиров, и погружение в ванну с бальзамирующей жидкостью, и замораживание при -10 градусах Цельсия. Красин так рвётся в бой, что сейчас скупает по Германии холодильное оборудование. — И Карузин раздраженно махнул рукой. — Что с него взять — инженер. Но мы-то с вами медики.

Теперь и профессор Метц начал проникаться всей грандиозностью идеи, которую задумали советские анатомы. Законсервировать тело на максимально допустимый срок с полной сохранностью внешнего вида. Годы, десятилетия, а может и больше. А ведь никто ещё не добивался таких результатов, ни один специалист, ни в одной стране мира. Если бы это стало возможным, советские бальзамировщики показали бы себя выдающимися мастерами своего дела и прозорливыми учеными.

— Вы знакомы с профессором Шором? — внезапно поинтересовался Карузин.

— Георгием Владимировичем? Конечно, ещё по Военно-медицинской академии.

— Так вот профессор Шор предложил использовать глицерин — впрыскивать его под кожу.

— Глицерин… весьма разумно, — согласился Метц. — Клетки, пропитанные им, никогда не высохнут, так как глицерин притягивает влагу из воздуха, и никогда не загниют, так как он хороший консервант.

— Но есть побочный эффект, — поспешил возразить Карузин. — Такой способ ведёт к пигментации. Не получится сохранить кожу в первоначальном виде.

— Значит, изменится цвет, — задумчиво протянул профессор Метц.

— Да. Но не исключено и усыхание. Кожа станет бурой, даже коричневой, и будет выглядеть как иссохший пергамент. Если бы вы только нашли рецепт бальзама вашего деда, можно было бы устранить эту проблему.

— Право слово, я не могу вам ничего обещать, — признался профессор Метц и пожал плечами. — Я ведь не против, просто…

— Да-да, я понимаю, — горько закивал головой Карузин. — Профессор Книпхоф не оставил вам формулы.

— А что будет, если ваша попытка бальзамирования не удастся? Если ничего не получится?

— Не получится, так не получится, — с лёгкостью произнёс Карузин, — что уж тут поделать. Мы ничего не теряем. Если ничего и вовсе не предпринимать, то тело придётся вскоре предать земле. Так не попытать ли удачу?

— Вы будете ответственным за эксперимент? — поинтересовался профессор Метц.

— Нет, что вы, я всего лишь на подхвате. Руководить процессом поручено одному химику, вторую скрипку будет играть мой харьковский коллега. Он всё боится, что в случае неудачи советская власть припомнит ему былую связь с белыми. Он ужасный паникёр. Всё время ходит и говорит, что ничего не получится, что он не давал своего согласия на участие, что его заставляют. Жутко мнительный, хотя и знаток своего дела. Боюсь, что рассчитывать я могу только на вас.

— Вы преувеличиваете, — смутился Метц. — Но я обязательно проверю записи профессора Книпхофа и сразу же сообщу вам, если что-нибудь найду.

— Благодарю, Павел Иванович, надеюсь, всё закончится благополучно.

Распрощавшись с Карузиным, профессор Метц ещё долго прокручивал этот разговор в памяти. Он впервые слышал, чтобы его дед Книпхоф когда-либо изобретал чудо-препарат от пигментных и трупных пятен. С другой стороны, Книпхоф всегда был скрытным и чересчур деятельным анатомом. Может он и вправду что-то изобрёл. Но почему тогда не обнародовал свои успехи?

Ответ профессору Метцу удалось отыскать в домашней библиотеке, в тайнике под банкой с заспиртованным зародышем пятикопытного ягнёнка-циклопа. Рядом с пустым грязным

пузырьком лежал список из множества ингредиентов, одним из которых значилась «черная кровь белой женщины», которая «вследствие фагоцитоза перерабатывает отмершие клетки крови и остается под кожей, поддерживая её влажность».

Такого от своего деда профессор Метц никак не ожидал. Но ведь всё гениальное — просто. Разумеется, чёрная кровь с её устойчивостью к сворачиванию способна долгое время продержаться в любой среде, даже под кожей трупа. А учитывая, что носитель этой крови питается кровью человеческой, избавление от трупных пятен гарантированно.

Метц помнил, как профессор Книпхоф получил чёрную кровь белой женщины Мери от британца Рассела. Помнил он и наказ, использовать эту кровь для поиска эликсира жизни. Но чтобы вместо оживления мёртвого употребить чудесную кровь для поддержания жизни в мертвеце — до такого мог додуматься только анатом Книпхоф.

Где взять нужное количество чёрной крови, так необходимой для изготовления бальзама, профессор Метц знал, благо Лили не задавала лишних вопросов.

16

Летом профессор Метц получил телеграмму из Лондона, в которой доктор Рассел извещал его, что вскоре прибудет с визитом и новым презентом.

Метц запаниковал. Пять лет назад его эксперимент с шишковидной железой кровопийцы завершился успехом. Но он не известил об этом своего патрона, хоть и должен был. Что теперь говорить Расселу? Что его дочь Лили перестала быть похожа на саму себя и начала питаться кровью?

Профессор Метц слишком хорошо помнил, как Рассел обошёлся с подземной белой женщиной: как порезал ей руку лишь для демонстрации регенерации, как разрешил вытащить из неё кусочек мозга, только для того чтобы исследовать его. Для хирурга Метца подобное изуверство противоречило профессиональной этике. Но Рассел уже признавался, что держит несчастную Мери в подвале уже больше двадцати лет. Что это если не рабство? Что может прийти в голову такому человеку, увидь он Лили — нежный цветочек, юную прекрасную девушку? Полюбуется и забудет или заберет в Лондон и посадит в свой подвал?

В назначенный день профессор Метц наказал Лили не появляться дома. Взволнованный отец заручился обещанием Отто, что тот сводит её в кино, а после они посетят выставку современных художников, съездят на пресс-конференцию к ратуше, а потом прогуляются в парке — так и пройдёт весь их день вдали от дома.

За десять лет с момента прошлого визита доктор Рассел немного постарел. Да и сам профессор Метц в свои шестьдесят четыре года не был молод. Первое, что произнёс Рассел при их встрече, был странный комплемент:

— Слышал о ваших контактах с советскими бальзамировщиками. Мои поздравления. Вижу, ваши исследования дают хоть и побочные, но положительные результаты. Вы не посещали Москву?

— Нет, — обескураженно ответил Метц, пытаясь понять, к чему же ведёт Рассел.

— Я тоже не был. Но очевидцы уверяют, что покойный вождь выглядит как живой. Говорят, даже брат Ленина выбежал из мавзолея крайне напуганным. — И Рассел иронично заметил, — Надеюсь, вы не переборщили с пересадочным материалом, а то ещё чего доброго покойник вздумает ожить и продолжить мировую революцию.

Профессор Метц терялся в догадках, откуда Рассел мог обо всём этом знать, если он не был ни в Мюнхене, ни в Москве. Единственное слово, которое вертелось на языке, было «шпионы».

А Рассел, как и в прошлый раз, вынул из саквояжа банку с шишковидным телом и протянул её Метцу:

— Полагаю, моё подношение весьма своевременно, особенно сейчас, когда многие ученные Европы увлечены изучением мозга.

— Да-да, конечно, — спешно произнёс профессор и без колебаний принял препарат.

— У вас замечательный зять, — неожиданно заметил Рассел. — Достойный продолжатель семейного дела. Я слышал о его экспериментах с крысами. Весьма обнадеживающе.

— Что вы имеете в виду?

— Так ведь вначале разумно ставить опыты на животных, чтобы потом перейти к экспериментам на людях. Отдайте это ему, — указал взглядом на банку Рассел, — пусть молодой человек расширит свой научный кругозор. Помню себя в его годы… — задумчиво протянул Рассел, и добавил, — А ведь именно тогда я и встретил Мери.

Весь вечер профессор Метц размышлял над словами англичанина, думая о том, что же сказать Даниэлю. Но зять первым зашёл в кабинет и увидел всё сам. Заметив знакомую склянку с не менее знакомым содержимым, он тут же спросил:

— Это то самое шишковидное тело, что вы пересадили Лили?

— Да, Даниэль, — признал профессор.

— И что вы собираетесь с ним делать?

— Пока не знаю, — с горечью вздохнул Метц, — не знаю.

— Откуда оно у вас?

— Та, у кого его забрали, — неуверенно произнёс профессор, — не человек в привычном для нас понимании.

— А кто же? — поражённо вопросил ученик.

— Видишь ли, — колеблясь, сказал Метц, — та женщина пила кровь.

В глазах ученика блеснул огонёк любопытства, и он спросил:

— Так значит, от неё этот недуг передался Лили?

— Я бы не называл это болезнью. Скорее приспособлением.

— К чему?

— Мне сложно сказать. Насколько я помню былые разговоры, та женщина жила в таком месте, где нет ничего кроме голой земли.

— Я не понимаю.

— Пещеры, подземелья, катакомбы. Там, где нет света, нет и растительности. Но там нет и людей. Я не знаю, почему она питается кровью. Но Лили не стала похожей на неё, поверь мне.

— Вы уверены? То, что стало с Лили, не имеет аналогов в истории медицины. Если бы я был суеверен, то посчитал бы нашу с вами алхимическую операцию искусственным созданием гомункула. Но ведь с Лили случилось полное биологическое перерождение. И это грандиозно!

— Пока мы не знаем, чем всё это может закончиться, — попытался умерить его восторг профессор, — Каковы побочные эффекты такого перерождения? Я боюсь, Даниэль… не знаю, что ждёт нас завтра, через год или десять лет. Лили не просто осталась жива, она кардинально преобразилась и стала другой. Я создал из своей дочери нового человека, который не спит и не ест. Но я не знаю до конца, на что способен новый человек. И это неведение страшит меня. Порою что-то внутри меня говорит, что я ошибся, когда изменил ход природы. Но голос разума побеждает все сомнения. Я врач, и должен спасать жизни, а не безучастно смотреть, как они гаснут.

— Конечно профессор, как же иначе?

Учитель и ученик ещё долго спорили о жизни и смерти. Сколько бы профессор Метц не высказывал собственных опасений по поводу будущего Лили, столько и Даниэль заверял его, что эксперимент с оживлением мёртвого тела не имеет аналогов в истории медицины, и его нужно, во что бы то ни стало продолжать, тем более, что новый биологический материал в виде железы снова оказался в руках профессора.

Когда в поздний час Даниэль вернулся в спальню, Сандра уже и не ждала его появления и потому успела принять крепкое успокоительно. Пытаясь заснуть, она почувствовала, как муж лёг на кровать.

— Сандра… — тихо позвал Даниэль, но она не стала к нему поворачиваться, продолжая лежать на боку и делать вид, что спит.

Когда он ласково провел рукой вдоль её бедер к изгибу талии и попытался обнять, Сандра раздраженно скинула его руку и плотнее укуталась в одеяло. За спиной раздался разочарованный вздох.

— И почему ты так себя ведёшь? — устало вопросил он. — Я давно уже понял твою хитрость. Если я прихожу в спальню вовремя, ты принимаешь меня, если я опаздываю, то ты начинаешь пить. Сандра, может хватит? Уже год ты изводишь меня и губишь себя. Зачем? Хочешь привлечь моё внимание? Я вроде бы и так стараюсь.

— Чего ты там стараешься? — сиплым голосом проворчала Сандра. — Ты сам хитрый. Спешишь прийти пораньше, чтобы я не успела выпить. А может я не хочу, чтобы ты приходил?

— Почему ты так говоришь? — обиженно произнёс Даниэль. — Сколько бы я не пытался с тобой помириться, ты постоянно принимаешь мои слова в штыки. Да, сегодня я задержался и не успел прийти раньше. Но это только потому, что я разговаривал с твоим отцом и разговор этот был очень серьёзным. — Немного помолчав, он уверенно добавил, — А может мне стоит рассказать профессору, что уже год ты пьёшь абсент? Может хоть это приведёт тебя в чувства?

Сандра резко повернулась к мужу и зло посмотрела на него:

— Только попробуй. Расскажешь ему про выпивку, я расскажу про тебя и Лили.

Видимо, этот аргумент подействовал, ибо Даниэль не нашёлся, что ответить Сандре. Так они и молчали. Сквозь навалившийся сон ей показалось, что кто-то тихо сказал: «Ты не хочешь бороться за наш брак, значит, я один поборюсь». А может ей это просто приснилось.

Через несколько дней, когда Даниэль снова задержался в своей крысиной лаборатории, Сандра привычно откупорила бутылку и выпила первую рюмку. Горький вкус показался ей ещё более неприятным. Тусклый свет в комнате противно замерцал, от чего Сандра устало прикрыла веки. Но мерцание не прошло, в довесок к нему послышался странный гул, и Сандра почувствовала, что падает в пропасть. Распахнув глаза, она явственно увидела, что всё ещё находится в своей спальне и сидит на кровати, а перед ней стоит наполовину пустая бутылка зеленого напитка. По телу прокатилась судорога, и к собственному ужасу, Сандра поняла, что не может пошевелиться. Бессильно закричав, она из последних сил сделала рывок и повалилась на пол.

Сквозь пелену боли и страха Сандра почувствовала, как кто-то вбежал в комнату и пытается её поднять. Потом были голоса. Кажется, Лили рыдала, отец причитал, а Даниэль успокаивал его. Перемежаясь с гулом в ушах, до Сандры долетали обрывки чьих-то слов: «глюкоза… морфин опасен… уже год… хронический абсентизм… девочка, зачем же ты так с собой… полынь… туйон ядовит… я не чувствую её сердцебиения…»

А внезапно всё померкло и затихло. Разум окутала пустота.

Сквозь пелену то ли сна, то ли забытья Сандра пыталась побороть немощь, но тело ей не подчинялось. Оставалось только лежать и слушать, что происходит вокруг. Но чужие слова не вносили ясности в происходящее.

— Профессор, — с тревогой в голосе обращался к нему Даниэль, — что-то пошло не так.

— Я и сам это вижу, мальчик мой, — глухим голосом

отозвался отец.

— Она изменилась, — продолжал недоумевать муж, — но совсем не так как Лили. Теперь они совсем не похожи друг на друга. И я не могу понять почему. Ведь мы дали Сандре молоко с выпаренной кровью именно Лили.

— Железа была крупней.

— Что вы имеете в виду?

— Я едва сумел ввести её в ноздрю. Не понимаю.

А потом голоса затихли. Сандра потеряла счёт времени, когда вновь услышала слова мужа:

— Ты помнишь, как это происходило с тобой? — спрашивал он кого-то.

— Нет, — послышался сдавленный голос Лили. — Ничего не помню. Только как папа дал мне выпить серое молоко, а потом я открыла глаза и увидела его. А потом тебя. На тебе лица не было, будто ты испугался меня.

— Ты просто сильно изменилась, — словно оправдываясь, ответил он.

— Но почему так сильно изменилась Саша? Она не осталась прежней, но и не стала такой как я. Как так могло получиться?

— Не знаю Лили, — понуро отвечал Даниэль. — Я рассчитывал, что всё повторится в точности, как это было с тобой, но я ошибся. Не знаю, почему она не стала такой же как ты, не знаю.

— Не важно. Похожи мы с Сашей или нет, но мы сестры. Этого никто не сможет изменить.

Сандра и дальше время от времени слышала разговоры родных. Как она не старалась открыть глаза, пошевелить рукой или ногой, но ничего не получалось. Сандра беспомощно пребывала в темноте, в ясном сознании, но без малейшего шанса дать знать об этом другим.

Судя по разговорам, отец теперь знал о её пьянстве, но вовсе не сердился. Напротив, он то и дело корил себя, что не смог доглядеть, порою даже попрекал Даниэля, что тот не известил его вовремя. Сандре казалось, что отец сидит у её кровати и проводит рукой по волосам. Вот только Сандра ничего этого не чувствовала, ей просто казалось, что он рядом и его забота обволакивает её.

Потом казалось, что Лили держит её за руку и подолгу не отпускает. И Даниэль — сидит напротив и чего-то упорно ждёт.

Когда ощущение собственного тела вернулось, Сандра взвыла от боли, что разливалась и скручивала конечности и каждый позвонок. Перед глазами мелькали испуганные лица родных, но суета вокруг не могла отвлечь Сандру от мучений. Казалось, это

длилось вечно. Но постепенно боль стала уходить, а вместе с ней и крики со стонами отчаяния. Когда к Сандре вернулся дар речи, она попросила больше не колоть ей морфий, от которого становилось только хуже.

Когда дурман лекарств выветрился и Сандра смогла ясно взглянуть на происходящее вокруг, она увидела комнату, отведённую отцом под операционную и процедурною. В полутьме, освещенной ночником, она разглядела, спящего Даниэля, что сидел в кресле, придвинутом к её кушетке. Сандра тихо встала и пошатнулась — с непривычки ноги отказывались её держать. Ухватившись за спинку кресла, она невольно разбудила Даниэля. Когда он открыл глаза, то поспешил вскочить с места и обнять Сандру. Он осыпал её поцелуями и лихорадочными словами:

— Ты вернулась… любовь моя… Сандра… теперь всё будет хорошо… как раньше…

А Сандра всё стояла и не могла понять, что же в нём изменилось. Определённо, с Даниэлем было что-то не так. Отстранившись, она внимательно посмотрела на озадаченного её холодностью мужа.

— Ты стал ниже ростом? — понимая всю глупость вопроса, спросила она.

Сандра продолжала смотреть на Даниэля, держа голову прямо. А ведь раньше ей приходилось её задирать, чтоб смотреть на мужа внизу вверх.

— Нет, Сандра, — смущённо ответил он. — Я остался прежним. Просто ты…

Договаривать он отчего-то не стал. Невольно Сандра посмотрела себе под ноги, но никакой обуви с высокой подошвой на своих ступнях так и не увидела. Не увидела она и своей пышной груди. Не веря собственным глазам, Сандра провела ладонями по стану, но ни груди, ни живота, ни широких бёдер так и не нащупала. Настолько плоской и тощей Сандра не была даже в детстве. В ужасе она глянула на свои руки — пальца отчего-то вытянулись и стали костлявыми. Сандра схватилась за голову пытаясь ощупать лицо, но от одних только ощущений ясного понимания, что происходит, так и не пришло. Когда Сандра коснулась волос, то почувствовала шапку тугих кудрей, а когда попыталась вытянуть их, то перед глазами предстали светлые соломенные локоны.

Сандра кинулась в сторону коридора, чтоб взглянуть на себя в зеркало, но Даниэль угадал её манёвр и перехватил жену в дверях.

— Нет, Сандра, — умоляюще произнёс он, — тебе ещё рано. Остановись, давай сначала поговорим.

Но ей не нужны были разговоры. Сандра просто хотела посмотреть на свое отражение. Когда она увидела в зеркале высокую и худую блондинку с густыми кудрями, она не сразу разглядела впалые щёки, заострившийся нос и резкие черты лица. Она не могла оторвать взгляда от испуганных серых глаз, ужас в которых множился с каждым мгновением. Он слово гипнотизировал, забирая всякие силы, чтобы отпрянуть от зеркала и отвернуться. Лишь когда из глаз потекли алые струйки слёз, Сандра в страхе закричала и отшатнулась.

Даниэль подхватил её со спины и не дал упасть. Не помня себя, Сандра рыдала в голос, а Даниэль шептал ей на ухо:

— Тише, Сандра, тише… всё образуется, только не плачь… я с тобой, любимая… тише…

На крик прибежали отец и Лили. Дирк протяжно выл в коридоре, как обыкновенно собака воет по покойнику — тоскливо и надрывно. Кода Сандру увели в спальню, она ещё долго не могла успокоиться и прийти в себя: оказаться в чужом безобразном теле было противно, и оттого душа болела и рвалась наружу, прочь.

Лишь на следующее утро, когда Даниэль оставил Сандру и ушёл на прогулку с псом, в их комнату вошёл отец. Смущенно улыбнувшись, он вмиг погрустнел и присел на кровать рядом с Сандрой.

— Папа, — осипшим грубым голосом, обратилась она, — что со мной случилось?

— Ты отравилась, — мягко пояснил отец, гладя её по руке. — То, что ты пила, содержало повышенную дозу туйона. Это опасное, ядовитое вещество.

— Откуда оно там взялось?

— Из полыни. Абсент ведь настаивают на полыни. У тебя, наверное, были галлюцинации?

— Свет мерцал, — согласилась Сандра, — я падала в пропасть.

— Вот видишь. Всё дело в туйоне. Видимо производитель ошибся и добавил больше, чем нужно. Тот абсент вообще изготовлен кустарно, так что…

Сандра хотела было возразить, что пила из той бутылки днём ранее и ничего плохого с ней после этого не случилось, но осеклась, едва открыв рот. В душу закрались тревожные сомнения. С каждой секундой они выстраивались в четкую схему из следствий и причин. Но Сандру волновало и другое:

— Разве туйон может так обезобразить?

— О чём ты дочка?

— Почему я так выгляжу? Где моё тело?

— Твоё тело при тебе. Просто оно претерпело изменения. Как у Лили.

— Нет, — замотала головой Сандра. — Лили не такая. У неё фигура женщины, а не мальчика, у неё блестящие чёрные волосы, а не мочалка на голове, у неё красивое лицо, а не гримаса…

— Сандра, перестань, — похлопал её по руке отец. — Твое лицо не гримаса. Ты просто ещё не привыкла к нему.

— А ты?

— Я? — удивленно переспросил он и вынуждено признал, — Ты права, за сорок дней, что ты лежала в забытьи, я видел всё, что происходило с твоим телом, и успел привыкнуть к изменениям в твоём облике. Те боли, что мучали тебя — это всё из-за роста костей. Ты просто выросла.

— Я не ребёнок, папа, — укоризненно произнесла она. — Я уже давно не могу расти. И при чём тут туйон? Скажи мне правду, я умерла? Как когда-то Лили? И вы с Даниэлем вернули меня к жизни? Но почему так? Зачем вы изуродовали моё тело?

Отец тяжело вздохнул и, не поднимая глаз, произнёс:

— Прости меня, Сандра. Я был очень напуган, когда увидел, как ты бьешься в конвульсиях на полу. Я вспомнил, как несколько дней умирала Лили, вспомнил телеграмму, где было сказано, что ваша мать скончалась. Сандра, дочка, поверь, я боялся потерять тебя. Я бы не смог пережить и твою… — Он осёкся, так и не произнеся очевидное слово. — Родители не должны переживать своих детей, Сандра. Если хочешь, считай меня эгоистом, но я не мог поступить иначе. И Лили меня поддержала. И Даниэль. Всё время, что ты была без сознания, он делился с тобой своею кровью.

— Что? — опешила Сандра? — Какую кровь, зачем? Разве я ранена?

— Нет, Сандра, теперь тебе постоянно будет нужна кровь. Как и Лили.

— Нет!… - в ужасе протянула она, уронив голову на колени, — я не хочу кровь. Зачем?

— Тише, Сандра, упокойся, — водя ладонью по её спине, приговаривал отец. — Теперь уже ничего не поделать. Только кровь может поддержать в тебе жизненные силы. Ничего страшного в этом нет. Лили уже пять лет живет за счёт донорской крови и ничего плохого с ней не случилось.

В голове Сандры засело имя сестры. Пять лет назад Лили умирала от перитонита, но отец с Даниэлем нашли способ вернуть её к жизни, после чего сестра изменилась до неузнаваемости, как снаружи, так и внутри. Тогда-то Даниэль и изменил Сандре с новой Лили — прекрасной и нежной. Тогда-то

он и стал попрекать Сандру за то, что она не смогла забыть его измену. Тогда-то она и стала пить, из-за чего и отравилась. Но отравилась ли? Нет, она пила абсент из той бутылки накануне и ничего с ней дурного не случилось. А может это Даниэль отравил её, убил, дабы сделать такой как Лили? Вот чего он хотел все эти годы — чтобы его жена уподобилась его прежней возлюбленной, чтобы она всегда была как Лили — её тенью и копией.

Пошатывающейся походкой Сандра вышла в коридор, чтобы встретить мужа, когда тот вернётся с прогулки. Когда Даниэль вошёл в квартиру, Дирк неохотно пересёк порог. Как только пёс увидел Сандру, то сразу прижал хвост и уши и как-то странно попятился назад.

— Сандра? — улыбнулся ей муж. — Ты встала, значит, тебе стало лучше? Это прекрасно…

— Ты отдавал мне свою кровь, — перебив, сурово вопросила она.

— Конечно. Как же я мог доверить это постороннему? Ты ведь моя жена. Мой долг заботиться о твоём благополучии.

От этих высокопарных и самоуверенных слов внутри Сандры начала закипать злоба. Дирк жалобно заскулил и скрылся за дверью, но поводок в руках Даниэля не дал ему далеко уйти.

Наверное, что-то нехорошее мелькнуло во взгляде Сандры, раз Даниэль спал с лица, прежде чем она вцепилась в него мертвой хваткой и повалила на пол.

— Тогда я выпью из тебя всю твою кровь, — закричала она — всю, без остатка!

Сандра не знала, как бить, но ей очень хотелось причинить Даниэлю сильную боль. Подоспевший отец оттащил её от мужа и ошарашенный Гольдхаген в ужасе отполз от кричащей и извивающейся жены.

— Я не умирала! Ты убил меня! Ты это сделал!

Отец поспешил увести Сандру в комнату, чтобы уложить в постель, но буйство и истерика заставляли Сандру метаться по кровати и вырываясь из рук отца. Ей хотелось крушить, хотелось истязать и ранить. Только ремни, которыми отец связал её по рукам и ногам, заставили успокоиться, когда скованная Сандра окончательно выбились из сил.

Вскоре в комнату вошла Лили, но Сандра лишь металась в бреду и скороговоркой причитала:

— Лучше бы я не рождалась… я ведь не должна была родиться… я должна была стать мертвым плодом….

— Ты что такое говоришь! — опешила Лили, пытаясь обнять извивающуюся сестру.

— Я не родилась… я не прошла по родовым путям… я

осталась внутри… и мама умерла… а я не умерла… не умерла…

Постепенно, день за днём Сандра стала приходить в себя и привыкать к новой жизни. От тяжёлых мыслей она больше не могла заставить себя заснуть. Стоило только закрыть в ночи глаза, как в полудреме появлялись очертания угрожающих фантомов, и Сандра вскакивала с кровати и зажигала ночник. Днём она с отвращением глядела на своё отражение в зеркале, не узнавая в нём ничего. Она не стала такой же красивой как Лили, напротив, стала только дурнее себя прежней. Старые платья висели на Сандре как на вешалке, вся обувь оказалась мала. Жизнь без сна вначале казалась мучительной, жизнь без еды с постоянными вливаниями крови становилась пресной, жизнь без выпивки и вовсе потеряла всякие краски. Язык не ощущал никаких вкусов. Для интереса Сандра пару раз полоснула себя по венам, не из желания умереть, а просто от безразличия. Порезы зажили через пять минут.

Даниэль сторонился Сандры. Может он всерьёз боялся, что она исполнит обещание его обескровить, может быть ему просто было стыдно смотреть ей в глаза. Но поговорить им всё же пришлось.

— А куда подевался Дирк, — внезапно для самой себя спросила Сандра, поняв, что давно не слышала пса.

— Он убежал, — бесцветным голосом ответил Даниэль.

— Куда?

— Я не знаю, — через силу ответил он. — Когда ты кинулась на меня, он сорвался и убежал. Я искал, звал. Но, он не вернулся.

— Он меня боится, — заключила Сандра. — Ты тоже.

Даниэль хотел было уйти от неприятного разговора, но не успел.

— Зачем ты отравил меня?

— Я? — вопросил он и с упрёком добавил, — Это ведь ты пила целый год.

— Однако не упивалась до смерти, — злобно глянув на мужа, ответила Сандра. — Мне надо было раньше догадаться, что ты за человек. Вначале ты резал крыс и морских свинок, а теперь решил поэкспериментировать на мне. Что ты думал? Я стану лучше? Я стану такой же, как Лили? Может у меня волосы почернеют и талия станет тоньше, грудь выше и мы с ней снова будем выглядеть как близнецы? Даниэль, ты что, так до сих пор ничего не понял? Мы с ней разные люди, в наших головах разные мысли и чувства. Мы не две копии друг друга. Может быть когда-то ими и были, но не сейчас. Пять лет назад в Лили умерло всё лучшее, что было у нас обеих. А теперь и я умерла. Я какой-то другой человек и больше не понимаю себя. И тебя не понимаю. И её. —

На миг Сандра замолчала и внезапно для самой себя произнесла, — У меня прекратился цикл. Ты знал, что так будет?

Даниэль промолчал, отчего Сандра взорвалась негодованием:

— Да ты хоть понимаешь, каково мне, женщине, теперь жить, зная, что у меня никогда не будет детей? Ни твоих, ни моих!

Она обессилено опустилась в кресло и закрыла лицо руками, тихо произнеся:

— Я знаю, как ты любишь моего отца, но… Ты поступил как кукушонок. Знаешь, что они делают, когда оказываются в чужом гнезде? Выбрасывают яйца, убивают родных птенцов, чтобы остаться единственными нахлебниками.

— Зачем ты так говоришь? — наконец заговорил Даниэль.

— Я не знаю. Я, правда, не понимаю, почему ты так поступил со мной. За что? Потому что я не такая как Лили? Тогда почему тебе не жить с ней?

— Потому что моя жена ты, — твёрдо заявил он. — И ты, наконец, бросила пить. Теперь хотя бы бутылка не будет препятствием между нами.

Может лет пять назад, когда они были молодоженами, такие слова воодушевили бы Сандру, вселили надежду, что её жизнь не безразлична Даниэлю и он её любит. Но сейчас его слова звучали как приговор о пожизненном заключении в одной камере.

— Я никогда не скажу о твоем поступке отцу, — пообещала она. — Только потому, что это убьет его. И ты… никогда не говори отцу, что ты сделал со мной. Никогда.

17

Профессор Метц ломал голову над необъяснимой с точки зрения логики загадкой. Близнецы — два идентичных друг другу человека. Две железы взяты у одной и той же белой женщин. Вторая операция прошла, в точности повторяя первую. Но результаты чудовищно разнятся. Почему после перерождения Лили и Сандра окончательно перестали быть близнецами? Чего он не знает о физиологии мозга белой женщины? Какие ещё послеоперационные последствия помимо пития крови ждут его дочерей?

За ответом профессор Метц отправился в Ганновер, ведь именно там его ждал Фриц Хаарманн, заключенный городской тюрьмы, чей мозг после казни обещали отдать профессору для исследований.

Еще с юношеских лет Фридрих Генрих Карл Хаарманн был известен саксонским психиатрам. В молодости он приставал к маленьким детям, из-за чего его сочли тихим сумасшедшим и поместили в психиатрическую клинику. Но в один прекрасный момент Фрицу надоела опека врачей, и он сбежал, чтобы бродяжничать в Швейцарии, снова вернуться в Ганновер, и даже послужить в армии. После войны он открыл кондитерскую лавку в родном городе, где помимо сдобы стал торговать и мясом.

Фриц Хаарманн был гомосексуалистом. Этот порок не был такой уж редкостью для Ганновера. Многие юноши, чувствовавшие тягу к мужчинам и не находящие понимания в семье, уезжали из дома именно в этот город, где на мужскую любовь смотрели куда как проще. Новая жизнь начиналась для них с вокзала. А в зале ожидания их встречал Фриц Хаарманн. Он знал, как в толпе малолетних бродяжек найти распутного и нуждающегося паренька — он чувствовал его всем своим нутром и никогда не ошибался.

Сначала Хаарманн приглашал юношу пожить в каморку при своей мясной лавке, а потом и в свою постель. А через неделю он смыкал ладони на шее юного любовника и душил его, пока тот не терял сознание. И тогда наступал главный момент для порочной страсти Хаарманна: теперь он мог впиться зубами в юношеское горло и пить его теплую кровь.

У Хаарманна была ещё одна страсть — его постоянный любовник по имени Ханс Гранс. Молодой человек не только знал о кровопийстве Фрица — он его всячески поощрял, приводя в дом мясника очередного юношу для любовных и кровавых утех. Подбирал жертв он очень просто — по понравившейся куртке,

штанам или ботинкам. После убийства одежда всегда доставалась Грансу, а бездыханное тело Хаарманн оттаскивал в свою мясную лавку, где разделывал словно тушу скотины. Человеческое мясо он смешивал с говяжьим и делал из него сосиски. За дешевизну их охотно покупали владельцы соседних ресторанов и кафе, и с удовольствием ели ничего не подозревающие посетители. В годы кризиса низкая цена блюда была особенно привлекательна.

Когда в Ганновере стали бесследно пропадать молодые люди, полиция вовсе не подозревала Хаарманна, ведь он был их осведомителем. Но всё же он попался. Следствие доказало, что за шесть лет он успел испить крови двадцати четырёх юношей. Хаарманн заверял следователей, что он ненормален и не отвечает за свои поступки. Однако, врачи, которых допустили к изучению феномена Хаарманна, утверждали обратное.

Профессор Метц выехал в Ганновер сразу же, как только узнал из газет о поимке «ганноверского вампира», как прозвали Хаарманна журналисты.

Профессор с трудом подавлял волнение, ожидая встречи с убийцей. В дороге он успел подумать о многом и многое в своей жизни переоценить. Фриц Хаарманн — жестокий убийца, что пьёт человеческую кровь… А ведь его дочери тоже питаются кровью людей. Да, они не разрывают чужие глотки, а просто сидят на кушетке и терпеливо ждут, когда кровь из вены донора пройдёт через гемотрансфузный аппарат и окажется в их жилах. А может, не будь аппарата, они бы поступили иначе? От одной этой мысли профессору становилось не по себе. Он начал подозревать, что и Фриц Хаарманн может оказаться вовсе не сумасшедшим. Кто знает, может во время его путешествия по Швейцарии кто-то влил в Хаарманна раствор из молока и сушенной чёрной крови, а после ввёл через ноздрю частичку чужого мозга? Но что толку гадать и бояться собственных подозрений, если узнать природу «ганноверского вампира» можно было наверняка.

Когда профессора Метца привели в тюремную комнату с особо опасным заключённым, в железной клетке он увидел мужчину сорока пяти лет с пронзительными ледяными глазами. Скованный цепями по рукам и ногам он мог передвигаться не дальше двух метров. Профессора не покидало странное ощущение непонимания, кого же он видит перед собой — человека или чудовище в людском обличие?

Надзиратель позволил профессору взять у арестованного анализ крови. С трепетом Метц приступил к делу, страшась не столько близости к жестокому убийце, сколько боясь увидеть цвет его крови. Когда шприц наполнился багровой жидкостью, профессор Метц перевёл дыхание — нет, его девочки никогда не

станут жестокими кровопийцами.

И всё же, интерес профессора к арестованному не был удовлетворён. Он знал ещё об одном недуге, что порой заставляет человека желать чужой крови. Получив от тюремного начальства дозволение на беседу, профессор Метц не преминул им воспользоваться.

— Хотите спросить о моих отношениях с отцом, о тяжёлом детстве? — поинтересовался убийца.

— Нет. Почему вы так решили?

— Все доктора это спрашивают. До вас их было много.

— Я хочу спросить вас совсем о других вещах. Вы страдаете бессонницей? Вам бывает тяжело засыпать?

— Нет, доктор.

— Время от времени вас мучают боли в животе?

— Меня? Нет, совсем нет.

— Бывает ли так, что порой вам становится неприятны самые обычные звуки?

— Лай собак раздражает.

— А солнечный свет не доставляет вам неудобств?

— Я хожу по улице днём.

Сказав это Хаарманн неприятно улыбнулся, словно насмехаясь над ученым и его непонятными вопросами. Но профессор Метц и не думал отступать:

— Может у вас появляется сыпь на коже от прямых солнечных лучей? Или слепит глаза?

— Ничего подобного. Я чувствую себя нормально.

Подозрение, что Хаарманн болен порфирией, окончательно развеялось. Никаких физических признаков этого заболевания у него не было. Единственным совпадением оставалось лишь явное психическое расстройство, выразившееся в питие крови.

— Зачем вы убивали молодых людей? — спросил профессор прямо. — Вам действительно была так нужна их кровь?

— Я не знаю.

— Что вы этим хотите сказать? — удивился он. — Вы убивали без причины, только потому, что хотели убивать?

— Я этого не помню.

— Вы не помните момент убийства?

— Нет, его я видел. А почему пил кровь… — И Хаарманн пожал плечами.

— Расскажите, что вы видели перед собой в момент убийства, что чувствовали?

— Я наблюдал это как бы со стороны, как в синематографе на экране. Я видел рану на шее, кровь, как замирает лицо.

— А что вы чувствовали в этот момент?

— Ничего. Я просто наблюдал.

— Питие кровь вызывало в вас чувство эйфории?

— Доктор, я простой мясник и не знаю таких умных слов.

— Я имел в виду радость, восторг, ощущение полета.

Но Хаарманн снова покачал головой, и добавил:

— Я ведь говорю, что не помню.

Когда профессор покинул комнату с заключенным, то ещё долго пребывал в замешательстве. Только что он видел человека, загубившего двадцать четыре юные жизни без причины и удовольствия. Да, психиатры отказались признавать его невменяемым, ведь он не рассказывал им об извращенных желаниях, связанных с кровью и смертью. Хаарманна считали хладнокровным убийцей. Пожалуй, так оно и было. Но если бы Хаарманн хотел лишь убивать своих любовников во время извращенного акта, то мог бы просто душить их. Но ему понадобилась кровь, и ни сам Хаарманн, ни профессор Метц, ни другие ученые, так и не могли понять почему.

Настал день суда. Когда приговор был вынесен, профессор Метц обратил свой взор на Хаарманна. На лице убийцы читалась оторопь, будто он не ожидал, что правосудие будет с ним столь строгим. А может он просто не верил, что вскоре его ждёт смертная казнь. Но через мгновение ступор прошёл, и Хаарманн рассмеялся так заливисто и зло, что многим присутствующим стало не по себе.

— Я всё равно вернусь! — крикнул он, прежде чем его вывели из зала. — Вы же знаете, вампиры бессмертны!

Его казнили рано утром на рассвете. Кто-то говорил, что его голову отрубили мечом, специально освященным по такому случаю в церкви. Но это были только слухи. На самом деле на шею Хаарманна опустилось лезвие гильотины. Ведь так повелось ещё с давних времён — вампира нужно обезглавить, чтобы он никогда более не тревожил живых.

Палач, как и обещал, отдал голову ученым. Одни рассчитывали доказать математическим способом, что пропорции лица Хаарманна свидетельствуют о его врожденной склонности к насилию, другие надеялись выявить склонность к вампиризму в клетках его мозга. Профессор Метц относился к последним. Связь кровопийства и отдельных частей мозга с недавних пор стала для него глубоко личным вопросом.

Когда профессор Метц вернулся из поездки в Ганновер домой, у порога квартиры его встретила Сандра. Помогая отцу распаковывать багаж, она осторожно вынула склянку из саквояжа.

— Что это? — глухим голосом спросила она, разглядывая, что же плавает в растворе.

— Это? — спохватился профессор, — ничего, милая, просто препарат, мозг.

— Я вижу, папа, что это мозг. Но почему он такой отвратительный.

Профессор Метц озадаченно глянул в склянку, а потом снова на дочь. Сандра попятилась от стола, на который поставила препарат и обхватила голову руками.

— Почему мне страшно? — жалобно вопросила она. — Будто волосы встают дыбом и холод по спине. Папа, убери его!

— Хорошо, Сандра, хорошо. — И он суетливо сунул склянку обратно в саквояж, лишь бы успокоить дочь, вот-вот готовую разрыдаться. — Не волнуйся, я сейчас же унесу её в университет. Только переоденусь и унесу.

Сандра поспешила запереться в своей комнате. Профессор Метц так и не решился сказать дочери, что этот мозг принадлежал «ганноверскому вампиру». Теперь он четко уяснил, что чувства Сандры обострились настолько, что она всем нутром ощутила чужеродную ей самой сущность Хаарманна и пугающую природу его естества. И оттого профессору Метцу стало спокойнее на душе — значит, его дочь никогда не будет кровожадным чудовищем. А мозг Хаарманна наверняка даст ему ключ к пониманию, какой же дефект в организме заставляет смертного человека желать чужой крови. Может именно здесь, в склянке с раствором, и хранится первопричина порфирии королевских особ — её разгадка и лечение?

18

Несколько месяцев понадобилось Сандре, чтобы окончательно обрести душевное равновесие и перестать бояться собственного отражения. Лили позабыла обо всех своих увлечениях и делах, и все дни и ночи проводила рядом с сестрой. Только постоянные беседы с Лили отогрели душу Сандры. Она, наконец, снова почувствовала, что у неё есть самый близкий и понимающий человек, вторая половинка. Правда, о неделимом целом речи уже давно не шло. Их взгляды на жизнь по-прежнему разнились, зато на кровь и бессонницу поразительно совпадали.

Лили удалось растормошить Сандру и заставить её впервые за долгое время выйти из дома, чтобы сделать новую причёску в парикмахерской и обновить гардероб в магазине одежды. Домой Сандра вернулась преобразившейся и даже в хорошем расположении духа. Вечером Даниэль внимательно оглядел жену, но встретив её посуровевший взгляд, так и не решился ничего сказать. Зато высказался Отто Верт, что после долгого «карантина», как ему было сказано, вновь посетил дом Метцев-Гольдхагенов:

— А знаешь, — обратился он к жене друга, — новый стиль тебе очень даже идёт. Правда. Новый цвет волос, каблуки. Ты здорово похудела.

Сандра слушала комплименты и старательно изображала улыбку Джоконды, то и дело поглядывая на Даниэля, чтобы видеть как волнение на его лице сменяет смущение и замешательство.

Но Отто подвоха в новом облике Сандры упорно не замечал. Внешний вид Лили интересовал его куда больше, но даже рядом с возлюбленной он не забывал о деле:

— Профессор, — поспешил обратиться к нему Отто Верт, — вам известно имя Шойбнер-Рихтера?

— Нет. А должно?

— Он ваш бывший соотечественник, остзейский немец.

— Кажется, об этом ты меня когда-то спрашивал.

— Да в прошлом году, сразу же после «пивного путча».

— А, австриец Хитлер и его банда, — припоминая, кивнул профессор. — Ты знаешь, в Германии сейчас много эмигрантов из бывшей Российской империи, за всеми и не уследишь.

— Вы поддерживаете с ними связь?

— Не особо. Видишь ли, мы переехали в Мюнхен не из политических соображений, а сугубо семейных. Мы в глаза не видели большевиков, и нам не за что клясть или превозносить

Керенского с Колчаком. Одним словом, нам не о чем даже поговорить с теми эмигрантами.

— Ну а имя Виктории Мелиты вам знакомо?

Профессор помедлил с ответом, и все же с неохотой признал:

— Знакомо. Но сейчас её зовут иначе.

— Конечно, — согласился Отто. — Она ведь теперь Романова, жена то ли великого князя, то ли императора всероссийского.

— Тогда уж самопровозглашенного императора, — поправил Метц.

— А вам известно, что самопровозглашенная императрица в прошлом году оплатила своими драгоценностями «пивной путч»?

— Виктория Мелита? — не поверив своим ушам, переспросил профессор.

Отто довольно кивнул и продолжил излагать разоблачение:

— У неё есть имение на севере Баварии, в Кобурге. Перед путчем Шойбнер-Рихтер с женой нередко там бывали. А уезжали они оттуда с деньгами, и деньги эти в результате каких-то сложных взаимозачетов оказались в кассе национал-социалистов.

— Удивительно, — только и сказал Метц.

— А что вам известно о великом князе Кирилле? — не отставал журналист. — Кажется, в его родословной есть очень серьёзные изъяны, чтобы претендовать на императорский трон.

— Да, — вздохнул профессор, — его мать приняла православие, когда великому князю было уже тридцать два года. В императорской семье подобное не приветствовалось. Обычно принцессы переходили в православие, будучи невестами, но никак не матерями уже взрослых детей. Но не это главное. Всё дело в его супруге, Виктории Мелите. Дело в том, что её брак с великим князем Кириллом это второй брак. В первом она была женой Эрнста Людвига, великого герцога Гессенского. Они приходятся друг другу кузенами, оба внуки британской королевы Виктории. Их брак был несчастливым, ни он, ни она его не желали, но всё решила воля их родственников. Только потому свадьба состоялась. Их единственный сын умер во младенчестве, а дочь скончалась от тифа когда ей было восемь лет. Виктория Мелита хотела получить развод на третий год брака, но бабка Виктория не позволила. Как только она померла, Эрнст и Виктория Мелита расстались. И через четыре года она вышла замуж за Кирилла. И этот брак был против всех правил.

— Почему?

— Потому что они приходятся друг другу кузенами. Их дедом был российский император Александр II.

— И что в этом такого? Герцог Гессенский тоже был двоюродным братом.

— Видишь ли, Отто, Россия — страна очень строгих обычаев. Кузены там не могут быть супругами, будь они хоть аристократами, хоть простолюдинами — церковь запрещает подобные близкородственные союзы. К тому же Виктория Мелита отказалась переходить в православную веру, как когда-то мать Кирилла. И в заключении, сам император Николай II не дал разрешение на этот брак, и лишил Кирилла и его потомков всех прав, какими обладали члены императорской фамилии, в том числе и на наследование престола. Но брак состоялся и стал настоящим оскорблением для императорского дома. Ведь Эрнст Людвиг Гессенский был родным братом императрицы. Виктория Мелита по собственной инициативе рассталась с герцогом, предпочтя всего лишь внука давно почившего императора.

— Из ваших слов, получается, что Кирилл самый что ни на есть самозваный император?

— Я не знаю, Отто, как правильно ответить на твой вопрос. В конце концов, Виктория Мелита перешла в православие, и император одобрил этот брак. Но согласись, от одного только его дозволения Виктория Мелита не перестала быть разведенной, да ещё и кузиной. Может быть, казуистика закона и позволяет Кириллу быть наследником престола. Да только престола никакого нет.

— Это не проблема, — тут же заявил Отто. — Может, его нет сейчас, а в обозримом будущем…

И он многозначительно развел руками, на что профессор недовольно вопросил:

— Ты что же, считаешь, что большевики как по волшебству испарятся и на их место тут же прибежит царь Кирилл?

На такую догадку Отто лишь хитро улыбнулся и вопросил:

— А если те, кто сметёт большевиков, захотят реставрировать в России монархию?

— О чём это ты говоришь? — нахмурился профессор. — Кому может прийти в голову подобное?

— Назовем их «заинтересованными кругами».

— Так в чём же их интерес?

— Профессор, вы же помните, что случилось после Генуэзской конференции? Германия и Россия заключили договор о сотрудничестве. Я имел удовольствие лично убедиться, что европейским верхам это совсем не понравилось. А дальше, как помните, очень быстро убили Ратенау. А потом и Ленин скончался от инсульта. И сразу же объявился царь Кирилл. Если среди большевиков и вправду началась грызня за власть, как об этом говорят, очень может быть, что в новоиспеченную республику очень скоро войдут интервенты. А после них, кто

знает, какая власть займёт место красных: может парламент, может директория, а может и монарх со свитой. Я не удивлюсь, если среди эмигрантов уже есть обученные кандидаты в диктаторы и премьер-министры. На всякий случай приготовили и царя. Как помнится, в Венгрии долгое время тоже было не понятно, какая власть приживётся. Но выиграла монархия. Собственно, в прошлом году из-за этой жуткой инфляции наша республика тоже трещала по швам. Сначала её пытались подточить красные, через месяц тараном ломанулись коричневые. И что удивительно, не прошло и двух недель после пивного путча, как инфляция остановилась. Это же были настоящие крысиные бега: кто быстрее займет власть — красные, коричневые или монархисты?

— Так ведь никто и не смог этого сделать. Власть осталась прежней.

— Я полагаю, всё ещё впереди, вот увидите. Если Виктория Мелита не станет российской императрицей, то продаст с позволения супруга очередную диадему в пользу Хитлера. Нужно уметь правильно вкладываться в политику — это приносит неплохие дивиденды. Вообще, нынче политика стала очень увлекательным занятием.

Последние слова запали Сандре глубоко в душу. Вот чего не было в её жизни — увлечения, интереса. Она вспомнила, что когда-то хотела поступить на службу машинисткой-стенографисткой, но Даниэль ей это запретил. После его отказа Сандру и заинтересовал абсент, и это увлечение кончилось плохо. Абсент отныне был недоступен, но вряд ли постоянная нужда в донорстве могла помешать работе с пишущей машинкой.

Когда Сандра пришла на курсы, чтобы восстановить подзабытые навыки, ей тут же сообщили, что в городской совет срочно требуется стенографистка, вести протоколы заседаний. Сандра хотела было отказаться от такой ответственности, но вовремя поняла, что второго шанса может и не быть, и разборчивой машинистке впредь не захотят ничего предлагать.

Первый рабочий день стал для Сандры настоящим кошмаром. От волнения она не успела внести в блокнот и половины услышанного. После заседания, сидя в секретарской комнате за пишущей машинкой, Сандра с тоской глядела в размалеванный блокнот и думала о неотвратимом увольнении в первый же рабочий день. Она попыталась прокрутить в голове реплики, произнесённые на заседании разными людьми, и к собственному удивлению, поняла, что помнит их все: порядок фраз, интонации, все слова и паузы — как будто в голове всё это время работал фонограф.

Сандра приступила к набору протокола на машинке, вначале медленно, чтобы случайно не ошибиться ни в одной букве, ни в одном знаке препинания, а затем, освоившись, она спешно набила объемный текст за самое короткое время. Результатом наниматели остались довольны, и Александру Гольдхаген с радостью приняли в штат сотрудников.

Когда Даниэль узнал, где она пропадала весь день, то укоризненно заметил:

— Я же говорил тебе, что мне это не нравится.

— А мне всё равно, что ты говорил, — дерзко ответила Сандра, даже не посмотрев в его сторону.

— Ты специально так оделась?

— Как?

— Как будто хотела доказать всей ратуше, что у тебя нет мужа.

Сандру эти слова только рассмешили, а Даниэль ещё больше обиделся.

— А, может, у меня и нет никакого мужа, — заявила она. — То, что мы носим одну фамилию на двоих, уже давно ничего не значит.

— Как это не значит?! — воскликнул Даниэль. — С каких это пор?

— С тех самых, как ты начал пропадать в своей лаборатории больше обычного и стал прятать от меня свою опасную бритву. Что, боишься, что я исполню свою угрозу и полосну тебя ею по горлу, чтоб напиться крови? Уймись, Даниэль, мне твоя кровь не нужна. И ты тоже.

— Что значит, я тебе не нужен? Тебе хватило одного дня на службе, чтобы найти себе любовника?

Такого оскорбления Сандра стерпеть не смогла. Не так её воспитывала тётя Агапея, чтобы Даниэль посмел назвать её прелюбодейкой.

— Мерзавец, — зло прошипела она. — Считаешь, что только ты можешь мне изменять? Нет, сегодня я просто работала, а завтра точно найду себе мужчину. И получше тебя.

Сандра хотела было гордо удалиться, но Даниэль не дал, ухватив её за руку. Ещё никогда он не позволял себе так грубо обращаться с женой. Сандра не стерпела этого, больно ударив его по руке. Даниэль ошарашено отшатнулся.

— Зачем ты так? — обижено вопросил он. — Я ведь люблю тебя.

— Не любишь, — отрезала Сандра. — Если бы любил, то дал бы понять, что я ещё интересую тебя как женщина.

Даниэль на миг задумался и произнёс:

— Так ты из-за этого на меня так злишься? Сандра, да я же подступиться к тебе не могу. Почти каждую ночь я жду тебя в спальне, а ты всё время пропадаешь в комнате Лили. Ты сама обо мне забыла.

На миг Сандра опешила. После своего кардинального преображения она много месяцев не могла прийти в себя. И только Лили — Лили, а не Даниэль — дала ей снова почувствовать вкус к жизни. Живя под одной крышей, Сандра крайне редко вспоминала о муже, разве что в моменты, когда он попадался ей на глаза.

— Забыла, говоришь? — озадаченно повторила она. — Ну, тогда идём в спальню, пока никого нет.

Но даже предвкушение близости не смогло убрать между ними напряжение. Сандре было несказанно стыдно раздеваться перед мужем. После ежедневных упражнений перед зеркалом она смогла привыкнуть к своему изменившемуся лицу, но не фигуре. Сандра продолжала стыдиться своего усохшего тела. Но, кажется, Даниэля её преображение ничуть не смущало. Когда он провел ладонями по её плоской груди и сомкнул руки на стройной талии, Сандра не удержалась от замечания:

— А ведь раньше ты так не мог.

— Что?.. — осипшим голосом отстранённо произнёс он.

— Я говорю, раньше бы так меня обнять у тебя не получилось. Руки бы за спиной не сошлись.

— А?.. Да…

Но, вырвав у мужа признание, Сандра на этом не остановилась:

— Наверное, думаешь, что сейчас лежишь в постели с другой женщиной? С худой, высокой, совсем не такой, какую брал в жены. Наверное, тебе очень приятно — вроде бы и женщина другая, а вроде и не измена.

Кажется, от её слов всякий настрой на близость пропал и у Даниэля. Отстранившись, он серьёзно спросил:

— Ты специально говоришь мне такие гадости?

— Какие? Разве это не правда? Ты ведь хочешь не меня, а моё новое тело.

Даниэль лишь покачал головой, бессильно вопрошая:

— И почему ты стала такой? Откуда столько злобы?

— Ты сам меня такой сделал, — холодно заключила Сандра. — Наслаждайся результатом.

Но Даниэль сел на край кровати и начал застёгивать рубашку.

— Ты что, уйдёшь?

— Да, — бесцветным голосом подтвердил он. — Думала, я

бесконечно готов терпеть от тебя унижения? Нет, Сандра, всему есть предел. После всех стараний хоть как-то помириться, я не заслужил от тебя такого отношения к себе.

Сандра слушала его и не понимала. Она смогла обидеть Даниэля лишь словом? А ведь он обидел её делом, даже двумя: в первый раз, когда спал с Лили, и второй, когда отравил её и возродил к новой жизни в новом ненавистном теле.

— Значит, не хочешь меня? — спросила она.

— Больше не хочу. По крайней мере, пока ты не перестанешь говорить чушь под руку.

Это замечание уязвило и разозлило Сандру, ей стало несказанно обидно за себя. Ненависть к Даниэлю закипала с каждым мигом всё сильнее. Весь этот спектр эмоций пронесся у неё в голове за несколько секунд и взорвался подобно вулкану.

Когда муж собирался подняться кровати и направиться к двери, не помня себя, Сандра вцепилась в Даниэля и повалила его на постель. Внутри всё клокотало, и внезапно Сандру посетило ранее незнакомое ей чувство — она захотела овладеть Даниэлем силой. Сколько бы Сандра не пыталась заломить ему руки и удержать лежащим на спине, Даниэль упорно отбивался. Она рвала на нём рубашку и брюки, и звук трещащей материи предавал ей ещё больше силы и распалял желание к насилию. Вот только эмоции не могли найти путь к своему воплощению. В итоге Сандра поняла, что физически бессильна осуществить задуманное, и отпустила Даниэля.

Лёжа на пустой кровати в ожидании, когда буря в душе уляжется, и дыхание снова станет ровным, Сандра в ужасе размышляла, что же ней произошло, откуда в ней взялись эти звериные инстинкты. Ей стало стыдно за своё поведение, и вечером она даже извинилась перед Даниэлем, но он лишь молча выслушал её и ушёл ночевать в лабораторию. А Сандре снова стало обидно. Может, эта дикость побочный эффект от вливания чужой крови? А кто проводит для неё процедуру гемотрансфузии, если на сам Даниэль? А из-за кого она вообще стала питаться исключительно кровью? А теперь он лишь осторожно ходит по дому и боится посмотреть ей в глаза.

Ещё какое-то время Сандра оставалась коротать ночи в пустой спальне, но за пару месяцев Даниэль, зная, что Сандра там, в комнату так и не пришёл. Он избегал её и боялся, потому что оставался слабым, а Сандра стала сильной — так она рассудила для самой себя.

С тех пор Даниэль больше не осмелился сказать Сандре ни одного плохого слова о её работе. Когда же Отто узнал, чем теперь занимается жена его приятеля, то не смог не воскликнуть:

— Вот это удача! О таком я даже мечтать не мог. Теперь в ратуше у меня есть ценный информатор.

— Забудь, — ехидно улыбнувшись, отмахнулась Сандра, — я умею хранить тайны.

— Это очень плохо, — пожурил её журналист, — горожане имеют право знать, что происходит в городском совете.

— За день я много чего пишу, но никогда этого не запоминаю, — соврала Сандра, — иначе бы у меня просто взорвалась голова.

Как бы Сандра не заверяла Отто, что у неё короткая память, но время от времени она проверяла свои возможности — пыталась вспомнить, что записывала в определенный час, день назад, неделю, месяц. И всегда ей это неизменно удавалось. Сандра поинтересовалась у сестры, происходит ли с ней нечто подобное и получила положительный ответ.

— Допустим, — загадала Лили, — возьмем 17 декабря, почти четыре месяц назад. С утра шёл снег, но к полудню прекратился. Ты ушла на работу в 08:12, Даниэль отправился на свою через девять минут, а у папы в тот день не было первой лекции. Я помыла за вами всю посуду, потом сходила в булочную, встретила фрау Бауэр, мы мило поговорили, и я пошла в мясную лавку, купить говядины. Когда я пришла домой, то немного почитала журнал, подшила разошедшийся шов на зеленом платье, в 15:15 сходила на киносеанс. Когда вернулась, приготовила бульон. Папа пришёл в 17:20, ты в 18:15, Даниэль пришёл, когда я мыла посуду и не смотрела на часы. Вечером папа читал газету, ты что-то набивала на своей печатной машинке, Даниэль заперся в лаборатории. Папа отправился спать в 22:10, про Даниэля я ничего не знаю, а мы с тобой проговорили всю ночь с 00:25 до шести утра. В три ночи ты ещё помогала мне накрутить папильотки.

Сандра слушала и кивала, пытаясь наперед угадать, как сестра опишет очередное знакомое ей самой событие давно минувшего дня.

— А ты никогда не хотела применить свою уникальную память к какому-нибудь полезному делу, — поинтересовалась Сандра.

— Какому? — скривила губки Лили. — Нет-нет, и не уговаривай, отстукивать буквы на машинке я не стану.

— Я ведь не об этом хотела сказать. Просто ты всегда остаешься дома.

— А кто будет вести хозяйство, — с улыбкой вопросила Лили, — кто будет готовить ужин нашему отцу и твоему, между прочим, мужу?

И Сандра капитулировала. В самом деле, кто-то должен будет делать это по будням, пока она работает в ратуше. Теперь Сандра с ужасом вспоминала времена, когда сама по пол - дня была привязана к домашним заботам, и радовалась, что, наконец, избавилась от всего этого. На службе было куда интереснее. И появляться дома хотелось куда реже.

19

Очередным пятничным вечером в компании профессора Метца и его очаровательной дочери Лили, Отто Верт делился с ними последними новостями. После смерти президента республики Эберта, на похоронах которого архиепископ запретил звонить в церковные колокола, со второй попытки наконец-то ему избрали замену — «героя Танненберга» фельдмаршала Гинденбурга.

— А ведь фельдмаршалу уже семьдесят семь лет, — задумчиво протянул профессор. — Я, конечно, и сам не молод в свои шестьдесят пять, но я и не собираюсь руководить страной.

— После того, как у власти порезвились демократы, пожалуй, он не самая плохая кандидатура, — заметил Отто.

— Может и так. Но случись политический кризис, хватит ли у него сил выстоять?

— Какой же вы пессимист, профессор.

— Нет, Отто, я здравомыслящий житель Баварии. Я уже видел и красный переворот и попытку коричневого, и мне что-то не хочется пережить всё это заново. Уж лучше пусть коммунисты попытаются избраться в парламент, а национал-социалисты посидят в тюрьме.

— Хитлера уже давно выпустили, — как бы невзначай заметил Отто.

— Как?! — воскликнул профессор. — Я же читал в газете, что его вместе с шайкой осудили на пять лет.

— Так и есть. Но ввиду образцового поведения его освободили через тринадцать месяцев. Вот как, оказывается, республика мягка со своими врагами. Правда, Хитлеру запретили выступать с публичными речами ещё на два года. Наверное, верховный суд посчитал, что такое наказание принесёт ему невыносимые моральные страдания. Кстати, Хитлер уже всё предусмотрел. Оказывается, в тюрьме он не терял времени даром и написал книгу, чтобы нести свою правду в массы. Я даже купил её. Редкостная тягомотина. Но зато я теперь знаю, что в школе он не любил уроки французского и что Германии нужно заключить союз с Англией, чтобы завоевать СССР.

— Боже мой, — поморщился профессор, — что за ересь?

— Я же говорю, абсолютно нечитаемая книга.

— А почему обязательно нужно завоёвывать СССР? — милым голоском поинтересовалась Лили, кокетливо наматывая прядь волос на палец.

— Видишь ли, — улыбнулся ей Отто и, не отводя от

возлюбленной глаз, поведал, — господин Хитлер считает, что со времён варягов Россией могут управлять только немцы. Но поскольку немцы Романовы уже не при власти, Германии нужно обязательно исправить этот недочет и отдать бразды правления австрийцу Хитлеру.

— Тогда при чём тут Англия?

— Хороший вопрос, но я не имею ни малейшего понятия, как на него ответить. В начале абзаца Хитлер пишет, что Англия не позволит Германии стать мировой державой, а в конце делает вывод, что с Англией надо заключать союз, а всё потому, что Франция ещё хуже. Я же говорил, Хитлер с детства не любил французский язык.

— Не понимаю, — признался профессор, — как его партию вообще могут воспринимать всерьёз.

— Ну как же, два года назад эта партия чуть не захватила власть.

— Это была лишь демонстрация силы. А какова программа? Что они хотят изменить, что собираются делать? Я слишком хорошо помню что было, когда коммунисты дорвались до власти. Они тоже шастали по пивным, много говорили, но ничего не делали. Потому их и сломили. Так на что же способны эти национал-социалисты?

— Главная беда национал-социалистов, — заключил Отто, — в том, что в их рядах есть националисты и есть социалисты. И они не всегда друг друга понимают.

Лили пожала плечами и заметила:

— Но они ведь называют себя патриотами.

— Лили, солнышко, тебя наглым образом обманули, — игриво произнёс Отто. — Это не те патриоты, что тоскуют по имперским временам. Они враги республики. К тому же в своё время этот Хитлер объявил своим однопартийцам, что исключит каждого, кто устроит в Руре диверсию против французских оккупантов. Лично я за подобный подвиг объявил бы такому диверсанту благодарность и назвал бы его славным сыном Германии. А то, что делает Хитлер очень далеко от любви к неделимому отечеству. Кстати, у отечества к нему большие претензии. Им очень интересуется налоговая служба. Мой источник говорит, что после освобождения Хитлер безбедно живёт на вилле и ездит в шестиместном мерседесе с телохранителем и личным водителем. А об источнике его доходов ничего не известно.

— Так почему же фининспекторам его об этом не спросить? — поинтересовался профессор.

— Спрашивали. А Хитлер отписывается, что брал займы в

банках. А ещё, что он очень экономный и бережливый писатель и живёт на гонорар. Я узнал, сколько он продал своих книг. Всего 17 тысяч. Не очень-то густо, чтобы погасить займы. Я вообще удивляюсь, почему его до сих пор не выслали из страны. Он ведь не гражданин Веймарской республики.

— А чей?

— Теперь ничей. Он отказался от подданства Австрии после освобождения из тюрьмы. И никакого гражданства у него больше нет. Каково для политика-патриота!?

— Ну, значит, нам нечего переживать, — заключил профессор, — человека без германского гражданства не изберут в парламент.

— Разумеется, нет, — согласился Отто. — Закон есть закон.

20

Медицинская наука не стояла на месте, и профессор Метц это остро чувствовал. Вопросы омоложения и продления жизни с недавних пор стали волновать многих медиков Европы. Не один только Метц пускался в экстравагантные эксперименты, но ему никогда не приходило в голову публиковать результаты собственных экспериментов над родными дочерями, в то время как иные экспериментаторы не делали из своих достижений тайны.

Например, его коллега мсье Воронов, побывав при дворе египетского хедива, имел возможность подробно изучить феномен евнухов, после чего пришёл к выводу, что секрет бодрости, острого ума и долголетия заключен в половых железах. От теории он быстро перешёл в практике и стал подсаживать жаждущим омоложения пациентам яички обезьян, ибо люди не спешили жертвовать свои драгоценные железы, да и обезьяны не болели сифилисом.

Один ученый высказал мысль, что, «мы не можем ждать милостей о природы, взять их у неё — наша задача». Другой принял это суждение на вооружение и решил поставить эксперимент по скрещиванию человека и шимпанзе. Неизвестно, появился ли на свет такой гибрид и какую судьбу ему готовил человек-создатель, но было в его идее что-то чёрное и пугающее, почти как теории биолога из Вены по фамилии Каммерер. По его словам бессмертие — это слиянием живого и мертвого и стоит попробовать пересадить органы от свежих трупов живым людям для их омоложения.

Кажется, все мечтатели Европы ждали появления собранного на операционном столе сверхчеловека, которого давным-давно воспел сумасшедший философ Ницше. Но нового человека было мало. Для него нужен был совсем другой мир. В этом дивном мире континенты должны дрейфовать, а люди жить на внутренней стороне планеты, пронизанной светоносным эфиром.

Всё это казалось милым фантазерством от науки, пока профессору Метцу не пришло странное письмо. В нём излагались какие-то маловразумительные дикие вещи, а заканчивался текст так: «Пришла пора выбирать с нами вы или против нас. Хитлер расчистит политику, а Ханс Хёрбигер вычистит ложные науки. Доктрина вечного льда станет знаком возрождения немецкого народа! Берегитесь! Становитесь в наши ряды, пока не поздно!»

На следующий день профессор Метц выяснил, что не он один получил этот ультиматум. Письма с тем же текстом пришли чуть

ли не всем профессорам университета без различия их научных взглядов и факультетов. Особенно бурно негодовали астрономы. Большей чуши в своей в жизни они не читали.

Так называемая «доктрина вечного льда», выдуманная неким Хёрбирегом, просвещала их, что жизнь есть борьба между льдом и огнём, и царит она повсеместно, и в Космосе и на Земле.

Согласно этой теории вначале всего сущего была лишь гигантская раскаленная звезда и гигантская ледяная планета. Когда они столкнулись друг с другом, произошёл грандиозный взрыв. Осколки планеты стали кометами, астероидами и малыми планетами, а осколки звезды — солнцами. И с тех самых пор все планеты и тянутся к своим звездам.

По заверениям Хёрбигера, Луна рано или поздно упадёт на Землю, ведь движется она не по замкнутой орбите, как считают невежественные ученые, а по спиралевидной. Каждый раз, виток за витком, Луна приближается к Земле и будет приближаться и дальше. От её усиливающегося притяжения приливные волны будут становиться всё выше и выше, пока не затопят сушу. Сухопутные животные станут земноводными, а потом и вовсе морскими обитателями. И вот, когда Луна вплотную приблизится к Земле, она взорвётся и окутает планету поясом каменных и ледяных астероидов. Время от времени они будут падать на Землю, разрушая всё на своём пути, и жизнь постепенно угаснет, чтобы возродиться вновь. Но если бы все катаклизмы ограничились только Луной…

Самый главным врагом всего живого Хёрбигер считал Марс. Красная планета тоже кружится по спирали, но по направлению к Солнцу. И вот однажды, Когда Марс сблизится с Землей, то заденет её, притянет к себе всю её атмосферу и полетит дальше к Солнцу. А на Земле умрет всё, что не погибло после встречи с Луной. Океаны вскипят, земная кора взорвется, а ледяные астероиды облепят земную поверхность, и тогда планета закрутится по спирали и побежит по направлению к Солнцу, пока не соединится с ним. Тысячелетиями она будет плавиться внутри звезды, пока та сама не взорвется.

Более того, Хёрбигер утверждал, что на Землю уже падали луны, причём трижды. В ходе каких-то сложных и туманных расчётов, он установил, что вторая луна упала на землю 150 миллионов лет назад, а третья — 138 тысяч лет назад, нынешняя же, четвёртая, появилась на небосклоне всего 12 тысяч лет назад.

Но если бы теории Хёрбигера ограничивались лишь альтернативной астрономией… Нет, он явно почувствовал себя экспертом и в области древней истории. Причём очень древней. По его словам, до падения второй луны на Земле жили люди-

гиганты под десять метров ростом. После падения луны они укрылись в пещерах, глубоко под землей и, переждав неблагоприятные времена, вновь поднялись на поверхность. Там они обнаружили одичавших маленьких людей и принялись просвещать их. Те приняли высоких пришельцев за богов и, внимая им, создали просвещённую цивилизацию. А потом рухнула третья луна, и все великаны вымерли. Затем появилась четвёртая луна, и начался ледниковый период. Тогда-то и появились нордические люди, окрепшие в снегах и на морозе. Но они, по мнению Хёрбигера, заметно деградировали с появлением упаднического иудохристианства.

Казалось бы, на этом можно поставить точку в «доктрине вечного льда и огня» и порекомендовать их автору больше не читать Большую и Малую Эдду и книги Блаватской.

Но профессор Метц не считал себя экспертом в области астрономии. В конце концов, теория есть теория. Может быть, однажды ученые подтвердят, что Вселенная зародилась в результате гигантского взрыва, что Земля притянула Луну, и что падающие астероиды когда-то и вправду уничтожали на планетах всё живое.

Допустим, космологическую часть теории можно попытаться подкрепить сложными расчётами. Но каким научным методом можно вычислить существование сказочных цивилизаций? Это уже нива историков, и историкам ничего не известно о десятиметровых гигантах, живших 150 миллионов лет назад.

Конечно, можно было бы выкинуть ультимативное письмо с брошюрой в корзину и забыть о них. Но астрономы то и дело жаловались, что хёрбигерианцы излишне настырны и спешат доказывать полюбившуюся им теорию не расчётами, а кулаками. Они нередко срывали конференции академических ученых, а некоторых из них и вовсе поджидали на улице и били.

Профессору Метцу подумалось, что деградация происходила не миллионы лет назад с уменьшившимися в росте людьми, а происходит сейчас, с людьми, разуверившимися во всём — в государстве, религии, морали, и теперь уже в науке, раз они отстаивают свою точку зрения в баталиях. Но самое страшное, что хёрбигерианцы всерьёз верят в доктрину льда и огня, и эта вера больше религиозного свойства, нежели научного. А фанатизм никогда не предвещал ничего хорошего.

21

Уже долгое время Сандру мучал один единственный вопрос: когда же её ненаглядная сестренка Лили, наконец, выйдет замуж? Ведь ей уже исполнилось тридцать лет. Конечно, даже сейчас Лили была по-прежнему хороша собой, и на вид ей нельзя было дать больше двадцати, но время создать собственную семью уже давно пришло. Тем более что уже семь лет в их дом постоянно приходит Отто Верт, почти ставший членом семьи.

— Мы и так встречаемся на его квартире время от времени, — беззаботно призналась Лили.

— Тогда почему не поженитесь?

— Зачем? — беспечно спросила она. — Он в постоянных разъездах по заданиям редакции, занят только беготней по пивным в поисках новой информацией. Постоянные встречи, звонки, поездки. Зачем мне такой муж?

Лили рассуждала очень прагматично, и оттого Сандре стало не по себе. Если бы она сама в свои двадцать лет могла рассуждать столь приземлённо, вышла бы она замуж за Даниэля? Возможно, и нет. Вот только десять лет назад Сандра думала не о собственных жизненных перспективах рядом с недоучившимся студентом, а о нём самом. Наверное, любовь между ними всё же была, да только быстро исчезла.

— Если у вас с Отто всё несерьёзно, — спросила Сандра, — то почему вы по-прежнему вместе?

— Это просто лёгкое увлечение, — пожала плечами Лили.

— Семь лет и лёгкое? — поразилась Сандра. — Как такое вообще может быть?

— Вот так, — игриво улыбнулась Лили. — И не смотри на меня такими страшными глазами. В этом нет ничего ужасного.

Но Сандра лишь покачала головой. Не тому их в детстве учила тётя Агапея, когда говорила, что каждой девице надобно за мужем быть, что Богом один раз и на всю жизнь дан. Правда, она ещё говорила, что всякая жена должна быть мужу покорна, а у Сандры с этим как-то не сложилось. Да и у самой тёти Агапеи мужа никогда и не было, оттого, видимо, ей и было так просто рассуждать о браке.

— Я тебя не понимаю, — призналась Сандра. — Как ты можешь быть такой легкомысленной?

— Боже, Саша, ты рассуждаешь как средневековая монашка, притом, что живёшь в многолюдном городе, — заключила Лили и тут же игриво добавила, — Здесь никто не сочтёт дурным, если замужняя женщина позволит себе лёгкое увлечение. Совсем

короткий романчик, а, Саша? На своей работе ты наверняка видишь много интересных мужчин. В жизни не поверю, что никто из них не обращал на тебя внимания.

Сандра не поверила своим ушам, даже не смогла произнести в ответ и слова. Но, собравшись с мыслями, она нравоучительно заключила:

— Я не для того выходила замуж за одного мужчину, чтобы искать себе ещё и других.

Поняв, что обидела сестру, Лили сменила легкомысленный тон на сострадательный:

— Но ведь вы с Даниэлем не любите друг друга, я это вижу. Зачем же мучать друг друга, да ещё и страдать самим?

От таких слов Сандра не могла не возмутиться и суровым голосом произнесла:

— Даниель ведь был твоим женихом.

— Был, — согласилась Лили.

— Тогда почему ты не забрала свои слова обратно? Почему не вышла за него сама?

Потупив взор, Лили тихо ответила:

— Ты же знаешь, всё изменилось.

— Что изменилось? Твое лицо или твои чувства?

— Ты и сама сильно изменилась, когда стала такой, — серьёзно заметили Лили. — Ты должна меня понять.

Но у Сандры не получалось. Всё услышанное казалось ей распутством, а родная сестра — легкомысленной дурой, раз на полном серьёзе предлагала ей завести интрижку в ратуше. А может она просто хотела, чтобы Сандра окончательно рассталась с Даниэлем? Но зачем, ведь Лили он уже лет десять как не был нужен. Хотя нет, ведь была же между ними та искра, что испортила Сандре и брак и жизнь. Но и она, видимо, затухла очень давно. А может и не затухла, может, пока Сандра не видит и не знает, Лили и Даниэль по-прежнему время от времени «просто разговаривают». Тогда понятно, почему Лили не нужен вечно отсутствующий Отто, если рядом всегда есть Даниэль. И пускай, Сандре уже давно перестало быть интересным, где, с кем и что делает её законный супруг. В ратуше у неё появилась новая, своя жизнь, где она была нужна и полезна многим людям. А дома Даниэль уже долгие годы не прикасался к Сандре, а все разговоры между ними давно стали формальными и слова «люблю» она от него больше не слышала.

После того разговора с Лили Отто Верт резко перестал нравиться Сандре. Если раньше она пребывала в блаженной уверенности, что Отто вхож в их дом исключительно из желания присоединиться к их семье, то теперь она видела в бойком

журналисте лишь любителя потрепать языком и время от времени поразвлечься с её сестрой. Совершенно ненадёжный мужчина, вполне под стать своему приятелю-крысоводу.

Когда Отто снова пришёл в гости, Сандра демонстративно покинула гостиную и заперлась в спальне. Но Отто этого даже не заметил, ведь рядом с ним была Лили.

— Ты слышала, что сегодня произошло на монетном дворе?

— Нет. Но наверняка это просто сенсация, — заливисто рассмеялась она.

— Безусловно. Помнишь, того алхимика, что сбежал в Италию с денежками наших финансовых воротил?

— Да-да, — наморщив носик, подтвердила она. — Таузенд, ведь так?

— Именно. В своё время ему поверил даже Людендорф. Хотя, он и в «пивной путч» поверил, что взять со старика?

— Кажется, Таузенда недавно арестовали.

— Ещё как арестовали. И, разумеется, он не признаёт своей вины. Он так допёк суд заверениями, что умеет делать золото, что сегодня его отвезли на монетный двор, раздели догола, обыскали и дали крохотный кусочек свинца. И Таузенд-таки превратил его в золото!

— Как?! — ахнула Лили, не ожидая такой развязки.

— Прессу на эксперимент не пустили, поэтому о подробностях я тебе ничего не могу рассказать, как бы ни хотел. Но факт есть факт — трансмутация произошла. В куске свинца насчитали 95 миллиграммов золота и 25 серебра. Все в шоке — полицейские, прокурор, следователь, даже директор монетного двора. Он сказал, что лучше бы эксперимент провалился, ибо теперь он не сможет спокойно спать.

— Так что же, Таузенда теперь отпустят?

— Ну что ты, Лили. Ты слишком хорошо думаешь о баварском правосудии. Золото и серебро, конечно, Таузенд трансмутировал. Но куда он дел порученный ему капитал? Лично я думаю, что телепортировал прямиком в Женеву. В какое-нибудь банковское хранилище. А знаешь, что самое интересное в этом деле?

— Просвети.

— Если бы предприятие Таузенда о массовой штамповке золотых слитков выгорело, то доход с него имело бы уйма людей, тех, что вложили свои капиталы.

— Отто, — кокетливо протянула Лили, — я не такая дурочка как кажусь. Я поняла, что эти люди акционеры, и им полагались проценты с прибыли.

— Но ты не знаешь, кто должен был получить три четверти

всего дохода.

— Таузенд.

— Не угадала.

— А кто?

— Национал-социалисты. — На изумленный взгляд Лили Отто развел руками. — Таков договор алхимического акционерного общества.

— Бог ты мой — отложив газету, проворчал профессор, слушавший весь этот диалог в углу комнаты. — До чего мы дожили. Политические экстремисты надеются разжиться деньгами на трансмутации золота. Это просто уму непостижимо. А я был уверен, что сейчас на дворе не XV век.

— Разумеется, профессор, — тут же переключил на него внимание Отто, — сейчас царит век восторжествовавшего материализма, но куда ни глянь, всюду найдутся оккультисты. Что и говорить, наверное, грядут последние времена, раз даже у Люцифера появился в Лондоне свой трест.

— Как это? — удивилась Лили, и тут же улыбнулась. — Отто, ты опять шутишь.

— Вовсе не шучу, я серьёзен как никогда. Теософы учредили свою просветительскую организацию и назвали её «Трест Люцифера». Правда, потом они опомнились и переименовали её в «Трест Люци», но суть от этого не изменилась.

— Так чем же занимается этот трест?

— Понятия не имею. Наверное, распространяет книги теософских авторов, организовывает лекции, в общем, несёт теософию в массы. Дело мадам Блаватской живёт и процветает. Оно даже успело обогнуть земной шар и вернуться к истокам.

— В лечебницу для душевнобольных? — недовольно поинтересовался профессор, мысленно упрекнув себя, что начинает говорить как покойный дед.

— Нет, я имею в виду Советскую Россию. Вы слышали о художнике Рёрихе?

— Весьма смутно, кажется, он эмигрировал из-за разногласий с советской властью.

— Ваши сведения, профессор, безнадежно устарели. Теперь он с этой властью очень даже дружен.

— Правда? С чего бы это?

— Оказывается, в эмиграции он вступил в то самое теософское общество и увлекся буддизмом. Затем, видимо, у него наступило просветление, и он узрел глубинную связь буддизма и коммунизма. А потом он уехал в тибетскую экспедицию на поиски Шамбалы вместе с Яковом Блюмкиным. Да-да, тем самым эсером, что убил в 1918 году нашего посла Мирбаха.

— Час от часу не легче, — вздохнул профессор и мрачно добавил, — Ну и как, нашли они Шамбалу?

— Судя по тому, что Рёрих вернулся в Америку — нет. Из Шамбалы, как говорят, не возвращаются. Зато Рёрих привёз из Тибета послание шамбалинских махатм советскому правительству.

— Как он мог его получить, — с умным видом вопросила Лили, — если не был в Шамбале?

— Очень просто, солнышко. У его жены Елены случился припадок, и она услышала голос в голове, который и продиктовал ей послание от «невидимого международного правительства», тех самых махатм.

— Шизофрения, — ту же поставил диагноз профессор, — при ней не только слышат голоса, но и видят всякое.

— Шизофрения или нет, — продолжал Отто, — а послание махатм Шамбалы вручили, как и положено в таких случаях, наркому иностранных дел Чичерину. Правительство хоть и невидимое, но международное. Кстати, знаете, какой знак символизирует собой Шамбалу? — лукаво сощурившись, спросил Отто и тут же ответил, — Право ориентированная свастика. Та самая, что нынче на знаменах национал-социалистов. Есть предание, что тот, кто заключит союз с Шамбалой, станет владыкой мира.

— Что ж, — вздохнул профессор, — если национал-социалистам не избраться в парламент нормальным путём, то можно заключить сделку даже с Шамбалой.

Лили не выдержала и рассмеялась. Отто поддержал её веселье, а после спросил:

— А ты знаешь, что в родной тебе России окопались самые настоящие гностики?

— Такие же, как во втором веке?

— Лили, время не стоит на месте. Суть та же, но называли они себя анархо-мистиками.

— Называли?

— Да, пока власти не прикрыли их кружок.

— Только за то, что они были гностиками?

— Конечно. Ведь согласно их учению действиями Маркса и Ленина руководил сам сатана. Даже и не знаю, чего так испугались большевики: оговора или разглашения самой главной партийной тайны.

— Есть в этом что-то нездоровое, — хмуро заметил профессор, — в сращивании оккультизма и политики.

— Я с вами полностью согласен, — подтвердил Отто, — но что поделать, в наши дни это всё равно имеет место быть. Даже у

нас в Баварии. Оказывается, восемь лет назад австрийский национал-социалист Хитлер распорядился устранить австрийского теософа-антропософа Штайнера.

— Зачем?

— Насколько я понимаю, путчисты охотились за ним из жажды мести.

— Что же он им сделал?

— Лично им — ничего. Но Хитлер заявил, что во время Великой войны Штайнер с помощью чёрной магии подчинил себе волю начальника генштаба фон Мольтке, тот проиграл битву на Марне, и из-за этого Германия потерпела поражение в войне. — Отто рассмеялся и добавил, — видите, оказывается, во всём виноват ужасный Штайнер.

— Средневековье какое-то, — вздохнул профессор.

— О да, и хорошо, что сейчас нет инквизиции, иначе было бы не продохнуть от копоти костров. Помните психоаналитика Юнга, ученика Фройда? Из своего психологического клуба он устроил секту с оргиями и призывами духов. А в Париже сейчас все в восторге от представлений одного новомодного мудреца. Он практикует со своими учениками публичные ритуальные танцы, после которых некоторые слепнут, а кто-то и вовсе умирает.

— Какой кошмар, — прошептала Лили.

— У каждого ритуала есть своя цена, солнышко. Вот например семь лет назад на Сицилии сатанист Кроули проводил церемонию призыва демона, и его ученик умер после того как выпил жертвенную кровь кошки.

— Боже, — поморщилась Лили, и на её лице отразилось неподдельное отвращение, — кровь кошки… какая мерзость! Хватит рассказывать всякие ужасы.

— Как скажешь. Но позволь заметить, что после этого случая сам Муссолини распорядился арестовать Кроули и выслать из Италии всю его шайку дьяволопоклонников-кровопийц. Все-таки власть предержащие очень трепетно относятся ко всему запредельному. Видимо, кое-что они в этом действительно понимают.

22

Не прошло и месяца с тех пор, как баварский алхимик превратил свинец в золото, а из Америки пришла беда. Никто не знал ответа на вопрос, почему так произошло, просто на бирже Уолл-стрит случился обвал, и Германия вновь окунулась в холодные воды финансового кризиса.

— Почему? — разорялся профессор Метц, — Почему что-то лопнуло в Америке, а мы в Германии теперь должны страдать? Я вообще никогда не был в Нью-Йорке. Так почему меня затронули тамошние проблемы?

Но ответа не было. Экономический кризис задел и университетских ученых. Вначале Даниэля Гольдхагена известили, что его рабочий день будет сокращен вдвое. В конце недели выяснилось, что и зарплата уполовинилась. Не прошло и месяца, как его и вовсе уволили, не помогло даже заступничество именитого тестя.

Пособие не шло ни в какое сравнение с докризисной зарплатой. От полунищенского существования его спасло лишь то, что городской совет не сокращал расторопных и исполнительных машинисток-стенографисток.

Сандра знала, как Даниэлю морально тяжело принять тот факт, что отныне его содержит жена, отношения с которой уже давно нельзя было назвать семейными. Помощь от её отца, он принял бы куда охотнее.

— А когда-то ты спрашивал, зачем мне идти работать, — говорила ему Сандра. — Вот для этого, Данни. Отец не смог бы кормить нас троих.

— Вы с Лили итак не едите, — пробурчал он.

— Но кровь-то мы покупаем у доноров за деньги. Лили — за отцовские. Я — за свои. А ещё я покупаю продукты для тебя. И кормлю тебя. А ты только сидишь дома, читаешь книги и ешь. — Улыбнувшись, она ехидно спросила, — Может, раз у тебя появилось столько свободного времени, займёшься чем-нибудь полезным?

— Чем, например?

— Например, приготовил бы ужин, пока я на работе. Постирал бы, погладил, сходил бы на рынок. Да мало ли дел может найтись для домохозяина. — Видя, как вытягивается лицо Даниэля, Сандра не выдержала и рассмеялась. — Данни, да ладно тебе, я же шучу.

Осознав, что жена ничего ужасного от него не требует, Даниэль только недовольно заметил:

— Я, между прочим, учёный.

— И какая польза от твоих крыс, если они не приносят тебе денег?

— Не всё в этой жизни измеряется звонкой монетой.

— Правда? — И Сандра снова ехидно улыбнулась. — Так, может, завтра ужин всё-таки приготовишь сам?

Даниэль ничего не ответил, а только с обиженным видом вышел прочь. А Сандра осталась довольна собой — своё превосходство над мужем она показала в полной мере.

Даниэль ещё долго слонялся по дому, пытаясь найти себе занятие, чтобы убить время, которое образовалось у него в избытке. Но шли дни и месяцы, а приложить все свои силы, а именно, научные познания, Даниэлю было решительно не к чему.

— Да ладно тебе, Данни, шесть лет назад было куда хуже, — пытался подбодрить его Отто, когда зашёл днём к Лили на чашечку кофе и встретил мрачного домоседа. — Между прочим, теперь не мы одни страдаем, а ещё и Америка с Францией и Британией. Хорошо только в Советской России, потому что там нет капиталистов. Сталин вообще активно ликвидирует в стране иностранный капитал. Представь себе, как его ненавидят банкиры и промышленники Европы, хотя бы те же французские угольщики, британские золотодобытчики и нефтебурильщики. При царизме они ведь имели приличный навар с российских недр. А теперь все их синдикаты распустили, а имущество национализировали.

— Мне всё равно, что происходит где-то на востоке, — буркнул Гольдхаген.

— Надо же. А ведь оттуда родом твоя жена.

— И что? Она уехала оттуда лет… пятнадцать назад, кажется.

— Двадцать один, — укоризненно поправила его Лили, давая понять, что стыдно не знать такие судьбоносные повороты в жизни Сандры.

— Знаешь, Данни, — обратился к нему Отто. — порой ты меня пугаешь. Ты же совсем не разбираешься в политике.

— Зато разбираюсь в хромосомной теории наследственности.

— Согласен. Вот только сильно ли тебе пригодится эта теория в повседневной жизни? Ты хоть в курсе, что происходит в стране? Хотя бы главное событие недели?

— Понятия не имею.

— Ты же сидишь дома, можешь перечитать все газет.

— Могу, но не стану тратить на это время.

Отто только в бессилии махнул на него рукой и тут же переключил своё внимание на Лили:

— А знаешь, почему у нас снова произошёл политический кризис?

— Нет. И почему?

— Оказывается, кабинет Мюллера не просто так перессорился между собой и ушёл в отставку. Для президента это стало очень удобным поводом прибрать всю власть в свои руки. Гинденбург решил, что назначать канцлера теперь будет единолично.

— А как же выборы?

— А что выборы? Партии получат голоса, голоса пересчитают в места в парламенте, а канцлером станет тот, кто понравится президенту. Может лидер победившей партии, а может быть я или ты.

— Да ладно, — смущенно улыбнулась Лили, — так ведь не может быть.

— Что значит, не может? Разве я могу тебя обманывать, милая? Они изменили конституцию, и теперь Гинденбург решает всё. Между прочим, выборы в парламент состоятся через полгода. Не знаю как у тебя, а у меня уже аллергия на выборы. Сколько их было за одиннадцать лет? Пять? И это только в парламент. И проходят они каждые два года. Такое ощущение, что партиям некогда работать, они постоянно готовятся к новым выборам. А теперь ещё эти национал-социалисты. Кто бы мог подумать, что они пойдут на выборы, и с ними всерьёз начнут считаться. Хотя, даже если их партия туда пройдет, Хитлера там всё равно не будет.

— А почему? Он ведь их лидер.

— Лили, солнышко, я ведь тебе уже сотню раз говорил, почему. У него нет гражданства. От австрийского он отказался лет пять назад, когда вышел из тюрьмы, а веймарское ему так и не дали. И вряд ли дадут. Люди, что устраивают государственные перевороты, такой милости не удостаиваются.

— Но у Хитлера много богатых сторонников, — заметила Лили. — Что, если они ему помогут?

— Его партии и так помогают в исчислимом денежном эквиваленте. Если мои расчёты верны, то партия национал-социалистов за последние пару лет потратила шестьдесят миллионов марок, это как минимум. Максимум двадцать пять из них это партийные взносы. А откуда взялись ещё тридцать пять — крайне занимательный вопрос. Кирдорф, этот рурский магнат, говорил, что отчисляет партии по пять пфеннигов с тонны угля. Это двенадцать миллионов за два года. Но Кирдорх поклонник нацистов. Другие промышленники так не поступают. Максимум что с них мог получить Хитлер, это миллион, на большее они не расщедрятся. Остаются двадцать два миллиона, и я не знаю, кто их дал.

— Может ты ошибся в расчётах затрат?

— Ошибся? Да скорее всего я их непростительно преуменьшил. Ты видела эти толпы штурмовиков? А их форму? Ты только представь, сколько нужно денег на пошив формы тысячам человек? А ещё выдать им зарплату. Сейчас люди ведь не просто так идут в штурмовые отряды, они знают, что там им дадут денег за то, что они будут личной хитлеровской армией. И это при нынешней-то безработице. Слышишь, Данни, может тебе записаться в штурмовой отряд, подзаработать? Хотя, нет, кажется, тамошняя публика из-за чего-то недолюбливает евреев.

— Я не еврей, — недовольно буркнул тот, — я не знаю ни идиша, ни ладино, только немецкий, потому что меня воспитывали как немца. Немец я и есть. И к синагогам я никогда и близко не подходил. Я атеист, понимаешь?

— Да ладно тебе, ладно. Атеист, так атеист, — отстал от него Отто, снова переключившись на волнующую его тему. — И всё-таки, Хитлер гениальный человек, раз придумал привлекать людей на свою сторону трудоустройством. И богатый… Двадцать два миллиона…

— Не может быть, чтобы у тебя не было версии, — не отставала от него Лили.

Немного помедлив, Отто пространно изрёк:

— А ты знаешь, почему политикам запрещено получать пожертвования из-за границы?

— Нет. А почему?

— Потому что под маской сочувствия, как правило, оказываются заинтересованные лица. И однажды они заставят подкупленного политика отрабатывать гонорар.

После этого разговора Отто пропал из города на два месяца и по возвращении тут же примчался в дом Метцев-Гольдхагенов.

— У меня просто сногсшибательная информация! — Одним махом Отто осушил чашку горячего кофе, даже не заметив этого, а после возбуждённо поведал, — В 1923 году, перед самым путчем Хитлер был в Цюрихе. И привёз оттуда немалые деньги. Во франках и долларах!

— А зачем швейцарцам давать ему деньги? — спросила Лили, ибо сидящего рядом Даниэля Цюрих абсолютно не интересовал.

— В том то и дело, что не швейцарцы. Швейцария — это глобальный финансовый центр. Деньги стекаются туда со всего мира и расходятся по всем страны. К тому же Швейцария вечный нейтрал. Там нет заинтересованных сил, там есть только обслуживающий персонал.

— Ну, так кого он обслуживает? — не выдержала Лили. — Не томи, а то я умру от любопытства.

— Это серьёзно, Лили, понимаешь, — предупредил её Отто и

внимательно посмотрел на девушку, — если я ошибусь, это может стоить мне карьеры.

— Я никому ничего не скажу, — заверила его Лили. — И Данни тоже, правда?

Гольдхаген только кратко кивнул, после чего Отто вкрадчиво продолжил свой рассказ:

— У меня есть источник, приближенный к Хитлеру. Он сам журналист, вернее хочет, чтобы все так думали, особенно я. Недавно мы заговорили с ним о заграничных поездках. Он сказал, что в начале двадцатых годов часто бывал в США. И мне так же достоверно известно из независимого источника, что он курьер и через него идут некие финансовые потоки к национал-социалистам. Я не знаю их истинные объемы, но судя по секретности, с которой всё обставлено, подозреваю, что немалый. К тому же, помнишь, как в начале двадцатых штурмовики собирали пожертвования для партии?

— Да, они ходили с кружками для мелочи. Кто-то даже им что-то давал. А потом был путч…

— Не видишь странности?

— Нет. А что не так?

— Да ты вспомни, что творилось семь лет назад. Помню я из издательской кассы со всех ног бежал со своим жалованием в столовую, чтобы успеть заказать обед пока через час цены не поднимут в десять раз.

— Ах, точно. Я уже начала забывать, как мы следили за курсом доллара каждый день.

— Успела привыкнуть к красивой жизни, — констатировал Отто. — А представь, что происходило в такой нездоровой финансовой атмосфере с партийной казной.

И, догадавшись, Лили воскликнула:

— Так она должна была обесцениваться каждый день!

Не без удовольствия Отто согласно кивнул и тут же заметил:

— А штурмовики не выглядели голодранцами.

— И, правда, почему?

— Валюта. Лет семь назад только валюта имела ценность, но никак не марка. А в Германии водились только марки. Стало быть…

— Ты всерьёз считаешь, что национал-социалистов финансировали из-за границы?

— Почему же «финансировали»? Думаю, их и сейчас щедро одаривают.

Когда домой после службы в ратуше вернулась Сандра, она не очень-то обрадовалась присутствию Отто Верта. А он и вовсе не обратил внимания на её появление, продолжая и дальше

разоблачать нелюбимую им партию.

— Так ты считаешь, — расспрашивала его Лили, — что сейчас, когда в США финансовый кризис, кто-то оттуда может оплачивать избирательную кампанию национал-социалистов? Разве такое может быть?

— А почему нет? — развёл руками Отто. — Я очень сомневаюсь, что американские банкиры вроде Рокфеллеров сильно обеднели от этого кризиса. Если у населения убывают деньги, значит, куда-то они прибывают. Почему бы не в хитлеровскую кассу, через манхэттенский банк, например?

— Ну, не знаю, — надула губки Лили. — Зачем это нужно американским банкирам?

— За тем же, зачем и швейцарским. Они обслуживают иностранные интересы.

— И чьи же? — неожиданно для всех спросила Сандра.

— Например, Англии, — тут же ответил ей Отто. — Писал же Хитлер в своей книжонке, что Германии нужно заключать союз только с Англией. У меня такое ощущение, что этой книгой уже зачитываются в лондонском МИДе. Вообще-то, я собираюсь всерьёз исследовать это направление. Мне нужны более веские доказательства, чтобы написать разгромную для национал-социалистов статью, как раз ближе к выборам. Думаю, избирателям будет интересно узнать, что Хитлер печётся не о немецком народе, а о прихотях своих островных кураторов.

— Да-да, напиши об этом, — кивнула Сандра, не сводя с него глаз. — А потом внимательно следи за пальцами.

— В каком смысле?

— Чтобы их тебе не отбили молотком.

— Саша! — поражённо воскликнула Лили.

— Ты очень добрая женщина, Сандра, — через силу улыбнулся Верт, — я обязательно прислушаюсь к твоим рекомендациям.

Но своего обещания написать разгромный материал, Отто так и не выполнил.

В сентябре 1930 года национал-социалисты получили каждое шестое место в парламенте.

23

В последующие полтора года Отто Верт был нечастым гостем в доме Метцев-Гольдхагенов. Долгие месяцы он пропадал в командировках, переезжал из города в город, из страны в страну, при этом редко появляясь в Мюнхене. Сандре казалось, что за это время Лили успела охладеть к Отто, ведь даже в краткие моменты нечастых визитов Верта в их дом, сестра держалась со своим давним возлюбленным слишком формально и смотрела на него без всякой тени былого интереса. Странно, ведь Лили не говорила Сандре, что она рассталась с Отто, да и Отто явно был не в курсе, что перестал быть интересен Лили. А Сандра терялась в догадках, кто же занял его место, ведь Лили упорно в этом не сознавалась. Сандра надеялась только, что им окажется куда более достойный мужчина с куда более серьёзными намерениями.

В один из дней Отто пожаловал к Лили, однако дома её не оказалось, о чём Сандра поспешила сообщить ему с порога. Она смотрела на Верта и не понимала, куда пропала его неизменная жизнерадостность.

— А где Даниэль? — пребывая в глубокой задумчивости спросил он.

— Не знаю, — честно призналась Сандра. — Если хочешь, подожди их.

Проходя в гостиную, Отто спросил:

— А ты почему не в ратуше?

— У меня неожиданно выдался выходной.

— Да? — протянул он и язвительно вопросил, — Наверное, нечасто бываешь дома днём?

Его тон задел Сандру, и она дерзко ответила:

— Нечасто.

— Наверное, сильно удивилась, когда не застала дома ни мужа, ни сестру, а? Я так и знал, что безработица Данни не пойдёт на пользу вашей с ним семье. Слишком у него много свободного времени. Как и у Лили. И как они только умудряются вместе маяться от скуки целыми днями наедине?

Намёк Сандре крайне не понравился, и она решила ответить любезностью на любезность:

— Что-то для гениального журналиста ты поздно догадался.

Отто озадаченно посмотрел на Сандру и, опустившись в кресло, только горько усмехнулся:

— Надо же, а ты, оказывается в курсе. И так спокойно об этом говоришь.

— За девять лет и не к такому можно привыкнуть.

Вопросительно взглянув на неё, Отто обескураженно спросил:

— Девять?

Сандре оставалось только согласно кивнуть.

— Господи… — вздохнул он и провел ладонью по лицу, — а ведь я знаю Лили лет десять. Черт возьми… И только на прошлой неделе заметил её помаду на рубашке Данни.

— Ты всего лишь заметил, — равнодушно пожала плечами Сандра, — а я эту рубашку от помады отстирывала.

Казалось, это замечание ещё больше расстроило Отто, и он только горько заметил:

— Не думал, что в один миг могу лишиться и старого друга и любимой женщины. А как же ты?

— А что я? У меня по-прежнему есть и сестра и любимый ученик отца. И мне всё равно, что он делает. Для меня главное, чтобы сестра не знала то, что знаю я.

— Ты мудрая женщина, Сандра, — признал Отто. — Ты права, семья превыше разбитого сердца. Только семья ваша… Черт, всегда чувствовал, что что-то с вами всеми не так. А ты говоришь — девять лет… Боже… Вам с Данни надо было просто жить отдельно. Это решило бы многие проблемы.

Сандре было тяжко слышать эти слова, ведь Отто был абсолютно прав. Не реши отец поселить Даниэля подле себя, она бы переехала жить к нему в бедную комнатку на окраину города. Там было бы мало мебели и пространства, зато там бы не было Лили. И Отто прав, это решило бы многие проблемы. Не было бы измены, а потом алкоголя, а потом и смертельного отравления. Как жаль, что такая простая и очевидная мысль не пришла в голову Сандре раньше, двенадцать лет назад, когда они с Даниэлем только поженились.

— А знаешь, — отвлёк её от мрачных размышлений Отто, — даже к лучшему, что их нет. Не знаю, как смотреть им обоим в глаза. Хотя, это им должно быть передо мной стыдно. И перед тобой тоже. Да ладно, хватит об этом. Я ведь пришёл только сказать, что уезжаю.

— Куда? В очередную командировку?

— Нет, Сандра, я уезжаю из страны. Надолго. Может быть, навсегда.

Молчание затянулось, и Сандра поняла, что должна спросить:

— Это из-за Лили?

— Нет, — тут же ответил Отто. — Из-за Хитлера.

Вначале Сандре показалось, что она ослышалась, потом она подумала, что Отто просто издевается. Вот только и тени улыбки на его напряженном лице она так и не заметил.

— При чём тут Хитлер? Ты уже девять лет только о нём и

говоришь. Каждый вечер пятницы только и слышу — Хитлер-Хитлер. Может, хватит уже говорить о нём?

— Ты не поняла, Сандра, — обречённо произнёс Отто. — Сегодня ему дали германское гражданство.

— И что?

— А то, что он устроил путч и собирался свергнуть власть, а она дала ему гражданство. Это неспроста, я знаю. За последний год я говорил со многими и узнал немало. Всё предрешено, Сандра, пьеса уже написана, актеры выбраны, осталось только сыграть спектакль. В этом году выборы президента, а скоро ещё будут выбирать и парламент.

— И что, — не скрывая скепсиса в голове, вопросила Сандра, — ты знаешь наперед, кто выиграет?

— Знаю, — уверенно ответил Отто. — Хитлер и его национал-социалисты. Их во что бы то ни стало протащат во власть. Даже если национал-социалисты не наберут большинства мест в парламенте, президент теперь всё равно может назначить Хитлера канцлером. А может, он сам станет президентом. Тогда всё случится быстрее.

— Что случится?

— Будет война.

От одного этого слова внутри всё похолодело. Сандра слишком хорошо помнила, что такое война. Это крики и стоны, оторванные конечности и гной, мольбы о смерти и гниющая плоть. Но весь этот ужас кончился четырнадцать лет назад, и Сандра не желала, чтобы он вновь повторился.

— Нет, Отто, — дрогнувшим голосом произнесла она, — какая ещё война?

— Та, ради которой заморские магнаты вложили в национал-социалистов неимоверные деньги. Их партия — это партия войны, и только ради неё одной они должны прийти к власти. И когда это произойдёт, они выжмут из страны последние соки, чтобы вложить их в вооружение. И немцы будут воевать за чужие интересы в ущерб собственным. Помнишь, после Версаля нам запретили иметь армию, флот и артиллерию? А теперь всё это придётся восстанавливать. Это же колоссальные деньги. Что-то должно произойти, чтобы выплата репараций была остановлена.

— Подожди, Отто. Так с кем воевать?

— С Советской Россией.

— Нет, постой, у Германии и России нет общей границы.

— Значит будет. Великобритания найдёт способ. Ей нужно, чтобы Германия присоединила к себе хотя бы Чехословакию, а лучше Польшу. Может даже захватила их обе. А ещё нужны ресурсы, а их негде взять, кроме как на захваченных территориях.

И людей, и продовольствие для них. Сгодится только дешевый рабский труд за еду, как сейчас это устроили власти в Америке. Может быть, будут вывозить всё зерно с Востока в Германию. Должен произойти невиданный грабеж и порабощение народов, чтобы осуществить их план.

Сандра слушала Отто и не могла понять, откуда он всё это взял. Уж не измена ли Лили и предательство друга так его подкосили, что он стал представлять будущее в столь мрачных тонах, и не для одного себя, а для всех окружающих?

— Отто, — с несвойственной для себя мягкостью произнесла она, — может тебе стоит успокоиться? Правда, на Лили ведь жизнь не заканчивается.

— Послушай Сандра, — не замечая её намёков, продолжал Отто, — ты же родилась в России и помнишь Великую войну. Не случись там революции, мы бы проиграли ещё в 1917 году. Ты должна знать о Наполеоне, о его русском походе. Всё в истории говорит, что воевать с Россией бесполезно. Сейчас у неё такие людские и природные ресурсы, что и не снилось всей Европе вместе взятой. И кое-кому за морем очень страшно. И они решили столкнуть Германию и Россию, чтобы погибли обе отступницы. Всё началось в Генуе в 1922 году. Тогда СССР показал, что не будет послушно лизать руки британцам, как это делал Ратенау. За десять лет этот принцип ни на грамм не изменился, а даже стал жестче. Будь сейчас в СССР у руля Троцкий, то в войне не было бы смысла. Он бы сдал все позиции добровольно, ради мировой революции, которую точно проиграл бы. Но Троцкий сейчас в Турции, а у власти Сталин. И с ним никто не может договориться.

— Это звучит дико, — честно призналась Сандра. — Все твои прогнозы похожи на бессмыслицу. Какая война? Какие британцы? При чём тут СССР? Отто, может тебе надо просто передохнуть? Ты же последние полтора года не вылезал из командировок. Остановись, хватит уже писать о национал-социалистах, иначе ты потеряешь последнюю связь с реальностью.

— Знаешь, Сандра, — отстранённо произнёс он, — а я благодарен тебе за те слова о молотке и пальцах, правда. Ты была первая, кто мне это сказал. В последнее время я слышу подобное всё чаще.

— Тогда брось своё расследование, не публикуй статью.

— И что тогда? Программа войны осуществится вне зависимости, напишу я об этом или нет. Я просто хочу быть подальше отсюда, когда начнётся война. А она начнётся. И это не вопрос веры. Я просто это знаю. Вам бы тоже следовало уехать. Тебе, Даниэлю, Лили и профессору.

— Ты шутишь? — опешила Сандра. — Куда нам ехать? Проситься обратно в Россию?

— Нет же, — раздражённо бросил Отто, — подальше из Европы. Например, в Южную Америку. Я абсолютно серьёзен. Или вы вчетвером опять окажетесь в медико-санитарной службе при каком-нибудь полевом госпитале. — Услышав бой часов, он тут же поднялся с места и направился к двери. — Знаешь, мне уже пора идти. Попрощайся за меня с профессором. А Лили просто скажи, что я не смогу ей писать.

И Отто ушёл. Разговор оставил Сандре тяжёлые чувства и пищу для размышлений. Очень неутешительных размышлений.

Прошло два часа, прежде чем Лили и Даниэль вернулись домой. Весело смеясь, они вошли в гостиную, явно не ожидая застать там Сандру.

— Где были? — как можно более безразличным тоном спросила она.

— О, ты дома? — пораженно воскликнула Лили и тут же мило защебетала, — А мне просто нужно было на примерку в ателье, но было так скучно идти одной, и я попросила Даниэля меня проводить. А ты почему не на работе?

Но Сандра не стала отвечать. Она просто сказала:

— Отто приходил.

— Правда? Что он хотел?

Внимательно посмотрев на сестру, а потом на потупившего взор мужа Сандра ответила:

— Он передал, что уезжает.

— Опять? Не понимаю, как ему не надоедает мотаться по командировкам чуть ли не каждую неделю.

— Нет, Лили. Он уезжает из страны. Навсегда.

Вспоминая потухшие глаза Отто и беззаботное веселье, которому Лили и Даниэль предавались еще пару минут назад, Сандре очень захотелось вывалить на них всё, что накипело в душе за долгие годы и снять, наконец, с себя этот груз. Но она не решилась признаться Лили, что знает про неё с Даниэлем. И ему не решилась сказать, что Отто знает всё про него с Лили. Отто ведь просил передать совсем другое.

— Он сказал, что не сможет писать тебе, Лили.

На миг Сандре показалось, что сестру расстроила эта новость. Но тут же Лили развеяла все её сомнения.

— Значит, уехал? — беззаботно переспросила она.

— И как я поняла, он не вернётся. Тебя, я вижу, это совсем не расстраивает?

— Нет, расстраивает, конечно. Но надо жить дальше. Правда?

С этими словами Лили удалилась в свою комнату, а Даниэль

в безмолвии сидел напротив Сандры, украдкой на неё поглядывая, пока она не решилась сказать ему:

— А тебе Отто вообще ничего не захотел говорить, — и с этими словами она поспешила удалиться и запереться в спальне.

Её злила реакция Лили. Сандра ожидала от сестры хотя бы капельку сожаления, но её не было. Тень раскаяния она заметила лишь в глазах Даниэля. Видимо, он всё прекрасно понял, и ему было крайне стыдно перед другом детства. Сандре же было стыдно перед Отто за них обоих. Да, в последнее время она недолюбливала журналиста из-за его легкомысленного отношения к Лили. Вот только оказалось, что сестра относилась к Отто ещё небрежнее. Сандра пыталась понять, как можно за девять лет так очерстветь к любящему тебя человеку, но вовремя вспомнила, что они с Даниэлем и сами успели опостылеть друг другу за какие-то пять лет. Что поделать — в жизни случается всякое.

Но время шло, и Сандра нередко приходилось вспоминать последний визит Отто и его слова, читая в очередной газете панегирики в адрес национал-социалистов. Кое-что из предсказаний журналиста, а вернее, эксклюзивной информации, медленно, но начало сбываться.

На выборах президента Хитлер получил меньше трети голосов, а Гинденбург не смог набрать и половины. Через месяц выборы состоялись повторно, и президентом вновь стал Гинденбург.

Через две недели в Баварии выбирали земельный парламент. Баварская народная партия, как и национал-социалисты, набрали по трети голосов, хотя баварцы получили в ландтаге на одно место больше. Но в Пруссии национал-социалисты всё же получили большинство мест и сумели сформировать однопартийное правительство.

Через три месяца избирателям вновь пришлось изъявлять свою волю, на этот раз решалась судьба парламента Веймарской республики. Национал-социалистам досталось меньше половины мест, и они не смогли создать коалицию, а Хитлер высокомерно отказался от любого поста кроме канцлерского, коего ему никто и не предлагал. В такой обстановке парламент проработал ровно один день и был распущен.

Прошло ещё три месяца и вновь гражданам республики пришлось идти на выборы. Национал-социалисты получили треть голосов, ещё меньше, чем в прошлый раз. И вновь начались утомительные переговоры о формировании правительства.

За 1932 год граждане Веймарской Республики приходили на избирательные участки пять раз. И многим этот политический

кризис смертельно надоел.

А в конце января 1933 года президент Гинденбург назначил на пост канцлера Адольфа Хитлера. Национал-социалисты назвали это событие «национальной революцией».

— Четырнадцать лет как существует Веймарская республика, — пространно заметил профессор Метц, — и Хитлер стал её четырнадцатым канцлером. Что-то это да говорит о нашей демократии. Если национал-социалисты считают себя революционерами, то это тревожный факт. Увы, революционер — это не профессия, это диагноз, причем, крайне неутешительный.

В конце февраля в Берлине кто-то сжёг здание парламента, и национал-социалисты сделали из этого глубокомысленный вывод о коммунистической угрозе. Восьмидесяти шестилетний Гинденбург поддался на провокацию и под предлогом «защиты народа и империи» подписал директиву, по которой частная собственность перестала быть неприкосновенной, личность свободной, а переписка тайной. Начались аресты коммунистов и депутатов парламента. Но и этого властям показалось мало.

И вновь были назначены выборы в парламент, уже в третий раз. И вновь избиратели не отдали национал-социалистам так вожделенное ими большинство голосов. И тогда власти решили проблему с творческим подходом — попросту аннулировали все голоса в пользу коммунистов и депутатские мандаты некоторых социал-демократов, после чего национал-социалистов в парламенте стало большинство. Так выглядела демократия по-веймарски.

9 марта Сандра позже обычного вернулась с работы, вся раздраженная и нервная. Отец не мог не поинтересоваться у дочери, что же случилось.

— Штурмовики взяли ратушу в оцепление и полезли на крышу водружать свой флаг со свастикой, — сказала она и с презрением добавила, — Блаватисты…

— И что, из-за этого столько времени вас не отпускали домой?

— Нет, папа. Вместе с флагом сменили всё руководство в городе. Это просто хаос. Одни сдают дела, другие принимают. Беготня, суета…

— А ты?.. — затаив дыхание спросил он.

— А я теперь молоденькая дурочка на побегушках. Принеси, милочка, то, подай это. Будто я работаю там первый день, а не восемь лет.

— Да, — понимающе протянул профессор, — а в нашем университете упразднили выборы ректора. Скоро нам назначат нового. А знаешь, как теперь его будут называть? Вождь

университета. А декана — вождь факультета, — с грустью рассмеялся профессор Метц. — С такими вождями можно и хёрбигерианство признавать за серьёзную науку.

— Боже мой, — устало вздохнула Сандра. — Зачем я только голосовала за Гинденбурга, эту старую развалину с маршальскими эполетами? А ведь он так красиво говорил о возвращении монархии.

Вскоре Гинденбург наделил Хитлера чрезвычайными полномочиями, и канцлер стал кем-то вроде диктатора в полу-демократической республике. А обновленный парламент принялся преодолевать «бедственное положение народа и империи» и издал закон, по которому отныне имперское правительство могло наплевать на конституцию и издавать акты, какие ему заблагорассудится.

В этот же день в США горячие головы сионистов от имени ни много ни мало, а мирового еврейства, объявили Германии священную войну. Выразилась она в бойкоте товаров с клеймом «Сделано в Германии». Уже закупленные на миллионы долларов и доставленные в американские порты товары топили в море, а новые больше не покупали. Для Германии, экспортирующей две трети своей продукции, этот бойкот оказался серьёзным ударом. И ответ последовал незамедлительно.

Через неделю штурмовики заполонили Мюнхен и принялись рисовать желтые и чёрные звезды на витринах магазинов, принадлежащих евреям. То и дело на улицах встречались надписи с призывом бойкотировать неправильных торговцев.

Сандре, как и многим другим горожанам было не до политики. Всё что она хотела в тот день, так это закупить припасы в ближайшей лавке, и она не желала идти лишний квартал, как бы её не уговаривали люди в коричневой форме. В тот день она успела услышать от штурмовиков немало любезностей в свой адрес, иные их злобные фразы и вовсе пугали.

И бояться было чего, ведь несогласных с новой политикой деятелей стали увозить из Мюнхена на запад, на место бывшего королевского завода боеприпасов в Дахау, откуда их больше не выпускали.

На улицах появились агитаторы, называвшие себя «штурмовиками Иисуса Христа». Они лихо принялись переписывать Библию, изымая из неё всё, что не соответствовало по их представлениям немецкому духу, например, «еврейскую мораль и истории о торговцах скотом и сводниках», а также «низкую теологию раввина Павла».

— Интересно, они хоть в курсе, что Христос по матери был евреем? — пребывая в крайней степени задумчивости, задался

вопросом Даниэль.

— Не знают, — мрачно ответил ему профессор Метц. — Для них он даже не Сын Божий.

— А кто же?

— Нордический мученик, пожертвовавший собственной кровью ради жизни немецкого народа, так они говорят.

С удивлением для себя Пауль Метц узнал, что отныне профессоров приравняли к профессиональным чиновникам, а значит, теперь он должен был доказывать новым властям своё «немецкое происхождение», дабы остаться работать в университете. Но семидесятитрёхлетнего старика не стали терзать глупыми расспросами, припомнив его службу хирургом в военном госпитале — для новых властей участие в Великой войне было немалой заслугой перед империей.

И эта империя требовала лояльности. Сначала власти, назвавшие себя помимо националистов ещё и социалистами, запретили все профсоюзы, а после, запретили тридцать семь политических партий из тридцати восьми.

В университетской библиотеке прошла кампания по изъятию книг неугодных новым властям авторов. Студентам и преподавателям предлагали очистить домашние библиотеки, чтобы запалить на городской площади языческое кострище из тысяч книг.

Профессор Метц сказал, что в его доме нет ничего запрещенного, и запрятал купленные ещё Юлиусом Книпхофом книги Фройда подальше от чужих глаз. Лет тридцать назад дед с большим удовольствием заклеймил их автора как извращенца и мошенника, о чём оставил собственные многочисленные пометки на полях его же книг, что тянуло на полноценную критическую статью. С таким семейным достоянием профессор Метц не готов был расстаться.

Даниэль же не думал прятать от чужих глаз роман Ремарка «На западном фронте без перемен». Для него, человека видевшего своими глазами ужасы войны, эта книга была не символом пораженчества, как отзывались о ней национал-социалисты, а зыбкой надеждой, что прочитавший её никогда не подумает взять в руки оружие. Но новые власти дали ясно понять, что Ремарку с ними не по пути.

Но больше всего в новых университетских веяниях настораживало разделение науки по национальной принадлежности её апологетов. Особенно профессора Метца задевали разговоры, что теория относительности используется евреями для разложения немецкого народа.

— Нет, теория относительности как теория весьма, пожалуй,

весьма сомнительна. Но при чём тут народ? Народу по большей части всё равно, что происходит с массой при приближении скорости тела к скорости света. Простого человека не волнует ни наука, ни политика. И это правильно. Единственное, что имеет для него значение, это семья, последнее прибежище, когда разочаровываешься и в науке и в политике.

И снова был назначен день выборов в парламент. Претендентом оказалась лишь одна единственная партия, но даже её не пожелали поддерживать восемь процентов из пришедших на выборы граждан.

В конце января Веймарская республика была ликвидирована, самостоятельность земель упразднена, и на место старой конституции пришла новая.

Вот так и закончился первый год власти национал-социалистов.

24

Зимой профессор Метц тяжело простудился и на время отошёл ото всех университетских дел. Увы, болезнь пожилого человека сильно затянулась, надолго приковав его к постели.

— Девочки, — не переставал говорить он дочерям, каждый раз, когда они наведывались в его комнату с едой и лекарствами, — всегда будьте вместе, что бы ни случилось, какие бы обстоятельства не разлучали вас — помните, что вы сёстры, что вы близнецы, две половинки неделимого целого. Никогда не расставайтесь.

Лили и Сандра обещали, что так и поступят, и журили отца за излишне упаднические настроение. А в перерывах между сном профессор подолгу беседовал со своим учеником.

— Даниэль, ведь для меня ты как сын. Ты наследник всех моих достижений, и удачных и сомнительных.

— Какие же вы относите к последним? — с улыбкой спросил Гольдхаген.

— Ты знаешь, — хрипло ответил профессор, ясно давая понять, что говорит об их общей семейной тайне. — Всё это время я думал, правильно ли я поступил с Лили, а потом и Сандрой.

— Профессор, но вы же не могли иначе. Они ведь ваши дети.

— Ах, Даниэль, как жаль что, детей нет у тебя. Если бы ты знал, как бы мне хотелось увидеть внуков. Когда-то мой дед говорил, что из всех потомков только я и моя кузина Ида стали достойными внуками, посвятив себя медицине. Мне не нужны такие жертвы. Я был бы счастлив любым детям моих дочерей. — И он с грустью добавил. — Но наш род пресёкся на них, моими собственными руками.

— Профессор, в этом нет вашей вины, — заверял его Даниэль. — Будучи первопроходцем, невозможно предугадать всех последствий.

— В том-то и беда. Бесплодие — слишком непомерная цена за воскрешение. Сотни будущих поколений в обмен на одну жизнь — как это неравноценно.

— Но тогда из двух жизней не осталось бы ни одной. Профессор, нельзя сожалеть о своём поступке, сколь необычным он бы ни был.

Метц только грустно улыбнулся, сожалея, что ученик совсем не понимает его слов.

— Я прожил эту жизнь и видел много странных вещей — человека, уверявшего, что ему пятьсот лет, и как одна августейшая особа родила гомункула… Даже мой дед был

неординарным созданием. — Тут профессор зашёлся в мучительном кашле и, отдышавшись, добавил. — Несмотря на прямое родство, мне, похоже, не светит его долголетия.

Даниэль не нашёлся, что ответить. Видимо, в обмане своего учителя он не видел смысла.

— Когда я был немногим старше тебя, — продолжал профессор Метц, — когда только девочки появились на свет, один мудрый человек заразил меня простой идеей — он сказал, что природу можно обмануть. В самом конце прошлого века он верил, что пройдёт время и в обществе появится сверхмораль. Прошло тридцать пять лет, и я вижу, что мудрец ошибся. С каждым годом мораль общества всё больше скудеет и однажды её не останется вовсе. Но тот мудрец верил в человечество, верил в торжество всеобщей братской любви. Он хотел повернуть время вспять, убить смерть и воскресить мертвых. Что ж, это я и сделал. Но я совсем позабыл слова другого мудрого человека. Одни считали его святым, другие кляли как беса, и все они были неправы. Тогда я не понял, почему он говорил это мне, ведь я был не одной с ним веры. Только теперь я понял — именно поэтому он и произнёс мне те слова.

— Так что же он сказал?

— Что грешно идти против Бога. Да, мой мальчик, теперь, в ожидании собственной кончины, я, ученый до мозга костей, признаю, как был тщеславен. Десять лет назад я помог наделить больное мертвое тело жизнью, и теперь оно выставлено на всеобщее обозрение. Мертвое имитирующее жизнь — только подумай, насколько это противоестественно. И я же отвоевал у старухи с косой своих дочерей. Вот только в тот момент, когда жизнь уходила из них по капле, я не думал о последствиях.

— О чём вы, профессор? Ведь ничего страшного так и не произошло.

— Посмотри на них, Даниэль, — требовательно обратился к нему Метц. — Помнишь, когда Лили и Сандра были рыжими зеленоглазыми пышечками, какими добрыми и ласковыми девушками они были. Но по моей воле они обе потеряли прежнюю внешность. Из-за этого Лили стала слишком легкомысленной, а Сандра слишком жесткой. Что бы я им не говорил, но они не близнецы более, они — антиподы, совсем разные люди. И им обеим по тридцать пять лет.

— Я помню профессор.

— Ты помнишь… А что ты видишь? Глядя на Лили сколько ты дашь ей лет? А Сандре? Даниэль, со дня операции они ведь ни на миг не изменились.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Гольдхаген, явно не

понимая, к чему ведёт его учитель.

— Конечно, за пятнадцать лет ты привык видеть их такими каждый день, и, наверное, совсем не обращаешь внимания на то, что они совсем изменились. Лили по-прежнему выглядит двадцатилетней девушкой, а Сандре нельзя дать больше двадцати пяти. Даниэль, ведь они совсем не стареют.

— Профессор, мне кажется, в их возрасте рано говорить о старости.

— Подожди, пройдет время, и ты будешь слышать за своей спиной завистливый шепоток — одной ногой в могиле, а женился на молодой. Будь готов, что скоро тебя и Сандру будут воспринимать именно так. А когда ты доживешь до седин, люди будут думать, что ты ей просто отец. Да, Даниэль, новая физиология, которую я заложил в своих дочерей, не доступна простым смертным вроде нас с тобой. Я даже не знаю, постареют ли они когда-нибудь, а умерев однажды, умрут ли снова?

— Как так? — поразился Даниэль, — вы подозреваете, что ваши дочери могут быть бессмертны?

— Как и та белая женщина, от которой я пересадил им шишковидные железы, — признал профессор. — Она говорила, что живёт уже не одну сотню лет. А сколько проживут мои девочки с частицей её мозга, я не знаю и уже никогда не узнаю наверняка. Всё в твоих руках, Даниэль, береги их обеих.

— Конечно, профессор, — пообещал он, крепче сжав слабеющую руку профессора.

— В Лондоне живёт доктор Рассел, — наущал тот. — Если он приедет на мои похороны, не допусти, чтобы он увидел Лили и Сандру, ни в коем случае. Он такой же экспериментатор, как и я, но в нём нет моего гуманизма. Для моих дочерей он враг, — произнёс профессор и начал причитать, — Бедные мои девочки! Не подумав, я обрек их на то, что теперь они не смогут самостоятельно найти себе пропитание. Без переливаний они не выживут.

— Успокойтесь профессор, я обещаю всегда быть с ними рядом. Лили и Сандра не останутся без доноров.

— Я надеюсь только на тебя, мой мальчик. Только будь осторожен.

— В чём именно?

— В Москве не так давно открыли Институт переливания крови, уникальное учреждение. Когда-то его основатель писал фантастические романы о марсианской цивилизации, где все обмениваются друг с другом кровью, а после он перешёл от фантастики к важному делу и возглавил целый институт. Как жаль, что подобного учреждения нет в Германии. Ведь там ставят

смелые эксперименты, и они дают потрясающие воображение результаты. Оказалось, современной науке ещё не все известно о свойствах крови. Когда директор этого института поставил на себе эксперимент, то погиб после гемотрансфузии.

— Погиб? — неподдельно удивился Даниэль. — Разве могла быть ошибка в группах крови?

— Конечно же, нет. Но он всё же умер. А тот молодой человек, с которым он взаимно обменялся литром крови, выжил. Это говорит лишь о том, что ещё не все свойства крови нам известны, чтобы с полной уверенностью переливать её от одного человека другому. Учти это.

— Хорошо, профессор, будьте спокойны, я обо всем позабочусь, — заверил его Даниель, и профессор Метц, обессилив, погрузился в глубокий сон.

Через неделю Пауля Метца не стало.

25

После «национальной революции» Хитлера наметилась тенденция, знакомая со времён французской директории и русского Октября — революция начала пожирать своих детей.

Когда глава штурмовиков Рём назвал Хитлера «этим ефрейтором» и объявил о своём неподчинении, Хитлер объявил себя «высшим Верховным судом немецкого народа» и отдал распоряжение о расстреле видных штурмовиков и прочих своих оппонентов. Говорили, что в болотах близ Мюнхена нашли обезображенное тело бывшего генерального комиссара Баварии фон Кара, того самого, что в 1923 году воспротивился «пивному путчу» и отсрочил на десять лет приход национал-социалистов к власти. Но в ту «ночь длинных ножей» внутри одной партии националисты одолели социалистов.

А через месяц умер ещё один неудобный властям человек — президент Гинденбург. На его место метил принц Август Вильгельм Прусский, младший сын беглого императора и правоверный нацист, но Хитлер остался верен своему политическому стилю. Как когда-то он аннулировал мандаты коммунистов в парламенте, теперь он совместил пост канцлера и президента. Отныне верховным главой Германской империи стал вождь Адольф Хитлер. На плебисците его отказались поддержать одиннадцать процентов пришедших избирателей.

Распробовав пьянящий вкус власти, Хитлер решился нарушить так ненавистный многими Версальский договор, чтобы восстановить военный суверенитет страны. Иностранные лидеры ограничились лишь формальной нотой протеста. На большее их возражений не хватило.

Расправившись с врагом внешним и внутренним, нацисты снизошли, чтобы исполнить своё самое громкое предвыборное обещание — ликвидировать безработицу.

После смерти профессора Метца, Сандра недолго оставалась единственным кормильцем семьи. Даниэля Гольдхагена, после сдачи экзамена на благонадежность, пригласили на должность преподавателя зоологии в университет.

За пять лет, что он был отлучен от алма-матер, в ней произошли коренные изменения. Студентов стало меньше. Власти постановили, что прежде чем грызть гранит науки, молодым людям необходимо отбыть трудовую повинность, а именно, отправиться строить дороги, чистить пруды и осушать болота. Всё это они называли «трудовым семестром», и длился он полгода.

— Не понимаю, — раздраженно брюзжал дома Даниэль, —

зачем вообще нужны университеты, если неквалифицированные рабочие руки сейчас ценнее образованных людей? Может проще узаконить рабство и погнать на стройки всех служащих?

Сандра не могла не поддеть кабинетного ученого и его взгляды на жизнь, сказав:

— А, по-твоему, новые дороги, по которым будут ездить миллиона людей, бесполезнее, чем научная статья по ботанике, которую прочтет и забудет от силы сотня человек?

— Ты говоришь совершенно безграмотные вещи, — обиделся он.

— Конечно, куда мне, простой машинистке до тебя, всеведущего ученого.

Сандра подтрунивала над Даниэлем, но вместе с тем была рада, что муж вернулся в университет. Наконец-то из дома переехала половина клеток с подопытными крысами. К тому же Даниэль перестал слоняться по квартире с недовольным видом всеми брошенного и покинутого.

После смерти отца Даниэль перенёс из их общей с Сандрой спальни все свои вещи в комнату, где раньше жила тётя Гертруда. Так окончательно оформился их с Сандрой разрыв, ведь теперь не было человека, перед которым стоило изображать видимость семьи. Сандра не понимала, почему её это волнует, ведь они давно уже не были близки и жили как соседи. Но её радовало то, что Даниэль перебрался в пустующую комнату, а не, со всей откровенностью, в комнату Лили.

Видимо, после его возвращения к работе, сестре стало скучно коротать будни в пустой квартире, так как вскоре светящаяся от счастья Лили объявила, что, наконец, собирается выйти замуж за замечательного человека и хочет познакомить сестру со своим женихом.

Ничего лучше, чем пригласить его на семейный ужин, в голову Лили не пришло. Сандра же терялась в догадках, как это будет выглядеть со стороны, если из четырех персон к еде притронутся только двое? Но больше всего её интересовало, кто он, её будущий родственник. И вместе с тем Сандру терзала тревога за сестру. Что будет, когда она покинет дом, в котором провела двадцать пять лет, как сложится её жизнь в новой семье? Хотелось верить, что намного удачнее, чем у самой Сандры.

Когда в комнату вошёл статный молодой мужчина тридцати лет, все сомнения тут же выветрились из головы как несущественные. Его военная выправка, чёрный мундир и петлица со сдвоенной руной зиг не оставляли места для догадок о профессии будущего родственника. Единственное, что теперь по-настоящему волновало Сандру, как жених Лили отреагирует

на присутствие Даниэля, чья национальная принадлежность более чем красноречиво написана на его лице.

Гвидо Бремер был третьим сыном владельца суконной фабрики. Восемь лет назад он окончил военно-морское училище в Киле, три года назад вступил в Национал-социалистическую рабочую партию Германии и теперь служил в Мюнхенском отделении тайной государственной полиции в звании майора охранных отрядов.

Разговор за ужином сразу же не заладился. Сандра то и дело украдкой подкидывала кусочки телятины в тарелку Даниэля, весьма недовольного таким ухищрением жены. Спрашивать Бремера о его службе было как-то неудобно и даже боязно.

— Скажите, госпожа Гольдхаген, — первым поинтересовался Бремер, скользнув по ней холодным взглядом, — как замужняя женщина, вы не думали оставить свою работу в ратуше?

Сандра даже перестало фальшиво жевать. Настолько неожиданными стали эти слова.

— Простите, но что вы имеете в виду?

— Вы не могли не слышать, что в империи идёт борьба с безработицей. Миллионы мужчин стоят на бирже труда и не могут прокормить свои семьи, своих жён и детей. В то же время есть семьи вроде вашей, где оба супруга получают жалование. Вместо того чтобы заниматься домом и семьей, женщина проводит весь день на работе и отнимает кусок хлеба у голодающей семьи, хотя могла бы отдать свою должность нуждающемуся отцу семейства.

Выслушав этот монолог, Сандра холодно заметила:

— Вряд ли я чем-то могу помочь империи. Мне не знаком ни один мужчина машинист-стенографист, который претендовал бы на моё место. Для борьбы с безработицей нужно создать новые рабочие места, а не заниматься сомнительными прожектами. Экономике это пойдет только на пользу.

Судя по взгляду жениха Лили, аргументированный ответ не пришёлся ему по вкусу.

— Видите ли, господин Бемер, — набравшись смелости, продолжила Сандра, — не так давно, когда скончался наш отец, я, мой муж и Лили жили только на моё не особо богатое жалование. Когда Даниэль остался без работы, вряд ли его должность научного сотрудника отняла некая проворная дама. Однако сейчас у мужа есть заработок…

— Просто появилась новая лаборатория, — подтвердил Даниэль, — и потребовались новые сотрудники. Можно сказать, мне очень повезло.

— Теперь, — продолжила Сандра, — когда не стало нашего

отца я, исполняю долг по содержанию своей сёстры. Надеюсь, вы не хотите, чтобы это бремя легло на моего мужа?

— Как старшая сестра вы поступаете благородно, — вынужден был признать Бремер, — Но можете быть спокойны. Вскоре эта ваша забота перейдёт ко мне.

Замечание про старшую сестру очень не понравилось Сандре. Она послала вопросительный взгляд Лили, сидящей напротив, и в ответ та лишь потупила взор.

— Я и Лизбет — продолжил Бремер, — уж точно не будем играть в феминизм. Настоящая работа женщины — это дом и семья.

И опять же Сандру смутило то, каким именем Бремер назвал Лили. Что же ещё сестра не досказала своему жениху?

— Единственное призвание женщины быть матерью, — продолжал он. — Преступно растрачивать свои силы на что-то иное вроде службы в канцелярии городского совета. Сейчас время думать о возрождении германской нации в буквальном смысле.

— По-вашему о городском совете думать не нужно? — поддела его Сандра и получила циничный и едкий ответ:

— Не потому ли у вас с господином Гольдхагеном нет детей?

Сандра буквально онемела. В ней бушевало желание выставить Бремера за дверь, ибо ни один мужчина не имел права говорить подобное женщине. Но заметив умоляющий взгляд Лили, она лишь холодно произнесла:

— Их нет по физиологической причине, и не будет никогда. Надеюсь, это оправдывает моё желание остаться машинисткой-стенографисткой в ваших глазах?

Бремер ничего не ответил, а на следующий день, когда Лили зашла в комнату сестры, чтобы спросить её мнение о своём женихе, но встретила лишь недовольный взгляд Сандры.

— Я уже поняла, что Гвидо тебе не понравился, — признала Лили.

— Он сделал всё, чтобы это было так, — холодно заметила Сандра. — Если ты действительно хочешь знать моё мнения, то я очень сомневаюсь, что ваша семья будет счастливой. Кажется, ты не рассказала ему как минимум о трёх важных вещах, которые не красят тебя в его глазах.

На минуту Лили задумалась, что имела в виду Сандра, но, вероятно, так ничего и не поняла. Тогда-то Сандра и решила выплеснуть всё накопившееся за прошедший вечер неудовольствие на сестру:

— Лили, ты хоть подумала о нас с Даниэлем, или мы уже перестали быть твоей семьей?

— О чём ты говоришь? — опешила та. — Я не пойму.

— Ты что, ничего не слышала о юдофобской политике, с которой априори согласен твой Гвидо? А может ты не в курсе, что Даниэль еврей?

— О Боже, — всплеснула она руками, — зачем ты так драматизируешь? Гвидо не людоед.

— Правда? Я заметила, как вчера он смотрел на Даниэля, особенно когда обнаружил на книжной полке Ремарка, которого запретили. Чего мне теперь ждать? Обыска? Ареста?

— Зачем ты выдумываешь, никто никого не будет арестовывать. Между прочим Гвидо расспрашивал меня о Даниэля. Когда я рассказала, что он был санитаром и вынес с поля боя множество раненых солдат, Гвидо потеплел. Эта история подняла Даниэля в его глазах, и Гвидо забыл о Ремарке. И какая вообще разница, какого происхождения Даниэль? Всегда нужно смотреть на поступки.

— Именно так я и делаю. А тебе самой не приходило в голову, что твой Гвидо убивал людей?

— Боже мой, Саша, — воскликнула Лили, — с чего ты это взяла?

Сандра лишь покачала головой и заметила:

— Я, конечно, понимаю, что в последнее время у тебя только любовь на уме и больше ты ничего не замечаешь. Но, знаешь ли, не так давно люди из службы твоего Гвидо перестреляли своих бывших соратников по партии. Что я должна была подумать, когда в наш дом пришёл человек в чёрной форме охранных отрядов?

Помрачнев, Лили сказала:

— Знаешь, Саша, ты права, политика меня совсем не волнует…

— Видимо — саркастически заметила Сандра, — с тех пор, как уехал Отто? То-то ты его плохо слушала, когда он во всех красках разоблачал Хитлера и его партию. Он ведь их яростный противник, Лили. А ты с такой лёгкостью променяла его на человека совершенно противоположных взглядов. Как так вышло?

Но Лили пропустила мимо ушей упоминание о прежнем любовнике и заключила:

— Я люблю Гвидо, и всё, что я хочу, так это стать ему хорошей женой. Что бы он ни делал, к чему бы его не обязывала служба, придя домой, он не услышит от меня ни расспросов, ни упреков. Дома он сможет отвлечься от работы и будничной суеты. Дома его будет ждать уют, забота и моя любовь.

Сандру впечатлили её слова. Никогда она и подумать не могла, что Лили способна отдать себя без остатка одному единственному мужчине. Во время её романа с Отто она была

совсем иной: эгоистичной, легкомысленной и неверной. Теперь же Лили изменилась, и это было весьма неожиданно.

— Наверное, ты права, так и должна поступать хорошая жена, — согласилась Сандра. — Долго же ты шла к своему призванию. А Гвидо известно, что у вас не будет детей?

— Пока что мы не говорили на эту тему.

Беззаботность, с которой это было сказано, поразила Сандру, особенно после оскорбления, которое Бремер незаслуженно нанёс ей самой.

— Он вообще знает, сколько тебе лет, что он младше тебя? Почему он считает, что я твоя старшая сестра?

— Саша, ну подумай сама. Ты давно замужем, Даниэлю скоро будет сорок лет. Логично предположить, что ты старше меня, да и на вид…

Сандра прекрасно поняла, что хотела сказать Лили, но благоразумно не стала этого делать. Да, на фоне Лили Сандра сильно проигрывала. Но всё равно старше её она не была.

— Значит, для твоего жениха мы больше не близнецы, — холодно заключила Сандра.

— Ну пожалуйста, не надо трагедий, — умоляюще обратилась к ней Лили. — Какая разница, когда кто родился? Мы сёстры, и этим все сказано.

— А что будет, когда он увидит твои документы, где ясно написано, что ты родилась в 1899 году?

— Ничего. А что страшного может случиться?

— Лили! — не выдержала и повысила голос Сандра. — Посмотри ещё раз в зеркало, ты не выглядишь на тридцать пять. Может быть я и выгляжу, но не ты. — Поняв, что сестре нечего возразить, она продолжила допрос. — Гвидо вообще в курсе, что ты пьешь кровь? Надеюсь, что нет, ибо это будет настоящей катастрофой.

Лили виновато посмотрела на сестру, а после гордо вздернула голову, чтобы ответить:

— Да, знает. И вовсе не против.

От волнения Сандра опустилась на стул и произнесла едва слышно:

— Как? Зачем ты сказала?

— Я ничего не говорила, — всё тем же уверенным тоном продолжала Лили. — Я просто сделала.

— Что сделала?

Лили присела рядом и, не отрыва взгляда от испуганной сёстры, поведала:

— Разве ты сама не пробовала этого с Даниэлем? Наедине, в минуты страсти, разве тебе не приходило в голову узнать, какая

она, кровь любимого человека?

Лили оказалась права, Сандре подобное никогда не приходило голову. Она даже не могла подумать, что кровь можно поглощать, не прибегая к переливанию. Пить? Но это же настоящий вампиризм!

— Ты?.. Его кровь?.. Как?

— Какая же ты формалистка, — рассмеялась Лили. — Можно питаться, как делаешь это ты. Но мой способ даже лучше, поверь. Это непередаваемое ощущение теплоты во рту и на языке. Я едва не забыла это чувство, если бы не Гвидо.

— Как он позволяет тебе такое?

— Я лишь прошу его надрезать кожу на плече. Ему кажется, что это лишь моя маленькая причуда. Здесь нет ничего опасного. Я прошу совсем немного, ведь делаем мы это часто. — Лили понизила голос до заговорщического шепота, но даже в нём проскакивали нотки пережитого наслаждения. — Это непередаваемое чувство, когда он даёт вкусить мне своей крови и изливает в меня семя. Я словно принимаю жизнь во всех её телесных проявлениях.

От этого признания Сандре стало несказанно противно. Совмещать питание и секс казалось абсурдом и мерзостью.

— Гвидо ничего не подозревает, — продолжала заверять её Лили. — Ты же знаешь, пока мужчина охвачен вожделением, его можно уговорить на что угодно.

Такая житейская премудрость тоже не была известна Сандре, да ей и не на ком было её испытать. Немного придя в себя после такого откровения, Сандра спросила лишь:

— А Отто?

— Что Отто? — нахмурившись, переспросила Лили.

— Ты и с ним это делала?

— Нет, он не позволял.

— Так значит, ты и его просила?

— Да, но он не понял меня. Поэтому всё и зашло в тупик.

Выслушав это неожиданное признание, Сандра призадумалась. С языка едва не сорвалось имя Даниэля, но она вовремя сдержала себя. Да и к чему спрашивать? Вряд ли бы он позволил Лили такое, ведь давнее обещание Сандры полностью его обескровить, наверняка, запало Даниэлю глубоко в душу, чтобы искать помимо плотских утех ещё и кровавых развлечений.

Прокрутив в голове сказанное Лили ещё раз и сопоставив факты, Сандра пришла к выводу: раз сестра пьёт кровь Бремера, следовательно, ей не нужны переливания через аппарат. И знать об этом обязан только один человек. И она поспешила спросить его об этом:

— Ты знал, что Лили отказалась от переливаний? — задала она вопрос Даниэлю. — И не сказал мне?

Гольдхаген удивленно посмотрел на жену и ответил:

— Мне кажется, это её личное дело.

— Правда? А может и мне устроить личное дело, как ты на это смотришь? Найти молодого любовника и ненавязчиво присосаться к его горлу?

— Не говори глупостей, — спокойно заметил Даниэль. — Пить кровь из шеи у тебя не получится, если ты не собираешься убить человека, конечно.

— Вы просто отвратительны, — в сердцах бросила Сандра, — оба.

— При чем здесь я? — вопросил он без тени обиды. — В конце концов, не вечно же Лили быть привязанной к гемотрансфузному аппарату. Это называется приспособлением к новым условиям среды и новой кормовой базе.

— Лили не крыса, чтобы так о ней рассуждать, — одернула его Сандра — Надеюсь, меня ты не погонишь на вольный выпас?

— Это твое личное дело, — пожал он плечами.

Сандре стало несказанно обидно. Впервые за много лет Даниэль сказал ей прямо, что её жизнь его совсем не интересует. А ведь когда-то он её ужасно ревновал даже без весомого повода. А теперь… теперь они лишь соседи по общей квартире. Тогда к чему тут ревность?

26

Свадьба Гвидо и Елисаветы Бремер состоялась в ратуше по новым обычаям, с напутственной речью мюнхенского шефа гестапо, римскими приветствиями и выкриками «Да здравствует победа».

Лили переехала в дом мужа и всё реже навещала сестру и Даниэля. В переливаниях она больше не нуждалась, а Сандру совсем не заботило, помрет ли от обескровливания майор Бремер, или нет.

Вскоре в Нюрнберге были приняты два новых закона: «о гражданине империи» и «о защите немецкой крови и немецкой чести». Оказалось, власти не поленились и заблаговременно и скрупулезно изучили генеалогию своих подданных, чтобы решить, кому из них присуща расовая чистота, и кто достоин быть подданным «Тысячелетней империи», а кто нет. Особенно новым законам были рады сионисты, видя в них преграду для смешанных браков, а значит, защиту чистоты еврейской крови. Две фашистских идеологии, безусловно, нашли общий язык.

А в мире никому не было дело до новаторств в законодательстве Германии и ущемлении прав национальных меньшинств. Четвертую зимнюю олимпиаду, что прошла на юге Баварии, не бойкотировала ни одна делегация спортсменов ни из одной страны мира. Впрочем, и на летнюю олимпиаду в Берлине приехали все, кто желал.

В новом 1936 году после праздника «зимнего солнцестояния», семья Гольдхагенов узнала о себе много нового. Оказалось, что в родословной Сандры значится дедушка-еврей, тот самый Иоганн Метц, чью фамилию она носила до замужества. Всё что она знала о нём, сводилось лишь к скупым фактам, что дедушка Метц был любимым учеником прадедушки Книпхофа, занимался изучением инфекционных заболеваний и умер от малярии задолго до её рождения. Никто и никогда не говорил Сандре, что он был евреем, настолько этот пункт в биографии был незначительным для их семьи. К тому же, если верить прадедушке, то достойным представителем его семьи мог быть только медик, а значит, его зять Иоганн Метц был вне всякого сомнения достойнейшим.

По новому закону, Александра Гольдхаген стала «метисом второй степени», четверть-еврейкой, квартероном, не расово чистым гражданином, но пока что приравненной к «лицам немецкой крови», до особых распоряжений. Эти распоряжения и страшили её. Что если власти издадут новые законы не только против евреев, но и остальных, кто, по их мнению не

принадлежал к нордической расе? А Сандра точно не принадлежала, ни одной четвертинкой своей родословной. Русских власти считали неполноценным народом, латышей тоже называли «расово нежелательным элементом». Даже на гены баварской бабушки Сабины не приходилось уповать. Баварцев определили как потомков некой «динарийской расы» не особо родственной «нордической». Германцы, скандинавы и англичане — вот кто удостоился права быть полноценным нордическим человеком. Белокурая, голубоглазая нордическая раса… А много ли среди высшего руководства империи блондинов? Кажется, только Райнхард Хайдрих.

Что бы не говорили расологи, но от работы в государственном учреждении Сандру не отстранили, не ущемили в зарплате и не лишили гражданства. Она лишь благодарила Бога, что отец не дожил до этих дней, иначе считался бы полуевреем, и вряд ли бы нацисты от университета по-прежнему нуждались в его преподавательском опыте.

С родословной Даниэля Гольдхагена всё вышло ещё проще — её не было вовсе. Официально о его матери и отце ничего не было известно, а слухи, что мать Даниэля была молодой прекрасной еврейкой, а отец таким же молодым, но бестолковым отпрыском аристократов, оставались лишь легендой. Именно поэтому сирота Гольдхаген получил статус полноправного немецкого гражданина без всяких оговорок. В конце концов, он не принадлежал к иудейской общине и был женат на почти что немке, что заметно обеляло его в глазах властей, закрывшей те самые глаза на его характерную внешность.

Для Сандры же брак с признанным немецким гражданином власти сочли более чем желательным, ведь по их мнению это было прекрасной возможностью разбавить слегка загрязненную кровь Сандры вполне полноценной кровью мужа. Правда, супруги считали иначе.

В одну из перебранок Сандра припомнила Даниэлю разницу в их происхождении, новые законы и вытекающие из них возможности:

— Чего же ты ждешь?! — почти кричала она. — Иди к прокурору, потребуй развести тебя с еврейкой. Такие ведь теперь законы! Пользуйся!

— Что ты такое говоришь, Сандра? Какая из тебя еврейка, если у тебя в роду был лишь один дедушка, о котором ты вообще никогда не слышала.

— Но ведь он был еврей!

— Ну, знаешь ли, — возмутился Даниэль, — в таком случае и я сын еврейки. Вот сама со мной и разводись.

На этом спор у кого больше еврейской крови закончился и больше никогда не поднимался. Как и вопрос о разводе.

Но расовая политика всё же расколола семью. Однажды Сандра поинтересовалась у Лили, как она со своим славяно-еврейско-баваро-латышским происхождением может оставаться женой офицера охранных отрядов, если ещё до замужества её родословную должны были проверить вплоть до 1800 года, почти до пятого колена. Ответ её поразил. Лили беззаботно сообщила, что Гвидо так её любит, что не пожелал расставаться с ней из-за маленьких недочетов в генеалогии. Проще говоря, Бремер подделал родословное свидетельство своей невесты. Это стало возможным только потому, что предки Лили с сомнительным расовым происхождением жили за границей и сведения о них в германских архивах были неполными или же попросту отсутствовали. Так Иоганн Метц, еврей-католик из Кельца, стал силезским немцем, исповедовавшем лютеранство, а мать Ольга Куликова значилась в свидетельстве как остзейская немка Хельга по фамилии Пильхау.

— Сначала я перестала быть твоим близнецом, — обреченно произнесла Сандра, когда узнала о подделке, — а теперь ещё и сестрой.

— Что ты такое говоришь, Саша? — укоризненно обратилась к ней Лили. — Почему вдруг перестала?

— У нас ведь теперь разные деды. Мой — католик, твой — немец.

— Ну что ты, это ведь такая мелочь.

— Правда? — поразившись её беззаботному тону, переспросила Сандра. — А для меня эта мелочь стала статусом метиса второй степени.

— Но ведь ничего страшного не произошло.

— Пока не произошло. Откуда мне знать, что решат власти через год или два, в каких правах меня поразят, какие налоги заставят платить. А может, и вовсе объявят негражданином.

— Даже если тебя лишат избирательного права, велика ли потеря? В Германии и так одна партия. Я уверена, ничего страшного с тобой не произойдет, ведь ты замужем за полноправным гражданином империи. Считай это большим преимуществом.

Сандра нервно рассмеялась. Она внимательно оглядела сестру, её волосы глубоко-черного цвета, её почти карие глаза, и поняла, что со своими соломенными кудрями и серыми глазами выглядит более «нордически» чем Лили. И тем не менее…

— Тогда почему по документам выходит, что нас рожали две разные женщины? — выпалила она. — Ответь мне, Лили, почему?

Кто выдумал эту фамилию Пильхау? Может твой Гвидо захотел фиктивно породниться с прибалтийской аристократией?

— Ну, Саша, — всё так же ветрено продолжала отвечать ей Лили, — ты же понимаешь, что здесь в Германии о нашей матери ничего не известно. Все документы на её счёт сталась в Курляндии. Никто ничего не узнает. Никто не будет ничего перепроверять. Не волнуйся за меня.

— А я за тебя и не волнуюсь, — холодно заключила Сандра. — Это ведь я внучка еврея, а не ты. Ты отказалась и от него, и от нашей матери. Господи, — она бессильно закрыла лицо руками, — как хорошо, что прадедушка и отец не дожили до этого дня. Ты же отреклась от них, от нас всех. Ты наплевала на семью, на единственно дорогое, что у нас всех было. Бог с ним с дедом, мы его даже не знали, но мать!.. Как ты могла отречься от той, что выносила и родила тебя? Она же жизнь свою за это отдала.

Услышав это, Лили подбежала к сестре и упала перед ней на колени, пытаясь заглянуть в глаза.

— Сашенька, — умоляюще затараторила она, — я сделала это только ради Гвидо. Пойми, я ведь очень люблю его. Только его.

Сандру это признание только разозлило:

— Очнись, Лили. Почему любовь нужно доказывать родословной? У вас брак или случка двух высокопородистых овчарок? Не питай иллюзий. Он разведётся с тобой, если ты не родишь ему нордического наследника. А ты не родишь, — и, подумав, она добавила, — и я не рожу расовонеполноценного недочеловека.

Собственные слова гулким эхом отдавались в голове. Сандре было несказанно больно слышать слова Лили. И ведь она совершенно искренне не понимала, что наделала. Прадед бы ей этого точно не простил и, наверное, выгнал бы из дома и запретил бы появляться даже на пороге. А отец? Отец всегда был мягок с ними обеими. Сандре его мягкости явно не доставало.

— Саша, перестань… — продолжала уговаривать её Лили, гладя колени и пытаясь успокоить.

— Уйди, пожалуйста — шептала она, не в силах поднять глаза. — Я не хочу с тобой об этом говорить. Никогда. Мы с тобой больше не сёстры.

— Сашенька… — Лили бессильно закусила губу, готовясь расплакаться. — Ты что? Как не сёстры?

— Это написано в твоём высокопородистом свидетельстве.

— Это всего лишь бумажка, Саша. Если ты хочешь, Гвидо сделает такую же для тебя.

Сандра глянула на сестру, от чего та в испуге отшатнулась.

Видимо, злость светилась в её глазах. А с языка слетела колкая фраза:

— Я не продам ни мать, ни деда за мишуру красивой и сытой жизни. Не родился на свете ещё такой мужчина, чтобы ради него отрекаться от семьи.

— Пожалуйста, не вини Гвидо…

Ненавистное имя разлучника отдалось дрожью во всём теле, и Сандра не сдержалась, она выплеснула наболевшее за долгие годы признание:

— Лучше бы ты вообще никогда его не встречала. Лучше бы ты продолжала спать с Даниэлем.

На лице Лили застыла маска изумление. Ещё долго она не могла прийти в себя, чтобы сказать:

— Ты знала?..

— Тринадцать лет уже знаю, — едва сдерживая мандраж, выплюнула Сандра. — И что вы спали, когда мы с Даниэлем были женаты всего четыре года, и что спали, когда у тебя появился Отто, а у Даниэля пропала работа. Я всё знаю.

— Боже, Сашенька… — прошептала Лили, а по её щекам растекались алые разводы слёз. — Прости меня… прости…

— Нет, Лили, мне никогда не хотелось тебя в этом обвинять, — взяв себя в руки, произнесла Сандра, — ведь это он мой муж и только он передо мной в ответе. Но если подумать, ты виновата передо мной не меньше. Сколько лет я гнала эту мысль от себя прочь, сколько лет не хотела, чтобы какой-то изменщик встал между нами. А разлучил нас не Даниэль, а твой Гвидо со своей родословной. Родной сестре я бы не посмела признаться, что знаю про шашни за моей спиной, а раз теперь ты дочь какой-то Хельги Пильхау, то знай — ты сломала мой брак и мою жизнь, всё мне исковеркала и вывернула наизнанку, ничего мне не оставила, ни мужа, ни моё родное тело. Ты бесстыжая, глупая нимфоманка, которой мало своего, надо ещё дотянуться до чужого. И ты не моя сестра, я тебя не знаю.

Заливаясь кровавыми слезами Лили пыталась вымолить себе прощение и найти оправдание, но Сандра была непреклонна:

— Если не хочешь, чтобы власти уличили тебя и Гвидо в подделке генеалогического свидетельства, запомни — у тебя нет сёстры.

С тех пор Александра Гольдаген не общалась с Лизбет Бремер. В полупустом доме Сандра с каждым днём все больше понимала, как ей не хватает отца. Ей не хватало матери, которой она никогда не знала. Ей не хватало тёти Иды и тёти Гертруды. Даже вечно ворчащего прадедушки тоже не хватало. Как бы хотелось вновь увидеть его, поговорить с ним, послушать его

рассказы. Рядом не осталось ни одного близкого человека. Жизнь потеряла последние яркие краски и все больше становилась чёрной.

Одинокими вечерами оставалось лишь перекинуться парой слов с соседом по квартире.

— Лили бросила нас, — сказала она Даниэлю, когда он спросил, почему та давно не заходила к ним в гости. — У неё теперь новая семья, и нас с тобой там нет.

Она рассказала Даниэлю про поддельное генеалогическое свидетельства, но в его молчаливой реакции она не увидела понимания.

— Ты был ей нужен, только пока ей было скучно, — решив уколоть побольней, сказала Сандра. — А я перестала быть сестрой, когда появился лгун-Бремер. Вот и пришёл конец нашей семье. Хорошо, что отец не дожил до этого дня.

Но Даниэль продолжал молчать. Тогда Сандра спросила его прямо:

— Думаешь, я перегнула палку, когда сказала, что она мне не сестра?

— Я думаю, всё к этому и шло.

— В каком смысле?

— Ссора было неизбежной. Только лучше бы ты выплеснула свои обиды лет тринадцать назад. За эти годы они сильно перебродили и превратились в яд.

Сандра лишь зло усмехнулась и заметила:

— Как хорошо рассуждать об этом со стороны, правда?

Но Даниэль ничуть не смутился и сказал:

— А я и не отрицаю своей вины. Я виноват перед тобой. Будь у меня по молодости больше ума, я бы нашёл в себе силы избежать искушения. Я просто запутался, Сандра. Когда-то я был влюблён в Лили, после женитьбы полюбил тебя. А потом я понадеялся, что ты ничего не узнаешь. И это живя в одной-то квартире. Что сказать, я был дураком.

— Нет, Данни, — вынуждена была признать Сандра. — Дело не в той измене. Дело в том, что Лили не захотела выходить за тебя. Будь вы вместе, ничего бы не случилось. И я была бы свободна. И вы были бы счастливы, наверное.

— Что гадать? Всё есть, как есть, и никуда нам от этого не деться. Лили ушла, профессор покинул нас. Остались только мы вдвоём. Ты хоть помнишь, сколько лет мы уже в браке?

— Из-за твоих манипуляций с абсентом, я теперь помню всё, — кисло заметила она. — Семнадцать лет, Данни.

— Долгий срок, — признал он.

— Да, — в задумчивости протянула она. — Будь у нас дети,

то старший бы уже заканчивал обучение в школе.

— Да, у нас могли быть уже взрослые деть. Злишься на меня из-за этого?

— Нет, — честно призналась она. — Уже нет. Если я не забеременела в первые пять лет нашего брака, выходит, после «испанки» я лишилась не только обоняния. Может оно и к лучшему. Зачем детям такая семья, где мать расово неполноценная кровопийца? А если бы наши дети были похожи на тебя? Сейчас бы в школе их заклеймили за ненордическую внешность. Нет, Данни, ты прав, всё есть, как есть, другого не дано.

— Неужели уже ничего нельзя изменить? — с надеждой в голосе спросил он.

— Ничего, — отрезала она. — Рядом друг с другом мы потратили свои жизни впустую.

Тоска не отпускала ещё долгое время. Бремер забрал у Сандры сестру, дав Лили новое имя и других предков. Видимо, такова судьба — гессенские сёстры, в честь которых Александре и Елисавете дали имена, под конец своих дней тоже повздорили и больше не помирились. А может, во всем виноваты нацистские власти со своим дурным законом, кто теперь разберёт.

По радио передавали излияния новых идеологов о чистоте крови и кровообращении народа, а в голове Сандры стало закрадываться опасение, что во власть прорвались самые настоящие кровопийцы вроде неё самой, и теперь они меняют идеологию и порядки под себя. Вот только ей самой было абсолютно всё равно, чью кровь переливать — немца или поляка, еврея или француза. Кровь у всех красная. Даже у Бремера.

27

Жизнь шла своим неспешным чередом, но порой излишне замедлялась. Битый час Сандра простояла в очереди к мяснику, но вместо вожделенной говядины ей досталась только свинина — всему виною был дефицит продовольствия. В следующий поход в мясную лавку всё получилось ровным счётом наоборот — вместо свинины ей выдали говядину. В другой раз Сандра простояла в длинной очереди на улице в промозглую погоду два часа. Когда она дошла до прилавка, выяснилось, что последний кусок мяса уже продан. С трудом подавляя раздражение, Сандра добралась до дома. Даниэль уже успел вернуться с работы, и у порога спросил её:

— Что сегодня будет на ужин?

— Ничего, — раздраженно рявкнула Сандра, отшвырнув снятую обувь в угол.

— Да что я такого сказал? — недоумевал Гольдхаген.

— Ты ешь мясо, а не я. Вот сам и стой во всех этих очередях!

Когда по радио прозвучала речь Хесса, Сандра вновь не сдержала эмоций.

«Мы готовы, и в будущем, — вещал заместитель Хитлера по партии, — если понадобится, есть поменьше жиров, очень мало свинины, по несколько яиц, потому что знаем, что эта маленькая жертва будет жертвой на алтарь свободы нашего народа. Мы знаем, что валюта, которую мы таким образом сэкономим, пойдет на вооружение».

— Ублюдок, — выплюнула Сандра. — Вот и жри своё вооружение.

— Не надо так нервничать, — заметил Даниэль. — Оно того не стоит.

— Почему? Может, по твоей воле еда мне уже лет тринадцать как не нужна. Но почему я должна терпеть эти издевательства с карточками и очередями? У нас что сейчас, война или марка теряет цену? Зачем вооружение? Лично я ни с кем воевать не собираюсь. Я лишь хочу прийти в магазин, сразу зайти внутрь и быстро купить за собственные деньги всё, что мне нужно и скорее уйти домой. Я, что, так многого хочу от этой жизни?

Через несколько месяцев карточки ввели на масло, маргарин и сало.

Тревожные мысли закрались в душу, когда Сандра увидела, как с окраины города на восток движутся танки. Ей вспомнились слова Отто Верта о неминуемой проплаченной войне, что нацисты получили власть только для того, чтобы воевать. И самое

скверное, что некоторые вещи, сказанные им в их последнюю встречу, уже сбылись.

Через два дня из Вены пришло объяснение происходящему: родная Хитлеру Австрия присоединилась к Третьей империи. Двадцать лет два немецких государства ждали этого момента. После Великой войны страны-победительницы взяли на себя моральное право запретить двум странам существовать в единых границах. Теперь же венские горожане радостно приветствовали германских военных с цветами, но канцлер Австрии сопротивлялся до последнего, пока в Вену не въехала тяжелая техника. Ни Британия, ни Франция не вспомнили о своих международных обязательствах и отстаиваемом им ранее «суверенном праве государства на независимость». Только Италию и СССР взволновало усиление объединенного немецкого государства. Лига Наций же скромно промолчала.

На работе Сандра услышала подлинную историю танкового триумфа от посмеивающегося секретаря городского совета:

— Вся танковая колона застряла на полпути около Линца.

— Почему?

— Почти половина машин вышла из строя на ходу. Чего удивляться, столько лет в стране не было ни войск, ни техники, что все уже и забыли, как её строить и водить. Да ещё и дорогу разбили. Говорят, когда вождь проезжал мимо Линца и увидел всё это стоящее великолепие, то сильно помрачнел. Пришлось грузить бронетехнику на платформы и везти железной дорогой до Вены. Триумфальное восшествие, не правда ли?

На сердце отлегло. Всё-таки Отто ошибся на счёт предстоящей войны. Германии нечем воевать. Весь свой милитаризм главнокомандующий Хитлер мог выразить только в многочисленных речах.

А министр по делам вероисповедания гордо заявил: «Национал-социализм есть волеизъявление Господа Бога», а «вождь — выразитель новой божественной воли», на что епископ Мюнстера возразил прямо и откровенно: «Дело Хитлера есть дело дьявола, а сам он слуга его и его орудие. У нацистов Бог лишь на устах, но в сердцах — бес». Было в этих словах что-то близкое к правде, ведь в одной из вестфальских деревушек все её жители по наущению уполномоченного по вопросам воспитания Альфреда Розенберга отреклись от Христа и обратились в язычество. Теперь они дружно поклонялись Одину, Тору и Фрейе на вновь заложенном языческом капище.

Новые власти забыли о предвыборных обещаниях следовать христианской морали. Это оскорбляло католиков, но не протестантов, и власть им благоволила. Большинство

протестантов не видело ничего предосудительного в расистской идеологии, вспоминая, что сам Лютер был антисемитом. Католики же говорили: «Христианство не знает примата крови… В христианстве неоспоримые позиции занимает дух, для него раса никогда не была духовным, ценностным понятием, а немецкая раса — это такое же случайное творение, как и любая другая». Тогда штурмовики стали глушить церковные песнопения выкриками партийных гимнов. В судах фабриковались дела против католических священников, обвиняя их в гомосексуализме. Отныне в газетах церковь именовали не иначе как «бандой педерастов».

Власти заставили и Сандру почувствовать себя униженной, когда ввели штрафной налог для бездетных семей. И дело было вовсе не в деньгах. Противным было само отношение к человеку, к женщине как к свиноматке, инкубатору и домработнице в одном лице.

Даниэлю же власти благоволили. Его пригласили на должность ассистента в исследовательский отдел зоогеографии и зооистории некой организации под названием «Наследие предков», после чего из дома пропали оставшиеся клетки с крысами. Больше ничего о новом месте службы мужа Сандре не было известно, Даниэль никогда не распространялся о своих исследованиях, разумно полагая, что жена вряд ли что-то в них поймёт. Сандра лишь предположила, что как большой специалист по грызунам Даниэль действительно мог внести ощутимый вклад в изучение миграции крыс по планете и истории их становления как беспощадных истребителей съестных припасов домашних хозяйств. Другой вопрос, зачем эти исследования понадобились властям, оставался без ответа.

У властей вообще было много глобальных идей, например создание «Великой Германии» из осколков немецких колоний, разбросанных по всей Европе. Вождь желал вернуть и исконно германские земли, что оторвали от тела страны победители в Великой войне. С той поры прошло двадцать лет, и некогда непримиримые победители начали охотно возвращать награбленное.

После австрийцев настала очередь судетских немцев присоединяться к Третьей империи. Все двадцать лет существования Чехословакии её дорвавшиеся до власти элиты неустанно притесняли всех, кто не являлся чехами. Как только пожелание вождя защитить судетских немцев было озвучено, так в британской палате лордов прозвучало предложение отдать Германии Судетскую область без лишних вопросов. Британия и Франция, эти гаранты независимости Чехословакии, отказались

выполнять перед ней обязательства о защите и сделали всё для отчуждения части её территории. Всё кончилось тем, что поздно ночью в мюнхенской резиденции вождя он и представители Британии, Франции и Италии сговорились о передаче Судет Германии. Представителей Чехословакии на переговоры даже не пригласили, им лишь предъявили соглашение о разделе их страны как свершившийся факт. На следующий день германские войска вошли в Судеты. Третья империя расширялась на Восток, как и предсказывал Отто. Вернее, он не гадал, он знал это заранее, ещё семь лет назад.

Месяц спустя в германском посольстве в Париже был убит дипломат фон Рат. Стрелявший еврейский юноша заявил, что своим поступком мстил за то, что Польша лишила его семью гражданства, а Германия выслала их со своей территории. Раненого фон Рата увезли в больницу и перелили кровь не той группы. Через два дня он скончался.

В то самый день в Мюнхен приехал Хитлер и гауляйтеры со всей страны, чтобы посетить вечер поминовения проваленного путча, что был подавлен в 1923 году. Пока руководство страны произносило речи в той самой пивной, где ровно пятнадцать лет назад под угрозой пулеметного огня было арестовано законное баварское правительство, на вечерних улицах Мюнхена стали появляться странные личности. Вооруженные кувалдами и прутьями они говорили о мести за покойного фон Рата и громили витрины магазинов и домов, принадлежащие евреям. Горела синагога.

В этот вечер Даниэль вернулся домой позже обычного и с разбитым в кровь лбом. Несмотря на все попытки Сандры осмотреть рану, он упорно изворачивался от жены.

— Ты что сдурел? — прикрикнула она, после чего Даниэль потерял всякое желание сопротивляться. — Не буду я пить твою кровь. Я ещё в своём уме.

Пока Сандра промывала явный порез и обрабатывала его антисептиком, по слову она вытянула из Даниэля историю, с ним произошедшую. Она оказалась до банальности проста и повторяла происшествие девятнадцатилетней давности. Только на сей раз нападавшими были не рабочие с окраин, а пьяные штурмовики с пустой бутылкой.

Сандра настаивала, что нужно заявить в полицию и наказать распустившихся дебоширов, но Даниэль наотрез отказался идти в управление, чтобы указать на провинившихся партийных функционеров.

— Какой же ты трус, — заключила Сандра. — Или ты думаешь, что получил по заслугам?

— О чём ты говоришь? Они были просто пьяны. Какой смысл что-то доказывать полиции? Все они состоят в одной партии.

— И лицо у тебя еврейское, — решила поддеть его Сандра.

Но Даниэль и не собирался возражать на правду и Сандру это только возмутило:

— Не надо строить из себя жертву на заклании. Ты полноправный гражданин Третьей империи и этим нужно пользоваться.

На следующий день буквально через силу Сандра всё же затащила мужа в полицейское управление, где ему показали фотографии неблагонадежных членов штурмовых отрядов, отличившихся за предыдущую ночь. Двоих он с уверенностью опознал. Виновных действительно нашли и исключили из партии за хулиганскую выходку в отношении гражданина и признанного «носителя немецкой крови».

28

В один из мартовских дней 1939 года Даниель Гольдхаген вернулся из университета сам не свой. Сандре еле удалось разговорить обеспокоенного мужа.

— Сегодня на занятия не пришёл ни один польский студент, — глухим голосом произнёс он.

— Почему?

— Они все уехали домой. В Польшу.

— В разгар учебного года?

— Говорят, в их стране началась мобилизация.

— Мобилизация? — удивилась Сандра. — А Польша собралась с кем-то воевать?

— Да, — обреченно изрёк Даниэль, — с Германией. Они хотят отобрать Восточную Пруссию.

Сандра непонимающе захлопала глазами:

— Что за глупость, Данни? Какая война, что ты несёшь?

— Все будет как в Великую войну, — продолжал заунывным голосом вещать Гольдхаген. — Англия и Франция вступятся за Польшу и опять будут воевать с нами. Опять война на два фронта. Польша захватит Данциг и Восточную Пруссию, Франция — Рур, и тогда войне настанет конец. И Германии тоже. Нас захватят и вновь поработят.

Гольдхаген опустился в кресло и бессильно обхватил голову руками.

— Данни, — осторожно обратилась к нему Сандра, — ты говоришь так только потому, что несколько студентов не пришли сегодня на занятия?

— Ты не понимаешь, будет война.

— Ну, хорошо, — согласилась Сандра, поняв, что спорить с маниями Даниэля бессмысленно. — А Бавария станет польским воеводством или французским департаментом?

Но Даниэль не ответил и замкнулся в себе.

Шли дни и недели, а польские солдаты не спешили топтать землю Тысячелетней империи. Через месяц Даниэль и вовсе успокоился и перестал ждать коварного вторжения. За это время Словакия поспешила отделиться от Чехии и попроситься под крылышко Германии. Вскоре и правительство Чехии изъявила сходное желание. Так мирным путем империя приросла ещё несколькими восточными землями — Богемией и Моравией. Год за годом, месяц за месяцем Третья империя возвращала земли, что после Великой войны утратила Вторая. Великая Германия вновь возродилась на просторах европейского континента.

Но Даниэль Гольдхаген продолжал ждать войны и дождался её. Она оказалась несколько иной, чем он представлял. Когда поляки перешли границу и напали на радиостанцию в Гляйвице, на следующее утро Хитлер заявил, что «вермахт вынужден ответить выстрелами на выстрелы и бомбами на бомбы».

Но на улицах не было ликования, как двадцать пять лет назад, когда германскому императору пришлось воевать с Россией. Сомнения и опасения читались в глазах людей ещё помнящих Великую войну и её последствия. Кто-то надеялся, что всё быстро закончится, кто-то уповал на то, что Запад не вмешается, а кто-то верил в дипломатический талант вождя и бескровное присоединение очередной отнятой у Второй империи земли. Никто не думал о войне всерьёз.

Но Англия и Франция объявили Германии войну. Даже сионисты из Лондона пригрозили Третьей империи войной, и как всегда, от имени евреев всего мира, не особо-то интересуясь мнением хотя бы евреев Германии.

Колоны немецких танков шли на Варшаву, а французская армия всё не вторгалась в Рур. Авиация бомбила польскую столицу, а британские истребители так и не появились над германским небом. Сионистские лидеры продолжали отсиживаться в Британии, а польских евреев начали депортировать в гетто, чтобы после словоизлияний лондонских сионистов у них не возникло желания стать партизанами.

Это война была молниеносной. Никто не сопротивлялся и не возражал. На этот раз Третья империя обогатилась землями Силезии, той самой, где некогда жил и умер Иоганн Метц. Хитлер вернул то, что растеряли так ненавистные многим социалисты. Только почему-то СССР вторгся в восточные земли Польши и присоединил их к себе. И опять же, никто не был против. Польша как государство прекратила своё существование, а у Германии и России теперь появилась общая граница. Те поляки и евреи, кто мог и хотел, сбежали из-под немецкой оккупации на восток, в самое логово кровожадных иудо-большевиков. И никого из беженцев Советы не депортировали обратно, а напротив, заявили, что «Красная Армия берёт под защиту братские народы».

Прочитав о разделе Польши в утренней газете, Сандра невольно вспомнила Отто Верта. Что он говорил? Хитлер должен напасть на Сталина за то, что когда-то Ратенау и Чичерин подписали договор о сотрудничестве? Но разве сейчас чёрная свастика и красная пентаграмма смертельные враги? Кажется, нет. Это Англия и Франция категорически отвергли предложенный Хитлером мир.

Впервые за долгое время Лили дала о себе знать. Она

прислала письмо из Берлина, где скупо извещала Сандру, что переехала с мужем в столицу. Сам Райнхард Хайдрих отметил служебную доблесть Гвидо Бремера и перевел его в главное управление имперской безопасности.

По прошествии нескольких лет Сандру больше не ослепляли былые эмоции, и она к превеликому удивлению для самой себя поняла, что Бремера есть за что уважать. Ведь этот верный служака не побрезговал подлогом родословной ради любимой женщины, зная, что такие фокусы могут стоить ему карьеры. Стало быть, Лили действительно ему дороже службы. Сама Сандра не могла сказать подобного о Даниэле. Крысы для него всегда были важнее всего на свете.

Все чаще по вечерам Сандра рассматривала перед зеркалом старую фотографию, где она и Даниэль позируют рядом, но уже живут врозь. Тогда он был ещё молод и красив. Помнится, в первые годы их брака другие женщины завидовали ей и строили ему глазки. Впрочем, и сейчас он выглядел довольно моложаво, и посторонние дамы продолжали оказывать ему знаки внимания. Вот только Сандру это уже давно не волновало. Волновало её другое.

— Данни, скажи мне только честно, почему я так выгляжу?

Даниэль вопросительно посмотрел на жену, потом на фотографию в её руке и честно признался:

— Я бы и сам хотел это знать. Мы с профессором были уверены, что вы с Лили будете похожи.

— Я не об этом. Почему я выгляжу моложе сорока лет?

— В каком смысле?

— В прямом. Четыре месяца назад мне исполнилось сорок.

Её лицо действительно осталось прежним, фотография это бесстрастно подтверждала. Ни одного намека на морщинки или обвисшую кожу. А вот Даниэль уже не тот молодой человек, каким был пятнадцать лет назад.

— Не знаю, — отмахнулся он. — Наверное, это какой-то побочный эффект.

Но такой ответ Сандру не устроил:

— Эффект чего? Что вы сделали с отцом? Что это была за операция?

— Зачем тебе это знать? — холодно вопросил он. — Ты ведь не медик и ничего не поймешь.

— А ты постарайся объяснить доходчиво. Что вы сделали с Лили такого, чего не получилось сделать со мной?

— Тебе не нужно этого знать, — непривычно твёрдо заявил Даниэль, отчего Сандре стало не по себе. — И я не буду тебе ничего объяснять. Это была экспериментальная операция. Ни

профессор, ни я не могли знать о последствиях. Зачем ты вообще подняла эту тему после стольких лет?

— Я просто хочу знать, каких ещё побочных эффектов мне ждать.

— На этот вопрос у меня нет ответа.

— И я нисколько не удивлена, — язвительно заметила Сандра.

Она стала циничнее и старше, хотя её и лицо осталось прежним. Новые сотрудники городского совета считали Сандру молодой машинисткой, ещё толком не разбирающейся в вверенной ей работе. Когда её видели рядом с Даниэлем, то говорили за спиной, что эта молоденькая вертихвостка захомутала наверняка обеспеченного и стареющего холостяка. Те же сослуживцы, кто знал её уже четырнадцать лет, с удивлением или завистью замечали, как свежо она выглядит в свои годы и как повезло господину Гольдхагену жить с такой милейшей особой.

Самому Даниэлю было всё равно, что говорят люди. Больше его заботил холод в квартире. Угля в городе не хватало, его просто не смогли завезти в нужном объеме. Топлива выдавали строго ограниченное количество из расчёта на семью, а не на площадь жилья. Стоило лишь обогреть вечером гостиную, как к ночи тепло растекалась по огромной полупустой квартире Гольдхагенов, и смешивалось с холодным воздухом. Наутро всё обстояло так, словно вечером и не было никакого угля в камине.

Все в стране ждали перемирия, но Тысячелетняя империя продолжала победоносное шествие по Европе, не встречая ни малейшего сопротивления. Капитулировала Дания. Британия оккупировала далекую и холодную Исландию и наметила себе в добычу нейтральную Норвегию. После двух месяцев боёв с англичанами, эта северная страна досталась Третьей империи.

А в самой Германии помимо продуктовых ввели карточки и на одежду. Сандра горестно склонилась над выданными ей купонами. В год на них можно было получить только пять пар чулок. Выходило, что одну пару придётся носить два с половиной месяца. А если она порвется через две недели? Пальто стоило 60 купонов из ста выданных. А обувь и вовсе не продавали.

— Я слышал, — как бы невзначай произнёс Даниэль, — открылись курсы для женщин. Там учат ремонтировать одежду и делать из нескольких старых вещей одну новую.

— Хочешь, чтобы я пошла туда? — скептически уточнила Сандра. — Чтобы меня поучили штопать носки?

— Я просто так говорю.

Но Сандра всё же прошла эти курсы, и даже ухитрилась сшить себе юбку из старой скатерти и связать Даниэлю свитер,

чтобы по вечерам ему не было так зябко.

А потом в Тысячелетней империи кончилось мыло. Его выдавали по 125 грамм на четыре недели. Даниэль перестал бриться и начал отращивать бороду исключительно в целях экономии мыла, которое он отдавал Сандре для стирки. Теперь черты его лица приобрели ещё более отчетливый не нордический вид.

Тем временем под грохот немецких танков сдались Бельгия, Голландия и Люксембург. Английские войска неспешно эвакуировались из Дюнкерка. Через сорок четыре дня сражений капитулировала Франция. Перемирие, как и в 1918 году, подписали в Компьене, в том же самом железнодорожном вагоне, который тут же торжественно и сожгли. Но на сей раз, Третья империя радовалась своей победе. Это был реванш за проигранную Великую войну, за версальский грабёж, за годы лишений в голодные двадцатые, за все безобразия социалистов во времена веймарской системы. Это была великая радость, справедливость, восторжествовавшая через двадцать два года ожидания. Теперь война закончилась и все в Германии ждали, когда, наконец, отменят карточки, вернут мыло, и страна возвратится к спокойной мирной жизни. Но налоги только росли, а зарплаты снижались.

Военное рождество, именуемое в некоторых кругах «днем зимнего солнцестояния», семье Гольдхагенов пришлось отметить без праздничного гуся на столе. Цены на птицу подскочили так, что Сандра пожалела отдавать за неё половину зарплаты. Яиц не получилось достать вовсе. Даниэль заметил, что хлеб стал по вкусу не таким как раньше, будто в муку подмешивали кукурузу. Молоко и вовсе продавалось разбавленное водой. Овощи и фрукты отныне можно было найти только у фермеров и по баснословным расценкам. Спекуляции на продовольствии, как это было в двадцатые годы, вернулись вновь.

Кровь для Сандры Даниэль выменивал у доноров на её продовольственные карточки, ведь донор должен всегда хорошо питаться. В основном на сдачу крови приходили многодетные матери. С карточной системой их семьям действительно не хватало продовольствия.

К концу недели от набора карточек Сандры для Даниэля оставались только обрезки на сорок грамм заменителя кофе, пятьдесят грамм маргарина и тридцать грамм мармелада, вернее его суррогата.

Все в империи ждали сытой жизни, но она всё не возвращалась. С трибуны парламента Хитлер призывал Англию к примирению, но гордая «владычица морей» не хотела мира и

потопила союзный французский флот отточенным в веках пиратским методом.

А вскоре британские самолеты стали появляться над ночным Берлином и сбрасывать бомбы на жилые кварталы. Власти говорили лишь о неопытности английских летчиков и плохом прицеле их самолетов. Но те продолжали свои террористические налеты на немецкие города, где не было никаких военных объектов. Что и говорить, вождь слишком любил англичан, чтобы их осаживать.

А в самой Англии разместилось правительство Польши в изгнании и сбежавший королевский двор Голландии. На расстоянии ведь сподручнее наблюдать, как враг топчет твою землю и управляет твоим народом, чтобы громче разоблачать агрессора.

29

Покорение Европы шло своим неспешным ходом. Хитлер распорядился захватить Югославию, после того как там свершился государственный переворот и новые власти отказались от дружбы с Германией. А потом Рудольф Хесс сошёл с ума и зачем-то улетел во вражескую Англию.

Даниэль Гольдхаген снова не находил себе места:

— Будет война с Россией, — причитал он, расхаживая по комнате. — Тогда конец. Всему конец.

— Прекрати, — устало одернула его Сандра, ибо уже не могла слышать его паникерских речей.

— Ты что, не понимаешь, чем это грозит?

— Ну чем?

— Война на два фронта, как в 1914 году. Но все будет ещё хуже, хуже, чем в 1918.

— При чем тут 1918 год? — начала было раздражаться Сандра.

Даниэль перестал метаться из одного угла комнаты в другой и внезапно опустился перед женой на колени. В его глазах читался неподдельный страх, который на миг передался и ей.

— Я был на Восточном фронте, Сандра. И я не хочу ещё раз там оказаться. Ты ведь не знаешь, что это такое. Это ад на земле…

— С чего ты взял?.. — хотела было возразить она, но тут же укоризненно добавила, — И почему ты считаешь, что видел нечто такое, чего не видела в госпитале я?

— Потому что в госпиталь привозят живых. Изуродованных, искалеченных, но живых. Ты никогда не видела мертвецов на поле боя. А я видел, и больше не хочу. Сандра, мне ведь нет ещё пятидесяти лет, со дня на день меня могут призвать во фронтовую часть. Что мне тогда делать? Если бы ты только видела, ты бы поняла… повсюду куски вырванного мяса, земля в крови, вывернутые из плоти кости. Один солдат просил меня добить его, чтобы закончились его мучения. Но ведь я не мог, осознавал, что так было бы лучше для него, но не мог. Теперь ты понимаешь, почему я отказался от карьеры врача? Я не знаю, зачем спасать жизнь, если она будет лишь бесконечным страданием.

— Данни, успокойся — призвала его жена. — Никто тебя не заберёт на фронт. Туда отправят молодых никому не нужных санитаров, а не тебя. Ты же работаешь в университете, ты зоолог, а не хирург. Кому ты нужен на фронте?

— Тем, кто дал мне работу, — произнёс Даниэль, а в его глазах читалась скорбь и отчаяние. — Они уже сказали, что война на Востоке будет не такая как на Западе. Там будет настоящая война, и они отправят меня туда.

— Но зачем? — ничего не понимая, спросила Сандра.

— Потому что там будет много мертвецов. А я знаю секрет, как вернуть им жизнь.

На миг Сандра опешила, не веря своим ушам. Придя в себя, она дрожащим голосам спросила:

— Ты выдал нашу семейную тайну? Рассказал, что ты и отец сделали с Лили и со мной?

— Нет, Сандра, — словно оправдываясь, закачал головой Даниэль. — Я ничего им не говорил. Но они не слепые. В «Наследии предков» видели ту фотографию, что ты показывала мне. Они видели и тебя и обо всём догадались. Сандра, я не хочу говорить им, но меня заставляют. Они знают, что Лили умирала, они знают, как она выглядела раньше и выглядит сейчас. Но Лили под защитой имперской канцелярии, а за нас с тобой никто не вступится.

От этих слов Сандра не на шутку испугалась:

— Ты что такое говоришь? При чём тут Лили?

— Она и не при чём. Это мы с тобой под ударом. У меня есть знания, как оживить умершего, а у тебя… — с этими словами он ткнул пальцем в лоб Сандры, от чего она невольно вздрогнула, — а у тебя есть пересадочный материал.

Теперь Сандре стало по-настоящему страшно, страшно так, как не было в миг, когда она увидела в зеркале своё новое лицо. Внутри всё похолодело, и оцепенение сковало тело. Даниель затряс жену, желая вывести её из ступора, чтобы сказать:

— Сандра, они хотят провести беспрецедентный эксперимент в невиданных масштабах, какой можно осуществить только на Восточном фронте, потому что там нет граждан империи, только народы, которые они называют неполноценными. Там будет мясорубка почище верденской, никому не будет дела, куда деваются живые и мёртвые. Там они и собираются начать эксперимент. Они считают, что человека можно оживлять столько раз, сколько раз он будет умирать. А на войне умирают многие и постоянно. Они хотят получить целую армию бессмертных нестареющих солдат. И они уверенны, что только я знаю, как это сделать. А я не хочу, Сандра, не хочу. Профессор был прав, мы совершили ошибку, когда вмешались в ход природы. Но мы хотели лишь, чтобы вы с Лили жили. А они хотят, чтобы другие умирали. Нет, Сандра, я знаю, что такое война. Знаю, что порою лучше умереть, чем жить.

— Данни, — выслушав его, прошептала Сандра. — Ты просто ничего не говори в своём «Наследии». Скажи, что они ошиблись. Скажи, что ничего не знаешь…

— Поздно, Сандра. Они видели мои результаты экспериментов на крысах, они поняли, чем я занимаюсь, и что я могу сделать больше. Но я никогда не проделывал на людях стадию умножения и проекции. Для этого нужен пересадочный материал, чтобы подобное породило подобное. А он есть только у тебя. А я не смогу тебя пытать. Я не посмею, Сандра. Профессор говорил мне, что было с той женщиной, у которой взяли частичку для тебя и Лили. Он рассказывал, как она страдала и, наверное, страдает до сих пор. Я и так виноват перед тобой, я больше не посмею тебя мучать…

После этого признания всё последующие дни были пропитаны страхом. Даниэль сам не свой слонялся по квартире, то и дело что-то писал, потом рвал бумагу, сжигал и принимался писать снова. А Сандра в напряжении ждала, когда в их дверь постучат коллеги Даниэля по «Наследию предков». Но время шло, и никто за ними не приходил. Сандра пыталась выспросить у Даниэля, что же за операцию он и её отец провели над ней и Лили, что значат стадии умножения и проекции, и кто та женщина, что пожертвовала свой биологический материал, а главное, откуда и куда его пересаживают. Но Даниэль упорно отмахивался, говоря, что и так выдал жене слишком много опасной информации. Постепенно Сандре стало казаться, что Даниэль обыкновенный паникёр и слишком мягкотел, чтобы сказать своим работодателям веское «нет».

Не прошло и недели со дня того откровенного разговора, как случилось что-то странное, настолько необъяснимое и запутанное, что не каждый чиновник в ратуше решался дать собственное авторитетное разъяснение произошедшего. Ещё вчера немецкие солдаты на берегу Ла-Манша ожидали приказа переплыть пролив, вторгнуться в Англию и молниеносно оккупировать её как годом ранее оккупировали Францию. Но неожиданно для всех германская армия пересекла границу СССР.

В коридорах ратуши царило гробовое молчание. Война на два фронта — как в Великую войну. Никто не решался вслух проводить аналогию дальше, но все прекрасно помнили, чем закончилась для Второй империи подобная война. На это раз Сандра восприняла горькую новость куда легче, чем в 1914 году. И всё равно было больно. Одна Родина снова воюет с другой. Но почему именно Россия? Ответов не было ни в прессе, ни по радио, только слова вождя: «В этот момент начинается поход, который по размаху и масштабам не знает себе равных в истории. Главной

задачей является защита не отдельных европейских государств, а спасение всей Европы. Поэтому сегодня я решил отдать судьбу и будущее немецкой империи и нашего народа в руки армии».

Большевизм — проводник мирового еврейского господства? Даже смешно. Что только не выдумает доктор Гёббельс. Сталин готовился напасть первым? Может и так. Зачем гадать, как и что могла получиться, ведь факт есть факт — германская армия уже в Западной Белоруссии.

А молодой глава Российского императорского дома Владимир вторил вождю Третьей империи и поддерживал все его начинания по свержению «ига коммунизма». Чему тут удивляться, каких-то восемнадцать лет назад мать Владимира не пожалела своих драгоценностей, на благо национал-социалистической революции. Может молодой человек всерьёз считал, что Хитлер теперь свергнет Сталина, только чтобы Владимир Романов реставрировал монархию и воссел на императорский престол? А ведь о чём-то подобном давным-давно говорил Отто. И ведь теперь его слова о войне сбылись в точности.

Зайдя в кабинет главы городского совета с утренней корреспонденцией, Сандра увидела на его рабочем столе увесистый том. Это была биография Наполеона. Видимо, чиновник представлял будущее германской армии весьма пессимистично.

— Думаете, зимой всё пойдёт слишком плохо? — как бы невзначай спросила Сандра, немало удивив председателя. Похоже, он считал её лишь молодой и глупенькой секретаршей, неспособной даже на поверхностной анализ ситуации, не то что на глубокий.

— Я слышал, госпожа Гольдхаген, вы провели детство в России, — заметил он. — Наверное, вам лучше известна сила тамошних морозов.

При этом председатель посмотрел на Сандру таким взглядом, будто перед ним стоял вражеский шпион. Но она не смутилась его намеку, а лишь рассеяно улыбнулась и пожала плечами:

— Так ведь я жила около Балтийского моря.

— До революции, надеюсь?

— Мы уехали за шесть лет до Великой войны.

Председатель удивленно изогнул бровь и спросил без всякого намека на такт:

— Сколько же вам лет?

— Сорок два, — честно призналась она.

— Очень сомнительно…

— Можете проверить в моём личном деле.

Вернувшись вечером домой Сандра заподозрила неладное

сразу же, как только отперла дверь. Перед глазами стояло что-то наподобие пелены, сизой дымки. Сандра тут же подумала о пожаре и кинулась в комнату. Всё оказалось куда проще — в камине догорала кипа бумаг. Судя по количеству золы, Даниэль успел уничтожить половину домашней библиотеки. Осталось только узнать зачем, ведь явно не из желания согреться, когда на дворе лето. Раздраженная, она ринулась искать мужа, чтобы потребовать объяснений. Идти далеко не пришлось. Даниэль неподвижно сидел у окна. Глаза его были плотно закрыты, обнаженная рука безвольно свисала с подлокотника.

Неспешными шагами Сандра подошла ближе. Она знала эту расслабленную позу. И ей стало страшно. Под смуглой кожей больше не бился пульс. На полу валялся пустой шприц. Даниэль всегда знал толк в отраве.

Сандра отказывалась верить, что пришла домой слишком поздно. Она трясла его за плечи, хлестала по щекам.

— Как ты мог?.. Ну, возвращайся же, Данни. Давай…

Но он не вернулся.

— Мерзавец! Трус! — в голос кричала она, не сдерживая алых слез. — Как ты мог меня бросить? Почему сейчас? Как я буду без тебя! Как… одна?..

Сандра не могла остановиться. Она вопила, колотила и заливалась слезами.

Наверное, соседи учуяли вырвавшийся наружу запах дыма — в отличие от неё они были способны на это. Сандра почувствовала, как на её плечи опустились трепетные руки госпожи Крайз, которая знала Сандру ещё девятилетней девочкой. Пока пожилая женщина обнимала и успокаивала тихими словами безутешную Сандру, в квартире побывала полиция и врач. Самоубийство и ничего другого, заключили они.

Сандра вспоминала, как семнадцать лет назад Даниэль убил её, а теперь наложил руки и на себя. Безжалостный эгоист, трус и убийца! Почему сейчас? Из-за того что он оказался прав и началась война с Россией? Или ему пришла повестка на сборы? Может это она сгорела в камине? Тогда что он сжёг ещё?

Ответ на этот вопрос появился, как только Сандра исследовала разоренную библиотеку. В ней не нашлось ни листочка с подчерком отца и самого Даниэля. Он уничтожил все наработки, все статьи и записи, а после покончил с собой.

Зато Сандра нашла послание, что оставил ей муж перед своей смертью. В нём было объяснение всему, что произошло в этот день и за все двадцать два года их брака: «Ты, наверное, поняла, почему я поступил так с библиотекой твоего отца и, надеюсь, не сердишься. Останься хоть клочок записей профессора или же

моих собственных, «Наследие предков» не преминуло бы воспользоваться ими и применить в своём эксперименте по созданию бессмертной армии. Сожженные записи и моя смерть, это залог твоей свободы. Без пересадочного материала нет смысла в технологии оживления мёртвых, как и нет необходимости в материале при отсутствии той технологии. Это как цепь, и изъяв одно звено, я разорвал её для тебя. Теперь тебе нечего опасаться, без моих знаний ты больше не нужна «Наследию предков». Может, ты оценишь мою жертву, а, может, и нет. Ты всегда была чёрствой. А ещё ты не умеешь быть счастливой, и, наверное, считаешь, что и другим рядом с тобой радоваться тоже нечему. Помню, пять лет назад, когда ушла Лили, мы говорили с тобой по душам, и я думал, что наконец-то хоть сейчас, после стольких лет, ты, наконец, простила меня. Но в тот же вечер ты назвала мою жизнь пустой, и я понял, что тебе уже давно не нужны ни мои извинения, ни моё покаяние. Я признаю, что был виноват перед тобой в тот самый миг, когда изменил тебе с Лили. Но ты не умеешь прощать и потому растянула мою вину на все оставшиеся годы, отравив жизнь и мне и себе. И в этом уже твоя вина передо мной. Просто в тебе нет душевного тепла, и ты не способна думать о чувствах людей вокруг себя. Ты умудрилась даже обидеть родную сестру. Когда я остался без работы, только Лили поддерживала меня и не позволяла унывать. Тебе же было всё равно. Ты ведь сама толкала меня в её объятия своим безразличием, и я снова совершал всё ту же ошибку, в надежде, что хоть так смогу увидеть, что ты хоть что-то ещё чувствуешь ко мне. Но ты ничего мне не сказала, даже в твоих глазах я не видел ни гнева, ни обиды. Да, я ошибался и делал непоправимые вещи не раз, но я всё равно любил тебя, какой бы ты не была. Увы, тебе моя любовь и забота нужны не были. Раз и я тебе не нужен, так живи без меня».

Сандра проклинала самоубийцу и его злое письмо, но уже ничего не могла поделать. И почему он не сказал ей всё это при жизни и в лицо, почему? Зачем все эти годы молчал и не вызвал её на серьёзный разговор? Почему ничего не сделал, чтоб она поняла, что чувства всё ещё есть? Но ответить ей уже было некому.

На похороны Даниэля Гольдхагена пришли лишь незнакомые Сандре люди из университета. Она отослала телеграмму Лили, но на кладбище та так и не появилась. Сандра надеялась, что скорбное сообщение в военное время просто затерялось в ворохе корреспонденции. Но что-то подсказывало, что оно всё же дошло до адресата.

Вместо Лили на кладбище появился человек в чёрном

мундире и с неподдельно скорбным лицом принёс Сандре соболезнования. Как выяснилось, он руководил институтом в том самом «Наследии предков», где в последние три года и работал Даниэль. «Незаменимый сотрудник» — так отозвался о нём человек в форме. Может Сандре и привиделось, но казалось, бывший начальник Даниэля едва сдерживает слёзы. Он проникновенно посмотрел на Сандру и задал вопрос, которой она боялась услышать от служащего из «Наследия предков»:

— Может быть, господин Гольдхаген оставил после себя какие-нибудь записи?

— Нет, — поспешила отрезать Сандра.

— Совсем ничего? — не хотел верить ей собеседник.

— Только предсмертную записку.

— И то же в ней было?

С иным любопытствующим Сандра не стала бы миндальничать и сказала бы, что это не его дело. Но человеку из «Наследи предков» она призналась:

— Что я отравила ему жизнь, и он больше не хотел жить со мной.

Собеседник не нашёлся, что ответить и, извинившись, ушёл прочь. Сандра искренне надеялась, что больше никогда его не увидит.

Даниэля похоронили рядом с могилой Пауля Метца. Сандра решила, что им бы обоим этого хотелось, ведь Даниэль всегда был для отца как сын.

Она ещё раз взглянула на могилу отца. Что-то насторожило Сандру, но она не могла понять, что именно. Оглядевшись по сторонам, Сандра, наконец, заметила, что с кладбища куда-то подевалась ограда. Только кладбищенский смотритель объяснил Сандре в чём дело. Из-за дефицита железа в стране власти распорядились забрать его у мертвецов. Ведь им должно быть всё равно, а армия получит новое оружие. Разве можно осмелиться и что-то на это возразить?

Не прошло и недели, как Александра Гольдхаген стала вдовой, и она в полной мере осознала, чем чревато её одиночество. Наступил вторник — день переливания. На пороге её опустевшей квартиры стояла женщина, что приходила сюда каждый месяц, чтобы сдать кровь и получить взамен продуктовые карточки для своих троих детей. Сандра не знала, как и быть. В суматохе и нервах последних дней, она напрочь позабыла, что нужно подкрепить свои силы. Но переливания всегда делал Даниэль, только он знал, как провести всё правильно. Сандра ещё раз прокляла его в сердцах, поняв, что не испытывала таких сильных чувств к мужу, пока он ещё был жив. Она отчетливо

поняла, что не знает, как обойтись без его навыков, как жить без его помощи. Сандра оказалась в ловушке, зависимости от крови, которую мог донести до неё только Даниэль. А теперь он снял с себя эту ношу, он вообще отказался от всех обязанностей и обещаний.

— Может, вы пригласите другого доктора? — предложила посетительница. — Мы бы могли сделать переливание в больнице.

— Боюсь, в таком случае я не смогу расплатиться с вами обоими.

— А может, вы сами сможете запустить аппарат?

— Нет, что вы. Вы же знаете, нужен третий человек, чтобы его обслуживать. Вдвоём можно либо получать кровь, либо её перекачивать.

— Господин Гольдхаген как-то раз забрал у меня кровь и сцедил её в банку, — вспомнила посетительница. — Он сказал, что законсервирует и перельет её вам позже. Может у вас получится сделать так же, сначала забрать, а потом перелить? Вы же говорили, что были медицинской сестрой.

— Да… — задумчиво протянула Сандра.

В подсказанной идее было рациональное зерно, выход из трудного положения. Вот только Сандра не знала тонкостей в обращении с аппаратом для гемотрансфузии. Но она прекрасно помнила, вплоть до мелких деталей, все манипуляции, которые совершал с аппаратом Даниэль. Страшно волнуясь, она решилась повторить увиденное, ведь донор была согласна на всё, лишь бы получить лишние граммы жиров и сахара.

Забор крови прошёл удачно. Выпроводив женщину, Сандра поспешила приступить к непрямому переливанию. Как бы не была хороша её память, но она просто не знала, как пользоваться консервантом. И все записи по этому поводу давно истлели в камине.

Сандра осталась довольна собой, она поборола страх беспомощности и теперь точно знала, что с аппаратом может прокормить себя сама. Но эта уверенность пошатнулась спустя месяц, когда ей предложили новую работу подальше от ратуши. Намного дальше.

— Вы же знаете, госпожа Гольдхаген, — заискивающе вежливо говорил ей агитатор, — что сейчас империя нуждается в солдатах. Долг каждого боеспособного мужчины сейчас сражаться за будущее империи.

— А чем здесь могу помочь я? — непонимающе спросила Сандра.

— Вот! Вы подобрали очень верное слово — помощь.

Империя нуждается в вашей помощи, госпожа Гольдхаген. В то время как молодые люди несут службу при штабах, их отцы и братья проливают кровь на Восточном фронте. А ведь они могли бы быть бок о бок со своими однополчанами и бороться с большевистскими ордами.

— А кто тогда будет работать в штабе?

— Вы, госпожа, Гольдхаген.

От такого заявления у Сандры пересохло в горле, и она не смогла внятно возразить.

— Вы будете армейской помощницей, — продолжал агитатор. — Не пугайтесь этого слова, никто не собирается отсылать вас на фронт. Ни одним законом не предусмотрено такое безобразие, чтобы отправлять женщину под вражеские пули. Будете работать исключительно при штабе. Вы машинистка и стенографистка с многолетним опытом работы и прекрасными рекомендациями. Единственное, что не хватает вам как будущей армейской помощнице, так это навыков работы со связью. Но это поправимо. Мы отправим вас в Гиссен, в училище. Там под руководством армейских связистов вы овладеете необходимыми навыками, чтобы стать незаменимой армейской помощницей при штабе.

— Простите, господин Юргенс, — замялась Сандра, — но почему вы предлагаете это мне? Я ведь уже не молодая девушка, чтобы с лёгким сердцем решиться на такую авантюру.

— Вы зря принижаете свои достоинства. Для своих лет вы выглядите чрезвычайно свежо. Наверняка в вас осталось много сил, чтобы оказать посильную помощь империи. К тому же, вы не обременены ни детьми, ни заботой о супруге… мои вам соболезнования. Так вот, у вас есть прекрасный шанс побороть своё одиночество и влиться в коллектив таких же помощниц, какой станете и вы сами и, в конце концов, послужить империи. Не в военном смысле, разумеется, а сугубо гражданском, что не менее почетно.

— Но я не могу. Я не могу покинуть дом.

— Почему?

Что ему ответить? Что она больна настолько, то не сможет жить без аппарата переливания? Тогда её заставят пройти осмотр у врачей, а это не сулит ничего хорошего. Что бы о ней не думал Даниэль, а она не дура. Когда он ещё учился в университете, Сандра украдкой таскала у него учебники по анатомии. Живя в семье медиков, невольно приходилось разбираться в медицинских вопросах. И ни в одном справочнике недугов нет описания её болезни, потому что её жажда крови не болезнь вовсе.

— Я хотела сказать, я ведь была сестрой милосердия в

Великую войну. Если империи нужна моя помощь, почему бы мне не отбыть в какой-нибудь госпиталь? Я ведь знакома с сестринским делом.

— Госпожа Гольдхаген, когда это было — вы и госпиталь? Прошло уже столько лет, медицина за это время скакнула далеко вперед. Только подумайте, сколько времени вам придётся доучиваться и переучиваться. А канцелярскими делами вы заведуете последние лет пятнадцать. Эта работа вам прекрасно знакома и вы отлично с ней справляетесь. Нет, пройдёте курсы связисток, узнаете специфику работы при штабе и отбывайте на службу, куда вас назначат. Не так уж важно, хотите вы или не хотите покидать Баварию. У вас есть выбор согласиться на это добровольно, или в ближайшее время дождаться призыва. А от него вы уже не имеете права отказываться.

30

Пару месяцев Сандре пришлось разрываться между двумя городами. По будням она усердно овладевала навыками связистки в гиссенском училище, а на выходные спешила домой в Мюнхен, к гемотрансфузному аппарату и своим знакомым донорам.

Но с каждым разом появляться в городе, ставшем родным, становилось всё тяжелее и противнее. И дело было не только в опустевшей квартире, где свёл счёты с жизнью её муж.

Видимо, властям было мало врагов вовне, и они решили выискивать их внутри страны. Усилились и гонения на католиков. Все приходские школы вынудили стать светскими, католикам запретили печатать духовную литературу, у монастырей начали изымать собственность, а монахов и священников стали ссылать в концлагеря. По радио больше не передавали церковных гимнов. Колокола отправляли на переплавку, а из школ готовились убрать все распятья.

Властям очень нравился Ницше за его нелюбовь к христианству и всему живому. «Пусть гибнут слабые и уродливые — это первая заповедь нашего человеколюбия. Надо помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? — Сострадание слабым и калекам — христианство», — так писал обезумевший философ.

От католиков потребовали сделать выбор между Христом и немецким народом, на что те отвечали, что оба им одинаково дороги.

Пошёл слух, что скоро власти закроют в городе и православный храм. По счастью этого не произошло. А все из-за того, что храм посещали не только расово-неполноценные русские эмигранты, но и румыны с болгарами, живущие в Мюнхене. Портить отношения с союзниками власти не решились.

Изредка и Сандра посещала храм, но уже без того рвения, что было у неё в детстве. С тех пор как рядом не стало тёти Агапеи, её религиозное прилежание дало трещину. А после операции и вынужденного отказа от еды, она и вовсе боялась принять причастие, видев в нём лишь чуждые ей хлеб и вино.

Сандра не понимала себя, ведь даже переезд в другой город и смена обстановки ничуть не помогли ей выйти из состояния хандры, даже напротив, еще больше нагнали тоску.

В училище было много молодых «молниеносных девушек», как прозвали связисток из-за эмблемы в виде молнии на рукаве их форменного кителя. Все они с воодушевлением говорили о том, как, наконец, вырвутся из отчего дома и отправятся во

Францию, как будут жить в отдельных роскошных квартирах и наслаждаться красивой жизнью. Увы, в силу возраста, Сандра уже разучилась видеть в крутых жизненных переменах что-то хорошее. Правда, «молниеносные девушки» не могли понять её пессимизма, ведь они принимали её за свою сверстницу.

В день, когда обучение было торжественно окончено, Сандра, как и остальные, получила уведомление о поступлении на работу. И это была вовсе не Франция.

Вначале она не поняла, что такое имперский комиссариат Восточной Земли и где он находится. Но дочитав до места назначения «Рига», сердце Сандры замерло. Курляндия, её родина. Где-то там есть город Иллукст, где на городском кладбище стоит православный крест с надписью «Ольга Метц 1879 — 1899». Только бы побывать там, только бы увидеть…

Когда Сандра и её новые знакомые по училищу прибыли в Ригу, то выяснилось, что служить им придётся в штабе местного комиссариата и обеспечивать связь с Берлином. Сандре как самой старшей и опытной выпала сомнительная честь работать при канцелярии самого комиссара. То, что это назначение ей вовсе не по душе, Сандра поняла уже на следующий день, когда комиссар стал выказывать ей недвусмысленные знаки внимания. А в скором времени он и вовсе заявил:

— Как вы смотрите на то, чтобы после работы приятно провести вечер? Мы можем посидеть у меня за бутылочной хорошего коньяка и…

Он не стал продолжать, да и Сандре не нужно было объяснять, чего он на самом деле от неё хочет. За все шестнадцать лет работы в ратуше ещё никто не предлагал ей адюльтер. Может мюнхенских чиновников останавливало её прежнее семейное положение, но по большому счёту среди машинисток городского совета можно было найти девушек куда посимпатичнее. Но видимо здесь в Риге, вдали от родных мест, представители новых властей совсем одичали от отсутствия немецких женщин.

— Послушайте, господин комиссар, — скорбным голосом начала Сандра. — Я вдова. Ещё не прошло и года…

— Вы молодая женщина. Стоит ли затягивать с трауром?

— Мы прожили в браке двадцать два года, — неуверенно возразила она.

— Двадцать два? — рассмеялся комиссар. — Это ваш возраст? Не обманывайте меня, Сандра. Два года брака ещё не повод отказаться от личной жизни и больше не искать интимных встреч. Подумайте об этом.

Но ей думалось совсем о другом. С тех пор как она заперла в

мюнхенской квартире самое дорогое, что у неё осталось, Сандра думала только об одном — гемотрансфузном аппарате. Со дня последнего переливания прошло уже больше недели. Одна мысль о том, что она не знает, как жить дальше заставляла Сандру холодеть от страха. По вечерам после работы сильно кружилась голова, и она пробовала отдыхать, лёжа всю ночь в кровати, но к утру сил не прибавлялось. Всё валилось из рук, время от времени по телу пробегал озноб.

— Вам нездоровится? — поинтересовался комиссар. — Зайдите после работы к доктору Шольцу. Учтите, мне не нужна вечно болеющая секретарша.

Нехотя, но Сандра послушалась его совета. Придя в кабинет медика, она прямо изложила свою просьбу.

— Мне нужно переливание крови.

— У вас анемия? — вздернув бровью, поинтересовался он.

— Нет. Моя болезнь очень редкая. Порфирия, — соврала Сандра, ибо знала, что это более или менее удачная ложь. — Может вы слышали о ней? Мне нужно переливание каждую неделю. Я просто не могу без него. В Мюнхене семнадцать лет я получала сто миллиграммов каждый вторник. Я надеюсь, вы поможете мне как врач.

Доктор Шольц внимательно её выслушал и предложил вначале провести серию анализов, чтобы окончательно убедиться, что Сандре действительно нужно переливание крови, а не что-то иное. И она была вынуждена согласиться, надеясь на положительный результат. Доктор забрал из вены кровь, подивившись её неестественно чёрному цвету, и предложил Сандре зайти к нему через пару дней. Начало лечения затягивалось, а Сандра по-прежнему продолжала терять силы.

Зайдя на утро в кабинет комиссара с бланками новых телеграмм, Сандра услышала за спиной звук закрывающегося замка. Обернувшись, она увидела, как шеф с затуманенным взором направляется к ней. От удивления Сандра не смогла заставить себя сдвинуться с места. Комиссар тут же прижал её к столу и попытался неуклюже поцеловать, попутно хватая Сандру за бедра. Она лишь бессильно уворачивалась и апатично отбивалась от приставаний, что было воспринято комиссаром как знак скорого согласия. Он принялся задирать ей юбку, и тогда терпение Сандры окончательно лопнуло. Из последних сил она влепила ему звонкую пощечину и даже рассекла ногтем кожу на его подбородке.

Разум помутился при виде чужой крови. Не помня себя и забыв про слабость, Сандра подскочила к комиссару. В его глазах читалось удивление и укор, но Сандре было всё равно. Она

прильнула к нему и по-собачьи принялась вылизывать окровавленную кожу. Теперь уже комиссар в ужасе оттолкнул её и поспешил отпереть дверь, ясно дав понять, что секретарше пора вернуться к работе.

Сандре было стыдно за свою несдержанность и даже страшно, что она на миг потеряла над собой контроль. С другой стороны Сандра осадила наглеца, видимо, навсегда, и это не могло не радовать. И всё же той крови было слишком мало.

В этот же день она пришла в кабинет доктора Шольца, надеясь получить добавки к своему скудному рациону. Но доктор как-то странно отреагировал на её появление.

— Это удивительно! — воскликнул он, стоило ей только переступить порог. — Вы не больны порфирией, но ваша болезнь крайне необычна. Я должен тщательно исследовать её, лучше изучить.

Он поспешил усадить Сандру в кресло, не сводя с неё подобострастного взгляда. Его глаза светились каким-то нехорошим блеском, и Сандре стало не по себе. Что если он знаком с кем-нибудь из «Наследия предков»? А что если отошлёт результаты её анализа им? Что тогда станет с ней? Неужто жертва Даниэля будет напрасной?

— Вообще-то, я никогда не считала, что больна, — поспешила возразить Сандра. — Если вы перельёте мне кровь, всё будет хорошо.

— Да, вы правы. В вашей крови слишком мало белых телец. Но вряд ли одно лишь переливание может вам помощь. Это должен быть комплекс мер. А может он и вовсе ни к чему. Вам вправду сорок два года?

Сандра неохотно кивнула.

— Вы хорошо выглядите для своих лет, даже очень хорошо. Я уверен, это связано со свойствами вашей крови. Это может стать важным элементом в методике омоложения. Если отсутствие белых кровяных телец замедляет старение тканей, то, возможно стоит попробовать….

Сандра внимательно слушала измышления доктора Шольца и кивала, пока словесный поток не иссяк.

— Так вы сделаете мне переливание? — тут же поинтересовалась она.

— Наверное, — озадаченно кинул он. — Не сейчас. Завтра.

— Почему? — хотела было возразить Сандра, ибо уже не могла ждать.

— Сначала мне нужно съездить в Саласпилс. Там я найду вам донора и привезу кровь.

— Может мне съездить с вами? Всё-таки прямое переливание

желательнее.

— Исключено, — тут же прервал её доктор. — Приходите завтра.

Шольц сдержал своё слово, и на следующий день Сандра получила желаемое. Её терзало любопытство, что есть такого в Саласпилсе, о чём доктор не хочет с ней говорить? Но Сандра не решилась больше спрашивать. Ей пришлось согласиться на регулярные обследования в обмен на постоянные переливания, и что-то подсказывало ей, что этого делать не стоит. Ведь не просто так Даниэль сжёг все записи о её операции. Вот только выбора у Сандры не было.

31

Прибыв в Ригу, девушки из службы связи разместились не в отдельных апартаментах, как мечтали многие из них, а в скромных квартирах по три-четыре человека в каждой. Сандра не особо ладила со своими соседками в силу возраста и отсутствия общих увлечений. Главным их интересом были офицеры и утехи с ними, и девушки в свою очередь откровенно завидовали Сандре, вернее её близости к комиссару. Этого она никак не могла понять. Сандра даже была бы рада, окажись одна из её соседок в его койке — это сняло бы с её плеч немало проблем. Кажется, этим молоденьким искательницам приключений не приходило в голову, что можно отказаться от ухаживаний важного человека, а вместе с ними, от дорогих кушаний, изысканных вин и красивой жизни в его апартаментах. Видимо Сандра стала слишком старой и чопорной, а может, после двадцати двух лет брака она уже просто не могла терпеть мужчин. В любом случае, молодое поколение ей было не понять.

Когда Сандра вышла из общежития и направилась к зданию комиссариата, то заметила, как по улицу ведут колону из сорока человек. Охрана гнала мужчин в оборванных одеждах с изможденными, обросшими бородами лицами. Еле переставляя ноги, они шли, опустив головы, а конвоиры подгоняли их злыми выкриками и ударами дубинок. Кто-то выбился из строя и обессиленно упал на дорогу. Его не менее утомлённые товарищи поспешили поднять страдальца на ноги и повели его за собой, но тут же раздался выстрел. На груди несчастного расползлось багровое пятно.

— В конец его, живо! — скомандовал охранник.

Люди неспешно двинулись вперед. Убитого оттащили в самый конец колоны и уложили на доски, на которых несли мёртвых. Он оказался пятым.

От изумления и страха Сандра не могла и пошевелиться. Прохожие разбежались сразу же после звуков выстрелов, а она продолжала стоять как вкопанная, провожая колону взглядом.

— Чего вы так испугались, госпожа Гольдхаген? — услышала она голос комиссара, проходящего мимо. — Это всего лишь русские военнопленные.

Он говорил это, как само собой разумеющуюся истину, и Сандра не могла понять его.

— Разве рядом идут бои? — невпопад спросила она.

— Что вы, большевики уже давно бежали из этих мест. Остались лишь эти, — кивнул он вслед колонне

военнопленных. — Пусть они потрудятся на стройках. В Восточной Земле, знаете ли, нужно многое сделать…

Дальше он принялся перечислять грандиозные планы по возведению новых аэродромов, заводов и дорог, а Сандра всё не могла избавиться от оцепенения. На её глазах убили человека. Конечно, она знала, что сейчас идёт война. Но ведь это город, а не поле боя. Разве подобное могло случиться в Мюнхене?

— Знаете, — продолжал комиссар, — я понимаю ваше замешательство. Конечно, это очень неразумно, так расточительно относиться к рабочей силе. Этих большевиков стоило бы кормить малость получше, чтобы от них было больше отдачи. А сейчас они мрут как мухи и толку от них мало. Надеюсь, вскоре, мою дальновидную мысль поймут и одобрят на самом верху.

Не так давно Сандра и сама испытала голод, что лишает сил и затуманивает разум настолько, что можно решиться на некрасивый поступок. Но голод ещё не поборол её волю, и тем страшнее было видеть колоны ходячих мертвецов, русских, как отчасти и она сама.

Сандра узнала, что лагерь военнопленных разбили в старых казармах, в черте города, а жители соседних домов частенько кидали узникам свертки с едой прямо из окон собственных квартир. Сандра собрала лежащие без дела продуктовые карточки и купила на них пару булок хлеба и кулек яблок. Придя к воротам лагеря она поняла, что поддавшись порыву чувств, начисто проигнорировала доводы разума. Через проволочное ограждение просунуть целую булку хлеба было просто невозможно, нужно было порезать её дома на куски. Но времени все исправить у Сандры не осталось.

Начал накрапывать дождь, а Сандра не могла оторвать взгляда от пленных. Это зрелище было настолько неправильным, что казалось ирреальным. Сотни, тысячи человек, её ровесники и совсем молодые люди, сидели под открытым небом, оттого что им негде было укрыться от дождя. Двор был изрыт ямами, настоящими норами, где под навесом земли отлеживались пленные. Кто-то рвал поредевшую траву и тут же сжевывал её, кто-то держал за хвост ещё живую трепещущую мышь. Ближе всех к ограждению был юноша лет восемнадцати, и он усердно, отточенными механическими движениями рыл ложкой нору.

Сандра недоверчиво вертела головой по сторонам, пытаясь убедить себя, что все это не по-настоящему, ей это мерещится, и она все неправильно понимает. Но нет, за проволокой как в загоне для скота, сидели полуживые, замёрзшие и истощенные люди.

И Сандра решилась на то, что многие годы боялась сделать вне стен родного дома — заговорить по-русски.

— Мальчик, — тихо и неуверенно, безбожно коверкая некогда знакомые звуки, произнесла она, — пожалуйста, подойди сюда.

Юноша развернулся в её сторону, и от резкого движения с его головы упала россыпь вшей. Он спрятал ложку в карман и недоверчиво посмотрел на женщину. Сандра достала из свертка небольшое яблоко, в расчёте пропихнуть его через ограждение. Её план удался, но юноша не спешил принять дар.

— Пожалуйста, — дрожащим голосом, пытаясь не расплакаться, говорила она, — возьми, поешь, пожалуйста.

Все ещё не веря в происходящее, он принял яблоко, и с жадностью впился в него, глотая куски почти не пережевывая. В его голодных глазах читалось нечто абсолютно первобытное, звериное, когда на место воспитания и морали приходит единственный движущий инстинкт. Не в силах больше смотреть на юношу, Сандра отошла от ограждения чуть поодаль, чтобы перекинуть свёрток с хлебом через забор. Пусть он достанется ему или другим пленным, неважно, но она не хотела больше видеть это страшное выражение глаз. Она не хотела однажды стать такой же, как он.

Когда обе булки упали на землю, никто из заключенных не шелохнулся. Они лишь напряженно не спускали с них глаз, словно что-то выжидая. Юноша осмелел и нагнулся первым, чтобы подобрать хлеб. Воздух пронзил звуки выстрелов.

Яблоки выпали из рук Сандры и покатились по дороге. Собственный крик ужаса заложил уши. Отняв руки от лица, Сандра увидела кровавые брызги, что отпечатались на её ладонях. Ноги подкосились, и Сандра упала на колени. Держась за ограждение, она смотрела, как судорожно вздымается грудь юноши, и кровь хлещет из его горла. Не прошло и минуты как всё стихло, и остатки жизни покинули его.

За спиной раздался топот ног. Сандру грубо подхватили под мышки и куда-то потащили, то и дело обзывая «большевистской дрянью». Только когда её приволокли в полицейский участок и запихнули в клетку, Сандра в полной мере почувствовала боль в правой ноге, на которую тяжело было ступить.

Прошло полчаса, а может и несколько суток, она не могла определить, прежде чем Сандра поняла — из-за её милосердия убили человека. Тот юноша поплатился жизнью только потому, что принял от неё помощь, поднял ту самую булку хлеба, что принесла она. Она принесла, она виновна, на её руках его кровь. Это выразилось буквально, и Сандра не смогла побороть себя и принялась слизывать с кистей засохшие багровые разводы.

Насыщения не было — лишь отвращение к самой себе. Только сейчас Сандра поняла, почему так болит нога. Из икры сочилась чёрная кровь. Видимо, охранник лагеря намеревался убить и её.

У Сандры не осталось времени, чтобы помочь себе — её увели на допрос. Полицейский долго кричал на неё, прежде чем обвинить в «передаче хлеба военнопленным и общение с ними на русском языке».

Из комиссариата за Сандрой прислали машину. Теперь настала очередь комиссара поучать её громкими словами.

— Но вы же сами говорили, — неуверенно возразила Сандра, подыскивая понятное для него оправдание, — что пленных нужно лучше кормить, чтобы они лучше работали.

— Это совсем другое дело! — разорялся он. — То, что сделали вы, отвратительно и недопустимо! Вы не просто подкармливали голодного человека, вы проявили жалость к врагу империи! Вы дали ему надежду на сочувствие. Вы посрамили себя, вы посрамили всё наше ведомство! Ваш поступок недопустим даже для штабной помощницы.

— Тогда увольте меня, — в надежде попросила она, — отправьте меня обратно в Мюнхен. Потому-что я больше не могу видеть это каждый день. Только дайте время съездить в Иллукст, и увольте домой.

— Домой?! — взревел он. — Скажите спасибо мне, что вас саму не расстреляли на месте. Вы что не слышали, что общение с военнопленными строго запрещено? Каждый день в городе находятся идиоты, вроде вас, которых ловят возле лагеря с едой. Их сажают в тюрьму, но постоянно приходят другие и сажают уже их. Может вам тоже стоит посидеть несколько месяцев в одиночной камере, чтобы в голове прояснилось?

— Скоро выпадет снег, — отрешенно произнесла Сандра, — будут морозы. Они все умрут от холода.

— Какая вам разница от чего умрут большевики? Самое время подумать о себе. Вы совершили подсудное дело. Вас накажут по законам империи. Этого вы хотите?

— Нет.

— Тогда раздевайтесь.

Эти слова прозвучали холодно и больше походили на приказ. Сандра подняла голову, чтобы посмотреть в глаза комиссару, и не встретила в них ни похоти, ни страсти — только жесткость и непоколебимость. После того, что она увидела и пережила в этот день, его поведение выглядело нелепым и наигранным. И Сандра рассмеялась, ибо плакать уже не было сил. Всему виною сдавшие нервы.

Комиссар только проскрипел сквозь зубы:

— Убирайтесь.

Придя домой Сандру встретили соседки, явно прознавшими обо всём, что с ней произошло. Теперь и они сыпали обвинениями и злобными, грязными оскорблениями, каких Сандра не слышала и от мужчин. И терпение её лопнуло.

— Заткнитесь, мерзкие гарпии! — рявкнула она в ответ, от чего девушки тут же замолчали. — Твари бездушные! Как вы вообще можете называться женщинами? Или у вас нет глаз и ушей? Или они отсохли, стоило только приехать в Ригу? Лучше бы радовались, что меня здесь скоро не будет. Можете все трое бежать к комиссару и задирать юбки, безмозглые шлюхи. Вам бы пойти работать в офицерский бордель. Вы же ничего не умеете делать. В одной стенограмме по пять ошибок, на каждом машинописном листе три опечатки. Вы же даже не можете соединить канцелярию с Берлином с первой попытки. Какие из вас штабные помощницы? Без ущерба для империи вы можете только мести пол.

От такой тирады соседки словно онемели. Переведя дыхание, Сандра бросила:

— Что, кто-то ещё хочет поучить меня жизни?

Таковых не нашлось, а она поспешила запереться в своей комнате. Первым делом Сандра попыталась осмотреть свою ногу. Было очень неудобно выворачиваться всем телом, чтобы разглядеть икру. Рана уже успела затянуться, осталось лишь нарасти коже. Но так не должно было быть, она это прекрасно знала. Сандра утешала себя лишь тем, что пуля лишь слегка оцарапала её кожу. Но на следующий день она почувствовала, как при ходьбе свинец неприятно трётся о кость. Пуля осталась внутри, она вросла в плоть, и Сандре упорно захотелось вынуть её наружу. Она уже подумывала взять кухонный нож и вырезать злосчастный кусок свинца, но не решилась. Она опасалась, что по незнанию перережет себе сухожилия, после чего и вовсе не сможет ходить. А пока, металл скрежетал о кость, с каждым шагом напоминая о выстреле и окровавленном мертвом юноше, которого сгубило её милосердие.

Как бы не грозился комиссар, а суд не состоялся. Вместо этого он придумал другую изощренную месть. Он лишь отстранил Сандру от работы в комиссариате и устроил так, что её перевели в другой штаб, подальше от Восточной Земли. Не помогло даже нежданное заступничество доктора Шольца. Сандру выслали из Риги. В тот день она впервые услышала про испытательные батальоны.

32

Александру Гольдхаген, обвинённую в «симпатии к большевизму», дисциплинарная комиссия любезно известила, что сие преступление по законам военного времени карается тюремным заключением. Но вместо сырых казематов ей сделали неожиданное предложение — пройти испытание и доказать, что она ещё заслуживает доверия империи и вождя. Сандра думала, что её направляют в трудовой лагерь, где вместе с молодыми людьми, которых ещё не призвали в армию и во вспомогательные части, она будет строить дороги и осушать болота. Но нет, её специальность осталась той же «армейская помощница-связистка», только теперь Сандре пришлось променять тыловой штаб на прифронтовой.

Падал снег. Поезд вёз её на восток, всё дальше от родных мест, дальше от доктора Шольца. С одной стороны тревога перед неизведанным не покидала Сандру, а с другой она была рада отделаться от навязчивого медика, который явно рассчитывал поставить над ней пару-тройку экспериментов. Кто знает, к чему бы они, в конечном счете, привели. Во всяком случае, Даниэль был уверен, что без его багажа знаний, резать Сандру на кусочки для получения пересадочного материала никто не станет. Значит, не будет армии умирающих и воскресающих солдат, никто не будет мучиться как она или даже сильнее. Солдаты будут умирать от пуль, и никто из них не вернётся к жизни, чтобы страдать и умирать вновь.

Горькие раздумья мысленно возвращали её в Ригу, а в памяти всплывали измождённые лица военнопленных. Как не желала Сандра, а она не могла выкинуть эти пугающие воспоминания из головы, ведь по встречным путям шёл поезд, а на открытых платформах сидели люди в до боли знакомой форме. Побелевшие от мороза лица, скрюченные от холода тела. Не все из них были живыми. В страхе она отпрянула от окна и не поворачивалась к нему, пока поезд не прибыл на вокзал.

Там Сандру встретил улыбчивый молодой человек двадцати лет. Клаус Хаузер отныне был для неё командиром отделения связи в составе испытательного пехотного батальона. Пока они ехали в машине по проселочной дороге через голый заснеженный лес, Клаус принялся рассказывать Сандре о специфике предстоящей работы. Её забавляло, как этот мальчик, годящийся ей в сыновья, обращается к ней на «ты».

— Это правильно, что ты сразу надела форменные брюки. Это в тылу можно щеголять в юбке, а в нашем батальоне служит

разный контингент. Главное помни, мы — уставной персонал, а рядовые — это осужденные солдаты, которым дали шанс пройти испытание и вернуться в свои части. Люди они разные. Есть воры, насильники, убийцы, вредители, но в основном это дезертиры, трусы, нарушители армейской дисциплины, те, кто поздно вернулся из отпуска или решился на самострел. Есть у нас ещё и третья рота, экспериментальная. Туда отправляют разных людей, но в основном тех, кого осудили по 175-ому параграфу.

— Что это значит?

— Сама увидишь, — загадочно улыбнулся Клаус. — Этих можешь не бояться, им, вроде как, не должно быть до тебя никакого дела. Но это так, для общего развития. Работать-то ты должна исключительно в штабе и солдат будешь видеть редко.

Эти увещевания не особо успокоили Сандру. До чего же она не любила женские коллективы, но мужской казался ещё более пугающим. Сотни самцов, месяцами не видевших женщины живьем — что может быть страшней? Теперь до неё стал доходить смысл собственного наказания. Оно было ещё хуже, чем каждый день входить в кабинет комиссара.

Командиром штаба оказался невысокий мужчина на вид пятидесяти лет с пушистыми седыми усами. В мирное время он был школьным учителем. Видимо, в Сандре он увидел кого-то вроде своей недавней ученицы.

— Ох, как я не хотел, чтобы тебя к нам присылали, — мягко запричитал он. — Но что поделать… Прочитал я твое личное дело. Русский язык, стало быть, знаешь?

Сандра пораженно кивнула, лихорадочно думая, откуда ему это может быть известно, если она никогда ни в одной анкете не признавалась в этом. А потом ей вспомнилась фраза из полицейского протокола про «общение с военнопленными на русском языке», и Сандра понуро опустила голову.

— Лучше бы тебя в Париж отправили, — добродушно улыбнулся командир, — французский язык выучила бы для разнообразия. Хотя, здесь рядом фронт, может, как-нибудь нам языка приведут, а ты переведёшь, что он скажет.

— Нет! — тут же выпалила Сандра и лихорадочно замотала головой, — больше никогда не буду говорить по-русски!

Вот она, вся мерзость её нынешнего положения. Она в штабе батальона, солдаты которого будут убивать её братьев по крови. Одни её соплеменники обязаны стрелять в других, а она вынуждена быть рядом и доводить до командира сведения обо всех боевых потерях и удачах. Только она никаких удач в этом не увидит. Каждый убитый — это трагедия.

— Ну ладно, не хочешь, так не хочешь. Вот твое место, — и

командир указал на стол, обставленный телефонами, коммутатором и телеграфным аппаратом, — будешь сидеть здесь, обеспечивать, так сказать, связь с дивизией и нашими ротами. Вся канцелярская писанина теперь тоже на тебе. Будешь записывать инструкции, регистрировать документы, заполнять журнал батальона. Ты ведь стенографистка, значит, должна справиться. Вот такая у тебя теперь работа. Какие будут вопросы?

Замявшись, Сандра произнесла:

— То, что все солдаты здесь преступники, это ведь не совсем нормально… и…

— Вот, что я тебе скажу, девочка, — вздохнув, произнёс командир, — то, что все эти люди оступились, означает только одно — они могут искупить свою вину. И в этом батальоне они стараются изо всех сил это сделать, причём, абсолютно искренне. Они прекрасно знают, права оступиться ещё раз у них больше нет, потому как дальше нашего батальона только расстрел. Мне не важно, кто из них, за что сюда попал. Теперь они мои солдаты, и всё что мне нужно, так это, чтобы они выполняли поставленные перед ними боевые задачи. В конце концов, и ты прошла через дисциплинарную комиссию. Одна только разница — ты женщина, а значит не военнослужащая, и спросу с тебя меньше.

— Но я буду выполнять работу, которую до меня делал армейский офицер, или даже два. Ведь инструкциями и документами должен заниматься не связист, а писарь. На меня возложили работу двух офицеров.

— Это так, — согласился командир, — но это не даёт тебе права подчиняться воинскому уставу. Твое дело быть штабной помощницей. Будь ею и я останусь доволен.

Этот разговор немного успокоил Сандру. Было ли дело в доброжелательном тоне командира или в отрезвляющем смысле его фраз, но Сандра решила для себя, что здесь её ждёт та же работа, что и всегда. Просто в необычных условиях.

Изо дня в день Сандра украдкой наблюдала за рядовыми, пытаясь угадать, кто из них и за что бы осужден. Кто украл чужой паёк? Кто напился шнапса и сбежал в тыл? Кто опустился до уровня животного и изнасиловал невинную девушку? Кто расстреливал мирных жителей? Ясно было только одно — свои преступления они совершили на Западном фронте. Случись подобное здесь, на Востоке, никто бы им и слова не сказал. Ведь Запад это колыбель цивилизации, там не должно быть места бесчинствам. А Восток кишит идеологическими и расовыми врагами, им не должно быть пощады. Это Сандра прекрасно поняла ещё в Риге, другое дело, что не смогла смириться и принять.

Наконец, она выяснила, что значит «осужден по 175-ому параграфу» и почему ей не стоит опасаться этих людей. В третью роту ссылали гомосексуалистов, застигнутых врасплох в своих частях и отданных под суд с подачи командиров, бывших любовников, провокаторов и совращенных ими однополчан. И кому только пришло в голову сконцентрировать их вместе, а главное зачем? Чтобы не совращали других? Как бы то ни было, но эти люди были самой низшей кастой даже в среде дезертиров и убийц.

Все, кто попал в испытательный батальон, когда-то были солдатами, офицерами и унтер-офицерами, а теперь стали рядовыми без погонов и наград. Многие действительно стремились реабилитироваться в предстоящих боях. Кто-то даже сурово говорил Сандре: «Береги канцелярию. Там все наши личные дела, в них записаны все заслуги. Если документы сгорят, считай, мы геройствовали зря».

Не прошло и двух дней, как возможность нагеройствоваться всласть представилась всем. Батальон перебрасывали в самый центр военных действий. Первое перемещение привело Сандру в замешательство. Если личный состав штаба удостоился передвижения в машине, то рядовые шли пешком, а вслед за ними по протоптанному снегу брели лошади, впряженные в повозки.

В тот день выдалась злая метель. Автомобиль застрял на переметённой тяжёлым снегом дороге. Солдаты выбились из сил, расчищая путь. Когда Сандра через окно продуваемой всеми ветрами машины внимательно присмотрелась к бойцам, а точнее, к их обмундированию, то пришла в негодование.

— Что это?! — неожиданно для самой себя воскликнула Сандра, обратив на себя внимание командира и его адъютанта. — А почему они так лёгко одеты? Сейчас же зима, а не осень.

— А это и есть зимняя форма одежда, — апатично ответил адъютант.

— Вы что, смеётесь? — опешила Сандра. — Да половина из них доберётся до места с воспалением лёгких. Вы что не понимаете, чем это грозит?

— Мы-то, госпожа Гольдхаген всё прекрасно понимаем, — успокаивающим тоном обратился к ней командир. — Но что мы можем сделать, если снабжение работает из рук вон плохо?

— Это в Берлине не понимают, — вторил ему адъютант с более критической интонацией в голосе, — что русская зима вовсе не такая как в Европе. Ничуть на неё не похожа. Но им же в Берлине виднее, как нам здесь воевать.

В этот момент к машине подвели лошадь, и солдаты стали

неловко впрягать животное, цепляя упряжь за бампер.

— Да все куда проще, — махнул рукой командир. — Никто не думал, что война затянется. Рассчитывали разделаться с Советами до ноября. Но вы же видите, как всё получилось. Уже январь, а теплую форму ещё не всем успели пошить. Вы же наверняка знаете, как в последние годы тяжело с одеждой в тылу.

Сандра помрачнела. Она не знала, как реагировать на услышанное. Казалось, что во власти засели полные идиоты, не способные на длительное стратегическое планирование. Тогда зачем воевать, если для этого нет ресурсов? Зачем превозносить в собственных речах немецкого солдата и тут же подвергать его пытке холодом?

Она всё думала и размышляла, а снаружи солдаты с покрасневшими, облепленными снегом лицами ежились и застывали словно сосульки. Прибыв на место, офицеры не досчитались с десяток бойцов. Это не было дезертирством. Когда снег сыплет с неба и, подхваченный суровым ветром, окутывает белой пеленой всё вокруг, очень лёгко остаться в снежной пустыне навсегда. Десять человек и остались — заблудились, не нашли заметённых следов тех, кто шёл впереди, сбились с пути, увязли в сугробах по пояс и не смогли больше сдвинуться с места. Они погибли на войне, так и не испытав себя в сражении.

Для Сандры наступил первый боевой день. Вдали гремела артиллерия, и раздавались взрывы, а она тихо сидела в сторонке, пока в штабе кипела суета. Клаус контролировал работу аппаратуры в штабе, связисты успели проложить кабель до передовой, и теперь командир батальона слушал донесения командиров рот, а Сандра лишь заполняла под диктовку журнал боевых действий.

Когда бой был окончен, из рот стали приходить офицеры и подавать список павших и раненых. Сандра перебирала личные дела, выкладывая на стол папки с именами тех, кого занесли в «невосполнимые потери». Она пришла в замешательство, когда поняла, что полка с личными делами опустела наполовину.

— Но ведь, — с лёгкой дрожью в голосе произнесла она, — половина… они погибли и ранены. Так много… Разве это нормально?

— Что вы хотите, госпожа Гольдхаген, — отвечал ей офицер, — идёт война, а мы в её авангарде. Срок службы в элитных формированиях недолог.

— Элитных? — Такая характеристика батальона только покоробила Сандру.

— Конечно, — без тени сомнения отвечал ей офицер, — отдать жизнь за Германию, чем вам не почётный долг?

— Но как же тогда быть дальше? Половина…

— Не волнуйтесь, у имперской армии нет недостатка в провинившихся. Скоро прибудет пополнение.

Поспорить с этим было сложно — война есть война, у неё свои законы. Но даже с испытательным батальоном эти законы были слишком строги. Стоило только окончиться одному сражению и на рубеже наступало затишье, как батальон тут же перебрасывали на другой участок фронта, в самую гущу нового боя. Снова марш сквозь жестокие холода, снова отмороженные ноги и носы, снова потеря половины личного состава в очередной мясорубке, снова пополнение, и снова множество смертей. Никаких отпусков и отдыха, только война на износ, война и ещё раз война. Элитные войска — ненужные люди, которых не жалко бросить на штык противника.

Когда Сандра видела, как к штабу доставляли носилки с ранеными, то не могла удержаться, чтобы не помочь санитарам.

— Я знаю сестринское дело, — говорила она и в подтверждение своих слов умело накладывала повязки на кровоточащие раны.

Но зов крови быстро возобладал над чувством милосердия, и Сандра встречала новую партию искалеченных бойцов с одной конкретной целью: улучить момент и поцеловать забывшегося от боли солдата в окровавленный лоб или приложиться губами к открытой ране — лишь на несколько секунд, чтобы аккуратно вкусить самую малость крови и не испачкать лицо и одежду, прежде чем прибудет санитарный грузовик и всех раненых увезут в тыловой госпиталь. Оказывается, в войне и чужих страданиях можно найти выгоду и для себя, хоть и очень сомнительную. Кровь раненых была полна адреналина, агрессии и страха. Она сдавливала ссохшийся желудок, прожигая его своей горечью и будя дикие порывы, кои сложно было унять. Ещё год назад Сандра посчитала бы это потерей всего человеческого внутри себя. Теперь она называла это выживанием.

33

Русская зима готовилась принять капитуляцию армии Тысячелетней Империи. Сорокоградусные холода замораживали смазку в орудиях, сковывали двигатели и моторы. Единственным ходовым транспортом оказались сани. Но и на них нельзя было вывезти в тыл всех раненных. Битва с холодом оказалась тяжелее битвы с большевистским противником.

Паровозы, что везли амуницию к передовой, останавливались, как только вода перемёрзла в котлах. Так они и покоились на рельсах, заваленные снегом и скованные льдом, преграждая собой путь другим составам.

Начались сбои в снабжении продовольствием. Помимо холода, от которого нельзя было скрыться в блиндаже, над бойцами нависла и угроза голода. Трудно отбивать атаки русских, когда в желудке пусто, а оружейная смазка на морозе превращается в густое желе.

Зачем-то вместо так нужных снарядов, с запада шли поезда, гружённые красным вином — «чтобы подбодрить солдат». Солдаты не скрывали своей злости на «тыловых крыс» из службы снабжения. Всё, что теперь у них было, так это цилиндрические бордовые льдинки в форме лопнувших бутылок. С ними не очень-то было радостно сносить артобстрелы противника без всякой возможности дать ответный огонь.

А из дивизии пришло задание для испытательного батальона: зачистить ближайший лес от присутствия советского отряда, который ставит под угрозу снабжение армии по примыкающей к лесу дороге. Авиация обязалась накануне проредить лес массированной бомбардировкой, а танки — поддержать наступление.

Наутро, когда началось операция, выяснилось, что авиация, найдя отговорку, от бомбёжки отказалась, а танки увязли в сугробах. Пехота одиноко вошла в зимний лес.

Прошёл час, два, а донесений от рот не поступало. Телефон молчал, и это означало только одно — связисты, тянувшие кабель до позиций, убиты. Командир и адъютант нервно слонялись из угла в угол. Такой растерянности в штабе на памяти Сандры ещё не было.

Никаких известий, только молчание, полнейшая неизвестность и коллапс. Первым не выдержал Клаус. Он отдал Сандре распоряжение остаться в штабе за него, а сам, наспех одевшись, схватил катушку кабеля и выбежал во двор.

Прошло больше получаса. За это время Клаус должен был

добраться до позиции. Но, почему-то телефон продолжал молчать.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, едва держась на пробитых пулями ногах, вошёл единственный прорвавшийся сквозь вражеский огонь боец-связной. Истекающий кровью, не в силах ступить и шага, даже в таком ничтожном виде, слабеющим голосом, он начал доклад:

— … третья рота несёт тяжёлые потери. Командир роты тяжело ранен и не способен нести руководство. Все связисты убиты. Командир отделения связи застрелен на моих глазах на подступах к лесу…

Глаза Сандры застлала тёмная пелене. Клаус убит! Клаус, отважный мальчик… Месяц назад ему исполнился двадцать один год… и теперь его больше нет. Что делать? Как сообщить его матери?..

А ведь кругом одна лишь смерть. Она повсюду и нависла над каждым. Что говорил Даниэль? Что «Наследие предков» хочет возвращать умерших на Восточном фронте к жизни? Будь жив Даниэль, они бы так и сделали, и Клаус бы умер не навсегда. Он бы вернулся и пожил бы ещё немного…

Из ступора Сандру вывел лишь встревоженный голос командира батальона.

— Девочка, соберись, — тихим, вот-вот готовым сорваться на крик голосом увещевал командир, — из всей службы связи у нас осталась ты одна. Возьми себя в руки.

— Мне идти?.. — с дрожью в голосе спросила Сандра.

— Куда идти? — не сразу сообразил он, а когда понял смысл так встревоживших Сандру слов, то в сердцах прикрикнул, — да что ты такое удумала?! Как я могу отправить девчонку под пули в лес?!

— Но, если вы мне прикажете…

— Да кто ты такая, чтобы я мог тебе приказывать? Армейская помощница, вот ты кто.

— И связистка.

— Твое дело сидеть в штабе около меня и поднимать телефонную трубку. Тебя ведь не учили бегать с катушкой кабеля.

— Учили, — слабым голосом возразила она. — На всякий случай, научили всему, что делают связисты.

— Это же верная смерть, — констатировал он, и с этим было трудно спорить.

— Так ведь, все мы умрем когда-нибудь.

Пока Сандра натягивала на себя утепленную форму и собирала инструмент, адъютант наспех объяснял ей, где должны быть позиции третьей роты. Глядя на Сандру, двое бойцов

штабной роты добровольно вызвались пойти связными к другим позициям.

Уже в дверях командир окликнул Сандру, но не смог сказать ей ни слова. В его глазах стояли слёзы. Такому чуткому человеку точно не место на войне.

Только выйдя на стужу, Сандра осознала всю фатальность своего упрямства. Мороз колол лицо, впереди раздавались одиночные выстрелы. Кому и что она хотела доказать? Что она настолько глупа, что готова расстаться с жизнью? Или, раз она замещает офицера, то должна быть ничем не хуже его? Глупо, но обратного пути нет. Придётся выполнить чужую работу и поплатиться за гордыню. Когда её убьют, некому будет снова вернуть её к жизни. А может так будет правильнее… так будет честнее.

Сандра почувствовала себя Тесеем в лабиринте Минотавра, когда бежала к лесу, пропуская через ладонь путеводный кабель. Стоило ей посмотреть на верхушки деревьев, как Сандрой овладела тревога. Эта чаща походила на заколдованный лес из страшной сказки, и входить в него не хотелось вовсе — не получалось себя заставить.

Только свист пули у самого лица вынудил Сандру кинуться вперёд, быстрее, дальше, со всех ног. А кругом на порозовевшем снегу лежали тела, с неестественно вывернутыми конечностями, открытыми ртами и заиндевевшими лицами. А в застывших глазах читалась лишь мольба о помощи и страх. Теперь он передался и Сандре.

Всё что она теперь хотела, так это оказаться подальше от этого поля мертвецов, но бегству помешал снег. Сначала он доходил до колена и гасил каждый шаг, а вскоре Сандра и вовсе увязла в сугробе по грудь. Липкий пот скатывался по спине, неприятно свербя вдоль позвоночника. Холодок пробежал по телу, когда Сандра задрала голову и увидела, как в неё целится сидящий на дереве стрелок.

За что? Зачем он желает ей смерти? Ведь у неё нет оружия — штабным помощницам оно не положено…

Звук выстрела. Огонь в груди. Перед глазами потемнело. Сердце замерло… и снова забилось.

Открыв глаза, Сандра увидела, как чёрное пятно расползается по белому, искрящемуся от редких лучей снегу. Дыхание перехватило, а потом пришла мучительная боль. Выдох смешался со стоном. Как это глупо, но Сандре показалось, что она чувствует, как пуля вместе с воздухом двигается в лёгком. В Великую войну, она часто спрашивала раненых, что они ощущают, но никто не говорил ей, что бывает такое.

Вот и всё. Сандра поняла, настал момент, и теперь смерть точно вернётся за ней. Двадцать два года назад Даниэль умудрился обмануть старуху с косой, но сама Сандра не сумеет повторить того же.

Одежда под шинелью неприятно намокла и начала промерзать, и Сандра поняла, что не хочет оставаться здесь, умирать в сугробе, когда совсем недалеко слышны голоса людей и немецкая речь.

Стараясь забыть о боли в грудине, она упорно сжимала тяжелую катушку в руке и, выбиваясь из сил, пробиралась через заносы снега. Боль забылась, осталось только стремление двигаться вперед, радуясь свисту пуль — ведь если их слышно, значит, пули пролетели мимо.

Не помня себя, потеряв всякий ориентир во времени и пространстве, Сандра ползла и ползла, пока не упала куда-то вниз.

— Ох ты, кто это тут у нас? — услышала она на удивление бодрый голос.

Сандра смогла добраться до оврага и даже упала на какого-то солдата, который не преминул подхватить её и поставить на ноги. Не успела она прийти в себя, как унтер-офицер накинулся на неё с криками:

— Какого черта! Что происходит! Почему нас обстреливают с тыла?! Почему в нас стреляют свои?!

— Я… я не знаю, — заплетающимся языком оправдывалась она. — Я всего лишь прокладывала кабель, и меня… я не знаю…

— Эй, Грубер, отстань от связистки, — заступился за неё солдат. — Не видишь, она еле живая от страха.

— А мы, Штеманн?! Может ты не заметил, из всей роты нас осталось пятнадцать человек. Пятнадцать из ста десяти! Какое может быть наступление, если эти обезьяны на ветках отстреливают нас как дичь?!

Еле шевеля замерзшими пальцами, Сандра подсоединила кабель и вышла на связь со штабом. И тут же рассерженный на всех унтер-офицер выхватил у неё трубку:

— … личный состав несет огромные потери. Все офицеры погибли. От роты осталось только пятнадцать человек. При сильной артиллерийской поддержке русские продолжают атаковать. Прошу разрешения отступать…

Сандра смотрела в измученные лица выживших бойцов, отчего собственные мучения тут же забывались. Она понимала, что им сейчас куда хуже, чем ей самой. Только одно слово приходило на ум: «деморализованы». Кто-то кричал, а кто-то мог только хрипеть. Кто-то даже напевал легкомысленную песенку.

Но были и те, кто лихорадочно шептал молитвы.

Найдя в затоптанном снегу перевязочный пакет, Сандра принялась перебинтовывать голову одному из бойцов. Он был ещё жив, но не шевелился, кровь заливала ему глаза, а он не пытался даже моргать.

Вдруг послышалась раздраженная ругань унтер-офицера. Он несколько раз выкрикнул что-то в трубку и резко кинул её на рычаг. Это означало только одно — линия перебита. Найти разрыв в снегу просто невозможно. Нужно прокладывать новую линию.

— Эй, связистка! Сегодня явно твой день. Может, пробежишься обратно до штаба?

Онемев от такого требования, грубого и даже жестокого, Сандра только вымолвила:

— Но у меня больше нет кабеля.

— Зато у Кельбаха есть. Вон он, лежит снаружи. Можешь забрать у него. Ты ведь уже перестала бояться мертвецов?

Идти обратно, сквозь снег, лес и пули. Что может быть страшнее, когда уже думала, что всё позади? Но знакомая дорога лучше неизведанной.

Тот на кого она упала, вызвался подсадить Сандру, чтобы она выкарабкалась из оврага. Думать о непристойности его излишне ловких прикосновений было некогда.

Впереди у самого дерева лежал связист Кельбах, но до него нужно было преодолеть пятьдесят метров под огнем противника. Но, даже справившись с собственным страхом, Сандра поняла, что сложности только начинаются. Она тщетно пыталась разжать пальцы мертвеца, чтобы забрать катушку. И это не было трупным окоченением. Просто Кельбах ухватил катушку со всей силы, надеясь дойти, доползти до штаба, во что бы то ни стало. Но он не смог. Холод в минус тридцать градусов довершил своё дело — тело превратилась в ледяную статую.

Финальный рывок подкрепил обстрел противника. Катушка оказалась в руках Сандры, и она кинулась обратно, прочь из ужасного леса мертвецов. Она даже не обратила внимание, как пару раз что-то с силой ударило ей в спину.

Что там говорил Даниэль незадолго до своего самоубийства? Если бы она только видела, что творится на фронте… Она и видит. Видит и не может никуда деться.

Выбежав из леса, Сандра отказывалась верить, что опасность осталась позади. Только добравшись до штаба, переступив порог и ощутив позабытое кожей тепло, она поняла, что всё закончилось. Она вернулась.

Адъютант сидел на телефоне и громким дрожащим голосом

что-то объяснял собеседнику из дивизии. Командир был сам не свой. Он лишь сидел, раскачивался из стороны в сторону и постоянно повторял себе под нос нечто нечленораздельное. Заметив Сандру, он сорвался с места и, заливаясь слезами, кинулся к ней навстречу:

— Девочка! Дошла! Вернулась!

И он сжал Сандру в отчаянных объятиях. Старый учитель плакал на её плече, а она только просила слабым голосом:

— Подождите… совсем немножко. Я только отогрею пальцы и всё подсоединю.

Командир с неохотой отпустил её, будто боялся, что она вновь его покинет.

Справившись с кабелем и аппаратом, Сандра, не расстегивая испачканной шинели, опустилась на стул и обессиленно закрыла глаза. В чёрной пелене вспыхивали призрачные огоньки. Даже сейчас в её разуме продолжается артобстрел. Как жаль, что не получится уснуть, чтобы хоть на пять минут оказаться подальше отсюда. Теперь, когда она увидела ужасы войны воочию, Сандра простила Даниэлю его нежелание жить. Ей и самой больше не хотелось.

Она облокотилась на спинку и вслушивалась, что происходило вокруг. В штабе наступил коллапс. Командир был на грани помешательства и, не переставая навзрыд повторял: «Какие ребята погибли… Какие бойцы!.. Все полегли… все…» Адъютант отказался взять на себя командование. Сандра узнала, что она единственная, кто возвратился из леса. Связные, ушедшие вместе с ней из штаба, обратно так и не пришли. Той самой роте, откуда она только что вернулась, командование дивизии, наконец, разрешило покинуть позиции и отступить.

В сумерках к штабу добрались лишь семьдесят человек, треть из них принесли на импровизированных носилках. Оставшимся в относительной целостности, валящимся с ног от переутомления и морального истощения бойцам, был отдан приказ похоронить павших соратников — те немногие тела, что лежали не на территории противника. Эта задача казалось непосильной. Расчистив площадку от снега, рядовые несколько часов долбили промерзшую землю на лютом морозе.

Сандра закрылась в закутке, что выделили ей под личную комнату. Странно, но отчего-то боль забылась и в груди больше не свербело. Скрипя зубами, она отодрала от тела присохшую одежду. Стоя обнаженной по пояс у зеркала, Сандра тщетно искала рану на груди. Чуть выше левого соска красовалась припухлость наподобие волдыря от ожога. Сандра ещё раз посмотрела на сваленное на пол тряпье. На кителе явственно

виднелась дырка прямо напротив сердца. Ещё две она обнаружила на форме сзади. Развернувшись к зеркалу, выворачивая шею назад, Сандра заметила ещё два «ожога» на собственной спине. Осторожно прикоснувшись к ним, она ощутила ноющую боль. Спазм сжал лёгкие, и Сандра зашлась в мучительном кашле. Задыхаясь, она опустилась на колени и не переставала кашлять, пока о пол не ударил кусочек свинца. Не веря своим глазам, Сандра подняла пулю. Переведя дыхание, она поняла, что больше ничего внутри не мучает её, а пуля лежит на ладони. Как это возможно? В госпитале никто никогда не выплёвывал пуль. Они сидели глубоко внутри, пока хирург не вынимал их наружу.

Входит, её ранили трижды. Или трижды убили? Даниэль, какой же он обманщик… Не нужно оживлять погибших всякий раз как их убьют. Достаточно лишь одной единственной операции, после которой смерть махнёт рукой и навсегда позабудет о воскресшем. И о Сандре она забыла уже очень давно.

34

После боя в лесу Сандра поняла, что теперь её жизнь безвозвратно переменилась. Нет больше иллюзий и неведения. Нет больше страха смерти. Да и смерти тоже нет.

Вместе с пониманием, что она участвовала в настоящем сражении, пришло и осознание, что отныне она сопричастна к блокаде города, в котором провела девять счастливых детских лет. И как жить дальше, терзаясь этими противоречиями, Сандра не знала.

— Эх, Гольдхаген, — порой окликали её солдаты, когда видели неподалеку от штаба, — не будь ты в испытательном батальоне, тебя бы наградили. Крестом «За военные заслуги» с мечами, это точно.

— Не-е, какие награды? — вторили другие, — Наступление ведь провалили.

Действительно, это был провал, когда многие бойцы просто кидались в укрытие и не желали вылезать под советские пули. И в командовании армии о неудаче не забыли. После операции в лесу, уставной персонал батальона пополнили офицеры, задачей которых отныне было вооружившись пулемётами, идти вслед за солдатами в бой и стрелять в тех, кому вздумается повернуть назад. Но даже после этого находились рядовые, кто надеялся обхитрить всех.

Один молодой берлинец попал в батальон после того как решился на самострел. Теперь же он обмолвился, что хочет перейти на сторону русских, чтобы для него поскорее закончилась война. Когда полевой жандармерии стали известны его планы, его расстреляли на виду у всего батальона. Он не прошёл испытания и его бесславный конец послужил назиданием для всех остальных.

В следующем же бою, не менее кровопролитном, чем предыдущий, командир запретил Сандре покидать штаб, а сам со штабной ротой выдвинулся в сторону позиций. В тот день он и погиб. И Сандра понимала, что иначе быть не могло. Слишком человечным был этот школьный учитель, слишком близко принимал всё к сердцу, а на войне так нельзя. Он остро чувствовал свою ответственность за весь батальон, даже за последнего мерзавца в его рядах. Так жить и чувствовать мог только школьный учитель.

Новоприбывший командир батальона сантиментов не разводил. Он был остёр на язык и к женщине в своей вотчине относился отрицательно, хотя вынужден был терпеть. Поняв, что

власть переменилась, Сандра лихорадочно прикидывала, может ли повториться рижский конфликт. Но нет, командир относился к ней подчёркнуто индифферентно, будто одно её присутствие в штабе ему ужасно мешало.

На радость Сандры, служба оставалась спокойной, без домогательств и даже поползновений. Офицерам, желающим завязать походно-полевой романчик, она решительно отказывала, ссылаясь на всё ещё продолжающийся траур. На самом деле, после двадцати двух лет брака без любви и понимания, Сандра уже не была способна ни на любовь, ни на понимание. Всё что ей хотелось, так это чтоб её оставили в покое. И ведь никто из офицеров не спорил, ибо прекрасно понимал, что случись с неприступной дамочкой конфликт, то из уставного персонала недолго стать исправляющимся рядовым.

Сами солдаты считали Сандру походной подругой то ли командира, то ли его адъютанта или на худой конец, нового командира отделения связи, такого же юного офицера, каким был покойный Клаус. Эти сплетни были только на руку Сандре, ибо избавляли от опасений, что кто-нибудь из солдат решиться принудить её к близости. А так, никто из них не хотел портить отношение с командованием, от которого зависело, сколько ещё времени придётся служить в батальоне, из которого можно было выбраться только в рай или ад. Но по большой части, после тяжёлых боев и маршей, рядовым было плевать, какого пола штабная связистка, только бы поесть и выспаться.

Сандра решила начать курить, не столько из желания травить дымом свои израненные лёгкие, а чтобы окончательно перестать казаться милой девушкой. Она внимательно наблюдала за солдатами и копировала их манеру держать сигарету, движения рукой и пальцами, поджимание губ, вдохи и выдохи. Может в кино времён веймарской системы курящая женщина и выглядела эротично, но это точно не относилось к Сандре.

— Эй, крошка, — махал ей рукой какой-то солдат поблизости.

Сандра узнала его по голосу. Это на него она упала, добравшись до третьей роты в овраге. Он же и ощупал её за ягодицы при первой же подвернувшейся возможности. Этот жизнерадостный нахал, на вид тридцати пяти лет, был выше её на голову, плечист, но очень уж худ. Не теряя времени, он тут же подошёл ближе и спросил:

— У тебя будет прикурить?

Сандра протянула ему папиросу, в надежде, что теперь-то он от неё точно отстанет. Но не тут-то было. С прищуром солдат внимательно рассматривал её, пока пару раз затянулся.

— Я Ойген Штеманн из третьей роты, — наконец представился он. — Твою фамилию я слышал, а вот имени не знаю.

— Александра.

— Хорошее имя для войны, не совсем женское.

Сандра непонимающе захлопала глазами, а Штеманн продолжал изучающе её разглядывать.

— Скажите прямо, — потребовала она, — чего вы от меня хотите?

Он лишь пожал плечами и сказал:

— Ничего. Я просто хотел выразить слова признательности. Ты ведь сделала для нашей роты очень важную вещь. Если бы не линия связи, которую ты проложили, мы бы не получили приказ к отступлению, так бы и полегли в том овраге. Но ты смогла не только прийти к нам, но и не побоялась вернуться в штаб. На такое мало кто решится, даже если захочет доказать перед командованием свою доблесть.

— Это была не доблесть, а глупость, — мрачно призналась Сандра, — больше я её не повторю.

— Ты себя недооцениваешь, крошка. Поверь мне, не каждый солдат кинется к передовой без оружия в самый разгар боя.

— Я и не думала об оружии. Оно мне не положено.

— Знакомая история, — загадочно улыбнулся он. — Мне вот, одно время, тоже было не положено. Теперь удивляюсь, как только жив остался… А тебя в нашей роте теперь считают за настоящего солдата, хоть без оружия и с кудрями.

Сандра даже не знала, как реагировать на сказанное. Это похвала? Признание? Или завуалированная насмешка?

— Я обратил внимание, ты всегда одна, молчишь, ни с кем не сходишься. Это ведь совсем не по-фронтовому, не в духе товарищества.

— При чём тут товарищество? — раздражённо вопросила Сандра. — Я не солдат, а женщина, если ты не заметил.

Штеманна её слова только развеселили.

— Очень даже заметил, крошка. Так может, я буду твоим товарищем, — тут же предложил он, — и пусть остальные завидуют.

Что это, изысканное предложение чего-то большего чём дружба или… Додумать мысль до логического финала Ойген ей не дал. Он склонился над самым ухом Сандры и в полголоса произнес:

— Ты ведь знаешь, что такое 175-ый параграф? Так вот, можешь считать меня закоренелым преступником и не бояться за свою девичью честь.

После этих слов он отстранился и ещё раз затянулся, с улыбкой разглядывая её явно удивленное выражение лица. А Сандра в свою очередь разглядывала его, все ещё не веря услышанному. Он — гомосексуалист? Да в жизни бы не подумала! На вид неизнеженный и нежеманный, мужчина как мужчина, даже симпатичный. А на самом-то деле… Неисправимый гомосексуалист — что может быть безопаснее. Лишь бы он сказал о себе правду, а не наврал для отвода глаз. Хотя, о таком в батальоне врать не станут. Здесь эти осужденные не в фаворе.

На всякий случай Сандра разыскала в штабе личное дело Ойген Штеманна и убедилась, что он её действительно не обманул. После этого Сандра куда охотней делилась с новоявленным товарищем папиросой, пока в батальоне было затишье и находилось время перекинуться друг с другом парой слов.

Вскоре, во время очередного перекура, она услышала от Ойгена историю, как он попал в испытательный батальон. Оказалось, это не первое место, где он проходил перевоспитание.

— Сначала я угодил в штрафной полевой лагерь, — начал рассказывать он, когда Сандра протянула ему пачку с папиросами. — Пожалуй, самое жуткое место на свете. Работаешь по четырнадцать часов в сутки, еды получаешь лишь пятую часть от здешнего пайка. На прогулке ступишь чуть ближе к ограде — расстреляют без предупреждения. А ещё марши. Представь себе — пятьсот километров пешком вдоль берега Ледовитого океана ночью и с багажом на спине. После такого в России меня уже ничто не страшит. А тогда, если выбьешься из строя — расстрел. Еды во время марша не давали. Если рядом проезжали грузовики, из них нам выкидывали съестное. А потом расстреливали тех, кто осмелился подобрать. В общем, только четверть осужденных дошла до места.

Сандра слушала эту отповедь и понимала, что уже видела подобное — в Риге с советскими военнопленными — те же условия, то же обращение. Значит, деление на свой-чужой в Третьей империи происходит не по принципу крови. Чужими для нынешней власти стали и собственные граждане.

— А на месте нам приказали разминировать территорию вдоль передовой, — продолжал Ойген. — Мы откапывали, сапер обезвреживал, кто-то подрывался. Но самое поганое, это когда начинался обстрел. Война идёт, а мы копаем, и неизвестно, кто тебя пристрелит — противник или свои же в спину. И ведь оружия нам так и не дали — не положено. Приказали быть живыми мишенями. И тогда я решил — будь что будет — один

чёрт, помирать с голоду или от пули. Ходил в зоне обстрела, не пригибался и не отползал. Как видишь, смерть — капризная дама, совсем меня не любит. А тогда выжил лишь каждый десятый. Скверное это место — штрафной лагерь. Если захотят, расстреляют за просто так. И ни некролога, ни похоронки домой. Если скажут поднять камень в тонну весом, придётся поднять, или получить пулю в лоб. Такие там порядки. Как только объявили, что можно перевестись в испытательный батальон, я не раздумывая согласился. Я ведь когда-то окончил военное училище, майором… был. А тут война, почему бы не искупить перед империей вину в том, что я такой подлец… А ведь я всего лишь жертва обстоятельств. Если бы не…

— Слушай, — перебила его Сандра, — я не хочу ничего слышать о том, за что тебя осудили, и что происходит в вашей экспериментальной третьей роте, тоже знать не хочу. Не надо мне об этом говорить, я всё равно не оценю.

— Ладно, как скажешь, неженка, — пожал плечами Ойген. — Я тебя тоже не буду спрашивать, что ты такое натворила, раз оказалась здесь.

— Вот именно, не надо.

Немного помолчав, Ойген продолжил делиться своими мыслями и переживаниями с Сандрой. Она понимала, в роте никому не интересны его слова, может быть кто-то лишь устало улыбнётся или с усмешкой похлопает Ойгена по плечу. А она женщина, а значит, по природе — отзывчивое существо, которое выслушает, и может быть, даже поймёт. Во всяком случае, Ойген на это надеялся, и Сандра не смела его разочаровывать.

— В лагере было очень трудно, — продолжал он. — А сейчас лишь бесконечный цикл: караул-наряд-дозор-бой-караул-наряд-дозор-бой. Я так устал. Все мы здесь смертельно измотаны, словами не выразить, насколько сильно. Кто-то валится с ног от недосыпа, но уснуть не может, даже с закрытыми глазами видит бои. Это очень опасно. Я уже видел, к чему это приводит.

— К чему?

— Всё кончится тем, что во время боя такой солдат впадёт в ступор и не сможет двинуться с места. Это не от страха, просто в организме отключается какой-то тумблер, и тело перестаёт двигаться, а мозг работать. Солдат будет видеть, как к нему приближается враг, но не подумает шелохнуться. Потому что он уже не может думать. Это как сон и явь вперемешку. Сидишь в окопе, идёт артобстрел, а тебе кажется, что всё это во сне. Безучастно смотришь такое кино и не страшно… И мне после штрафного лагеря тоже уже ничего в этой жизни не страшно. Может быть, я, наконец, пойму, что смертен только тогда, когда

меня ранят. А ведь я уже три месяца здесь. Кругом только смерть и кровь, но всё это не про меня.

Как его слова были близки и понятны самой Сандре. Как странно, что кто-то ещё задумывался о том же, о чём тревожилась и она. Ещё недавно Сандра и представить не могла, что будет водить дружбу с гомосексуалистом и находить в этом утешение. С другой стороны, они ведь фронтовые товарищи, которые всегда найдут друг для друга папиросу, а если нужно, выручат из беды. Или хотя бы попробуют.

35

Близилась весна, а победоносное шествие немецких солдат по степям диких варваров затягивалось. В империи агентства зимней помощи всё ещё принимали у населения рукавицы, свитера, шерстяные носки и плотные одеяла, чтобы отправить их на Восточный фронт. Но лишь к концу зимы, когда началась оттепель, в испытательный батальон прислали добротную зимнюю обувь, шинели и лыжи. Те, кому они когда-то были нужны, уже отморозили носы, потеряли пальцы на руках и ногах. Многие заснули под убаюкивающий вой метели и больше не проснулись.

Когда их товарищи погибали, солдаты просто говорили: «Такова судьба». На войне смертью никого не удивишь. А зачем убивают они? Потому что таков приказ, потому что там, на востоке властвуют иудо-большевики, потому что иначе не искупить своей вины и не вырваться из этой ежедневной бойни, где все они лишь пушечной мясо.

С началом нового наступления и первых боевых успехов, Сандра вместе с адъютантом каждый день заполняла личные дела испытуемых солдат, старательно прикрепляя раппорты от командиров рот. Что не день, так десяток подвигов. Жаль, что большинство героев не доживало до конца боя. Но были и те, кто отличился в сражении и умудрился выжить, и Ойген Штеманн, что не боялся смерти и всегда рвался в бой, был в их числе.

По нескольку раз на дню в штаб приходили солдаты, чтобы справиться, не пришло ли им помилование. Командир терпеливо объяснял, что рапорт в Берлин уже подан, а когда он пройдёт через все инстанции и вернется с резолюцией обратно в батальон, ему неведомо. Кто-то из рядовых ждал уже полгода, кто-то и того больше. А потом все они уходили в бой, и возвращалась лишь половина.

Прошёл месяц и в штаб батальона доставили два десятка помилований. Сандра тщетно искала личные дела счастливчиков. Все двадцать уже были мертвы. Один погиб всего два дня назад. Ойгену в помиловании отказали. Видимо, с 175-ым параграфом не стоило рассчитывать на снисходительность высшего командования. Даже тем, кто доказал свою доблесть и оказался в госпитале, не стоило надеяться на прощение. После ранения они вновь возвращались в батальон, в четвёртую роту «выздоравливающих». Видимо, вину перед империей нельзя было искупить даже кровью.

— Госпожа Гольдхаген, — поинтересовался однажды

адъютант, — что же вы не шлёте писем? Это испытуемым дозволено писать не больше двух страниц в месяц. А вы-то что себя ограничиваете?

— Мне некому писать, — призналась она.

От осознания собственных слов, стало невыносимо больно. По вечерам из блиндажей доносилась тоскливая песня, что передавали по радио: «… и если со мной приключится беда, кто будет стоять у фонаря, с тобой, Лили Марлен?» Сандра слушала и вспоминала о своей Лили. Знает ли она, где сейчас её бывшая сестра, вспоминает ли о ней? Да, они расстались задолго до войны совсем чужими людьми. Но как можно забыть о том, что где-то есть родной человек, кто когда-то был твоей второй половинкой от целого и неделимого? Хотя, Сандра ведь сама потребовала от Лили забыть, что у неё есть сестра. Теперь же самым близким человеком для Сандры был только её боевой товарищ Ойген Штеманн.

Не то чтобы на Сандру смотрели косо, просто не понимали, что она нашла в Ойгене, как в прочем, и он в ней. Для Сандры же всё было предельно понятно. Когда она смотрела на него, то вспоминала его историю о штрафном лагере, а после вспоминала лагерь советских военнопленных и того паренька, что умер по её вине. Да, он умер бы и без её сочувствия немногим позже, но всё случилось, как случилось. А Ойген живой, болезненно исхудавший и уже не молодой, но ещё не старый. Ему бы нарастить мяса и немного отдохнуть в тылу, набраться сил. Но в испытательном батальоне это невозможно.

С каждым днём Сандра всё больше убеждалась, что выхода отсюда нет, даже для уставного персонала. До неё дошёл слух, что не так давно полуевреям запретили служить в армии и отправили их всех по домам. В тайне Сандра надеялась, что вскоре эта мера распространится и на четвертьевреев, и она, наконец, сможет вырваться отсюда. Но нет, ущемлять её в правах никто не собирался, даже командир батальона. Его подчеркнутая холодность и женоненавистничество, наводили Сандру на пикантные подозрения, что он хорошо замаскированный и пока что не выявленный кандидат в обвиняемые по 175-ому параграфу.

Когда бои затягивались, а связисты не возвращались в штаб, Сандра хватала катушку кабеля и бежала к передовой. Командир не возражал, и, кажется, спал и видел, как её наконец-то убьют и в штабе больше не будет никакого бабья. А Сандра лишь ухмылялась про себя: «Не дождёшься». Как и Ойген, она окончательно уверовала в собственную неуязвимость.

Солдаты уже успели привыкнуть к присутствию Сандры в блиндаже, а если кто и осмеливался распускать шаловливые

руки, то рисковал получить от Сандры тычок коленом или локтем в самое уязвимое место под бурный хохот однополчан.

— Не ссорься с ней, Зикс, — говорил в таких случаях Ойген, — От нашей бравой связистки зависит, сможем ли мы получить донесения от командования или нет. Особенно приказ об отступлении, Зикс. Услышать его всегда приятно. К тому же, эта молниеносная девочка может мастерски перебинтовать твою непутевую голову, если схватишь осколок или ещё что похуже.

Большинство солдат с ним соглашались и без повода старались не задевать Сандру. Во время затишья некоторые даже вступали с ней в дискуссии.

— Эти русские сражаются как черти! — восклицал один молодой солдат сквозь грохот вражеской артиллерии. — Откуда столько упрямства?

— А если бы русские пришли с оружием в Германию, как бы ты поступил? — спросила она в ответ. — Наверное, тоже бы сражался до потери сил за любимую Германию.

Он ухмыльнулся:

— Пусть только попробуют прийти.

— Это ведь мы нападаем, а они обороняются, — продолжила свою мысль Сандра. — У нас есть Германия, но вождю хочется большего. А у них только Россия. Поэтому они и будут идти в атаку, даже если вынуждены отступать.

— Ты не обижайся, Гольдхаген, но сразу видно, что только женщина может так рассуждать.

Сандра и не обижалась, не настолько же она глупа.

— А ты рассуждаешь как мужлан, или просто не знаешь слова «мотивация».

— Мотивация? — усмехнулся парень. — Она и у меня есть — браво сражаться, чтобы перевестись подальше отсюда, подальше от передовой. Надоело быть пушечным мясом.

Как только начался бой, он выскочил из окопа, чтобы двинуться в атаку. Раздался взрыв, и к ногам Сандры упала каска с куском его головы внутри.

Земля тряслась под ногами. Выжившие бежали назад и кидались в спасительный окоп. Сандра продолжала прятаться в укрытии не в силах помочь тяжело раненым, что тихо стонали в стороне. Зато они, пока никто не видел, могли помочь ей — поделиться кровью, что сочилась из ран и зря пропадала, проливаясь на землю.

А вверху раздавались звуки выстрелов и свист пуль. Голова шла кругом, кровь стучала в висках, сердце готово было разорваться. Когда всё стихло, Сандра поднялась наружу, откашливаясь от пыли и копоти.

Новобранцы, для которых этот бой стал первым, словно оглушенные ходили по полю, с ужасом бросая взоры на изуродованные тела сослуживцев. Бывалые же не обращали ни на что внимания. В их глазах не читалось ни скорби, ни страха. Просто их сердца огрубели и не чувствовали больше ничего кроме желания оказаться подальше отсюда.

Только на начало лета выдалось нежданное затишье. Почти весь переменный состав был убит в боях, а новые испытуемые ещё не поступили. Вернее они были, но из них нельзя было сформировать даже роту. Батальону пришёл приказ выдвигаться на юг.

Переход был долгим и мучительным. Леса старались обходить. Кругом была лишь степь, пустая и необъятная. Здесь пропадало чувство времени и ощущение пространства. Тело двигалось, а разум спал и видел бесконечно повторяющийся сон, где пейзаж не сменяется ни через десять минут, ни через пару часов. Огромная пустота, которая никогда не закончится, которая когда-нибудь проглотит любого.

Тучи комаров и мух назойливо жужжали над ухом. Палящий зной. Пережившие первую зиму в России искренне удивлялись, что здесь может быть так жарко. Обливаясь потом, они тащили на себе килограммы снаряжения, мучаясь от боли в ногах.

Внезапно усталость развеяли выстрелы неподалеку. Это были солдаты охранных отрядов. Они сгоняли пленных в овраг и планомерно их расстреливали. Груды тел лежали вповалку друг на друге, а пулеметная очередь всё не умолкала.

— С нами сделают то же самое, — внезапно произнёс один боец батальона, как только всё стихло. — Убивали эти, с «мертвой головой», а отомстят нам. Точно так же расстреляют, потому что нет на войне справедливости.

А Сандре в голову пришли другие мысли, вовсе не о своих сослуживцах, а о тех, что теперь лежали в овраге. Сандра была рада их смерти — просто она слишком хорошо знала, что ожидает советских солдат в плену. Пуля милосерднее заключения.

Но что такое жестокая несправедливость она поняла только после того, как в лесу партизаны напали на взвод охранных отрядов и убили двадцать солдат. В ответ на это каратели пришли в ближайшую деревню, загнали всех жителей в избы и подожгли их. Тех, кто вырывался из охваченных пламенем домов, расстреливали из пулемета.

— Они больше не люди, — холодно приговаривал командир расстрельной группы, — это дикие орды, порожденные большевизмом за последние двадцать лет. Нельзя позволять себе

ни малейшего сочувствия к этому народу.

Действительно ли он так думал, или просто уговаривал себя поверить в это? Ведь чтобы спокойно убивать, нужно перестать видеть в противнике человека. Но почему мирные жители стали врагом? Каким законом военного времени это установлено?

Нежданно сторонники идеологии истребления нашлись и в батальоне. После марша мимо нескольких деревушек, один боец не выдержал и разразился возмущенной тирадой:

— Эти иудо-большевики… что они сделали с русскими?.. Их действительно нужно стереть с лица земли… всю их орду…

Так уж было заведено у солдат, что во всех своих лишениях они винили большевиков. Не поносить же вслух тех, кто действительно их отправил в Россию. Но Сандра слушала и не могла понять, что именно его так возмутило? Кто что с кем сделал? Его напугала деревенская бедность? Так ведь эти люди живут в нищете ещё со времён царей и крепостного права. И при чём тут иудо-большевики? Но ему, слушающему радиопередачи доктора Гёббельса, этого не понять.

— А я слышал, — говорил другой, — что здешних крестьян увозят работать на наши фермы. Мне мать писала, у их соседей уже есть восточные рабочие. Правда, пусть эти бедняки поработают на Германию, хоть увидят настоящую жизнь, нормальные дома. Все лучше, чем здесь.

Крестьян уводят с родных земель? Что может быть ужасней? Сандра вспоминала рассказы тёти Агапеи, как их семья после отмены крепостного права осталась без земли, и им пришлось покинуть родную Калужскую губернию и податься в далекую и чужую Курляндию, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Говорила она об этом с тоской, и всегда пускала слезинку.

А то, что делают с русскими крестьянами сейчас, разве это не рабство? Сначала студенты перед учебой бесплатно строили дороги и осушали болота, а теперь и их стараний стало мало. Что же такое происходит в тылу, если империи не хватает своих рабочих рук и приходится угонять новые? Производственных мощностей мало? Тогда стоило ли затевать войну, если, нет средств её оплатить?

Но война всё продолжалась, и ей не было видно конца. Все жили надеждой, что со дня на день, вот-вот, ещё чуть-чуть и Хитлер помирится со Сталиным, и тогда война, наконец-то, закончится. Но отчего-то вожди не мирились. А проблема с продовольствием, пока не вызрел новый урожай, вновь проявила себя. Паёк постепенно сократился вдвое, и солдаты стали промышлять грабежом в ближайших деревнях. Ойген же переносил лишения спокойно, ничего фатального в них не видя:

«Просто сезонные неудобства», говорил он.

Тяжёлые дни наступили и для Сандры. Остатки батальона долго не участвовали в боях, а значит, раненых тоже не было. Кожа на её лице и руках начала заметно трескаться, ногти то и дело ломались. Сандра чувствовала, что все нутро постепенно ссыхается и сжимается в комок. На её заторможенность и вялость стал обращать внимание и командир батальона.

Однажды Сандра взяла Ойгена за руку. Его пульс еле прощупывался. Последствия выживания в штрафном лагере не преминули сказаться. Вот ведь парадокс — больше чем за полгода на передовой Ойгена ни разу даже не ранило, а он просто чах от потери сил.

— Тебе нужно больше есть, — заключила Сандра.

Он только грустно улыбнулся произнесённой ею глупости.

— Я отдам тебе свою пайку, — настояла Сандра. — Она мне и так не нужна.

— Шутница.

— Я говорю серьёзно. Я буду отдавать тебе свою еду. Но я хочу от тебя кое-что взамен.

— И что же? — рассмеялся он. — Может, хочешь взять натурой?

— Именно, — кивнула она, чем ещё больше развеселили Ойгена.

— А ты, однако, извращенка.

— Мне нужна твоя кровь, — в лоб заявила Сандра, чтобы пресечь поток сарказма. — Всего сто миллилитров раз в неделю. Можно и по двести миллилитров в две, по объему это всего лишь стакан.

Это откровение подействовало на Ойгена отрезвляюще. Улыбка вмиг пропала, и с минуту он не знал, что и сказать.

— Мне даже страшно спросить, зачем тебе это нужно.

— Я её пью.

Для неё самой это звучало так правдиво и естественно, что тяжело было представить, что может подумать на этот счёт Ойген. А он старательно делал вид, что не шокирован.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

— Нет, не в порядке. Уже много лет как не в порядке. Ойген, — она умоляюще посмотрела ему в глаза, — я загнусь, если не выпью крови.

— Это ведь не нормально, ты в курсе?

Нет, последние девятнадцать лет Сандра считала нормальным регулярно принимать кровь посредствам прямого переливанию, пусть это и выглядело в чужих глаза странно.

— Ты намекаешь, что со мной что-то не в порядке? —

спросила она прямо, надеясь получит правдивый ответ.

— Нет, — пошёл на попятную Ойген, — просто…

— Просто я психопатка, а ты извращенец, так что нечего разводить сантименты. Я предлагаю равноценный обмен крови на паёк.

— С каких пор кровь стала равна хлебу?

— С тех самых, когда она заменила мне этот самый хлеб.

— Ты не ешь обычную пищу?

Этот отчаянный вопрос заставил разразиться откровением, которое Сандра не доверила бы никому, только боевому товарищу.

— Да, я не ем, не сплю, не старею и не умираю. Я чувствую, что со дня на день погружусь во что-то вроде анабиоза. У меня совсем не осталось сил. Если ты думаешь, что у меня плохо с головой, то почему меня отправили на передовую, а не в психиатрическую лечебницу?

В глазах Ойгена отразилось, если не понимание, то вера в её слова.

— А ведь ты вампир, Сандра, — произнёс он такие очевидные, но ранее не приходившие ей в голову слова. — Помнишь, когда-то в Ганновере жил Фриц Хаарманн. Он тоже время от времени попивал чужую кровь…

— И время от времени спал с мальчиками, пока не убивал их.

Ойген поморщился, словно говоря, что он-то точно не такой. А Сандра снова принялась за уговоры:

— Если ты чего-то опасаешься, то зря. Я не выкусываю чужие глотки. Я просто сделаю небольшой надрез на руке, а когда закончу, остановлю кровь. Я не сделаю с тобой ничего плохого.

Немного подумав, Ойген заключил:

— Ну что ж, если я не проливаю свою кровь на поле боя, значит, лишусь её с тобой.

В этот день Сандра обрела в боевом товарище не только хранителя её главного секрета, но и дарителя так нужной ей сейчас крови.

Теперь Сандра не могла не вспомнить многообещающих слов Лили, о том, сколько удовольствия ей дарит столь близкое кровопийство. Но даже в этом между сёстрами пролегла пропасть непонимания. Может потому, что Ойген никогда не будет любовником Сандры, а может потому, что он слишком устал, но его кровь ничем не лучше той, что она крала у раненых. Но Сандре и не нужны были изыски.

37

Батальон снова перемещался на юг. Затяжные дожди превратили дороги в месиво грязи, и всё вокруг стало труднопроходимым болотом, чавкающим под ногами. Лошади и люди, обросшие грязью и паразитами, выбивались из сил, машины буксовали каждые пятьдесят метров, то и дело, готовясь застрять навсегда. С неимоверными усилиями солдаты выталкивали транспорт из бездонной русской грязи, но тот снова увязал в ней. Когда дороги просыхали, приходила новая напасть. Ветер вздымал пыль в вихрях, облепляя одежду и волосы людей, забивая ноздри кашляющим лошадям.

Сандра старалась держаться подальше от лошадей. Она не имела ничего против этих благородных и несчастных животных. Просто в её присутствии они отчего-то начинали нервничать, фырчать, а то и вовсе вставать на дыбы, чем приводили в замешательство конюхов. Сандре вспомнилось и переменившееся поведение Дирка, потрёпанного пса-санитара, что пришёл в её дом вместе с Даниэлем. Милый ласковый Дирк вмиг переменился, когда Сандра стала пить человеческую кровь. Может и лошади чувствуют в ней нечто нечеловеческое, глубоко звериное?

Сандра успела привыкнуть к изувеченным телам людей на поле боя, но вид убитых лошадей в огромных лужах крови вызывал оторопь. В такие моменты на ум приходил только один вопрос: их кровь не хуже человеческой? Вряд ли. К тому же, лошади правильно делают, что боятся её.

И вновь бои. Долгожданное танковое наступление провалилось на корню. Из-за нехватки горючего всё лето боевые машины простояли без дела, а полевые мыши не теряли времени даром. Они перегрызли в танках все провода и устроили для себя уютные норы внутри боевых машин, после чего для дела те больше не годились.

В очередной раз, когда нехватка связистов остро встала перед командованием батальона, под грохот снарядов Сандра пряталась в траншее бок о бок с солдатами третьей роты. По команде офицера рядовые повыскакивали с оружием на поле боя и с криками понесли в сторону неприятеля. Только один остался сидеть внизу рядом с зажавшей уши Сандрой. Под грозный рёв офицера она пыталась растолкать его, заставить пойти в атаку, иначе наказания за трусость не миновать. Но всё было тщетно. Ойген уже рассказывал о подобном. Просто нервы солдата не выдержали ежеминутного напряжения и бесконечного ожидания

опасности. Он впал в прострацию и перестал реагировать на происходящее вокруг. Это походило на летаргический сон с отрытыми глазами.

Не пошло и десяти минут как пехота обратилась в бегство. Над головой Сандры через траншею перепрыгивали люди. Кто-то прокричал:

— Уноси ноги, Гольдхаген!

Потратив драгоценное время на демонтаж полевой аппаратуры, она выползла наружу. В ста метрах поодаль надвигались советские солдаты. Их было не меньше сотни. Ещё никогда Сандра не видела неприятеля так близко. Как страшно смотреть в лица тех, кто готов тебя убить — не из лично неприязни, а только потому, что так положено.

А оцепеневший солдат продолжал сидеть на месте. Он видел, как подступает неприятель, но ничего не сделал для своего спасения — просто у него не хватило сил выйти из потустороннего мира, где наваждение смешалось с явью.

Сандра мчалась со всех ног, позабыв о тяжести аппаратур на плечах. Даже свист пуль над головой не заставил её остановиться. Бег прервал лишь мощный удар, от которого содрогнулась земля и все, кто был рядом, попадали наземь.

Острая боль в ногах не дала забыться. Сандра открыла глаза, но не увидела ничего, пока не осела пыль. А после… Повсюду кровь и куски разбросанного мяса. Как хорошо, что она лишилась обоняния ещё двадцать четыре года назад. Теперь она не почувствует запах жареного человеческого мяса и развороченных кишок. А кругом ни одного целого тела — взрыв снаряда перемолол всех кроме неё.

Сандра попыталась подняться, но не смогла. Получилось только сесть. От увиденного всё похолодело внутри — на её ногах не осталось живого места, только фарш свисал с костей. Испустив вопль ужаса, она упала на спину. Боль нахлынула штормовой волной и парализовала волю. Пусть настигнут и добьют, и тогда конец мучениям.

Кто-то схватил Сандру и перекинул её через плечо. Потом были санитарные носилки. Сандру погрузили в открытый кузов машины вместе с ещё девятью ранеными. Больше всего изводила тряска и порождаемые ею стоны вокруг. А ещё холод от осеннего дождя.

Когда её привезли в лазарет, Сандре стало по-настоящему страшно.

— Нет, — качал головой хирург, глядя на неё. — Только ампутация.

Стоило Сандре услышать это страшное слово, забыв о боли,

она резко приподнялась и вцепилась в докторский халат.

— Не надо!

— Тихо, тихо… — Он попытался уложить её на стол, но Сандра по-прежнему сопротивлялась.

— Можно же вынуть осколки, — уговаривала она. — Пожалуйста. Мой отец был военным хирургом. Пока нет гангрены, я знаю, можно попытаться.

Хирург смотрел на неё очень внимательно, глазами полными понимания и сочувствия. И Сандра поняла, что нужно уступить:

— И если не получится, тогда отрезайте.

И он согласился.

Прежде чем вытаскивать осколки из живой плоти, санитар предупредил, что хлороформ закончился.

— Это же женщина, — отойдя в сторону, в полголоса сказал ему хирург, — ты её не заставишь стиснуть зубы. Будет много крику. У нас здесь сотни раненых, зачем им это слышать?

Доводы врача заставили санитара прибегнуть к крайнему методу. Он силком заставил Сандру выпить стакан спирта. И это возымело действие — она не успела вскрикнуть и вмиг забылась от огня, что прожигал всё нутро. Она не знала, сколько провела времени в этом алкогольном аду, прежде чем смогла открыть глаза глубокой ночью.

Сандра попыталась ощупать собственные ноги. Они по-прежнему были на месте, и это было главным. Более того, на них вновь появилась кожа, ещё тонкая и розовая, но она была цельной с незначительными, уже подживающими язвами. Это радовало и пугало одновременно. Что будет, когда врачи увидят, как раны Сандры вмиг зажили? А что, если в лазарете найдется свой доктор Шольц с неутомимой тягой к экспериментаторству?

Позже Сандра удивлялась самой себе, как она осмелилась сползти с койки, незаметно проковылять в ординаторскую, найти свой формуляр, чернила и печать. Волнуясь и спеша, Сандра подделала выписку и забрала формуляр, будто его и не было здесь никогда. Попутно она стащила у кого-то из спящих солдат форму с ботинками и спешно оделась.

Раненых всё подвозили, и ночная смена продолжала работать. В этой людской толчее Сандра выбралась из лазарета и пошла прочь. Наутро она присела у дороги и закатала штанины. Боль была терпимой по сравнению с тем, что случилось с ней после анестезии. Кожа заметно посветлела, только небольшие рассасывающиеся шрамы ещё покрывали ноги. Сандра не могла надивиться способности своего организма к самоисцелению. На ум пришла мысль, что в той мясорубке на её раны не могла не попасть чужая целебная кровь, а её там были десятки литров.

Видимо, это и стало залогом быстрого выздоровления.

Теперь настал черед подумать, как быть дальше и куда теперь идти. Наконец, исполнилась давняя мечта Сандры, и она оказалась далеко от передовой. Теперь можно было бежать без оглядки на запад, в Баварию, в Мюнхен… Но Ойген оставался на востоке. Он знал её кровавую тайну, а она знала, что он всегда поможет ей. Да, дома был гемотрансфузный аппарат, вот только Ойген давно стал для Сандры больше чем просто донор.

До родного батальона Сандра добиралась пешком и на попутных машинах. В штабе она заверила командира, что санитары всё перепутали — просто чужая кровь залила ей ноги, а сама она отделалась только парой царапин. Удивительно, но командир батальона поверил ей, даже не стал ухмыляться и намекать, что лучше бы она осталась отдыхать в лазарете. Офицеры, связисты и многие рядовые были просто рады, что она жива и здорова.

Стоило только Сандре увидеть Ойгена, как она поспешила прильнуть к нему и прошептать на ухо:

— Мне нужно. Срочно. Я потеряла столько крови…

Они уединились в укромном месте. Не теряя времени, Сандра достала медицинскую иглу, которую предусмотрительно прихватила с собой из лазарета, и одним быстрым движением ввела её под кожу, прямо в вену. Когда Сандра отпустила руку Ойгена и зажала ранку, то услышала саркастический вопрос:

— Как интересно, значит моей кровью ты восполняешь свою. Разреши поинтересоваться, а почему через желудок?

— Потому что он больше ни для чего не годен.

Казалось, Ойген на миг о чём-то задумался, но вскоре произнёс:

— Ты пьёшь кровь и не умираешь. Ты точно вампир, этакая графиня Орлок.

— Кто?

— Не важно.

С досады, Сандра толкнула его в бок, а Ойген только рассмеялся:

— Нет, правда, с тобой действительно что-то не в порядке. Это ведь я вынес тебя с поля боя. Я видел, что было с твоими ногами. И видел подобное не раз. После такого не возвращаются из лазарета, тем более на своих двоих. Стало быть, ты действительно владеешь секретом бессмертия. И, кажется, с недавних пор он стал у нас с тобой общим.

37

Жизнь продолжалась, а война не думала кончаться. И снова батальон маршировал на юг, утопая в непроходимой грязи. А потом пришёл холод, выпал первый снег и копыта тягловых лошадей заскользили по промёрзшей земле. Штормовой ветер бил в лицо тысячами ледяных игл. Метель скрыла колонну за белой пеленой, снег вмиг занёс следы, и шедшие позади потеряли дорогу. Солдаты с отмерзшими носами и пальцами медленно ступали вперёд, по колено утопая в снегу. Повсюду белизна, и не за что зацепиться глазу. Как легко заблудиться в этой снежной пустоши и остаться здесь навсегда.

Именно в такие моменты Сандра всё острее ощущала черту разделения, пролегшую между ней и солдатами. Ведь она штабная, а они рядовые. Она ездит вместе с командиром батальона в одной машине, а им приходится маршировать пешком, невзирая на грязь или морозы. Она ночует в относительном тепле и комфорте, тогда как они, чтобы не замерзнуть насмерть в своих блиндажах, укутываются всем тряпьем, что умудряются найти.

Когда Сандре выдали новое зимнее обмундирование, она не смогла скрыть удивления. Вместо утеплённой шинели в её руках оказались каракулевое манто безумно модного покроя и аккуратная муфточка.

— А пофункциональнее ничего нет? — почти обиженно поинтересовалась она.

Так богато и изысканно Сандра не одевалась даже в мирное время, но выделяться в батальоне и снова выглядеть дамочкой ей всё же не хотелось.

— Для тебя нет, — был ей резкий ответ. — Видела бы, во что одели резерв.

— И во что?

— Вот в это, — потряс он каракулем.

Сандра представила солдат в женских шубах и нахмурила брови.

— Что за ерунда?

— Формы нет, всем не хватает. Лучшее везём на передовую. Остальным помогает тыл. Что соберут у населения, то и отправят на фронт.

— Я вижу, что они собрали, — недовольно заключила Сандра, повертев в руке муфту.

— Так, бери и не возмущайся. Тебе сойдёт, а форменную одежду вместо тебя получит кто-нибудь другой, кому нужнее.

И снова Сандре напомнили, что здесь она никто, и прав у неё нет даже на солдатскую шинель. Зато нести службу за двух офицеров она обязана в полном объеме.

С другой стороны Сандре представилось, что будет, если русские увидят немецких солдат в женских шубах. Засмеют? Скорее подумают, что вояки сняли эти шубы у беззащитных советских женщин. Не трудно предугадать какая за этим последует реакция.

Судя по тому, что прошлогодняя трагикомедия с зимним обмундированием повторилась, напрашивался крамольный вывод, что в службе снабжения закрались вредители или даже советские шпионы, год за годом срывающие поставки на Восточный фронт тёплой одежды, провизии и боеприпасов. Но официально всё списывалось на нехватку транспорта и дальние расстояния и никаких разбирательств и увольнений с уютных тыловых постов не происходило.

Но если бы дело было только в одежде… Забыли не только о ней, но и о людях. Близился год, как Сандра служила при испытательном батальоне, но за всё это время только двоим солдатам посчастливилось дожить до помилования. Остальные же стремительно теряли веру, что когда-нибудь выберутся отсюда.

Но большее смятение среди рядовых вызвал один советский солдат, что сдался в плен. Когда его привели в штаб, Сандра в нерешительности отсела поближе к стене и отвернулась, не желая смотреть ему в глаза. Слишком хорошо она помнила, что бывает с советскими пленными. Видимо, он ещё не знал этого, раз бросил во время боя оружие и поднял руки вверх. Оказалось, пленный неплохо, хоть и с заметным акцентом, говорил по-немецки, и потому никто не заставлял Сандру быть переводчиком. И это радовало. Говорить по-русски ей категорически не хотелось.

Пленный оказался простым рядовым, не знал никаких секретов командования, на что очень рассчитывали в штабе. Но вместо этого он рассказал то, от чего солдаты штабной роты на миг онемели, а после передавали его рассказ из уст в уста другим сослуживцам, невзирая на строгий запрет командования.

Оказалось, всего несколько часов назад испытательный батальон сошёлся в бое с таким же испытательным батальоном, только советским. Пленный красноармеец попал туда как дезертир после того как вернулся из отпуска на неделю позже положенного. За это он должен был искупить свой проступок делом или кровью. Рассказ пленного о советских испытательных частях вызывал недоумение: отправили его туда не навсегда, а всего на два месяца или до первого ранения, а после должны были отпустить служить в прежнюю часть в том же звании, что у

него было, то есть — лейтенантом. До освобождения ему оставалось восемь дней. А сдался он в плен, потому что боялся умереть.

— Ну и дурак, — в сердцах бросил ему кто-то из конвоиров.

Рассказ русского сильно деморализовал батальон. Иудо-большевики — звери и нелюди, что угнетают русский народ, на самом деле оказались гуманнее германского вождя. Как же дальше драться с таким врагом, если больший враг для тебя — это собственные власти? Им мало крови, им недостаточно подвига. Никто в батальоне вообще не знает, что же нужно сделать, чтобы вымолить у них помилования. Большевики отпускают раненых, а здесь… Зачем стараться, если результат один — тебя убьют быстрее, чем отпустят в прежнюю часть, если вообще отпустят.

В батальон прибыло пополнение. Как и всегда, большинство из них успели «отличиться» на Западе, за что были вынуждены проходить испытание на Востоке. Боёв временно не было, но за несколько дней новички уже успели сломаться. Их изводил холод, первые морозы. Они то и дело жгли костры, за зря переводя топливо, которое могло понадобиться для дела со дня на день. Командир вызвал любителей погреться у огонька в штаб и пригрозил наказанием за растрату.

— Но ведь сейчас -10 градусов. Так ведь не должно быть, это слишком холодно, — с серьёзным видом возразил молодой человек, то и дело вздрагивая, то ли от холода, то ли от страха перед новым наказанием, возможно, последним в его жизни.

— И? — вопросил командир. — А что вы собираетесь делать через полтора месяца, когда на дворе будет уже -30 или даже -40?

Рядовой замер на месте, не зная, что ответить. Осознав смысл услышанного, он неожиданно расплакался, пряча лицо за рукавом. Он действительно не представлял, что его ждёт на Востоке. Борьба с холодом стала борьбой с самим собой. А ведь ещё будут русские…

— Эти русские… ужасные орды, — с бессильной злобой ругались новички. — Хорошо, что мы напали на них первые. А если бы они пришли в Германию? Это был бы конец цивилизации.

— А зачем им идти в Германию? — спросила Сандра, на что получила высокомерную усмешку:

— Сразу видно, что баба. Только баба может так рассуждать.

— Разумеется, — и бровью не поведя, согласилась она. — Других аргументов у тебя ведь нет. Так зачем им вторгаться в Германию?

— Успокойся, правдоискательница, — шепнул ей Ойген, — а то поедешь исправляться в другой батальон, где одни

антифашисты. Оно тебе надо?

Об антифашистах не принято было говорить хорошо. Для них предусматривался отдельный испытательный батальон подальше от передовой. Но некоторые борцы с режимом всё же оказывались в рядах дезертиров и выздоровевших членовредителей.

Когда кровопролитие возобновилось с новой, ещё невиданной силой, над окопами стал литься знакомый голос из громкоговорителя. Это был рядовой Энгер, антифашист. Воспользовавшись удобным моментом, он тут же перешёл на сторону своих идейных братьев — большевиков. И теперь третья рота слушала в окопе его пламенное воззвание:

> «Внимание! Специально для третьей роты испытательного батальона. Это говорит стрелок Штефан Энгер. В нашем батальоне погибло более трёхсот человек. Что ещё нужно для нашей борьбы? Переходите к русским. Здесь отличная еда! Нас направят для работы на промышленные предприятия, обеспечат трёхразовой горячей пищей и дадут возможность поспать ночью. Вы будете жить в теплых бараках. Здесь имеется даже библиотека. Каждое воскресенье вы сможете посещать баню. Немецкие солдаты, прекращайте это безумие. Товарищи, идите к нам!»

Как и остальные, Сандра молча слушала, а в голове крутились крамольные мысли — может тоже, как Энгер, сбежать на ту сторону, помыться в бане и почитать книги?

Сейчас же сбежавший антифашист обещал самое главное и вожделенное, что могло соблазнить каждого солдата — еду три раза в день. С каждым днём в батальоне её становилось всё меньше и меньше.

На дворе стоял жуткий холод за -50, ещё более суровый, чем в прошлую зиму. Грузовики с провизией стояли как вкопанные вдалеке от передовой, так как в баках замёрз весь бензин. В пору метелей транспортные самолеты, вызванные с африканского фронта, пытались забросить груз с продовольствием с воздуха. Нередко он попадал на позиции русских, чаще — тихоходные транспортники, рассчитанные на зной, а не морозы, становились добычей советских истребителей.

Полученный груз порой заставлял лишь бессильно злиться и продолжать голодать. Вместо так нужного хлеба солдатам переправляли старые пропагандистские газеты, пряности, презервативы и колючую проволоку. Везли и оружие. Но бойцы уже были не в силах держать его в руках.

Численность батальона резко упала после удачного

советского наступления и неудачной продовольственной политики вождя. Теперь из выживших нельзя было составить и полноценной роты. Кроме Сандры и командира её отделения, связистов в батальоне не осталось вовсе.

В тревожном ожидании ночной атаки солдаты залегли в блиндаже. Сандра и Ойген постарались как можно теснее прижаться друг к другу, чтобы хоть немного согреться друг от друга теплом тел. Нашлись остряки, которых такое несоблюдение субординации немало развеселило.

— О, Штеманн, да ты, смотрю, исправляешь с нашей связисткой, молодец. — Затем последовал глухой хохот, на полноценный смех шутникам не хватило сил.

А Сандра и Ойген молча продолжали сидеть в обнимку. Сандра почувствовала, как по коже пробежала вошь. Сначала одна, за ней другая, потом обе побежали обратно к Ойгену. Через минуту забег повторился и с тем же результатом. Сандра с грустью подумала, что даже вши не могут с ней ужиться.

Наконец, вернулся Миллер, рядовой у которого не так давно ампутировали два отмороженных пальца на левой руке. По жребию сегодня он полз на поле боя, чтобы найти среди припорошенных снегом павших товарищей лошадиную тушу и отрубить от неё хоть что-то, из чего получился бы суп. Обычно топор отскакивал от затвердевшей на морозе конины, и мешкать было опасно — по ту сторону Миллера могли заметить сытые русские. Но Миллер справился со своей задачей и вытащил из-за пазухи лошадиную ногу с копытом. К тому же он вернулся, укутанный ещё в одну шинель и перемотанный через грудь шарфом. Мертвецам одежда уже ни к чему, но живым она могла продлить их дни.

Когда варево из конины было готово и разлито по мискам, Сандра в сторонке лишь тоскливо смотрела на пайку в своих руках, пока Ойген справлялся со своей. Если с первой порцией он успел разделаться вовремя, то сандрина заметно остыла, и ему пришлось безуспешно стучать ложкой по корке льда на дне миски.

Как только с трапезой было покончено, среди бойцов наступило гробовое молчание. За все время, что они были здесь, каждый успел наслушаться историй из жизни других с лихвой. Никто уже не был в состоянии рассказать что-то новое. Поэтому они просто молчали.

Только Ойген тихо шептал Сандре на ухо, что не может больше слышать, как бьются в агонии его товарищи, а каждый день приходится только отступать. Он слишком устал проживать каждый день на преодоление, и это было видно с первого взгляда.

Многие чувствовали то же самое. Они уже потеряли смысл — в жизни, в смерти, в помиловании. На последнее перестали надеяться даже отчаянные оптимисты. Какое бессмысленное и унылое существование. Солдатам уже было не до войны, в которую их забросил вождь. Истощенные, они умирали от холода и отсутствия еды. А полевым врачам было приказано писать в заключение о смерти циничное «остановка сердца от неизвестных причин».

38

Поражение армии Тысячелетней империи вырисовывалось всё отчетливее. Один генерал, прикрывая своё дезертирство болезнью сердца, уже поспешил покинуть фронт и вернулся в тёплое семейное гнездышко.

Отступление с так и не завоеванных русских просторов стало ещё одним тяжким испытанием для батальона. Главным мучением были отмороженные ноги. Солдаты не могли снять сапоги без вздохов и воплей. Под открытым небом они жались к кострам и не могли согреться. Некоторые от отчаяния совали ноги к углям, от чего сапоги трескались, а ступни пронзала невыносимая боль.

Вдоль дорог пехотинцы то и дело встречали деревья, на которых полевая жандармерия вешала провинившихся солдат. На груди каждого красовалась табличка: «Я вишу здесь, потому что слишком труслив, чтобы защищать родину». А рядом с табличкой на мундире проглядывались боевые награды.

Из покинутых городов и сёл в грузовиках увозили скот, птицу и офицерские чемоданы. Пехотинцы плелись следом, таща на себе ящики с боеприпасами. А истощенные солдаты оставались лежать на снегу — для них не нашлось места в транспорте.

Когда к штабу принесли носилки с ранеными, Сандра услышала, как один из них причитал в бреду:

— Доктор… отдайте мне мою руку… пожалуйста… я отрежу только мясо… совсем немного мяса, пожалуйста… я найду ещё пару картофелин и будет хороший суп… только мою руку… верните…

Как и вся дивизия, батальон отступал на запад. Надежда, что положение ещё можно исправить, появилась вместе с новой техникой. Ходил слух, что командир дивизии смог получить её только после того, как дал снабженцам взятку.

Офицеры из ближайшего комиссариата уже готовили к бегству автомобили, груженные их многочисленным барахлом. К их плохо скрываемому ужасу, дивизия изъяла для боевых нужд весь их бензин. Непередаваемая тоска и скорбь отразились на офицерских лицах, когда они поняли, что останутся вместе с многочисленными чемоданами, набитыми пластинками, книгами и прочими милыми сердцу мелочами в городе, который вот-вот отвоюет неприятель.

В штаб батальона заглянул холеный берлинский офицер, один из тех, кого по заслугам именовали «тыловой крысой». С важным видом он прошёлся по штабу, сделал пару замечаний,

отдал указания и ретировался, потратив на всё это не более пяти минут своего драгоценного времени.

— Вот из-за таких и гнём тут спину, — презрительно обронил очередной командир отделения связи. — Им же нельзя на фронт, они же ценные сотрудники тыла.

— И я бы хотела, — отрешенно изрекла Сандра, — быть ценным сотрудником. И в тылу.

— А ведь на тебя ноль внимания. А, Гольдхаген?

— Не надо мне его внимания! — тут же ощетинилась она.

— Да я не про то. Вам двоим нужно поменяться местами. Так было бы логичнее. Не обижайся, я хоть и наслышан о твоих подвигах, но женщине на войне не место.

Женщине на войне не место. А ей? Такая странная мысль. Видимо чувствовать себя женщиной Сандра давно перестала.

Командир батальона объявил, что придётся идти в наступление, чтобы прикрыть отход других частей. Как всегда, штабистам не престало дорожить жизнями осужденных, потому испытательный батальон снова кинули в самое пекло. И батальон стоял до конца. Своего собственного конца.

В это день содрогались земля и небо. Артиллерия, танки и авиация, сменяли друг друга, а сорок три человека — все, кто остался в испытательном батальоне, шли в атаку. Под лавиной бомб ни у кого не осталось сил отступать.

Всё стихло лишь глубокой ночью. Когда Сандра открыла глаза, то в лунном свете увидела лишь поле воронок. Стояла мертвенная тишина, даже снег не хрустел под ногами. На этот раз Сандре не размозжило ноги, но ей было боязно, что глухота после контузии не пройдет.

В вывороченной земле лежали присыпанные тела. Вот командир, вот санитар без ноги, забияка Грубер… все они лежали здесь, кто целый, а кто по частям. По щекам Сандры катились кровавые слезы, а она никак не могла отыскать Ойгена. Уж он-то должен был уцелеть, с его-то удачей. В голове гудело эхо взрыва, перемешанное с отчаянием. Как он мог, чёртов счастливчик? Как посмел погибнуть? Спаситель, заступник, товарищ… и кормилец. Самый дорогой ей человек. И его нигде нет.

Всё закончилось, нет больше испытательного батальона, нет сорока двух офицеров и рядовых — все они исполнили свой долг перед вождём. Никто из них теперь не получит помилования. Никто не соберёт в этой мясорубке их кости и не предаст земле.

Мертвенно холодная луна освещала ей путь, и Сандра шла вперед, утопая в снегу. Всё закончилось. Ничего не осталось. Нет больше штаба и полок с личными делами, нет катушки кабеля и полевого телефона. Никто не будет отдавать ей приказы в виде

распоряжений. Она никому не нужна. Есть только снег и тишина.

В рассветный час Сандра вновь услышала тихий хруст под ногами — барабанные перепонки понемногу заживали. Первый луч солнца пронзительно засветил в глаза. Она не сразу поняла, что это значит. А когда вдали замелькали суетливые силуэты, Сандра слишком поздно сообразила, что всю ночь от глупости и растерянности шла на восток.

Бежать было слишком поздно, да и не осталось больше сил. Когда двое русских солдат с винтовками за спиной подошли угрожающе близко, Сандре оставалось лишь безвольно стоять на снегу.

Слух возвращался, и она смогла разобрать, о чём переговаривались красноармейцы. Сандра понимала каждое их слово, но смысл сказанного так и не доходил до сознания.

— Иди сюда, бедняжка, — звал её солдат с седыми усами. — Идём к нашим. Там тебя отогреют, накормят. Идём.

Кажется, никто не собирался хватать Сандру и тащить во вражеский штаб. Почему-то её и не считали за врага, а напротив, протягивали руку помощи.

— Ну что ты встала в самый сугроб? Отморозишь себе всё на свете.

И тут Сандра поняла. Красноармейцы смотрели на её замызганное, полысевшее каракулевое манто, что выдали ей этой зимой вместо армейской шинели. Они считали, что перед ними стоит советская гражданка, мирный житель.

— Постой, Федюков, — грозно произнёс другой солдат, что был моложе годами, — может это немецкая штабистка.

— Да какой там! — укоризненно ответил седоусый. — Фашисты своих девок в армию не берут. Дома держат, чтоб побольше новых солдат рожали. А эта наша, — и он ласково, с сочувствием посмотрел на Сандру, — ты посмотри какая измученная. Небось измордовали бедняжку, звери…

Сандра металась взглядом от одного солдата к другому, не зная, что же делать. Но она точно знала, что говорить ни в коем случае нельзя. Лучше сказаться немой, чем выдать корявый акцент, которого точно нет ни у одного советского гражданина.

Её привели в деревянный сруб, чистый и светлый, где, по-видимому, расположились офицеры. Не прошло и пяти минут как перед Сандрой поставили миску дымящейся похлебки. Она приникла обмороженными ладонями к обжигающей тёплом посуде. Это была непозволительная роскошь, в батальоне о таком можно было только мечтать. Почти как в мирной жизни, а про неё Сандра уже давно не вспоминала. А теплоту и заботу в чужих глазах она уже и не надеялась когда-нибудь встретить.

— Да ты разденься, у нас тут славно натоплено.

Седоусый было протянул руку к пуговице манто, чтобы помочь его расстегнуть, но Сандра как ошпаренная шарахнулась от него к стене, сжимая руками застежки на манто.

— Эх, — только и вздохнул он, — точно замордовали, погань фашистская.

Сандра была готова на всё, лишь бы остаться в манто. Иначе красноармейцы увидят её форменный китель с нашивками службы связи и готической надписью «армейская помощница». Тогда доброта даже этого милого мужчины вмиг улетучится. Для него она и есть «фашистская погань», только он ещё об этом не догадывается.

Как страшно оказаться чужой там, где когда-то была своей. А ведь в гудящей словно колокол голове успела промелькнуть шальная мысль остаться здесь, на «порабощенной иудо-большевиками» родине её деда. Глупая мысль, такая может прийти только в больную после контузии голову.

Пусть красноармейцы считают её спятившей после поругания девицей, но она не издаст ни слова, пока не сбежит отсюда куда-нибудь, лишь бы подальше от людей в военной форме. Хватит, война для неё закончилась с гибелью батальона и Ойгена. Надо бежать туда, где нет деления на своих и чужих, где нет боёв и нет людей.

39

Всё кругом казалось серым, унылым и гнетущим. Ещё дрожала земля, и был слышен глухой грохот вдали. С тоской Сандра взирала на давно остывшее мертвое тело, что лежало на груде павших солдат. Пока не кончилась война, можно бесконечно долго скитаться по полям сражений и искать умирающих. Жаль, что в морозы их сердца едва успевают вытолкнуть кровь наружу, прежде чем она смёрзнется коркой.

Вот Сандра и стала диким зверем, что слоняется по округе в поисках падали. Даже шкура на спине имелась, разве что чужая. Она кочевала на запад вслед за линией фронта, прячась днём от живых и выискивая по ночам мертвых. Но ноги и руки уже были не в силах терпеть боль. Как везёт простым смертным солдатам — рано или поздно они перестают чувствовать отмороженные конечности. А Сандра не могла не чувствовать. Двадцать почерневших пальцев не успевали зажить, но и окончательно отмереть тоже не могли. Сандре оставалась лишь нескончаемая боль, которую не заглушить ни чужой похолодевшей кровью, ни часами отдыха на поваленных после очередной бомбардировки деревьях.

Она устала, смертельно устала и мечтала только об избавлении. Сандра ждала, что её разум вот-вот окутает долгожданный, давно потерянный сон, и она уйдет из этого мира боли и страдания навсегда. Но желаемого не происходило, и сил оставалось всё меньше. Сандра не видела своего лица, но чувствовала, что и оно обезображено обморожением, губы распухли и потрескались, а нос и уши постигла та же участь, что и конечности.

Доковыляв в ночи до очередного места бойни, Сандра принялась искать солдат в знакомой серой форме. Это было не сложно, ведь таковых здесь было большинство. Юноша лет семнадцати с залитым кровью лицом лежал на спине, прикрывая ладонью дыру в животе. Сандре казалось странным, что человека считают умершим, когда в нём ещё теплится жизнь, хоть он и не может сказать ни слова или моргнуть. Видимо санитары, не чувствующие зова крови, не способны постичь истинное различие между жизнью и смертью.

Внезапно Сандра услышала колокольный звон — он был тих, словно раздавался вдалеке или из-под земли. Как это странно, но вместе с тем естественно — ведь этот колокол звонит по мертвецам.

Не успев склониться над умирающим, краем глаза Сандра

заметила какое-то движение поблизости, и тут же вскочила на ноги. Неприятное ощущение, что кто-то смотрит на неё, не покидало. Но нет, никто не восстал из мертвых — все лежали на своих местах. В свете полной луны заваленное трупами поле вдруг стало её пугать.

Сандра и дальше бы озиралась по сторонам, пока фигура в белом не пошевелилась вновь. На фоне снега она совсем не выделялась, только близость к русскому солдату обнаружила её присутствие всего в десяти метрах от Сандры. Первой мыслью было, что это красноармеец в защитном костюме под цвет снега сидит возле павшего товарища. Но одеяние было слишком просторным для форменной одежды. В оцепенении Сандра смотрела, как белый капюшон балахона обнажает пугающе белое лицо странного существа. Его горящие алым огнём зрачки уставились на Сандру, а белые усы и борода в бурых разводах топорщились от широкой ужасающей улыбки. Это был человек и нелюдь в одном лице, но кто на самом деле, Сандра не могла и представить. Не поднимаясь с места, он заговорил, радостно и зазывающе:

— Пойди сюда, чадо.

Он сделал широкий жест, и белое одеяние распахнулось, а под ним зияла чёрная пустота. Склоняясь над мертвецом, чудище приподняло его руку. На ней не было кисти, лишь кровоточащий обрубок.

Только минуту спустя до оцепеневшего разума Сандры дошло, что белое существо обратилось к ней на чистейшем русском языке, каким владела только тётя Агапея — простым, народным. Из-за седой до белизны бороды этот страшный человек казался стариком, но голос и лицо явно выдавали в нём молодого. К Сандре пришло осознание, что он здесь за тем же, чем и она. Он пьёт кровь павших и почему-то хочет поделиться с ней.

Разум твердил, что нужно бежать прочь и как можно дальше, но тело настойчиво давало понять, что не способно сделать ни шага назад, не приняв то, что оживит его. Сандра качнулась и ступила в сторону белого мужчины, а после обессилено опустилась на колени. Человек с оторванной кистью уже не был способен бороться за свою жизнь. Сандра слизывала выступающую из раны кровь и исподлобья смотрела на пришельца, в его жутковатые красные зрачки с белесой радужкой. А он лишь одобряюще улыбался и сверкал нехорошим взглядом.

— Да ты пей, пей. Раз испробовала когда-то, так всегда одну её пить будешь. Да только этот ратник не в подмогу тебе. Иссохнешь так, что ног волочить не сможешь. Есть тут

неподалёку ключ с живой водой, он и раны тебе омоет и сил предаст. Идём-ка лучше к нему.

— Не знаю, — с трудом выговорила Сандра, оттого что язык еле ворочался.

Уже много дней ей не с кем было перекинуться и словечком, с тех самых пор как батальон ушёл в свой последний бой. Когда-то Сандра старательно изображала немую перед красноармейцами, теперь она почти ею стала. Но страх говорить на одном из родных языков пропал. Больше всего Сандру пугал собеседник страшной наружности и с непонятными намерениями.

— Ты ж совсем хворая, — продолжал он жалеть её. — Пойди искупнись, раны помочи, а то где ж это видано чтоб альвар да с чернушным лицом ходил.

— Я не альвар, я баварка, — на всякий случай поправила его Сандра, и тут же испугалась, что сказала это зря.

Слишком многое в этом разговоре было неловким и непонятным. К тому же ей до сих пор было неясно, кто её собеседник и как он может отреагировать на её откровение.

— Баварка? — с интересом повторил он, смакуя слово. — Наверное, земля твоя лежит далёко.

— Это на юге Германии, — полушепотом выговорила Сандра.

— Не слыхал про такие места. И про германцев тоже не слыхал.

Такое заявление озадачило Сандру больше чем внешний вид сотрапезника.

— Вот они, — махнула она рукой вдоль поля брани. — Смотри.

А в голове лихорадочно крутились вопросы: кто же он такой, раз никогда не слышал о немцах? Как он вообще может приходить к этому стылому могильнику, но не иметь никакого понятия о войне с Германией?

А белобородый всё продолжал изучающе разглядывать Сандру и улыбаться ей:

— С чужой ратью пришла, а говоришь по-нашему. Не годится так. Уж с одним кем-то надо быть.

Сандра даже не собиралась спорить. С первого же дня, как она оказалась в Риге, такие мысли приходили ей в голову не раз. Они не покидали её и теперь.

— Идём со мной, — снова воззвал он. — У меня хорошо, у меня никто не хворает. Но коль пойдешь, тень свою оставь.

Сандра подивилась странному предложению, словно из сказки.

— Зачем тебе моя тень?

— Мне? — рассмеялся белый, от чего его жутковатые глаза

засветились ещё ярче, — да мне-то она на что? Что с ней делать?

— Тогда зачем просишь?

— Так не я прошу, — закачал он головой, — а ключ с живой водой. Ему всё отдашь, что самой не надобно. Он всё примет.

Сандра задумалась: ей предлагают источник исцеления в обмен на что-то неосязаемое и не особо нужное?

— Тогда отведи меня к нему, — решилась она.

И белый человек повел Сандру за собой, в ту сторону, где раньше она и не думала бродить. По пути он успел растереть снегом бороду, отчего та побелела и слилась с его просторным и на вид слишком лёгким одеянием. От одного взгляда на эту белую накидку, Сандру пробрал озноб.

Уже десять минут она плелась следом за мужчиной, не поспевая за его бодрым шагом. Внезапно Сандра потеряла его из виду. Глядя вперед, она не могла разобрать, где снег, а где его белое одеяние.

— Эй! — крикнула она.

Вдалеке белобородый обернулся и посмотрел на Сандру. Слишком сильно она отстала, но ноги уже не слушались, а боль неумолимо давала о себе знать.

— Мне очень холодно, — прошептала Сандра, не надеясь, что он услышит, — мне тяжело идти.

— Поспешай, — уловила она голос издалека. — Это тебе под солнцем ходить можно, а мне никак нельзя.

Какое-то время Сандра плелась следом и размышляла над этой странной фразой.

— Так ты боишься солнца? — догадавшись, выкрикнула она провожатому.

А он широко развел руками:

— Коль я его не вижу, так и ему меня видеть незачем.

Тревожные мысли нахлынули с новой силой, и теперь Сандра была рада, что отстала он нелюдя на полусотню метров. На ум пришли давние наущения тёти Агапеи, о том, кто боится казать себя днём и не видит света Божьего.

— Почему не дано? — испытующе спросила его Сандра.

— Так я ж в темени брожу и света небесного не вижу.

Точно он, сомнений быть не могло.

— Господи Иисусе Христе, — выдохнула Сандра и начала молиться как можно громче, осеняя себя тремя перстами, — Сыне Божий, крестом поразивший древнего змия и узами мрака в тартаре связавший, огради меня от козней его…

А нечистый с любопытством наблюдал за Сандрой и упорно не исчезал.

— Чего такое? Перепугалась что ль? — поинтересовался он с

такой непринужденностью, что Сандра запаниковала и пала на колени.

— Именем Господа нашего, назови себя!

— Саватий я. Ты вставай-ка со снегу-то, нам идти ещё. Я ж не как ты, мне с солнцем встречаться не надобно.

Сандра ошарашенно смотрела ему вслед и не могла понять, что же это происходит. То ли она так сильно отпала от церкви, что и Бог её не слышит, то ли этот белый и красноглазый вовсе не чёрт.

— Поспешай, баварка, — слышалось впереди, и Сандра решила подчиниться.

Когда они пришли к склону холма, Саватий ловко пролез в какую-то расщелину, а потом снова вынырнул наружу. Он махнул Сандре рукой, но она не решилась следовать за ним в пещеру, это преддверие преисподней. Тревога вновь овладела её разумом, и Сандра замотала головой:

— Нет, я не войду туда.

— Ну тогда и к ключу с водичкой не дойдешь, — лукаво оскалился Саватий.

— Катись к чёрту со своей водой! — крикнула она в отчаянии, — Отстань от меня, нежить!

Саватий лишь заливисто рассмеялся и окончательно исчез в скалистом проёме. Эхо его голоса ещё выплескивалось наружу затихающей волной. А на горизонте зажелтел рассвет.

Сандра просидела около пещеры весь день, не в силах отойти прочь от пугающего места. Что скрывается в пещере? Куда так далёко мог уйти Саватий? Выяснить это можно было легко, вот только страшно. Лишь поднявшаяся пурга заставила Сандру подползти к расщелине и зайти внутрь на несколько шагов, чтобы укрыться от ветра-мучителя.

Когда солнце скрылось за скалой и по долине расползлись сумерки, она тщетно пыталась уговорить себя подняться и уйти подальше от врат подземного мира. Это оказалось слишком сложно, почти как солдату заставить себя ринуться в бой, когда над головой гремит артиллерия. Пальцы так скрючились, что нельзя было разжать, ноги будто примерзли к заснеженному камню, боль… а боль стала слишком привычной, чтобы удивляться ей.

Саватий неслышно подошёл из-за спины и опустился рядом Сандрой. С минуту он с интересом рассматривал её лицо.

— Совсем черна стала, — заключил он, а в голосе не было и тени сочувствия, — того и гляди скоро мясо с костей слезет.

— Кто ты такой? — сорвался с отмирающих губ вопрос, что давно вертелся на распухшем языке.

— Да как ты, я альвар. Только днём лица на свет не кажу, как ты по ночам в темень не лезешь. А под землицей-то уж и разницы никакой нет, когда день, а когда ночь.

— Ты такой белый, потому что не видишь белого света?

Холод путал мысли и слова. Сандра уже не рассчитывала получить ответ, как Саватий произнёс:

— Так ведь кровушкой я питаюсь. А без неё и жизнь не жизнь. Ты-то сама какая болезная стала, того и гляди, околеет твое тело, а душенька твоя будет неприкаянной летать.

— Да, я хочу умереть, — в безразличии лепетала Сандра, — чтоб душа отошла и больше не мучиться.

Саватий улыбнулся, как улыбается старик глупости малого дитя.

— Не помрешь ты. Никто из нас ещё не помирал. Даже те, кто десятый век доживают и те не помрут. — И он протянул ей белую ладонь. — Век-то наш долог, а с чернушной мордой ой тяжело тебе жить будет. Давай, идём к ключу, он тебе всё вернёт, что потеряла.

— Мне слишком больно.

— Так искупаешься, и болеть перестанет. Ты ж только ко мне иди, сюда, где темно и солнца никогда не бывает.

— Да хоть в ад, я не могу.

— Ну давай уже, поднимайся.

— Нет сил, — произнесла она, прежде чем холод окончательно сковал её тело и разум.

Но Саватий потянул Сандру за руку, и она невольно поднялась на ноги. Упираясь одним кулаком о камень, а другой рукой держась за Саватия, она поплелась навстречу темноте. Когда ночное небо скрылось за спиной, а впереди показался густой мрак, её глаза закрылись. В них больше не было нужды.

40

Сандра потеряла счёт времени и уже не понимала, как давно Саватий водит её по подземным ходам пещеры. Они шли слишком долго, словно по отвесному коридору, что уходил вниз, в самую глубь подземелья. Сандра не могла понять, как Саватий может ориентироваться во тьме. Неужели красные зрачки дают такое преимущество?

— Мне нужно согреться, пожалуйста, — умоляла она, — давай разведём костер. У тебя есть огонь?

— Нет, — отрезал он, — не нужно тебе костра.

— Ну, пожалуйста, я сама найду дрова, только дай огня.

— Огонь как малое солнце. Нет мне места с ним рядом.

Вскоре отчаяние Сандры сменилось изумлением. В подземном лабиринте оказалось на удивление тепло, что ей даже пришлось снять своё замызганное манто.

Позади постоянно слышались чьи-то шаги, и с каждым мигом этих «кого-то» за спиной появлялось всё больше и больше. Сандре стало не по себе. Оборачиваться, чтобы посмотреть в непроглядную тьму, было слишком страшно, отчего на глазах наворачивались прозрачные слезы. Немного погодя Сандра принялась успокаивать себя уговорами, что это лишь эхо шагов Саватия и её собственных, что многократно отразились от стен коридора.

— Вот и источник, — наконец, объявил он, но Сандра ничего не увидела. Она чувствовала себя глупой и беспомощной, и оттого слабые ноги подкосились, и Сандра рухнула на землю.

— Да направо повернись, — похлопал её по спине Саватий.

Он оказался прав. Посреди чёрной пустоты колыхалось пятно из переливов синеватых волн. Озеро походило на сверкающий дрожащий студень, и войти в его воды было боязно и желанно одновременно. Когда Сандра принялась стягивать с себя лохмотья, то попросила:

— Не смотри на меня.

— Ох уж и страшна ты как чума, — только и хохотнул Саватий, — полезай в воду. И не выходи, пока не отпустит.

Что значила эта последняя фраза, Сандра не разобрала. Она просто погрузила ступни в на удивление влажную и теплую синеву. За спиной послышался шелест ткани и удаляющиеся шаги — Саватий забрал её рванину и ушёл прочь.

— Стой, верни одежду!

Но никто ей не ответил. Наступила тишина. Вверх по ноге побежали голубые искры. Вода неприятно щипала, словно

разъедала плоть, но Сандра шла вперед, погружаясь всё глубже в надежде, что это озеро серной кислоты, которая не оставит от её тела и следа, и она, наконец, станет свободна от уз истерзанной плоти. Ради этого можно и стерпеть новую боль.

Сандре казалось, что-то обвило её путами по рукам и ногам и потянуло на дно. Когда голова ушла под воду, ей уже не хотелось барахтаться и выныривать, чтобы ухватить ртом немного воздуха. Все инстинктивные желания спастись вдруг стали безразличными и казались глупыми. Сандра смотрела из глубины, как играют огоньки на глади озера. Это выглядело забавно, будто гигантский калейдоскоп крутился по чужой воле. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем неведомая сила перестала держать её под водой и дала вынырнуть. Сандра лежала на спине, паря на топазовой глади. Подземелье начинало сводить с ума. Ни одного звука, только чернота. Она потеряла всякий ориентир во времени и пространстве, а перед глазами то и дело возникали призрачные лики оскаленных демонических морд.

Все видения и страхи вмиг пропали, стоило Сандре услышать тихий звук приближающихся шагов.

— Эй, баварийка, выплывай, — раздался задорный голос Саватия.

— Моё имя Александра.

Она опасливо вылезла на берег и уселась, стыдливо притянув ноги к груди. По спине стекали капли, но холода не ощущалось. Как странно, что посреди суровой зимы под землей циркулирует воздух комнатной температуры.

— Сколько прошло времени? — поинтересовалась Сандра.

— Так уж три раза солнце меня вниз загоняло.

Удивительно, но ей вовсе не показалось, что купание в озере продолжалось трое суток. Глаза успели привыкнуть к темноте и даже стали различать контуры неровностей на земле, что высвечивала вода. Саватий положил перед ней сверток одежды. Сандра принялась разворачивать подарок и не могла надивиться. Чистый китель, не порванные штаны, чуть подпаленная на полах шинель, две трети шарфа, стоптанные сапоги. Всё идеальное, словно только что со склада, лишь на манжете рубашки осталась полоска чужой крови. Конечно же, Саватий снял всё это с мертвых немецких солдат и явно выбирал лучшее. Но больше всего Сандру поразило другое. На кителе не было ни единого знака отличия кроме эмблемы службы связи. Погоны и петлицы Саватий явно сорвал сам.

— Зачем ты убрал знаки? — поинтересовалась она.

Саватий вопросительно уставился на Сандру, явно не понимая смысла её вопроса. Она указала на воротничок и плечи,

и взгляд Саватия потеплел.

— Что забрал, то и принёс.

Такая педантичность немало удивила Сандру. Но глядя на нетронутую эмблему службы связи, она не удержалась от вопроса.

— Так что же, ты специально искал человека со значком молнии?

— Молнии? Нет, молнии, они другие.

Сандра терялась в догадках. С одной стороны он точно распознал незнакомые ему символы, но с другой — не смог их понять. Многое в Саватии было странным помимо его белой кожи и красных зрачков. Что бы Сандра не спросила, он охотно отвечал, но говорил вещи, по меньшей мере, фантастические. Он называл себя альваром, вечным скитальцем в подземном мире вечной тьмы. Он повторял раз за разом, но Сандра отказывалась верить, что она подобна ему, что её никогда не посетит смерть, и что она будет жить вечно и так же вечно пить чужую кровь.

Всё это и так стало для неё слишком очевидным за последние полтора года, но Сандре было страшно признаться самой себе: она и вправду нелюдь, вампир, что по незнанию двадцать лет притворялась человеком. Если бы она узнала раньше, что кроме Лили в мире есть создания подобные ей… Если бы об этом знал отец, или хотя бы догадывался Даниэль… Что же они с ней сделали? Почему не предупредили, что её ждёт, не сказали, как с этим жить?

А Саватий настаивал на своём — альвары не умирают, они несут бремя вечной жизни и вечной молодости.

— Тогда, сколько тебе лет? — спросила Сандра, пытаясь подловить его на слове.

— Ходил я под солнцем, когда двенадцать башен Саркела ещё не прозвали Белой Вежей.

Сандре, в отличие от Саватия, этот временной ориентир ни о чём не говорил, как и названия Саркела и Белой Вежи. На вопрос о годах, он лишь отмахивался, говоря, что не чувствует течения времени и не знает ничего о жизни наверху, с тех пор, как спустился вниз. Он не знал о войне и противоборствующих сторонах, хотя наведывался на поле боя, чтоб поживиться от умирающих. Он не представлял, кто такие немцы, а жителей поверхности называл русами. Он говорил на их языке, но совершено не представлял, чем живут эти люди. Даже революция и гражданская война прошли мимо его внимания, разве что в то время другие мертвецы лежали на земле под ночным небом.

После той беседы Сандра уяснила лишь одно — она кровопийца, которой больше не стоит удивлять смертных своими вмиг заживающими ранами, когда простому человеку положено

умирать, а не выздоравливать. Без пяти минут старухе не стоит гулять в подлунном мире и показывать смертным лицо двадцатипятилетней девушки. Только Саватий сказал ей правду. Её место только здесь, подальше от людских страстей, взрывов бомб и противоборствующих армий, бегущих в атаку с обнаженными штыками. Здесь, в мире мрака и тишины, можно укрыться от войны надолго, насколько понадобится.

41

Жизнь внизу оказалось мучительной, до умопомрачения однообразной, мрачной и статичной. Саватий решительно заявил Сандре — чтобы сносно существовать под землёй, нужно перестроиться под иной образ жизни — больше лежать, меньше двигаться, не расплёскивать силы на ненужное. Слушать темноту, смотреть на тишину. Питать силы раз в месяц под светом полной луны. Когда пришло время покинуть пещеру, Сандра с удивлением отметила, что выходов из неё как минимум два. На это раз Саватий вывел её совсем в ином месте.

Когда Сандра оказалась вновь на поверхности, то с интересом разглядывала свою побелевшую форму, бывшей до этого стандартного серо-зеленого цвета. Неужели в этой пещере кожа людей белеет вместе с их одеждами? Но нет, всё оказалось проще — стоило отряхнуть рукав, как меловая пыль тут же слетела с ткани. Теперь Сандра поняла, что белое облачение Саватия призвано не только маскировать его в снегах.

Пришлось далеко отойти от пещеры, чтобы найти оставленных среди мертвецов погибающих солдат. На поиски поля боя ушло полночи, и Саватию не нравилось, что линия фронта сильно удалилась от прежнего места.

— Продолжают отступать, — констатировала Сандра.

— Куда это? — поинтересовался он.

— Обратно. На запад.

В эту ясную лунную ночь в их маленьком сообществе родилась одна безумная идея — идти на запад, вслед за наступающей армией в поисках отступивших и истекающих кровью солдат. Саватий уверял, что идти можно и под землей. Сандра не верила и упиралась. Тогда он взял её за руку и повел вглубь пещеры через чёрные коридоры, о существовании которых Сандра даже и не подозревала. Он обещал показать ей другие чудеса подземного мира помимо светящегося озера.

Это путешествие продлилось слишком долго для увеселительной прогулки. Ноги Сандры вновь начали болеть, но не из-за отмершего мяса, которое уже давно успело нарасти, а от внезапной усталости.

— Куда ты меня тащишь? — спрашивала она Саватия.

— К Танасису в гости.

— К кому? Так здесь есть другие люди?

Подобная мысль даже не приходила Сандре в голову. Сколько же здесь её собратьев по бессмертию? Почему и они ютятся в этих катакомбах, обрекая себя на одиночество, скуку и жажду крови

смертных, коих ещё нужно отыскать?

Саватий вёл её дальше, а Сандра цеплялась ладонью за стены, пытаясь хоть как-то сориентироваться. В стенах прощупывались выдолбленные ниши и дверные проёмы. Рукотворные помещения под землёй? Казалось, они огибали некий зал по кругу.

— Как ты здесь ориентируешься? — удивлялась Сандра. — Разве ты что-то видишь?

— Нет же, что я без света видеть могу? Помню просто здесь всё, поворот каждый, подъём, росстань, спуски, распутье. Скоро и ты запомнишь.

Сандра была поражена. Так вот как ещё можно применять в жизни способность к абсолютному запоминанию. Теперь ей придётся забыть о текстах и речах и зафиксировать в памяти ощущения и движения.

Саватий резко потянул её в сторону, и Сандра ушибла ногу обо что-то невысокое и каменное. Остановившись, она ощупала изваяние, что походило на колодец. Осторожно нагнувшись, Сандра опустила руку — действительно, внутри стояла вода, и она совсем не светилась. Стало быть, в подземелье есть разные источники влаги.

— Чего мы ждём? — поинтересовалась она, когда поняла, что Саватий не торопит её и не тянет вперёд.

Но он не ответил. Вскоре Сандра и сама поняла, в чём дело. Из темноты к ним приближалось свечение. Красный огонёк плыл в воздухе на уровне вытянутой руки. Сандра уже успела подумать, что кто-то идёт к ним навстречу, держа в руках свечу, но быстро поняла, что ошиблась. Огонёк сиял, но почти не дарил света. Он плыл в темноте, не озаряя собой стен коридора, и некое чувство подсказывало Сандре, что этот огонёк, никто не держит и не несёт — он существует сам по себе. Волна безотчетного страха прокатилась по спине, и Сандра судорожно сжала руку провожатого. Красный шар, не останавливаясь, плыл в воздухе. Вначале он облетел круглый зал, затем завис над колодцем в десятке сантиметров от оторопевшей Сандры, и затем всё так же неспешно двинулся дальше, в сторону того самого тоннеля, из которого они пришли.

— Что это такое? — еле выдохнула она.

— А кто их знает? — неопределенно и с поразительным безразличием ответил Саватий. — Летают тут. Давно ж летают, из глубин поднимаются.

— В подземелье есть ещё одно подземелье? — уточнила она.

— Кто его знает? Нам туда ходить надобности нет, вот и не ходим, и ничего про те места не знаем. Не наше то дело.

Сандра не стала расспрашивать, что это за запретное место и

как глубоко оно уходит. Больше всего её волновали его огненные обитатели.

— Мы из-за него остановились? Что это огонёк мог с нами сделать?

— С нами? Да ничего такого. Проход дальше узенький, что еле протиснешься. Могли с ним не разминуться.

Проход действительно оказался узок, Сандра то и дело задевала стены плечами, пока Саватий вёл её за собой.

— Вот гадина, — с чувством выдохнул он и тут же скомандовал женщине, — к стене прижмись.

Сандра не сразу поняла, в чём дело. Стоило только Саватию отпрянуть в сторону, как впереди показался ещё один огонёк. Этот переливался голубым сиянием и двигался куда быстрее красного.

— Не пужайся ты так, — решил подбодрить её Саватий. — Не нужны мы им.

Огонёк пролетел прямо, не обращая внимания на кровопийц, и вскоре скрылся из виду. Не отступи Сандра к стене, он бы точно задел её по плечу.

— Что же им всем надо? — пытаясь прийти в себя, спросила Сандра.

— Так они за смертными идут.

— Зачем?

— Поиграть. На радость или погибель. Ты ходи за ними вслед, если к людям захочешь. Они к ним летят. Только за красными не ходи, ходи за голубыми, они порасторопней.

Сандра не стала выспрашивать дальше о странных огнях, боясь, что объяснения её окончательно запутают и немало напугают.

Под ногами прощупывались ступеньки. Они вели вверх к самому дикому, что можно встретить в глубокой пещере — к двери. Сандра явственно услышала заунывный скрип петель, пока Саватий отпирал её, и даже нащупала рукой дерево, обитое железом. Они вошли в просторное помещение, в потолке которого зияла небольшая дыра, из которой лился приглушенный дневной свет. Он падал тонким серым столпом на колокол, подвешенный к своду, и Сандру осенило: вот, что она слышала тогда, на поле мертвецов, и это не было наваждением. Колокол реален и его звон вырывается сквозь дыру из-под земли. Только кто его раскачивает?

— Кого ты сюда привел? — раздался грубый голос в тени. — Хочешь забыть все обиды и поделиться живым сосудом?

— Нет, Танасис. Ей и самой кровушки надобно.

Незнакомец сделал несколько шагов вперед и не морщась,

прошёл через луч света. Его облик был подобен Саватию: всё то же белое одеяние, все та же седая борода, только гуще, бледное лицо, только круглее. Он вперил свои красные зрачки в Сандру и спросил:

— Откуда пришла?

— Из Баварии, — не решаясь юлить, тут же ответила она.

— Знаешь, что в этом месте никогда не ступала нога женщины?

— Откуда же… — растеряно залепетала она, — Саватий ничего не говорил…

— А что бы он, неуч, сказал? Поганец жидовствующий.

— Да погоди ты, Танаис, — устало вздохнул тот, — здесь уже много лет нога богомольца не ступала.

— Из-за таких, как ты, и не ступала. Только нехристи вроде тебя могут допечь монахов так, что они сбежали отсюда, не оглядываясь.

Теперь Сандра поняла, что за круглый зал она посетила. В те ниши ставили иконы, а примыкающие комнаты были кельями. В крипте, или подземном монастыре остался лишь колокол.

— Простите, — произнесла она, — если бы я только знала, то не стала бы вас тревожить.

— Почему так коряво говоришь? — только и поинтересовался Танасис.

— Я уже сказала, я из Баварии.

Оказалось, и он ничего не слышал о Германии, войне и отступающей армии. Удивительно, но идею идти на запад он поддержал без лишних уговоров и пообещал найти некую Калиопи, чтобы и её пригласить в поход.

А Сандра и Саватий покинули заброшенный монастырь, и пошли дальше. Вначале Сандра отказывалась верить своим глазам, но вдали коридора брезжил свет — тусклое сияние редких электрических ламп.

— Хороший огонь, — нахваливал Саватий, — сначала режет глаз, а потом привыкаешь. И не обжигает совсем.

— Что это за место? — опасливо интересовалась Сандра. — Здесь есть люди?

— Не здесь. Далеко.

Под ногами с писком и повизгиванием пробежало с десяток чёрных крыс. Они даже не обратили внимания на кровопийц — крысы явно спасались бегством. Сандру это не на шутку встревожило. Ощущение приближающейся опасности, но не понятно от чего именно, давило и угнетало. Не прошло и минуты как под ногами закопошилось уже с полсотни зверьков, но на сей раз серого окраса. Сандре хотелось брезгливо убрать ноги, но

спрятаться от полчища грызунов было решительно некуда.

— Это они воюют, — рассмеялся Саватий, глядя на оторопевшую Сандру.

— С кем? — не поняла она.

— Серые с чёрными, сгоняют их со старых мест. Раньше здесь только чёрные и жили. А потом эти приплыли.

— Как это? Откуда приплыли? — глупо переспросила Сандра, ибо не была уверена, что крысы способны к плаванию.

— Так с востока. Тьма их была тьмущая, прям так в реку и кидались, вроде как топились, а другие им на спины запрыгивали и до бережка добегали. Хитрющие они, эти серые. Ходят ведь за нами, как знают.

— Зачем им нас преследовать?

— Думают, что мы к смертному идём, а как кровь его выпьем, они мясцом и закусят.

Еще с минуту Сандра была не в состоянии понять, шутит Саватий или говорит всерьёз. Внезапно она вспомнила:

— Ты тоже самое говорил про огоньки.

— Ну да, огоньки к смертным летают, мы за огоньками ходим, а крысы за нами. Всем нам к людям надо.

По мере продвижения, Сандра внимательно рассматривала коридор и предметы, лежащие у стен. Это были немецкие винтовки вперемешку с советскими и ящики с патронами. На одном из них покоилась стопка бумаги. Сандра присмотрела — это были агитационные листовки на немецком языке. Сомнений больше не оставалось.

— Скорее, идём отсюда! — в панике заметалась она, — это же склад партизан или красноармейцев! Нельзя, чтобы меня увидели. Я в форме, им нельзя меня видеть!

— Что ты, — рассмеялся Саватий — зачем бежать куда-то? Наша это пустынь, а не их… И чего, страшный зверь какой эти партизаны?

— Они убивают и грабят людей. Своих, чужих, без разницы.

— Ну так пусть убивают, нам-то что? Нет тут никого.

— Как и монахов? — беспокойно поинтересовалась Сандра.

А Саватий поучительным тоном стал объяснять:

— Негоже чужой дом без спроса вламываться. Негоже безобразить и хозяев гнать. Да ещё людей с кровью отворенной приносить, а с нами не делиться.

Понемногу Сандра стала успокаиваться. Но если военных здесь и вправду нет, странно, что по-прежнему работает освещение. Разве что в спешном бегстве партизаны забыли убрать провода и отключить генератор.

Но вскоре тревожные вопросы выветрились из головы.

Впереди Сандра увидела три дубовых бочки в человеческий рост. На каждой красовалась дата: 1901 год. В них явно хранилось вино.

— И партизаны не успели их забрать? — удивилась она.

— Не успели, — кивнул Саватий. — А сундучок с золотой монетой унесли. Чернава так плакала, так убивалась, но что поделать, много их было, а нас только двое.

Как оказалось в этих катакомбах издревле хоронили клады. Как поняла Сандра, приносили их сюда купцы, разбойники и контрабандисты. Тот самый клад в бочонке охранял матрос, вернее его истлевший скелет, что так и остался лежать возле винных бочек.

— Давным-давно сам я видал, как его кинжалом пронзили, — сетовал Саватий, — над самой казной, чтобы кровь золото омыла, — и в сердцах добавил. — Растрата-то какая напрасная!..

— Зачем с ним так поступили? — не понимала Сандра, с тоской глядя на истлевшего покойника.

— Чтоб охранял, — пояснил Саватий.

— Так дух мертвеца охраняет клад? — недоверчиво переспросила она.

— Смертные в то верят и пущай. Давно здесь хожу, никаких душ тут не видел, только Чернаву. Вот она и вправду охраняла. В былые времена многие сюда приходили, и поодиночке тоже. Пугались Чернаву, куда же без того. А кто посмелее оказывался, отворял для неё жилы. За это она одаривала золотой монетой из бочонка.

Как это было близко и понятно самой Сандре. Она не без тоски вновь вспомнила о доме, продуктовых карточках и гемотрансфузном аппарате. Если всё получится, и они с Саватием дойдут под землей до Германии, она наконец-то сможет вернуться к такой желанной привычной жизни. Но это явно случится нескоро, если вообще случится. Несмотря на долгий обход подземных лабиринтов, Сандра сильно сомневалась в существовании протяженного тоннеля, что тянется под целым континентом.

Наконец, они встретили Чернаву. Несмотря на звучное имя, она оказалась бела как первый снег. Из-под покрывала на голове выбивались длинные пряди седых волос. Её лицо уже не казалось Сандре пугающим, просто излишне бледным. Пока Саватий излагал Чернаве план предстоящего путешествия, она заинтересованно рассматривала Сандру и даже решилась ощупать её одежду.

— Это неудобно, — заключила Чернава, потирая белыми пальцами замелованную ткань. — Тебе надо носить то же, что и

все. Если поведёшь нас на запад, я сошью для тебя.

Сандра не успела возразить. Внезапно гул пронесся над головой, и земля посыпалась со стен.

— Что там? — спросила Чернава. — Почему земля содрогается?

— Это бомбежки, — пояснила Сандра.

— Бомбежки, — повторила Чернава, явно не понимая смысла этого слова. — Почему приходят бомбежки?

— Самолеты сбрасывают бомбы, — произнесла Сандра и только потом осознала всю глупость ситуации. Если Чернава не понимает, что такое бомбежки, то и про самолеты вряд ли что-то знает. На этом они и распрощались.

Когда Саватий повёл Сандру дальше через тёмные коридоры, где не было ламп, Сандра не удержалась и спросила о том, что мучало её после встречи с Чернавой:

— Как я могу кого-то куда-то вести? Скажи ей сам, что я не знаю дороги.

— Чего волнуешься? Найдем Амертат, она-то точно знает. Она ж всю Гипогею обошла, во всех городах бывала.

— Каких городах?

— Гипогеянских.

Слово «Гипогея», Сандра поняла и без перевода, но в города под землёй поверить не смогла.

— Верь — не верь, — отвечал ей на это Саватий, — а они есть, только очень далеко отсюда.

— Почему же ты не живёшь там?

— А чего мне там делать? Здесь моё место, где альваров мало, а смертных наверху много.

— Тогда почему просто не жить наверху? Поверь, если дело только в солнце, можно…

— Не в нём, — резко оборвал её Саватий, — там наверху уж давно моей страны нет. Порушен Саркел, чужие построили в нём свои дома. Народ мой ушёл на запад в новые земли, а я здесь остался, под родной землей.

— Но ты же хочешь идти в поход. Как же ты покинешь родные края?

— Схожу, а потом обратно ворочусь, — был ей краткий ответ.

Неожиданно их скитание окончилось у выхода из пещеры, уже третьего. Снаружи стояла ночь. На снегу появились проталин. Сандра задумалась, сколько же прошло времени с тех пор, как Саватий нашёл её на поле мертвецов, раз природа снаружи так разительно переменилась. Холод уже не пронзал тело, дышалось лёгко и спокойно.

В небе сияли золотистые огоньки. Они были ярче звезд и,

приближаясь, становись всё крупнее. Сандра с привычной тревогой подумала о сигнальных ракетах, но тут же поняла, это не они — не та траектория движения. Эти огни летели, словно плясали в воздухе. То множество огоньков соединялись в один крупный светящийся шар, то распадались на мелкие искры и снова летели друг за другом. А потом они нырнули в землю, и пропали из виду. Сандра решила, что это ещё одна цветовая разновидность огней, что блуждают по подземелью. А они явно направились именно туда, в лабиринты тайных ходов или ещё куда глубже.

С удивлением, Сандра заметила, что один огонёк, не последовал за остальными и остался снаружи. Он завис на месте и стал еле заметно колебаться из стороны в сторону. Из любопытства Сандра подошла ближе, пытаясь получше разглядеть эти странные движения. Слабый свет звёзд явил лишь серую тень, что обступила золотистый огонёк. С каждой минутой глаза всё больше привыкали к освещению, и Сандра, наконец, увидела, как кто-то в белом одеянии вращает указательным пальцем вокруг сияющего шара, не давая ему улететь.

— Солнце садилось и вставало девяносто пять раз, — раздался певучий женский голос, и огонёк безвольно застыл. Но странным было не это. Женщина говорила на чистейшем немецком языке, и Сандре это казалось ненормальным.

— Амертат, — тут же вступил Саватий, — хватит уже твоих загадок.

— Солнце садилось и вставало девяносто пять раз, — повторила та, — с тех пор как Александра оставила свою тень. Не пугайся, дитя, я обращаюсь к тебе на языке, которым ты думаешь.

Огонёк вырвался из руки женщины, пулей влетел в холм и рассыпался на сотню искр.

— Он внутри, — ответила Амертат, продолжая угадывать мысли Сандры, попутно отвечая на не озвученные вопросы. Но она протестующе выставила ладонь перед Саватием и произнесла, — А ты не перечь мне, а то я передумаю вести вас в земли изобилия.

Так предприятие обрело своего лидера и провожатого. Саватий увел ничего непонимающую Сандру обратно в пещеру, несмотря на то, что ей хотелось внимательнее рассмотреть Амертат. Лицо таинственной женщины скрывала ночная тьма. Она так и осталась стоять на оттаявшей поляне, видимо, поджидая ещё один заблудившийся огонёк.

42

— Кто такая Амертат? — допытывалась у Саватия Сандра. — Она умеет читать чужие мысли? Здесь все так могут?

— Амертат, она знающая, — пространно пояснил он, — даже к огню подходить умеет.

— Ты имеешь в виду те огоньки, что она ловила? Их вправду можно остановить?

— Амертат может.

Но главным для Саватия было то, что эта загадочная женщина могла отвести их на запад. Настал момент, когда Амертат пришла к нему и сказала, что пора. Она вела Саватия и Сандру по незнакомому тоннелю, и то и дело к ним присоединялись всё новые и новые белокожие кровопийцы. Сандра и подумать не могла, что в подземелье обитает так много альваров. Они называли себя, и Сандра явственно понимала, что не имеет представления, к какому народу могут принадлежать все эти подземные жители. Их имена были столь пестрыми и непонятными, что закрадывалась мысль, будто все они получены уже здесь, в новом мире, где нет солнца. Только в имени Саватия и Чернавы угадывалось что-то славянское, но в именах Сырчана, Танасиса, Ромоло, Игдамная, Амертат, Лусинэ, Калиопи не звучало ничего знакомого.

Как и обещала, Чернава принесла Сандре накидку, что носил каждый подземный житель — с одной стороны чёрная материя, а с другой — белая, видимо, бывшая некогда чьей-то простынею. Единственное, что отличало одеяние Сандры от прочих женщин так это военная форма, а не белое лёгкое платье на голое тело.

В глухой непроглядной тьме отличать своих спутников друг от друга Сандра могла только по их голосам. Лишь с Калиопи и Лусинэ этого не получалось — отчего-то женщины не желали говорить, видимо, совсем не знали русского языка.

Вдесятером они шли, ориентируясь по дрожи земли над головой. Но бомбы порушили многие подземные ходы, из-за чего приходилось то и дело подниматься наружу. В безоблачные ночи Танасис указывал Амертат на звезды и та, соглашаясь, вела подземную компанию к очередному провалу в земле, за которым скрывался разбитый тоннель.

В этом походе Сандру поразила гнетущая тишина. Белые кровопийцы почти не говорили между собой, а только шли вперед, неведомо куда. Если бы Саватий не держал её за руку, Сандра бы давно потерялась и заплутала в подземных коридорах, без надежды выбраться наружу. Для неё оставалось загадкой, как

все они видят в темноте, как ориентируются на незнакомом пути.

— Позволь увидеть тебя руками, — однажды попросил её Ромоло.

Сандра побоялась отказать, хоть и не поняла, чего он хочет. Мужчина тут же принялся её ощупывать. Сначала он водил ладонями по лицу и волосам, затем его руки опустились ниже. Когда его прикосновения стали слишком непристойными, Сандра не вытерпела и ударила его по рукам.

— Имей стыд, — прикрикнула она, — я вдова!

— Это хорошо, — тут же произнёс он. — Очень хорошо. Гипогеянцу нельзя ложиться со смертным. Тебе нельзя быть женой смертного.

Это было произнесено с таким укором, что Сандра невольно почувствовала себя преступницей. И в чём её вина? В том, что жила с Даниэлем в законном браке двадцать два года? А ведь когда она стала другой, они больше не делили постель. Неужто Данни чувствовал, что связь с кровопийцей запретна? Хотя, скорее всего ему просто разонравилась тощая плоскогрудая жена.

— А дети? — продолжал допытываться Ромоло. — У тебя есть дети?

— Нет, — буркнула в ответ Сандра.

— Как хорошо, — возликовал он. — Это замечательно! Альвар не может породить новую жизнь, он воссоздан для жизни вечной. Новые жизни ему не нужны. У вечноживущих не должно быть смертных детей.

Сандра не знала, что ответить на это. А если бы она успела родить Даниэлю хотя бы одного отпрыска? Будь у них мальчик, то сейчас он был бы совсем взрослым и воевал на Восточном фронте. Но долго ли? А если бы выжил, каково бы ему было видеть нестареющую мать, которая выглядит как его ровесница? Да, нахал Ромоло прав, неправильно, когда у кровопийц есть дети.

Наставал момент и десять альваров поднялись наверх, чтобы посмотреть на сражение двух армий и дождаться своей очереди попировать на поле вместе со смертью.

Это казалось странным — сидеть вдоль холма и наблюдать, как внизу идёт бой. Но в этот пасмурный день, когда подбрюшье облаков едва не касалось вершины холма, альвары покрыли головы белыми накидками и обнажили свои лица. Сандре стало интересно, если их видят смертные, то что думают о странных людях в белом, что сидят на холме?

Казалось, вот-вот рядом рванет снаряд. По привычке Сандра то и дело порывалась распластаться по земле и закрыть голову руками.

— Сиди спокойно и не двигайся, — цыкнули ей.

И она покорилась. Пули свистели, пролетали между белыми кровопийцами, но никого так и не задели. Удивительное везение.

Когда орудия стихли и войска отошли на запад, альвары поднялись с места и принялись спускаться к полю. Сандра еле остановила их, объяснив, что нужно дождаться, когда прибудут санитары и унесут раненых. Кому-то это ограничение не понравилось, но остальные решили послушаться совета сведущей. Умирающих ведь хватит на всех.

Но, несмотря на неизменно обильный пир, меньше всех путешествию был рад Игдамнай. Как поняла Сандра, на старом месте он охранял нечто такое, что нельзя было оставлять без присмотра. Вначале она подумала, что речь идёт о кладе, вроде того, что партизаны похитили у Чернавы, но всё оказалось куда интереснее и мрачнее. Саватий шепнул, что Игдамнай охраняет старые могилы под насыпными холмами. Не так давно расхитители разрыли снаружи один холм и вынесли из него все посмертные дары и даже кости. Как и Чернава, Игдамнай корил себя за беспомощность, но поделать ничего не мог, только бессильно злился на смертных и прятался в темноте не обнаруженного ими тоннеля.

Сандра стала припоминать, что когда-то уже слышала про степные курганы и сокровища, там захороненные. Выходит, врагами Игдамная могли стать только археологи. Надо же, оказывается людям верхним и подземным есть что делить помимо крови.

По той же самой причине, за что Игдамнай недолюбливал ученых, не жаловал он и Ромоло. Некогда с сотней своих земляков тот приплыл в родные края Игдамная в надежде отыскать несметный клад. Так он и сгинул в подземельях близ реки Таны, и вместо сокровищ обрел вечную жизнь.

Внизу Сандра видела много странного, например подземную искрящуюся реку, в которой плавали обломки советского танка. Предположение, что под землей шли бои с применением тяжелой техники, противоречило здравому смыслу. Оставалось думать, что обломки приплыли с поверхности. Сандре подумалось, что это обычные реки соединяются с подземными. Интересно было знать, сколько воды утекает вниз и где она задерживается?

— Куда ступаешь?! — грубо прикрикнул на неё Сырчан, хватая за руку. — Не чуешь смрад земли?!

Сандра и вправду не чуяла, что тут поделать. Будь впереди сероводород или что похуже, ей об этом никогда не узнать.

— Я не ощущаю запахов, извини, — призналась она.

— Как не ощущаешь? — певуче вопросила Амертат, тут же подскочив к Сандре. — Давно или нет?

— С тех пор как была юной девушкой.

— Может ли так быть? — спросила женщина, не обращаясь ни к кому конкретно.

Неприятный осадок остался на душе у Сандры от реакции альваров на этот её малозначимый физический недостаток. Может белые кровопийцы считают, что среди них достойны быть лишь идеальные и здоровые? Что ж поделать, Сандра такая, какая она есть, и уже ничего нельзя изменить.

Наверху уже наступило лето, самая жаркая её пора, а стены подземного коридора покрывали кристаллики светящегося льда. Оказалось, под землей не так мало источников света. Эти переливы были такими необычными и красивыми, что Сандра не сразу обратила внимание, как коридор привел их в зал с высокими сводами и огромными глыбами льда на земле. А в них… Что это, Сандра не могла понять. Какие-то странные звери. Помесь рыси с росомахой или неизвестный вид псовых? Огромные медведи, большие дикие кошки с длинными клыками… Сколько времени эти звери покоятся здесь? Века, тысячелетия? Может они ходили по земле, когда не было ни стран, ни городов, а человек сам ютился в этих пещерах? Надо же, а ведь и вправду, древние люди тяготели к подобным местам. Кто же тогда спутники Сандры? Осколки древних первобытных племен?

— Почему же вы прячетесь от смертных? — спрашивала она. — Разве они вам опасны?

— Так повелось с давних времен, — обстоятельно отвечал Танасис. — Первые из нас жили во тьме дневной долгие годы. Но когда вернулось солнце, они ослепли и ушли в землю. Мы живем по заветам старших.

— Но ведь можно жить под солнцем. Я ведь жила.

— Можно. Только к чему это?

Сандра не нашлась что ответить. Довод, что живя в городе легче найти донора, не мог выглядеть для белокожих кровопийц убедительно. Если её спутники веками живут под землей, значит, как-то они умудряются исправно находить свежую кровь.

— Однажды и я поделилась своей кровью, — призналась она Амертат.

— Правда? С кем же?

— С одним тяжело больным принцем. Не дай я ему своей крови, он умер бы в доме моего отца.

— Королевскую кровь принца разбавили кровью простолюдинки? — с вызовом усмехнулась Амертат. Она откуда-то знала, чем можно задеть честь внучки крепостного крестьянина.

— Его династия утратила трон, — сквозь зубы произнесла Сандра. — Он никогда не будет править.

— Пусть так. Но есть закон — ни одному альвару нельзя отдавать свою кровь.

— Я сделала это, когда ещё не была такой.

— Тогда ты не должна была получить вечную жизнь.

Это прозвучало как укор и угроза. Кажется, с каждым днём альвары всё меньше считали Сандру нормальной кровопийцей.

— Кто дал тебе вторую жизнь? — продолжала допытываться Амертат.

— Мой муж — не задумываясь, ответила Сандра, — он убил меня из интереса, оживу ли я.

— Он просил за тебя?

— Кого просил? — непонимающе переспросила она.

— Он альвар как и мы, не так ли?

— Не так. Он мёртв.

— Значит, ты приглянулась кому-то. Интересно чём?

И снова Сандра не поняла её усмешки.

43

Подземелье гудело изнутри, со всех сторон, будто началось землетрясение. Никто не стал объяснять Сандре, что это значит. Впереди над головами показался маленький островок света. Он слепил глаза, но Сандра шла к нему, не останавливаясь. Она протянула руки к светилу, но ладони поймали пустоту. Кожей она ощутила землю, влагу и траву. Сандра напрягла все мускулы тела и выкарабкалась наружу.

Рассеянный свет с непривычки слепил глаза. Немного придя в себя, Сандра огляделась. Над головой густые кроны высоких деревьев скрывали солнце. Лучи света едва достигали земли. В этом необъятном тёмном лесу не слышалось ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Когда-то испытательный батальон старательно обходил стороной такие леса…

Из звериной норы под деревом вылез и Саватий. Его одеяние предусмотрительно было вывернуто на другую сторону. Закутанный с ног до головы в чёрное покрывало, он смотрел на Сандру через узкую полоску ткани напротив глаз. Вслед за ним из подземного хода выбрались и остальные.

Игдамнай настоял, что нужно остановиться здесь и дождаться ночи, чтобы обследовать окрестности. Способ привала показался Сандре слишком странным: и мужчины и женщины принялись ловко карабкаться вверх по деревьям. Чернава быстрее всех уселась на ветку в семи метрах над землей.

— Случись что, зверь нас не достанет, — втолковывал Сандре Саватий, — а смертный побоится близко подойти. Зато мы его увидим издалека, пока он ни о чём не подозревает.

Сандре не понравился этот упор на слово «пока». Она ещё раз взглянула вверх на Чернаву и вправду не сразу её обнаружила. Завернутая в тёмную ткань, альваресса почти сливалась с толстой веткой, на которой растянулась в полный рост.

С лазаньем по деревьям у Сандры были проблемы — она никогда этого не делала. В раздумьях она решила обойти свободное дерево вокруг, дабы примериться. Сырчан, до того неохотно говоривший с ней, крикнул сверху:

— Не ходи! Там дикие чушки.

Сандра не сразу поняла, что он имеет в виду, но когда из зарослей с визгом выбежали поросята, а за ними и взрослый кабан, то в панике вцепилась в ствол и поползла вверх, лихорадочно цепляясь за ветви руками и ногами. Забраться высоко не получилось. В попытке это исправить, Сандра чуть было не опрокинулась вниз головой. Никого не развеселили её

неловкие движения, как можно было ожидать, однако никто и не вызвался ей помочь.

С наступлением ночи мужчины, как и обещали, разбрелись по лесу, дабы разведать местность. Не без труда, Сандра слезла с дерева и огляделась. В лесу было темно как в подземелье, но без труда можно было разглядеть белые фигуры в белых платьях на ветвях. Издали могло показаться, что это облачка тумана парят над землей. Забреди сюда в этот час смертный, он бы точно так подумал.

Калиопи стянула покрывало, выпустив длинные волосы до пят, и принялась их расчесывать гребнем. Сандре тут же пришла мысли, что на её кудрявой голове уже должно было сваляться гнездо. Но ни расчески, ни гребня у неё не было с тех пор, как она покинула штаб батальона.

— Вот бы омыться, — жалобно протянула Чернава.

И действительно, неизвестно сколько времени прошло с тех пор, как они пустились в путешествие. Сандра уже не ощущала грязи, мела и пота на теле, лишь чувствовала, как тело ссыхается изнутри от потери влаги. Только голос разума говорил, что не лишним бы стало соблюдение личной гигиены.

На следующую ночь это пожелание осуществилось. Ромоло указал женщинам путь к ближайшему озеру и впятером они двинулись к водоёму. Озеро раскинулось рядом с лесом, а впереди за его гладью можно было разглядеть долину и огни людских жилищ.

Женщины поспешили разоблачиться и окунуться в тёплые воды летнего озера. Это долгожданно события ознаменовалось радостным смехом: альваресы плавали, ныряли и плескались как малые дети — так долго они ждали этого момента.

На фоне Амертат, Лусинэ, Чернавы и Калиопи Сандра ощутила себя гадким утёнком. Как на подбор стройные тела и округлые формы смотрелись куда выигрышнее её плоского тела. Их длинные волосы струились по изящным спинам, у кого до пояса, а у кого и до самых пят. У Сандры же намоченные кудри едва распрямились до лопаток.

Вдруг что-то обвило её лодыжку и потянуло на дно. Сандра не успела вскрикнуть, как оказалась под водой. Она барахталась и дергалась, пока не поняла, что так наверняка утонет. Замерев, Сандра посмотрела вниз — за ногу её держала Чернава. Если это была шутка, то крайне неудачная. Но женщина не отпускала Сандру, а только тянула всё глубже вниз. Когда Сандра поняла, что больше не может дышать, перед глазами всё потемнело.

Кто-то давил ей на плечи. Сквозь пелену забытья Сандра увидела, как Чернава серьёзно смотрит на неё и что-то

показывает жестом — прикрывает ладонью нос и рот. Если это означало «не дыши», то Сандра безропотно подчинилась этому ещё минуту назад. Прошла ещё минута, а Чернава висела на шее у Сандры, не давая ей вынырнуть. С удивлением для самой себя Сандра поняла, что рефлексы ослабли, и она больше не порывается наглотаться воды. Чернава всё это время была рядом и тоже не дышала. Когда вдвоём они, наконец, вынырнули, Сандра не стала ругаться. Она была настолько озадачена произошедшим, что ей стало не до криков. Значит, бессмертным людям не нужен воздух и теперь можно плавать под водой, не боясь утонуть.

— Какая ты странная, — говорила Чернава, — ничего не знаешь, ничего не умеешь. Как так жить, да ещё среди смертных?..

В сердцах Сандра, хотела ответить ей колкостью, но промолчала. Чернава права. Ни Даниэль, ни отец, никто не говорил ей, что значит быть неуязвимой. Они и сами не догадывались, что у её тела больше нет слабых мест.

Чернава поплыла к берегу. Смотря ей вслед, Сандра заметила, как Лусинэ уселась на камне у берега и старательно вычесывала гребнем свои белые волосы. Калиопи была занята тем же самым, но не выходя из воды. Кажется, она тихо напевала чарующий протяжный мотив.

А Сандра в нерешительность так и стояла по пояс в воде за скалистым камнем. И все-таки, ей были не по душе женские компании. Связистки казались глупыми девками, но белые дамы оказались слишком рассудительными и много знающими. Они куда старше Сандры, если не сказать, древнее. И от этого порой было не по себе.

— Не бойся неизведанного, — раздалось рядом. Это была Амертат. — Всё возможно, ничто не запретно.

Её волосы оказались совсем не белыми, а скорее пепельно-серыми, слегка вьющимися. Но вот что странно: в свете неполной луны Сандра, наконец, смогла разглядеть её лицо. Голос Амертат звучал, но губы её не шевелились.

Сандра хотела было спросить, не обманывают ли её зрение, но Амертат остановила её, прикоснувшись к плечу. Женщина улыбалась и зачем-то ощупывала Сандру, как когда-то Ромоло. Когда ладони Амертат принялись поглаживать её бедра, Сандра не шевелясь вопросительно смотрела ей в глаза. В них гуляла усмешка и лукавство, а руки продолжали непристойные прикосновения, подбираясь к самому сокровенному. Когда Амертат склонилась, чтобы приникнуть губами к губам, её соски уперлись в грудь Сандры. Этого она не стерпела и резко

оттолкнула нахалку за плечи, от чего та бултыхнулась в воду, а вынырнув, залилась смехом. А в голове Сандры звучало:

— У тебя фигура юноши, а желания женщины.

— А у тебя были сомнения? — оскорбленно прикрикнула Сандра, — идиотка!

— У тебя природа мужчины. Он в тебе — и Амертат коснулась указательным пальцем лба Сандры, отчего та дернулась в сторону. — Он внутри. Ты скоро сама его увидишь. Посреди груд мертвецов он придёт к тебе, чтоб всадить нож в сердце.

— Вы что, все сегодня хотите надо мной поиздеваться?! — рассердилась Сандра. — Так у вас принято?

— Алека-Алека, — зазывающее крикнула ей с берега Калиопи.

Она показала Сандре гребень, давая понять, что хочет помочь расчесать её гриву. Хоть кто-то протягивал руку помощи, когда одни тащат на дно, а другие пытаются совратить…

Сандра уже была готова подплыть к Калиопи, но вовремя остановилась. Взоры женщин у берега вмиг уставились в одну точку. Там в траве кто-то сидел.

Амертат тут же шепнула Сандре, если это был шепот, а не безголосое внушение:

— Позови его. Скажи, чтобы шёл к нам.

Сандра и не думала никого звать. Она так и не поняла, что происходит, пока не разглядела, что в траве прячется молодой парень. Выходит, этот охальник сидел там всё это время и смотрел на голых девиц, что плещутся в озере! Только почему-то Лусинэ и Калиопи размахивали руками, но не гнали его, а напротив, зазывали к озеру.

На лице парня отразилось невиданное удивление и оторопь. Завороженный, он поддался уговорам и подошёл ближе, к самому берегу озера. Лусинэ уже спрыгнула с камня и вместе с Калиопи продолжала манить его в воду. Стоило ему нерешительно стянуть с себя рубашку, как женщины подпрыгнули в воде, вцепились ему в руки и опрокинули в озеро, весело смеясь. Бедняга тут же вынырнул и, запыхавшись, стал оглядываться по сторонам. Белянки вмиг окружили его, мило улыбаясь и протягивая руки к юношескому телу. Вода едва скрывала их белые груди, и очарованный парень сомлел в их нежных объятьях и больше не сопротивлялся.

Амертат игриво кинула Сандре:

— Давай, плывем к нему, раз ты любишь как женщина.

— Нет уж, развратничай сама, — буркнула Сандра и погрузилась в воду с головой, чтобы отплыть к середине озера.

Так произошло ещё одно разочарование в людях. Что молодые связистки, что старые альваресса — помыслы одни и те же, даже противно и неинтересно. Зато плавать под водой и не дышать оказалось увлекательным занятием. А ведь до этого дня Сандра даже не умела плавать.

Когда она вернулась и вынырнула у камня, то застала такую картину: припертый спиной к берегу юноша сносил ласки белых соблазнительниц. Они смеялись, и щекотали его, от чего бедняге приходилось задыхаться от смеха. В этом переплетении белых тел вокруг, кто-то целовал его, кто-то гладил. Кто-то укусил. Парень взвыл. Он принялся вырываться, но восемь цепких белых рук не отпускали его. Чернава уже вылизывала кровоточащую рану, а Лусинэ приставила острие гребня к юношеской груди. Парень вцепился в её руку, пытался отвести опасное орудие, но не смог — вторая бестия присосалась к молодому телу. К ней присоединилась третья озерная пьявка, и четвертая. От страха парень больше не сопротивлялся и вверил себя обольстительницам без остатка. Только Сандры не хватало в этой идиллической компании. Как же она ошиблась в истинных намерениях женщин — инстинкт кровопийства оказался для них главнее полового — взыграли на втором, чтобы удовлетворить первый.

Она поплыла к берегу под водой, как аллигатор плывет к своей жертве, что беспечно стоит у водопоя. За ногу она утянула парня в воду, и никто не успел вытащить его обратно. Когда Сандра выпустила его, а затем вынырнула сама, то увидела, как несчастный выбрался на берег, сгрёб свою одежду и пулей рванул к селению. Душа Сандры тихо ликовала.

Стоило ей самой вылезти из воды на сушу, как на Сандру уставились три злых и хищных пары глаз. Калиопи, Чернава и Лусинэ были явно недовольны прерванной трапезой.

— Вы что творите, упырицы? — с нажимом вопросила Сандра, ибо вины за собой не чувствовала. — Он один, а вас четверо. Вы хоть подумали, что бы с ним стало? Да он бы на следующий день помер от обескровливания.

— К чему столько волнений? — раздались в голове певучие слова Амертат, а Сандре подумалось, что же в этот момент слышат другие женщины? Или Амертат передает мысли только одной ей? — Ты могла бы присоединиться к нам. Мы все хотели с тобой поделиться.

— Да плевать, что вы хотели! Я не душегуб, чтобы в этом участвовать, да ещё потакать. Да, Чернава, я не стану это терпеть, так что не смотри на меня так.

Праздник души и тела резко окончился. Женщины принялись

одеваться и в полном молчании готовились идти обратно к лесу, как тишину разрезал вскрик Лусинэ. Оказалось, незадачливый парень в неразберихе утащил с собой её гребень.

Как не успокаивали Лусинэ, но женщина была на грани истерики. С её-то богатой копной волос и отсутствием гребля, от этой копны вскоре могло мало что остаться.

В эту же ночь она выследила беглеца в ближайшей деревне. До рассвета Лусинэ ходила вокруг его дома и стучала в двери и окна. Наверное, жильцам дома было не по себе видеть в окне белое лицо незнакомки. Но Лусинэ проделывала это каждую ночь, пока Ромоло на всякий случай поджидал её на окраине селения. Все собаки в деревни принимались дико выть в своих дворах, пока альвары не уходили прочь. Лишь одна дворняга осмелилась бежать за ними и заливисто лаять, но даже она не решалась кинуться и покусать чужаков.

Через пять дней какая-то пожилая женщина пришла к реке. Как распознала Сандра, она причитала на галицийском диалекте, какой непутевый у неё сын, совсем отпал от заветов предков, раз не знает, что у русалок ничего брать нельзя. А потом она положила гребень в траву у камня и быстро кинулась бежать в сторону деревни. С наступлением сумерек счастливая Лусинэ забрала свою вещицу, и компания смогла продолжить своё путешествие дальше на запад.

Женщины устроили Сандре нечто вроде бойкота, да и она не спешила налаживать с ними отношения — слишком памятен был их кровожадный поступок. Но терзало Сандру и другое. Однажды она набралась смелости и спросила Танасиса:

— Кто такая Амертат? Расскажи мне о ней.

— Она знающая и нездешняя. Чужая. Никогда не жила в нашей обители.

— А остальные?

— Они жили над обителью, пока были смертны, и спустились вниз, когда переродились. Они не приходили и не уходили, всегда оставались рядом. А она родом из других земель и городов. И никто не знает, зачем пришла к нам. Многие приходят и уходят по чёрным дорогам. А она зачем-то осталась.

— Я тоже пришла, — на всякий случай напомнила Сандра.

— Ты пришла сверху. Вернувшихся мы всегда принимаем и помогаем, таков завет изначальных времен.

Сандра не стала возражать, что никуда не возвращалась и под землю спустилась впервые в жизни с подачи Саватия. Она лишь доверительно спросила:

— Тебе не нравится Амертат?

— Её тело бело, но нутро черно как и всё вокруг. Она

поклоняется огню. Никто кроме неё не подходит к кострищам. Никто не охотится за блуждающими огнями, только она.

— На каком языке она говорит с тобой?

— Языке моих отцов. И ты слышишь её голос без слов. Это старое забытое искусство, мало кто им теперь пользуется. А она помнит.

— Но как она может знать мои мысли и моё прошлое?

— Огонь ей показывает, — ответил Танасис и более не сказал ничего.

Днём, когда все залегли отдыхать на ветвях, Сандра имела возможность убедиться, что способности Амертат выходят за грань причудливого общения без слов. В лесу объявился человек. Он ходил меж деревьев с лукошком в руках и не думал замечать, что с высоты за ним наблюдает десять пар глаз — он был занят своими житейскими делами. Но вдруг что-то изменилось в его поведении. Зачем-то он принялся ходить кругами у тех самых деревьев, что облюбовали белые странники. Сандре показалось, что он что-то заподозрил, и опасливо замерла на ветви. Но человек и не думал поднимать глаз. Он ходил и ходил по одному и тому же замкнутому маршруту, не в силах свернуть на тропинку и уйти подальше от альварской лёжки. Вдруг он остановился, зачем-то стал снимать с себя одежду, выворачивая её наизнанку, и потом снова одевать. Пока он стоял на месте, Сандра с удивлением для себя заметила, что в полуметре над его головой парит тень, чёрное пятно, небольшое, но слишком тёмное. Оно неукоснительно следовало за человеком, а может и само водило его. Так бы и продолжалось это кружение, если бы на тропинку не вышла пожилая женщина. Пятно дернулось к ней, отпустило мужчину и тут же пропало, словно растворилось. Человек чертыхнулся, сказал старухе, что нечистая сила водит его по лесу. На этом люди спокойно покинули лес. А Сандра взглянула на ветвь, где расположилась Амертат. Из-под чёрного покрывала высунулась белая рука и поманила кого-то невидимого. Сандра не поняла в чём дело, пока знакомое чёрное пятно не подлетело и не улеглось на ладонь Амертат. Женщина тут же сомкнула пальцы, и рука её исчезла под покрывалом.

44

С наступлением сумерек компания двинулась дальше. Амертат безошибочно подвела попутчиков к месту обвала земли, за которым лежал тоннель. И снова чернота подземелий и снова долгий поход, где и глазу не за что зацепиться — всё единообразно и скучно.

— Чтобы видеть темноту нужно долго учиться, — наущала Сандру Амертат. — Но я могу помочь тебе. Хочешь?

Да, Сандра хотела. Она устала быть слепым котёнком, которого тащат за руку по непонятным незнакомым местам. Нет ничего хуже зависимости от чужого опыта.

— Ты слаба, — вешала Амертат, голосом ласкающим слух, — сними с шеи свой шнурок, он опоясывает тебя. Он душит.

Сандра не сразу поняла, что она имеет в виду, пока инстинктивно не нащупала цепочку с нательным крестом. Всю свою жизнь с момента крещения Сандра не снимала его. Никогда. Может, она уже давно не крепка в своей вере, но совет Амертат навел её на тревожные раздумья. Сразу вспомнились сказки из детства, что рассказывала тётя Агапея. В них только нечисть решалась на подобные просьбы, лишь бы погубить глупца. Но ведь Амертат не нечисть, она такая же кровопийца, как и сама Сандра, просто долго живёт под землей и знает многие секреты такого существования.

Сандра послушно сняла цепочку с крестом и положила её в карман. В то же миг рядом с ней внезапно появился голубой огонёк. Он подлетел совсем близко к Сандре и завис около левого плеча.

— Не бойся его, — наущала Амертат. — Он в помощь.

Не без сомнения, но Сандра послушалась и не стала сопротивляться. Огонёк пропал из её поля зрения и в руке неприятно кольнуло. Словно разряд тока пробежал по позвоночнику. Вот только всё вокруг по-прежнему оставалось черно.

— Если не видишь открытыми глазами, тогда закрой их и зри.

Что за странный совет? Как насмехательство. Устало Сандра опустила веки и в этот миг всё вокруг переменилось. Она увидела Амертат, очертания её фигуры подобно тонкому контуру, светящемуся на фоне черноты. В нём не разглядеть лица, лишь стан и движения. Но этого было более чем достаточно, чтобы не цепляться всё время за руку Саватия. Теперь Сандра могла идти сама без оглядки и понуканий, куда бы ни захотелось.

Сандра попыталась сосредоточиться на образах, возникающих то тут, то там, и они изумляли её и даже пугали. По земле и стенам бегали ящерки с очертаниями самых разных цветов: синие, красные, зеленые золотистые, с россыпью крапинок на спинах и полосками вдоль хребта. В ущелье затаился клубок змей, таких крупных, что от одного их вида становилось не по себе.

— Полоз спит, — мечтательно заметила Амертат.

— Так они настоящие? — в ужасе спросила Сандра, ибо не подозревала, что темнота может скрывать таких огромных гадов.

— Открытыми глазами их не увидеть, — парировала Амертат, — и кожей их не ощутить. Если они сами не захотят.

— А могут?

— Дваждырожденным они не опасны.

— Как и огоньки, которые ты ловишь? — внезапно вспомнилось Сандре. — Зачем они тебе? Это с их помощью ты обманываешь смертных, заставляешь их плутать в лесу?

Но Амертат не стала отвечать, а только заливисто рассмеялась.

В одну из ночей, проведённых на поверхности, Сандра любовалась на удивительное и пугающее зрелище. Была страшная сухая гроза и молния била в землю, неизменно, раз за разом в одно и то же место. Один удар, второй, третий… десятый. Сандра заворожено наблюдала за этим буйством стихии и гадала, что же такое лежит в земле и притягивает молнии одну за другой.

— И-ида, — неожиданно рядом с ней протянула Амертат, — какая страшная смерть.

Сандра вздрогнула. Она не ожидала, что чужой человек помнёт имя некогда близкой ей тёти Ида.

— Как ей было страшно проснуться под землей в своей могиле, — продолжала вещать Амертат.

— Что ты такое говоришь? — испугано вопросила Сандра. — Она умерла от тяжелой болезни.

— Откуда ты знаешь? — Губы Амертат растянулись в противной самодовольной улыбке, а голос в голове Сандры продолжал ласково изрекать, — В ту пору было так много спящих людей. Но никто не дождался, когда они проснутся. И их всех зарыли в землю.

— Замолчи, — с нажимом процедила Сандра, — не надо мне твоих откровений.

Наверху царила осень и приближалась зима. Навигационный навык изменил Танасису. Уже второй месяц десять альваров блуждали по земной поверхности не в силах найти ни одной земляной норы, чтобы спуститься вниз. Они остались без

укрытия, без возможности спрятаться от яркого солнца и людей. Днюя в лесной чаще, они безнадёжно отстали от стремительно удаляющейся линии фронта. Поблизости раскинулись людские селения и, несмотря на активные протесты Сандры, со дня на день кровопийцы готовились наведаться к смертным, пока не повстречали в лесу одинокую корову. Глупая скотина отбилась от стада, и решила заночевать на окраине леса. Кажется, безалаберные хозяева даже не порывались искать заблудшую. Корова стояла под деревом, апатично жевала траву и с глупым равнодушием глядела на обступивших её людей в белых одеждах. Она не пыталась убежать, лягнуть или замычать, когда ей рассекли шкуру по бокам. Оголодавшие кровопийцы были рады и крови животного, тем более что оно не возражало. Только когда альвары до отказа набили животы малополезной, но всё же кровью, безжизненная туша завалилась на бок. Сандре подумалось, что на следующий день мертвое животное найдут её нерадивые хозяева и станут гадать, почему их скотина померла от десятка царапин на боках. Но виновников её кончины здесь уже не будет.

С началом снегопадов коровы перестали разгуливать по окрестностям сёл. С другой стороны, и продвижение фронта существенно затормозилось. С наступлением метелей можно было без труда ходить в дневной мгле и скрываться от замешкавшихся пехотинцев за завесой снега и ветра. Когда они теряют силы и падают на снег, так лёгко подойти к ним, положить ладонь на холодеющее лицо и пообещать приятный сон под вой пурги. Единственное, что согревало альваров в такое ненастье, была остывающая человеческая кровь. Теперь Сандра поняла, что случалось с теми, кто отставал от колонны и замерзал в русских снегах. Они погибали не в одиночестве.

— Мы же не умрем от холода? — в надежде спрашивала Сандра, пытаясь закутаться в легкое покрывало.

— Никто из нас не умирает, — буркнул Танасис. — Те, кто ложится в снег, оттаивают весной. Но мы не станем лежать.

Его категоричность вселяла уверенность, а вскоре на белом снежном покрывале путникам встретились чёрные пятна провалов земли. От них поднимался пар, а значит, внизу было куда теплее. Наконец, альвары нашли спасительный вход в подземелье, где, невзирая на времена года, всегда было тепло.

Зимнее путешествие обернулось для Сандры унылым чередованием тоннелей, кишащими разноцветными огоньками, и утомительными спусками и подъёмами наверх. Прошёл год, как она узнала, кем является на самом деле. За это время, она увидела много удивительных вещей, но не узнала ничего нового о

своих спутниках. Да и никто из них за всё это время даже не пытался расспрашивать её, какова она теперь, жизнь на поверхности земли. Их устраивало виденное по ночам и осознание, что сейчас идёт самая страшная война, приносящая для них вдоволь пропитания.

Их отшельническая жизнь так и не стала понятной и близкой самой Сандре. Кроме слов: «В этой черноте только наши белые тела разбавляют тьму. Здесь всегда покой. Нет раньше, нет позже. Нет вчера, нет сегодня», — ничего вразумительного ей больше не отвечали. Сандра только и ждала дня, когда закончится война, чтобы покинуть этот унылый мир и вернуться домой.

— Кто даровал тебе вторую жизнь? — внезапно спросила её Амертат.

— Тот же, кто и отнял первую. Мой муж. Я уже говорила об этом тебе.

— Почему-то ты не врешь, — озадачено констатировала Амертат, — но говоришь явную чушь.

— Почему чушь? — оскорбилась было Сандра.

— Потому что так не может быть.

Когда до Сандры дошел смысл её слов, она ужаснулась. А ведь и вправду, смертный не может дать бессмертия, как рожденный ползать никогда не сможет летать. Что-то случилось в жизни Сандры неправильное и противное всем законам природы. И как с этим жить среди кровопийц, которые явно понимают, что она им не ровня, Сандра не знала.

— А как может быть? — спросила она, — кто даёт нам вечную жизнь?

— Этот секрет не нашего круга, — призналась Амертат, многозначительно указав пальцем вниз.

И снова этот намёк, что в подземельях есть кто-то ещё. Ещё один нижний этаж, ещё одна цивилизация. Сандра не могла не поинтересоваться:

— Они хотя бы не пьют нашу кровь?

Амертат залилась противным смехом.

— Ты боишься? Хуже того, что с нами стало, они уже не сделают. Мы и так на самом дне, дальше некуда стремиться. Им лишь интересно наблюдать за нами и играть со смертными. Или смотреть, как мы с ними играем. Это ведь забавно, ты же знаешь.

Сандра сделала пару шагов назад, пятясь от Амертат. Нет, она не знала.

Альвары — это эксперимент тех, кто живёт внизу? Откуда в подземелье столько блуждающих огоньков? Почему они обгоняют альваров и стремятся на северо-запад? Кто они на самом деле, зачем им лететь в Германию? Почему все вокруг такое злобное и

пугающее? Стоит закрыть глаза, как призрачные птицы летят в лицо, будто хотят выклевать глаза.

От этих видений можно было спастись только наверху. А там наступила весна. На ледяной корке озера зияла аккуратная круглая дыра. От воды валил пар, а полынья начала замерзать. Значит, дело не в горячем ключе. Это блуждающий огонёк не так давно нырнул или вынырнул из озера — Сандра успела изучить их повадки.

Когда льды сошли, у Сырчана появилась странная идея переплывать водоемы, чтобы срезать путь по суше. Подземные ходы в этих местах оказались сильно порушенными и подтопленными грунтовыми водами, и потому пришлось согласиться с его планом.

На берегу озера стояла лодка. Под покровом тумана Сырчан переправлял соплеменников на другой берег. Когда лодка с Сандрой и Саватием доплыла до середины озера, туман стал отступать. Можно было разглядеть берег и людей около него. Это были солдаты в незнакомой Сандре форме, и они внимательно смотрели на лодку.

— Они же нас заметили — взволнованно прошептала она.

— Пускай, — буркнул Сырчан. — Всё равно не уразумеют, что зрят.

Действительно, никто не кинулся в их сторону — солдаты стояли как вкопанные, а волна тумана, вновь скрыла лодку от глаз смертных.

Что могли подумать смертные, видя, как в тумане появляется лодка с человеческими фигурами в белых одеяниях? Не иначе как приняли альваров за призраков. На их бы месте Сандра подумала бы именно так.

Незнакомая военная форма натолкнула Сандру на мысль, что её компания давно покинула пределы России. Где они сейчас? В Румынии? В Польше? Далеко ли ещё до Баварии?

— Мы в землях гуннов, — объяснила всезнающая Амертат, когда они устроили привал в подземном зале. — Вот куда ушли твои родичи, Шавфай, — насмешливо кинула она Саватию. — Потомки тех, кто остался тверд в своей вере, сейчас уезжают на север. Не все из них вернутся обратно.

Сандра не понимала, о чём она говорит, тем более не понимала, почему она называет Саватия другим именем. Или он обманул её и его действительно зовут Шавфай?

Наверху раздался глухой гул, и вмиг по стенам разлилось фиолетовое свечение. Оно обволакивало своей переливающейся паутиной весь зал, но не трогало людей и совсем не резало глаз.

— Это небесный огонь вошёл в землю и спустился к нам, —

объяснил Саватий.

Раньше Сандра и подумать не могла, что бьющая в землю молния не пропадает вовсе, а уходит глубоко вниз, чтобы и подземные люди смогли ею любоваться.

На кончиках пальцев сгустились капельки света. Стоило Сандре тряхнуть кистью, как искры упали на землю и исчезли — наверное, устремились дальше вниз. Такое электричество не било и не щипало. Пройдя сквозь земную твердь, оно очистилось от грубой силы и стало мягким. И это не могло не вызвать восхищения.

Чем дальше альвары шли на запад, тем больше подземных чудес являлось их глазам. Стены одного коридора излучали зеленый свет, такой сильный, что Сандра отчетливо видела лица своих спутников открытыми глазами. Впереди показались каменные ступени. Они искрились красными и огненными бликами, и ступать по ним было странно и опасливо. Но затем произошло и вовсе сюрреалистическое событие — из глубины стены полилась органная музыка.

— Старый Философ здесь, — объявила Амертат. — он приютит нас.

С чего вдруг она была в этом так уверена, Сандра не знала. Когда в зелёном коридоре показалась белая фигура, все сомнения отошли на второй план. Старый Философ был и вправду стар — белая борода по пояс скрывала многочисленные морщины на лице. Сандра и подумать не могла, что получить вечную жизнь мог и пожилой человек, ведь все её спутники выглядели не старше сорока лет. Философу же на вид можно было дать все восемьдесят.

Заметив Сандру, он тут же подошёл к ней. На его старческом лице светилась улыбка.

— Вот и ты, дитя, — прохрипел он слабым голосом по-немецки, — дитя Солнца и Луны. Может ли так быть — Луна и Солнце в нашем-то нижнем мире?

Сандра стояла как вкопанная, не решаясь пошевелиться. С одной стороны, старик казался ей выжившим из ума, с другой — не хотелось его расстраивать — пусть и дальше несёт свою чушь. Странно только то, что он как и Амертат знал на каком языке с ней говорить.

— В одном теле две природы, — продолжал восхищаться он. — Ты и мужчина и женщина, а в сути никто. Ты андрогин и ты гомункул. Ты вершина искусства королей. Кто же тот философ, что дал тебе вторую жизнь?

Сандра не собиралась отвечать. Уж очень ей было неприятно всё это слушать. За кого Старый Философ её принимает? Почему

и он упорно считает её полу-мужчиной? Что они с Амертат вообще задумали?

Пока над землей грохотала артиллерия, никто из альваров не решался подняться наверх. Старый Философ уверял, что над их головами лежит большой город. Стало быть, в уличных боях будет множество раненых. Старый хитрец поделился с Игдамнаем секретом, как из подземного коридора подняться в ещё один коридор, а из него — пробраться в подвалы людских домов.

Спрятавшись от настырного старика в одном из тёмных ходов, Сандра закрыла глаза. Перед внутренним взором мелькали цветастые ящерки, которые бежали куда-то прочь, но строго друг за другом.

— Алека-Алека, — позвала её Калиопи.

Сандра обернулась. Женский силуэт махал ей рукой. Она пошла за Калиопи, и что удивительно, ящерки бежали в том же направлении.

— Куда ты меня ведёшь? — спрашивала Сандра, не надеясь получить ответ.

— Фонтан. Нектар, — только и выговорила Калиопи.

Они вошли в просторный зал, где успели собраться и остальные.

— Вот, дитя, — радостно протянул к Сандре руки Старый Философ, — вкуси от источника жизни. Он дарует тебе вечное бытие.

— Оно у меня и так есть, — заметила Сандра.

— Конечно. Но что есть жизнь вечная без мимолетного наслаждения?

И он повел её в середину зала, туда, где стоял фонтан выше человеческого роста. С потолка к нему стекали золотистые капли, они падали искрящимися ручьями в каскад из семи чаш. Сандра не могла налюбоваться на это великолепие. Но стоило ей открыть глаза — вокруг Сандру окутывала лишь чернота. Но внутренний взор являл ей цветастую картину, где каждый мог подойти к чаше, зачерпнуть ладонью волшебную влагу и испить её. Что если этот источник подобен тому светящемуся подземному озеру, что исцелил Сандру от обморожения? Какое же наслаждение могут подарить золотые капли?

Завороженная фантастическим зрелищем, она нерешительно шаг за шагом подступала ближе. «Боже…» — раздался голос в пустоте. Действительно, это божественное зрелище, только Всевышнему подвластны такие чудеса. «Господи… помоги…» — продолжал увещевать бесплотный голос. И Сандра опустилась на колени, чтобы впервые за долгие годы помолиться и поблагодарить Спасителя за явленую ей милость и чудо.

Но стоило Сандре перекреститься, как что-то с грохотом рвануло над её правым плечом и рассыпалось искрами. Эти искры дали свет, от которого заслепило в глазах. В этот недолгий миг Сандра успела отчетливо увидеть то, что неумолимо врезалось в память: к огромному сталагмиту вверх ногами был привязан человек, вокруг которого столпилось с десяток кровопийц. Кто-то приник к одной ноге, кто-то к другой, к руке, шей, порезу на груди, спине, животе. Все они жадно пили, вылизывали сочащуюся кровь. И с каждым ударом его сердца её оставалось всё меньше. Сандра разглядела его растерзанную военную форму и поняла — он красноармеец. «Господи… помилуй меня… грешного… спаси…», — были его последние слова.

Сандра закричала, бессвязно, во весь голос, от отчаяния и боли внутри. Перемазанные кровью белые лица успели обернуться к ней, прежде чем искры погасли.

— Господи… да что же это? — в бессилии рыдала она в темноте. — Зачем?..

Долгое время она приникала к ранам погибающих воинов, но никогда не тронула ни одного советского солдата. С тех самых пор как она увидела голодные звериные глаза юноши в рижском лагере, она бы никогда не посмела сделать больно ни одному из них, ни одному. А кровопийцы… Они его убивали, выпивали, как бессловесную скотину.

— Тише, дитя, — наущал Старый Философ, — не надо слёз. Просто вкуси и ощути силу внутри себя.

Сандра и не думала поддаваться. В ней кипела ярость, какой она не знала никогда. Ей хотелось поколотить всех и каждого до кого дотянется. Она в злобе оттолкнула Старого Философа, посмевшего положить ей руку на плечо, и закричала:

— Да кто вы все такие!? Что вы делаете? — С этими словами она принялась расталкивать недавних компаньонов от солдата. — Мальчик, потерпи, я отвяжу тебя, ты слышишь?

Но он уже не мог ничего ответить.

— Господи-Господи… — бессильно шептала Сандра, касаясь пальцами его застывшего лица.

И тут она вспомнила. Вспомнила, как поддалась дьявольскому искушению, наущению Амертат, снять крест, чтобы увидеть призрачные иллюзии в темноте, видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть на самом деле. Цепочка оказалась на месте, в кармане. Не мешкая ни секунды, Сандра натянула её на шею.

— Успокойся, Александра, — раздался в голове голос Амертат, — не нужно истерик на пустом месте. Мы все здесь пьём кровь смертных. И ты тоже пьёшь…

— Убирайся из моей головы, ведьма! За всю свою жизнь, я не

убила ни одного человека, слышишь, дрянь, ни одного! Целый год была на линии фронта, но и там не отняла ничьей жизни… Да вы все здесь хуже карателей! Для вас что человек, что скотина — совсем не видите разницы?!

Почему же она так поздно поняла их истинную природу и намерения. Для белокожих кровопийц люди лишь пища. Им не придёт в голову, что со смертными можно водить дружбу или любить их — только кровь, остального для них не существует вовсе. К чему же все эти заверения, что все альвары одинаковы и их кровопийская природа едина? К чему обман? А ведь Сандру чуть не подвигли поучаствовать в этом кровавом пиру. И всё же она не такая, у неё кожа не белая и мысли не чёрные.

Спотыкаясь и ударяясь о стены, Сандра бежала прочь, не зная куда, лишь бы подальше, прочь от этих упырей, что охотятся за кровью смертных в ночи. Впереди мелькали блуждающие огоньки, Сандра в страхе крестилась и они отступали. Стало быть, всё здесь внизу есть дьявольское порождение. Все эти подземелья и есть преддверие преисподней.

В темноте раздался странный свист. Он звучал как осмысленный говор неких существ, что прячутся в подземелье. Неужто это и есть те, кто живёт ещё ниже? И они пришли за ней. Когда свист смолк, по земле пронесся цокот копыт. Сандра чувствовала кожей, что кто-то бежит за ней, но на двух задних ногах — по-человечьи. Но ведь у человека не может быть копыт. Но тех нелюдей было много, и они гнались следом, а Сандра чувствовала, как они хватают её за покрывало и пытаются его сорвать. Все время, что Сандра бежала без оглядки и остановки, по её щекам бежали холодные слезы, и с замирающим сердцем она непрестанно читала молитвы, все, какие знала:

— … избави меня от всех навет вражьих… от всякого колдовства… волшебства, чародейства и от лукавых человек… отврати и удали всякие злые нечестия, действуемые по наущению дьявола… Кто думал и делал — верни их зло обратно в преисподнюю…

45

Долгие дни, недели… Бог знает, сколько времени, Сандра слонялась по тёмным тоннелям, которых не видела, только чувствовала кожей ладоней их стены. Она решила, что больше не закроет глаза и не поддастся обману дьявольских видений. Больше она не снимет креста. За всю свою жизни, Сандра не обращалась к Небесам так часто, как теперь. Наверно и тот красноармеец тоже был атеистом, вот только в час опасности вспомнил о Боге, ибо в миг опасности, когда ты один, больше не у кого просить помощи. Теперь и Сандра просила прощения и заступничества. И её услышали.

Еле переставляя ноги от потери сил, Сандра вышла к узкому проходу, где узрела спасительный свет впереди. Он слепил глаза, не давая приблизиться. Теперь Сандра поняла, что значит стать подземным обитателем. Солнце не хотело её больше видеть. Может она успела побелеть с ног до головы? Кажется, нет, только кожа на руках немного обветрилась.

Когда солнце зашло, Сандра смогла выйти наружу. Она стояла на склоне высокой горы. Позади осталась пещера, а впереди сияли огни больших и малых городов. Но были и огни на небе, что срывались подобно звёздам и падали на землю. Выли сирены, и грохотали глухие разрывы вдали. Город бомбили.

В ужасе Сандра кинулась обратно к спасительному укрытию. Хотя, если снаряды долетят туда, она рискует остаться в заваленном камнями подземелье. Может даже, навсегда.

Так продолжалось много суток. Днём Сандра не могла выйти наружу из-за слепящего света, к которому старалась привыкнуть, ночью — из-за карающих огней с небес.

Вскоре у неё появилась компания — чёрная крыса прибежала к пещере со стороны города. Обнаружив Сандру, она упорно тыкалась мордочкой ей в руку, не кусая, но и не давая себя погладить.

— Что ты льнешь ко мне? Знаешь сколько таких, как ты перерезал мой муж? Никакие вы не завоеватели человечества. Вы нас не победите. Что вы будете делать без нас, без наших складов с едой? Просто передохните и пожрёте друг друга, а кто останется, будет бегать по полям, спасаться от птиц и зверей. Без человека вы никто, вся ваша сообразительность тут же улетучится. Неужто серые умнее вас, чёрных, а? Я видела, в России твоих сородичей прогнали со свистом. Так что бегай пока, скоро они и сюда доберутся.

Сандра сидела в пещере, с тоской глядя на освещенный

светом луг и неизвестный город вдали. С каждым днём она всё ближе подбиралась к выходу. Когда глаза привыкли к свету, Сандра сделала попытку выйти на солнце. Когда Сандра встала к нему спиной, то с облегчением поняла, что её тень осталась при ней. Подземелье кровопийц ничего у неё не украло. Теперь до неё стал доходить смысл слов Саватия. В темноте нет света, а потому и нет тени. Вот и всё что он и хотел этим сказать в их первую встречу.

Голова закружилась, и Сандра вернулась в убежище, решив, что ещё слишком рано разгуливать средь бела дня под открытым небом. А внизу раздавались голоса, звонкие и радостные. Двое детей взбирались на гору. Девочка подзадоривала мальчика, а тот не желал от неё отставать.

— Давай, заходи, — подначивала его девочка, пока они вдвоем стояли у входа в пещеру, — или боишься Крысолова?

— Не боюсь, — с вызовом кинул он своей спутнице и двинулся вперед во тьму.

— Смотри, Ганс, а то заиграет Крысолов на своей флейте и уведёт тебя.

— Нет здесь никакого Крысолова, трусиха.

— Я трусиха?! — и со смехом она кинулась внутрь, обгоняя мальчика.

— Эй, Лизель, нечего тут бегать. А то заблудишься.

Как странно, но они совсем не заметили Сандру, одиноко сидящую на камне в тени. Но она заметила их и очень внимательно слушала. Дети говорили по-немецки. Значит, она всё-таки смогла добраться до дома…

— Да, дети, — устало протянула Сандра, подивившись скрипучести собственного голоса. — Не ходите далеко в пещеру. Там и вправду опасно.

Дети вздрогнули и повернули к ней свои личики. По их выражению, Сандра поняла, что, наверное, после долгих месяцев подземной жизни, со стороны она выглядела не так ужасно, как ей самой представлялось. Наверное, и её взгляд не казался им хищным. А может, дети просто не понимали, не могли себе и представить, что грязная оборванная и голодная женщина из пещеры может быть опасна.

— А, — понимающе протянула девочка, — так вы беженка. Вам надо в ратушу. Там вас зарегистрируют, дадут карточки и устроят на работу. Моя тётя приехала из Дасселя, ей всё дали.

— А что за город там внизу?

— Хамельн.

— Хамельн-Хамельн… — повторяла Сандра, пытаясь сообразить, в какой части страны она оказалась. — Что за

Хамельн?

— Вы что? — удивленно вытаращилась на неё девочка, — никогда не слышали про хамельнского Крысолова?

— Какого крысолова? В вашем городе проблемы с крысами?

Мальчик было рассмеялся, но быстро закрыл рот ладошкой.

— В Хамельне больше нет крыс, — серьёзно объясняла ей девочка, и Сандра невольно улыбнулась, памятуя о чёрном грызуне, что бегал где-то в пещере. — Когда-то давным-давно жители города обратились к Крысолову, чтобы он изгнал всех крыс их Хамельна. И он их изгнал. Он играл на своей дудочке, и крысы шли за ним на звуки музыки, а после кидались с обрыва в реку, к которой он их заманил. Когда Крысолов выполнил свою работу, и горожане отказались заплатить ему, он заиграл на своей дудочке вновь и увёл из Хамельна всех детей. Говорят, он заманил их на эту гору, и все они скрылись в этой пещере. И больше ни детей, ни Крысолова никто не видел.

Сандра внимательно выслушала этот серьёзный рассказ и заключила:

— Я поняла. Это сказка о Пестром Флейтисте. Так?

— Это не сказка, а легенда.

Удивительно, но девочка в это действительно верила.

— А зачем вы пришли сюда? — спросила Сандра. — Вдруг Пестрый Флейтист уведёт в пещеру и вас?

— Нет никакого флейтиста, — настаивал мальчик.

— Есть, — упрямилась девочка, — даже на доме в центре города есть памятная табличка. Там написано, что он есть.

— А может флейтист совсем не пестрый? — поинтересовалась у детей Сандра. — Может он носит белую накидку?

Дети снова заспорили и сошлись только на том, что пора возвращаться домой. Девочка снова наказала Сандре зарегистрироваться в ратуше. В этом был смысл. Если ей дадут работу, то дадут продуктовые карточки. А на карточки можно выменять… разрешение проткнуть медицинской иглой вену и выпить немного крови. Да, так будет привычней, так будет правильнее, чем… Сандра даже не хотела вспоминать про белых кровопийц и их дикие нравы. Ей только оставалось надеяться, что в городе найдутся милосердные люди, кто поймёт её нужду и кому позарез нужна еда.

На следующий день выдалась облачная погода, и Сандра решилась покинуть пещеру раз и навсегда. Она спустилась в город. Это и вправду был Хамельн, а значит не так далеко лежит Ганновер, тот самый город, где вампир Фриц Хаарманн охотился на молоденьких юношей… Добраться до него оказалось не так

сложно, как блуждать по тёмным тоннелям под землей. Сложнее оказалось принять увиденное.

Чёрная копоть заслоняла небо. От горящих руин продолжал исходить жар, что нельзя было подойти к ним близко. Кварталы стали грудой камней. Стекла оплавились и растеклись по земле. Вырванные с корнем деревья валялись по обочинам. На дорогах штабелями лежали мертвые тела — дети, женщины, старики. Вот ноги, обтянутые чулками, а рядом лишь чёрная зола — тело сгорело, а ноги в чулках остались…

Это не реальность, это мираж, ожившие картины Босха. Адово пекло. Женщины… как много мертвых женщин… Повсюду горячий ветер разносит обгоревшие печатные листы — остатки библиотеки. Миллион томов погибло в эту ночь. Такого всесожжения не добились нацисты в дни, когда устраивали костры на площадях из книг «негерманского духа».

Днём небо над Германией принадлежало американским истребителям, ночью — английским. Тысячи бомб и канистр с фосфором сыпались на мирные города, где не было ни одного военного объекта. День за днём люди расставались с кровом и жизнью, а власти словно отказывались верить в кровожадность врага, жертвуя немецким народом во имя победы, которую уже не завоевать. Народ их совсем не интересовал, с трибун они лишь разорялись о порушенной архитектуре и памятниках истории. Никто не говорил, сколько человек погибло после очередной бомбежки. Оказалось, жизни людей из того самого немецкого народа не особо волновали власть имущих.

Чего хотят союзники? Разве в Ганновере так много стратегических целей? Сколько англичане и американцы разбомбили здесь казарм и заводов? Ни одного — все они надежно защищены от налета авиации, оборона может дать ощутимый отпор. Союзники бомбят жилые кварталы, потому что с воздуха безопаснее воевать с женщинами и детьми. Сколько ещё они будут продолжать это зверство? Англичане мстят за налеты на Лондон? Что ж, их месть перекрыла собственные потери в десять раз. А что нужно американцам? Они-то за что мстят?

Наверное, и Мюнхен теперь лежит в руинах. Нет больше дома, где жил профессор Юлиус Книпхоф и его внуки. Нет больше родной квартиры, нет гемотрансфузного аппарата. Больше некуда возвращаться. Негде укрыться и переночевать. Все города Германии сейчас превратились в пустыню.

На руинах горящего Ганновера Сандра разыскала представителей власти, чтобы пройти процедуру регистрации и снова стать подданной Третьей империи.

Она соврала, что её прежние документы сгорели при пожаре,

безбожно переврала своё имя и назвалась Сабиной Бильрот, потому как в тот момент думала о баварской бабушке и тёте Иде. Она сказала, что ей двадцать пять лет, и она владеет навыками оказания медицинской помощи.

Карточек Сандре не дали — их и так было мало, что не хватало выжившим горожанам, не говоря уже о пришлых. Вся Германия в этом году голодает, разве она об этом не знает? Да, за три года отсутствия в стране Сандра и вправду была не в курсе.

Вместо карточек, ей поступило предложение:

— В оздоровительном лагере неподалеку вакантно место повара. Вы ведь умеете готовить? Прекрасно. Можете ехать завтра же. Там вас ждёт полный пансион — еда и проживание.

— Что за оздоровительный лагерь? — поинтересовалась Сандра.

— Для рабочих из трудовых лагерей. Многие сейчас болеют. Туберкулез, истощение, вы понимаете…

И «Сабине Бильрот» пришлось согласиться. Ничего страшного, когда-то она готовила для Даниэля, а теперь будет делать то же самое для сотни юношей и девушек, что несли трудовую повинность, но заболели. Может быть, старые навыки медсестры ей тоже пригодятся. Лишь бы в лагере нашёлся кто-то, кто откроет перед ней вену.

И машина умчала Сандру на север, чтобы выгрузить у места будущей работы. А когда ворота лагеря затворились за её спиной, Сандра узнала, что оказалась в Берген-Белзене — ещё одном филиале ада на земле.

46

Сандру жестоко обманули. Не было никакого оздоровительного лагеря и никаких юношей и девушек, отбывающих трудовую повинность. Был один большой транзитный комплекс, куда свозили людей со всех концов завоеванных земель. А внутри — фабрика по производству синтетической резины и небольшой госпиталь.

Вот где ковалась военная машина Тысячелетней империи — в десятках таких же лагерей, где в неволе за еду трудились тысячи иностранцев с захваченных земель, особенно те, кто по закону империи не мог стать её гражданином и получить гражданские права — евреи.

Тысячи людей ютились в бараках по ночам, а днём шли работать на фабрику, и все ради того, чтоб получить на обед миску супа, кусок колбасы с хлебом и чашку суррогатного кофе. Тысячелетняя империя вела войну силами арестантов-смертников на фронте и рабов в тылу. Это даже не средневековье, это древняя деспотия.

Сандре сказали, что когда-то в самом начале в Берген-Белзене был лагерь советских военнопленных, и за год заключения почти все они погибли. Ей не нужно был объяснять, почему так вышло. Ещё через год на это место свезли заложников — иностранцев с паспортами нейтральных стран, в обмен на которых надеялись вернуть немецких солдат, попавших в плен или получить валюту. Почему-то союзников не заботила судьба этих заложников — никто не рвался спасать и выкупать их. А их все везли в лагерь и везли. Кто-то из новоприбывших жителей Венгрии пытался возмущаться на чистом немецком языке, но не повышая голоса.

— Позвольте, но почему я должен нашивать на одежду эту желтую звезду? Нет, я, конечно, понимаю, что это для моего и вашего удобства. Но ведь я не сионист. Я скажу вам больше, я приехал сюда именно потому, что я не сионист и их шестиконечная звезда не имеет ко мне никакого отношения. Я готов нашить себе семисвечник, хотя уже сорок лет не бывал в синагоге. Хотя бы букву «J».

Но пожилому господину в дорогом костюме кратко объяснили, что ради его политических воззрений порядки в лагере никто менять не будет, и он удалился со словами: «Разумеется, я так и думал».

Таких заложников как он не заставляли работать. Это было чём-то вроде привилегии для обитателей венгерского подлагеря

— их не собирали на переклички, они могли носить свою гражданскую одежду, получать улучшенное питание, жить не по распоряжениям администрации лагеря, а под самоуправлением.

Этот малый лагерь по соседству с её новым местом работы Сандра могла наблюдать каждый день через забор колючей проволоки. Там обитали люди явно не бедные. Здесь же, в оздоровительном лагере, помимо порабощенных узников встречались и самые настоящие уголовники. В отличие от батальонных убийц и насильников, эти не подчинялись никакому уставу, и повода исправляться не видели. Даже перед лицом скорой смерти от туберкулеза они старались досадить пока ещё здоровым, наплевав на все правила гигиены. Они будто нарочно старались заразить побольше людей, за что и были отосланы в Берген-Белзен со всех окрестных лагерей.

С началом работы на кухне Сандра не могла понять, как из выдаваемых со склада продуктов сварить похлебку на всех. Еды было слишком мало, а людей — много. Она не переставала жаловаться коменданту, что с тем количеством продуктов, что ей выдают, больные никогда не выздоровеют. Комендант же неустанно объяснял, что продовольствия в лагере ровно столько, чтобы не умереть с голода.

— Идёт война, госпожа Бильрот. Никто в империи сейчас не ест досыта. Пару месяцев назад англичане разбомбили овощное поле, с которого мы заготавливали припасы. Сейчас очень напряжённая ситуация, и как бы я не желал, но не могу ничего с этим поделать. Конечно же, пайки для рабочих на фабрике обильнее тех, что готовите вы для больных. Но работающие заключенные и должны лучше питаться. Подождите немного. Красный Крест должен прислать нам посылки с провизией и лекарствами.

— То есть, на помощь родного государства, нам рассчитывать не приходится?

Сандра и сама поражалась своему нахальству и полной атрофии страха перед карой за критику режима. После всего пережитого за последние три года, власти были последним, чего она боялась.

Через месяц ситуация в Берген-Белзене начала неумолимо ухудшаться. В лагерь шли эшелоны с заключенными из других мест — тех лагерей, через ворота которых уже переступила советская армия. Имперский вождь Химмлер боялся, как бы дешевая рабская сила не дослалась Советам, и потому приказал эвакуировать всех.

Прибывших было так много, что пришлось разместить их на территории оздоровительного лагеря, а больных перевести в

тесный барак на другом конце Берген-Белзена.

Сандра смотрела на новоприбывших и недоумевала: как же много среди них женщин. С этими женщинами приехали и их дети, подростки и грудные младенцы. Вот кому империя доверила ковать свою победу на фронтах войны… К чему теперь удивляться, что фронт страдал от нехватки обмундирования и амуниции. В этой бойне мир просто сошёл с ума. Победа? О ней уже никто не помышлял, все стали реалистами, все, кроме властей.

Пайки больных таяли с каждым новым эшелоном с востока. В лагерь привозили не только заводских рабов, но и самое страшное, что может поселиться в огороженном от всего мира пространстве — болезни и голод.

В один из дней на кухню оздоровительного лагеря ворвалась растрепанная женщина и принялась хватать и совать за пазуху всё съестное, что было на столе. На миг Сандра опешила от такой наглости, но быстро пришла в себя:

— Ты что делаешь?! Положи обратно!

Но женщина и не думала реагировать на её крики, а продолжала тащить еду. Сандра подскочила и принялась хватать её за руки, но женщину это только озлобило. В ответ она вцепилась в Сандру и принялась царапать ей лицо. На крики сбежалась охрана. Воровку оттащили. Сандра поднялась с пола и принялась вытаскивать брюкву из одежды заключённой, пока надзирательницы держали её за руки.

— Что же ты делаешь? — причитала Сандра. — Это для больных в госпитале. Кто ты вообще такая? Ты не из нашего подлагеря. Воруй у своих.

Женщину выволокли из кухни. Наверное, её наказали и даже побили. Таков был лагерный закон. В замкнутом сообществе нет хуже проступка, чем воровство.

По всей Германии не хватало еды. Голодали везде — в лагерях, городах, на фронте. В Ганновере Сандра видела, как недоедают дети и их родители. Она ещё слишком хорошо помнила, как в испытательном батальоне рядовые охотились за копытами мертвых лошадей и раненые готовы были есть самих себя. Сандре вспомнилось, как в ту зиму на передовой доведенный до отчаяния солдат убил другого, подозревая, что тот припрятал лишний паёк. И эта женщина тоже была готова на зверство ради еды. Вот он, основной инстинкт, что движет живым существом, обезличенный и дикий. Сандра молила, чтобы ей самой не пришлось узнать в полной мере, что это такое, чтобы не стать такой как голодные заключенные, не стать такой как белые упыри.

Сразу же по прибытии в лагерь, она нашла своего донора. От болезненного отчаяния Сандра не стала придумывать вразумительного довода, зачем ей нужна чужая кровь. Она просто задурила голову молоденькой поварихе Кларе ласковыми словами и нежными девичьими объятиями. В это ужасное время доброта от любого человека была несбыточной мечтой. Перед такой доброй душой Кларе было не жалко и отворить вены.

А с каждым днём быть лагерным поваром становилось всё опаснее. И Клара и Сандра боялись нести варево из пары-тройки брюквин на воде в барак. Чтобы истощённые пленные не накинулись на них, к женщинам приставили охрану.

По вечерам персонал лагеря собирался в своём корпусе, чтобы отвести душу в разговорах на отвлечённые темы. Но теперь все мысли были не о радужной мирной жизни.

— У больных очень много вшей, — сетовала Сандра. — А вши переносят тиф.

— В Аушвице, — поделилась надзирательница Ирма, — мы дезинфицировали одежду газом в специальной камере, чтобы вывести вшей. Так некоторые нервные заключенные стали сочинять, будто вместо вшей в камерах травят людей. Ненормальные они какие-то, с больной фантазией.

— А ещё, — подхватила её подруга, — я слышала, как они пугают друг друга электрическими ваннами. Мол, окунешься туда, а надзиратель, вроде меня, пустит ток.

— Помню, — подхватила Клара, — когда только привезли заключенных из Аушвица, их построили, стали распределять по баракам, а один упал на колени, и стал кричать, что не хочет умирать. Его подняли, заставили встать в строй, а он всё кричал, будто тех, кого отправили в первый барак, повели на расстрел. Эти заключенные сами друг друга пугают, а потом выдумывают истории пострашней.

Сандра молча соглашалась. Сколько раз в батальоне то и дело возникали дикие слухи, что война вот-вот кончится или всех распустят по домам. И главное, многие в это искренне верили. Видимо в замкнутых коллективах всегда имеется благодатная почва для распространения всяческих небылиц. Но в батальоне не выдумывали страшных предсказаний — там все и так твердо знали, что каждый день может стать последним. Здесь же люди мучились от неизвестности и неуверенности в завтрашнем дне.

А каждый день становился всё чернее. Как и боялась Сандра, за несколько недель по лагерю разнеслась эпидемия тифа. Карантинный барак был переполнен, а с востока везли все новых и новых заключенных. Комендант слал телеграммы в Берлин. Он просил, умолял, не пересылать в Берген-Белзен заключённых и

отправить в лагерь больше еды и лекарств. Но высокое начальство ему категорически отказало. Чего бы не опасался Химмлер, но прибывшие в лагерь уже не могли работать ни на Третью империю, ни на Советы. Их было втрое больше, чем мог выдержать лагерь. И всем им не хватало крова и еды.

Сыпной тиф был предзнаменованием конца войны, как когда-то «испанкой» закончилась Великая война. Эта болезнь походила на дьявольский мор, выпущенный из ящика Пандоры. Каждый день умирало по нескольку человек. Сандра боялась приближаться к больным, но не из страха заразиться — она понимала, что для неё это невозможно. Она боялась самих больных. За очередной раздачей обеда один из них начал что-то быстро и возбужденно говорить. Сандра прислушалась и поняла, он думает, что находится на поле боя, идёт в атаку и не станет сдаваться в плен. Сердце сжалось в страхе. Сандра понимала, ещё чуть-чуть и он накинется на неё или охрану. Болезнь захватила сознание больного. Если ему что-то сказать, он не услышит, попытаться успокоить — не отреагирует. Сейчас он в другом месте и времени. Неожиданно он кинулся бежать к выходу, но охрана успела его усмирить и раздача обеда продолжилась. А за окном играл оркестр из заключенных музыкантов. Только музыка сейчас могла отвлечь от ужаса, что царил вокруг.

В барачном госпитале не было санитаров — почти всех их вместе с лагерными докторами берлинское начальство отправило на Восточный фронт. Берген-Белзен остался без должной медицинской помощи. Охранники слегали с высокой температурой, головной болью и ломотой в спине. Потом и они начинали бредить и рваться в бой, а после — апатично лежать и не двигаться часами. А в итоге их ждала неминуемая смерть, что не различала имен и чинов.

Больных уже не изолировали от ещё здоровых — не было места. В лагере, где на каждую койку приходилось по три человека, скученность стала фатальной.

Комендант собрал весь персонал, чтобы разъяснить сложившееся положение. Но всем и так было ясно, что Берген-Белзен терпит бедствие, подобно кораблю, что попал в шторм.

— Да, мы не можем прокормить всех заключенных, — с осунувшимся лицом признавал комендант, — и вылечить больных тоже не в состоянии. Но выпустить их всех на свободу будет халатным преступлением. Мирное население и так получает минимум еды по карточкам. Освобожденных некому будет кормить. Среди них, не только иностранцы и политические преступники, здесь есть и уголовники. Голодные, они начнут воровать и убивать, а больные разнесут эпидемию в ближайшие

города и это станет катастрофой для миллионов людей. Поэтому вы должны понять моё решение — никто не может покинуть лагерь: ни один заключённый, ни один охранник, и ни один служащий.

Не так далеко от Берген-Белзена стоял склад с продовольствием, но из-за идущих в окрестностях боёв, добраться туда было невозможно. Союзники приближались. А вагоны с людьми все прибывали и прибывали. Новую партию эвакуированных заключенных завезли в лагерь. Клетка захлопнулась. Никто из неё не мог выйти — ни заключенные, ни персонал лагеря.

Следующей же ночью союзническая авиация разбомбила часть железнодорожных путей вместе с вагонами с продовольствием, что шли в Берген-Белзен. Это было не последним ударом. От налета бомбардировщиков пострадал электронасос — теперь в лагере не было и воды. Оказалось, всё могло быть ещё хуже, как в одном лагере в Тюрингии. Во время авианалета и бомбардировок погибли многие заключенные. И никто не мог гарантировать, что завтра подобное не произойдет и в Берген-Белзене.

Но смерть уже воцарила в лагере. Тела ещё живых заключенных превращались в скелеты, обтянутые кожей. Каждый день от тифа и истощения умирало с десяток людей. Мертвых не успевали хоронить в промерзшей земле. Единственная печь крематория не справлялась со своей работой. Топлива в лагере тоже не хватало. И трупы стали складывать у бараков штабелями, один на другой. С каждым днём горы разлагающихся мертвецов всё росли, а к ним со всей округи сбегались крысы. Серые крысы. Сандра знала, что это значит. Где крысы, там и крысиные блохи — переносчики чумы.

С каждым днём она всё больше приходила к убеждению, что здешний тиф идёт рука об руку с некой формой энцефалита, что поражает мозг и заставляет больных апатично есть гниль, не обращая внимания на кусок хлеба в руке, а после, без причины кидаться на надзирательниц, что могли отбиться только дубинкой или овчаркой на привязи.

Что творилось в головах больных, какие образы возникали перед их глазами, Сандра не знала, ей оставалось только гадать. Что если это незримый закон природы и во время самых страшных войн из самой преисподней вырывается моровая болезнь и сражает всех на своём пути? Теперь только это приходило Сандре на ум.

В эти жуткие дни только венгерский подлагерь оставался островком благополучия в море смертей вокруг. В еде тамошних

обитателей не ограничили. Им любезно оставили даже одного санитара. Судя по его отчетам, эпидемии в малом лагере не наблюдалось. Порой Сандра с завистью поглядывала за ограду на венгерский подлагерь по соседству. Она была бы не прочь побыть там заложницей — наконец перестать целыми днями стоять у плиты и бояться обезумевших доходяг. А ещё ей не хотелось больше видеть горы гниющих трупов.

Вдали гремели оружейные выстрелы. Замечтавшись, Сандра не сразу заметила, что из-за ограды венгерского подлагеря за ней уже некоторое время наблюдает молодой человек. На его некогда обритой голове уже успело отрасти с полсантиметра чёрных волос, а лицо покрывала редкая щетина. На добротном чёрном пальто была нашита желтая звезда. Он внимательно смотрел на Сандру, словно ожидая, когда же она его заметит. Было в этом заключённом что-то неуловимо странное — полуулыбка и какой-то озорной прищур. И он совсем не походил ни на еврея, ни на венгра.

— Простите, госпожа, — на чистейшем немецком заговорил молодой человек, — ведь вы из карантинной службы?

— Да, — нерешительно ответила Сандра, — я повар.

— Я всего лишь хотел спросить, не могли бы вы выдать сердечных капель или пилюль? Это нужно одному пожилому человеку. С вечера у него щемит в груди, кажется, это предынфарктное состояние.

Сандра подошла к ограде и недоверчиво оглядела молодого человека, но его это нисколько не смутило.

— А если вы ошиблись с диагнозом? — спросила она. — Ему нужен врач.

— Но вы же знаете, все врачи сейчас на фронте.

Он был прав. Всех, кто работал в лазарете, даже последнего санитара, уже давно отправили в полевые госпитали бороться с эпидемией тифа там.

— Вчера сообщили, что наш подлагерь эвакуируют в Богемию, в гетто Терезиенштадт — продолжал молодой человек. — Стоило старику услышать про гетто, как ему тут же стало плохо. Он боится тяжелой дороги.

— Так значит, вас переводят? — переспросила Сандра, ибо для неё это стало новостью.

— На это дают неделю.

Сандре подумалось, что пожилому человеку с больным сердцем действительно будет нелегко перенести ожидание и столь долгий путь. Она знала, какое лекарство ему нужно и даже знала, где оно лежит, но зайти в барачный госпиталь одной ей было несказанно страшно. И пугало вовсе не обвинение в

растрате медикаментов. В госпитале тысяча бредящих больных, и в любой момент каждый из них может вскочить с кровати, попробовать выпрыгнуть в окно, выбежать в дверь, или же схватить Сандру и попытаться её задушить. Хотя… это ведь не смертельно.

— Хорошо, подождите здесь.

И Сандра побрела к бараку, а когда вошла, то, оглядываясь на каждый шорох, проскользнула в комнатку, где некогда была ординаторская. Она прошла к аптечному шкафу мимо койки, где лежал кладовщик Оскар. Болезнь подкосила его неделю назад, и все это время он тихо лежал, почти не двигаясь. Его удавалось разбудить лишь, когда разносили скудную пищу.

Когда Сандра вышла из барака, молодой человек из венгерского подлагеря стоял на том же месте.

— Держите, — протянула она пузырек сквозь обмотку проволоки.

— Благодарю вас, — произнёс он, принимая лекарство. — Поверьте, если бы у меня осталось хоть пару марок, я бы отдал вам их все. Но…

— Я похожа на человека, который зарабатывает на казённом имуществе? — мрачно спросила его Сандра. Этот подвиг мужества она совершила не ради вознаграждения. Она о нём даже не задумывалась.

— Нет, — мягко улыбнулся ей заключенный, — вы похожи на красивую девушку с добрым сердцем.

Как же он с ней излишне вежлив и улыбчив. Если бы не лагерная обстановка, Сандра бы подумала, что этот молодой человек с ней флиртует. Было во всем этом разговоре что-то неправильное и странное, как и этот венгерский еврей, что не похож ни на еврея, ни на венгра, ни на европейца вообще.

— Если бы вы только назвали своё имя… — начал было он, но Сандра сказала своё веское «нет».

Слишком многим здесь она успела представиться выдуманным именем, не хотелось лишний раз обманывать ещё одного человека. Сандра поспешила вернуться к своим обычным делам, но добравшись до кухни, она обернулась и заметила, что заключенный по-прежнему смотрит на неё со своей неизменно хитрой и мягкой улыбкой. Сандра не хотела думать, что же это значит, а просто вошла в помещение и закрыла за собой дверь.

Когда обитателей венгерского лагеря в полном составе эвакуировали на юг, в Берген-Белзене началась суета. Комендант вёл переговоры с англичанами о передаче лагеря под их управление. Его расчёт был прост — если имперское руководство не может помочь Берген-Белзену, пусть это сделает противник —

у него-то уж точно есть для этого ресурсы.

Но англичане отказались. Послы из лагеря объясняли их армейскому командованию, что в Берген-Белзене нет еды, лекарств и воды, что девять тысяч больных заключенных долгое время остаются без помощи и вскоре погибнут, если союзники немедленно не возьмут лагерь под свой контроль. Но англичанам это было неинтересно.

К переговорам подключилась и германская армия. Генералы были готовы отдать мосты через реку Аллер, лишь бы англичане вошли в Берген-Белзен. Но и это предложение их не устроило. А люди в лагере продолжали умирать, с каждым днём всё больше и больше.

Прошло ещё пару дней, прежде чем пришла радостная новость — ночью германское и английское командования заключили соглашение о прекращении огня близ лагеря, а его окрестные территории стали нейтральной зоной. Англичане готовились войти в Берген-Белзен. Удивительное милосердие с их стороны — какие ещё мосты им пообещали имперские генералы, осталось тайной.

Отныне блокада была снята, и часть больных получилось эвакуировать в казарменный госпиталь неподалеку. Последующие несколько дней оставшиеся в живых охранники и их лагерные помощники отобрали тех немногих заключенных, что ещё были в состоянии работать. В километре от лагеря, в месте, которое отныне не простреливалось английскими снайперами, они рыли общие могилы, к которым несли покойников из лагеря. В последний путь их провожал оркестр.

Глубокой ночью после отбоя Сандра, как и всегда вышла на улицу, не боясь, что кто-то её заметит. Она закурила. В звездную безлунную ночь можно было без труда разглядеть горы трупов около бараков — их было слишком много, чтобы успеть похоронить всех. Эта картина её совсем не трогала, увы. На фронте она повидала куда больше мертвецов — изуродованных, разорванных на куски. А здесь всего лишь бледные целые тела некогда истощенных людей. Умом Сандра понимала весь ужас своего отношения к окружающей действительности, но сердцем… Сердце уже ничего не чувствовало. Оно устало. И вправду говорят, что люди способны привыкнуть ко всему. То, что иной человек со стороны мог бы счесть ужасным, больше не трогало Сандру. Она устала чему-либо удивляться. Так много всего она успела увидеть за последние годы — передовая, подземелья, сожженные города и люди, жертвы эпидемии. Война шла не только на фронте — она была везде, в каждом уголке Германии. Что ждать со дня на день, когда в лагерь войдут англичане? Судя

по тому, с каким азартом они бомбят жилые кварталы мирных городов, ждать что-то хорошее от них глупо. Но чего бояться ей? Сандра не уставной персонал лагеря, никакого отношения к ведомству охранников и надзирателей не имеет. Она лишь повар — наемный работник из города… А в этом самом городе после каждого авианалета, наверняка погибало с десяток поваров.

Позади неё скрипнула промёрзшая земля, и Сандра резко обернулась. Сбоку от неё мелькнула огромная тень. Сандра тут же бросила окурок и кинулась к бараку, но не успела преодолеть и пяти метров — лицо обхватила чужая огромная ладонь. Она не смогла и пискнуть, когда холодная сталь вонзилась ей в сердце.

Сандра повалилась на землю, видя, как неизвестный обидчик переступил через неё и пошёл вперед, к бараку. В груди пылала боль, но с каждой минутой она неумолимо затихала. Не спеша, Сандра поднялась на ноги и попятилась в другую сторону, подальше от своего неизвестно откуда взявшегося убийцы. Но она не сделала и пары шагов, как за спиной послышалось тревожное и удивленное:

— Полковник?!

Сандра обернулась. На неё смотрел незнакомец, перепуганный молодой человек двадцати пяти лет. В руках он держал пистолет. Сандре оставалось только закричать, чтобы предупредить, позвать на помощь. Но стоило ей открыть рот, как мерзавец засунул в него дуло и нажал на спусковой крючок.

Чернота. Пустота. Безвременье вне пространства. Только голоса где-то рядом.

— Послушайте, полковник, — со швейцарским акцентом, на грани паники говорил тот самый налетчик, что выстрелил в Сандру, — мы пришли сюда за одним альваром, но почему-то наткнулись на другого. Даже на другую, причём в форме этих головорезов.

— Ты слишком рано начал паниковать, — спокойным голосом понукал его другой, наверное, тот громила с ножом. Акцент его был странным и трудноопределимым. — Приглядись внимательнее, она не из охранных отрядов. Наверное, какая-нибудь уборщица или кто-нибудь в этом роде.

— И что она там делала!? — Голос молодого человека едва не сорвался в отчаянный крик.

— Работала, Жильяр, работала, пока ты её не застрелил. Спросим конкретно, если откроет глаза. Ты её не просто ранил в голову. С той пулей, что я тебе выдал, она скоро станется дурочкой, не способной и двух слов связать.

— Надолго?

— На пару лет, точно. Пока дерево разложится, пока

организм выведет все эти щепки. Ты пойми, мозг альвара орган крепкий, но причудливый. Мало ли что ей может взбрести в голову с таким увечьем.

— Повезём её в Лондон?

Собеседник не ответил.

Сандра попыталась открыть глаза, но темнота никуда не делась. Заморгав, она поняла, что это чёрная кровь вытекает из глазниц. Уши — они тоже были в крови. По горлу текло что-то горячее. Невыносимая боль разрывала затылок. Сандру трясло от лихорадки и того, что кто-то перекинул её через плечо и куда-то тащит.

— Так что будем с ней делать, полковник? — не отставал швейцарец.

Тут земля и небо перевернулись — громила стащил Сандру со своего плеча и поставил на землю. Ноги не слушались и подгибались, но он твердой рукой поддерживал Сандру за подмышки. Сквозь залипшие веки она пыталась разглядеть его лицо, высоко задрав голову. Он и сам пристально глядел на неё. В ночной тьме отчетливо выделялся блеск его красных зрачков. В голове лишь пронеслось: «Только не эти подземные твари…»

Сандра хотела закричать, но голос пропал, хотела отбиться, но хватка огромного налетчика оказалась слишком крепкой. Он только устало вздохнул:

— Что ж вы все такие нервные, как школьницы…

Почему-то он не был белокожим и седым, напротив, его аккуратная борода и усы казались в темноте тёмно-русыми. И одет он не в белую или чёрную хламиду, а в английскую военную форму. Почему же глаза такие неправильные?

— Послушай милейшая, — начал он, — мы бы тебя не беспокоили, если б ты не вздумала перекурить в самое неподходящее время. Между прочим, нехорошая привычка для альвара, тем более альваресы. В темноте, знаешь ли, всегда хорошо видно кончик тлеющей сигареты. Поэтому буду краток и спрошу по существу — где Сарваш?

Сандра хотела недоуменно произнести: «Кто?», но вместо этого из горла вырвался только страдальческий стон и клокотание. Голова трещала по швам, вот-вот готовясь развалиться на части.

— Жильяр, покажи ей фотографию.

Швейцарец вынул из кармана карточку и подсветил её фонариком. Глаза слипались от крови, Сандра решительно ничего не могла разобрать, да и не хотела. Тело отказывалось слушаться, и это пугало до холодного пота по спине. В неё стреляли и не раз, в тело попадали осколки снарядов, но никогда не было так

тяжело как сейчас.

Тот, кого швейцарец называл полковником, вынул платок и принялся вытирать Сандре лицо. Когда дело дошло до глаз, образ на фотографии стал куда отчетливее. Это был тот самый молодой человек, что просил сердечное лекарство и назвал её красивой девушкой…

— Венгерский… лагерь… — еле пролепетала она, готовясь вот-вот потерять сознание.

Полковник предусмотрительно тряхнул её.

— И?

— А я… в карантинном лагере…

Ненадолго наступила тишине.

— Вы поняли, шеф? — разочаровано протянул швейцарец.

— Да, — холодно констатировал тот, — мы пролезли не через ту ограду.

— Красный Крест, вот мерзавцы, — начал разоряться швейцарец, — шпионы криворукие, олухи. Чтобы я хоть ещё один раз стал слушать их разведдонесения! Что теперь, полезем снова? — Тут он обратился к Сандре, — И где на самом деле этот венгерский лагерь?

Она лишь отчаянно замотала головой.

— Его увезли… их всех увезли…

— Куда?

— На юг… эвакуация…

— Вот ведь… — протянул швейцарец, выключая фонарик. — Так что, всё зря?! Какого чёрта мы сюда тащились через всю нейтральную зону, если этого фабриканта здесь нет? На каком юге нам теперь его искать? Как мы его освободим? Может Фортвудс и всё альварское сообщество обойдется без его гениальных финансовых идей?

— Выкуп… — бормотала Сандра, — за них всех просили деньги… или золото…

Эти слова ещё больше расстроили швейцарца.

— Так что, — бессильно воскликнул он, — можно было сюда и не идти, а просто обменять Сарваша на деньги?! И почему мы только сейчас об этом узнаём?

Он ещё долго бессильно возмущался и гневался на ситуацию, а его компаньон подчеркнуто молчал. А Сандра водила ладонью по затылку в надежде нащупать выходное отверстие от пули.

— И не пытайся, — тут же предупредил её красноглазый полковник. — Деревянные пули не пробивают кость.

— Что?… почему деревянные?

— Что же ты, не слышала про Фортвудс? Сколько тебе настоящих лет?

— Сорок пять… я старая…

Полковника её слова лишь рассмешили:

— Мне тоже было сорок пять лет 464 года тому назад, старушка. Почему-то мне кажется, — обратился он к ней более серьёзно, — что тебе лучше не возвращаться на работу. Во-первых, с дырой в носоглотке от тебя там будет мало толку, а во-вторых, завтра наши парни берут лагерь под контроль, а нам с Жильяром неохота высвобождать их-под ареста ещё одного альвара.

— Полковник, — опасливо обратился к нему швейцарец, — по-моему, это не нормально, что альвар так просто работает в концентрационном лагере? Вы видели, сколько там трупов? Это же всё неспроста. Там явно происходит что-то преступное.

— Поверь мне, Жильяр, не все альвары ведут богатую и размеренную жизнь, как наш неуловимый Ицхак Сарваш. Есть такие, как она, из низов, без претензий на светскую жизнь. Если она работала в Берген-Белзене, значит больше было негде.

— Может в Лондоне её допросят обо всём, что там творится?

— Я не повезу её в Фортвудс, — твердо произнёс полковник, давая понять, что обсуждение окончено.

Сандра понятия не имела, где этот Фортвудс, кто эти люди, зачем им тот Сарваш, и вправду ли он такой же альвар, как она и этот красноглазый пятивековой полковник. Все, что ей сейчас хотелось, так это лечь, свернуться калачиком и уткнуться лицом в землю, чтобы не слышать больше чужих голосов, от которых голова гудит как колокол. Нужно просто отдохнуть, и всё будет в порядке. Всё образуется, её тело восстановится, ведь так было всегда. Так должно быть.

— Послушай меня, — полковник ещё раз тряхнул Сандру, готовую вот-вот потерять сознание, — мы выведем тебя из нейтральной зоны и оставим в лесу. Дальше можешь идти куда захочешь. Я не буду спрашивать твоего имени и фамилии. Я бы вообще не хотел тебя больше встречать. Для этого тебе нужно лишь не влезать в сомнительные истории и не убивать ради крови. Будешь следовать этим двум правилам, и Фортвудс тебя никогда больше не побеспокоит.

Эти слова были последними, что она услышала от своих пленителей. Как и было обещано, её отвели в лес, где и оставили лежать под деревом на голой земле. Всё, что ей сейчас нужно, так это, чтобы кровь прекратила бежать из глаз и ушей. А потом она пойдет на юг, к руинам собственного дома, в Мюнхен.

47

Вся Германия пришла в движение. Дороги наводнили сотни людей. Все они шли, неизвестно куда, неизвестно зачем, неизвестно от кого. Из радиодинамиков лился голос доктора Гёббельса — главный пропагандист пугал женщин, что наступающая с востока Красная Армия насилует всех, кто попадается этой азиатской орде по пути. Все, кто мог, бежали из Саксонии и Тюрингии на запад. А Сандра шла домой. И с каждым днём делать это становилось всё труднее. Головная боль не проходила, кровотечение не прекращалось, тело переставало слушаться. Она не имела представления, к какому городу привела её дорога — входить в него не хотелось. На чудо уже никто не надеялся — участь Третьей империи была предрешена, но англичане с американцами продолжают убивать мирных жителей, сбрасывая на их дома бомбы и фосфор. Зачем им ненужные новые смерти, в чём их стратегия?

Сандра склонилась над ручьем, чтобы омыть лицо от чёрной крови. Она боялась смотреть в своё отражение. Глаза разъедал зуд изнутри, кожу колола студёная влага. В затылке резко рвануло. Кто-то с силой схватил её за волосы и потянул на себя. Сандра взвыла. Её тащили по земле, а она не могла отбиться и вырваться, только бессильно кричала. Напавший с силой швырнул её на землю — теперь она увидела, что это английский солдат. Он что-то злобно говорил ей на своём языке, пока стягивал штаны. Сандра пыталась подняться на ноги, но он не дал — ударил сапогом по ребрам и навалился сверху. Она сопротивлялась, брыкалась и царапалась, за что получила удар кулаком по лицу. Но Сандра решила сопротивляться до потери сил. Сейчас, когда у неё больше нет работы, и ни одной марки в кармане, наверно и дома больше нет, осталось лишь единственное, за что стоит бороться — женская честь.

Когда он задрал её юбку и принялся раздирать нижнее бельё, Сандра сделала единственное, на что была способна в этой унизительной позе — достала до единственного язвимого места зубами. Когда челюсть сомкнулась на его горле, насильник только протяжно захрипел. Он хватался за шею, хотел закрыть рану, но всё было зря. Его смерть была быстрой — он захлебнулся в собственной крови. С минуту его тело бессильно билось в конвульсиях, пока не застыло. Оккупант так и остался лежать на земле с вырванным горлом и спущенными штанами.

А Сандра ревела и отплёвывалась. Она убила человека… Ей не нужна была его гнилая кровь, не для этого она лишила его

жизни. Но она убила человека! Зачем вообще он сюда пришёл? Разве его землю топтали сапоги немецких солдат? Разве хоть один немецкий солдат изнасиловал хоть одну англичанку? Тогда почему он хотел сделать это с ней? Это не месть, это что-то иное…

Сандра бежала прочь, цепляясь непослушными ногами о землю. Она падала и вставала, отлеживалась на обочине и ползла дальше.

Города походили на человеческие муравейники в каменных руинах. Всюду кто-то у кого-то что-то крал: бывшие заключенные лагерей у бывших рабочих с востока, рабочие с востока у немцев, немцы друг у друга. Вот толпа ворвалась на склад. Люди отпихивали и били друг друга, они набивали карманы тем, что смогли похватать — дверными петлями. Всего лишь бесполезные дверные петли — больше на складе не было ничего. Очередной счастливчик вырывал их у клокочущей толпы и смотрел на свою добычу. Вмиг выражение его лица изменилось. Только сейчас он понял, что держит в руках, и с презрением откинул петли на землю и побрёл прочь.

Кто-то из солдат бросил в голодную толпу горсть конфет. Люди принялись избивать друг друга в надежде урвать хоть фантик. В стране больше не осталось еды. Она была только у иностранных солдат. Сандра видела, как на улицах женщины прилюдно отдавались оккупантам за банку консервов. Матери и жены, с каменными лицами, глотая слезы, они ложились на спину и послушно раздвигали ноги, думая лишь о том, что сегодня у их детей будет ужин. Основной инстинкт снова подавил половой. В этой внутренней борьбе умирали с голода благопристойные, а выживали бесстыдные.

Сандра дошла до севера родной Баварии, где властвовали американские войска. Какой-то солдат бесцеремонно дернул её за руку, но тут же оттолкнул от себя, брезгливо поморщившись. Скрюченное болью тело, залитое чёрной кровью лицо — Сандра понимала, к ней противно даже прикасаться. Оккупант тут же нашёл себе другую добычу — мать предложила ему для утех свою тринадцатилетнюю дочь. И он повел их куда-то, помахивая перед носом пачкой печенья. Интересно, эта мать, как и многие другие, сбежала с востока подальше от «азиатских орд» насильников, чтобы сделать из родного ребенка американскую проститутку? Для чего они обе хотели выжить? Чтобы потерять последнюю каплю гордости и жить дальше, жить в стране, где оккупанты заведуют всем продовольствием и решают, дать тебе продуктовые карточки или нет?

Нет, нет, нет! Сандре не нужна была такая Бавария! Здесь

победители показали своё скрытое естество. Оно оказалось не лучше чем у поверженного Хитлера. Они точно такие же. Их мораль такая же гнилая.

Вот и неизбежная новость: советские войска взяли Берлин. Война закончилась, а крушение Германии только началось.

Почему ей пришло это в поврежденную голову, почему ей вспомнился отзывчивый усатый красноармеец, что хотел накормить её горячим супом в России? Сандра перестала отдавать отчёт своим действиям, она просто пошла на восток. Она пряталась от людей в американской форме и всё ждала, когда же ей встретятся красноармейцы.

Слух начал пропадать, глаза слепила кровь. Но она увидела людей в незнакомой форме, говорящих на неизвестном ей языке. В руках их было оружие. Им было достаточно услышать её бессвязную сбивчивую речь, чтобы подхватить за руки и отвести в город. Сандра не знала, что это за место, чего от неё хотят, зачем ведут на вокзал.

Потом был душный запечатанный вагон с десятками людей внутри и долгое время в пути. И вот другой город, ворота с надписью «Терезиенштадт»… Да, она помнила, что это еврейское гетто в Чехии, куда увезли венгерских заложников из Берген-Белзена. Но теперь их здесь не было, теперь здесь жили совсем другие люди.

Ворота закрылись. А ведь это концлагерь! Да, концлагерь, куда чехи сгоняли всех немцев из своих городов. Всех новоприбывших выстроили в колону и чешские охранники принялись обыскивать каждого, забирая всё ценное, что только видели. Молодой парень сорвал с шеи пожилой женщины крест и, ухмыляясь, спрятал его за пазуху. Сандра потеряла всякую способность к сопротивлению — с каждым днём ранение поражало мозг всё сильнее. Но одно она помнила точно — больше никогда нельзя снимать крест, нельзя его лишиться. Механически, не таясь, она стянула цепочку и спрятала её под язык. Охранник лишь брезгливо похлопал её по почерневшей от крови одежде и оттолкнул в сторону.

Сандра продолжала лежать на земле и безучастно внимать происходящему. Оружейные выстрелы и крики — кого-то только что расстреляли прямо во дворе лагеря у всех на виду. Десятилетнего мальчика охранник избил железным прутом. Как же здесь много детей… Сандра попыталась вступиться, но как мало теперь от неё толку. Всё что получилось, так это переключить внимание охранника на себя. Он бил её прутом и сапогом, бил до потери собственных сил, а после оставил бездыханное тело валяться на земле.

«Весь немецкий народ несет ответственность за Хитлера и Химмлера, и весь народ должен понести наказание за совершенные преступления», — вот что им говорили чехи.

Почему весь? Почему грудные младенцы? Почему она? Она лишь маленький человек. На той войне Сандра не убила никого, никого кроме своего несостоявшегося насильника. Она вообще не хотела войны. Она никогда не голосовала за Хитлера и его партию. Она так и не прочла «Мою борьбу». Она сама стала человеком полуторного сорта. Тогда за что с ней так поступают, за что каждый день как по расписанию пинают и бьют палкой? Её преступление в том, что она немка и говорит на немецком языке? Но вокруг столько людей, многие уже не знают родного языка своих предков и говорят лишь по-чешски. Но власти отобрали у них дома, лишили гражданства и заперли в бывшем еврейском гетто.

Теперь простые чехи ненавидели немцев — своих бывших соседей. По ночам в лагере они насиловали женщин на глазах их мужей, днём избивали и расстреливали подвернувшихся под руку. Они грозили матерям, что выколют глаза их младенцам, и матери душили своих детей, а после кончали с собой. Истязатели облили бензином двоих мужчин и сожгли их заживо, а их обугленные трупы ещё неделю выставляли на всеобщее обозрение. Сандра смотрела и вспоминала Россию и солдат из охранных отрядов, что пожгли целую деревню… Здешним охранникам очень бы пошла чёрная форма.

В гетто не для всех было место для ночёвки. Здесь почти не давали еды. Кругом царила дизентерия. Конечно же, в стране, где каждый пятый немец, лагерных благ на всех не хватало.

Каждый день избиения и насилие. Каждый день Сандру пинали, толкали и били, но на большее им было противно решиться — в концлагере были женщины куда вменяемей и чище.

Наверное, чехи ждали этого всю войну. Семь лет в них копилась эта злоба? Что же эти каратели делали, когда Богемия и Моравия стала протекторатом Третьей империи? В 1938 году чехи, простые люди и власти сражались за независимость своей страны? Кажется, только одна рота решила дать отпор, когда законное правительство бежало в Лондон. Одна рота на всю страну. А ещё в 1939 году была одна студенческая демонстрация протеста — на большее их не хватило. Богемия и Моравия — целая страна коллаборационистов. Когда здесь появилось движение сопротивления? Пару месяцев назад. Если бы не подход Красной Армии, никто бы и не подумал сопротивляться. А что все эти люди делали в годы войны? Работали на военную машину Тысячелетней империи. Все их фабрики, заводы и шахты дни и

ночи работали на победу немецкого оружия. Они сделали многое для этой войны, а теперь махали кулаками после драки, когда война окончилась. Конечно, воевать с мирными жителями куда проще, чем с вооруженными солдатами, особенно если действующая власть на твоей стороне.

Люди страшнее бездушных снарядов. У них есть сердца, но сердца, налитые чёрной злобой. Она копилась все годы войны? Что ж, теперь и Сандра тоже имеет право злиться, сидя здесь взаперти, и терпя побои каждый день за то, что она посмела родиться на свет немкой. Хотя, какая она немка… русская-латышка-еврейка-баварка… но им это не важно. Их сапогам просто хочется пересчитать чьи-то ребра.

— Чехо…словакия… — почти в бреду бормотала она, — выкидыш Великой войны… Что бы вы делали… без золота Колчака… которое украли в России?… Попросились бы… под крылышко Германии… ещё раньше…

Охранник, стоявший рядом, понял её слова — хоть и чех, презирающий все немецкое, но немецкий язык он знал.

Сандру били железными прутами, пинали под ребра и по животу, а она лишь звонко смеялась над своими истязателями, над их бесплодными попытками сломать её тело. Они же не догадывались, что это невозможно. Они не подозревали, что может сделать она, стоит только повернуться к ней спиной. Тогда она обернется дикой рысью, прыгнет одному из них на загривок и вырвет горло. Каждый день она теряла кровь. Ей просто необходимо её восполнить.

Когда чужая спина прогнулась под Сандрой, а теплая алая кровь заполнила рот, раздался выстрел. Он сразил её наповал. Пальцы бесплодно подрагивали, словно пытаясь уцепиться за жизнь, что меркла перед глазами.

В неё стреляли без остановки. Из тела брызгами била кровь. Разве каратели не видят, как она черна? Свинец разрывал плоть на куски. Сандра вздрагивала каждый раз, когда пули бились о кости. Боль стала тупым фоном в спектре эмоций. Они стреляют? Хотят убить? Нет, эти мстители не любят убивать, им нравятся пытки. А её удостоили смерти… наивные. С каждой новой пулей Сандра чувствовала их страх, такой же животный, как и месть. Они боялись её. Как же сладко это было осознавать!

Бездыханное изуродованное тело Сандры осталось лежать на земле в назидание остальным. Кто хотел, мог увидеть улыбку на почерневших от крови губах.

Сандра знала, что эта боль не пройдет, она будет вспыхивать каждый день, каждый день железный прут будет разрывать её внутренние органы, а к утру они снова заживут, чтобы к вечеру

вновь лопнуть под ударом тяжелой ноги. Как жаль, что от этого не умереть. Как жаль, что от этого не спрятаться.

Настало утро, и никто не обратил внимания, что вчерашний труп омыла лицо и руки от крови и уже попросилась выйти в город на добровольные рабские работы, что доверяли немцам за лишний ломоть хлеба.

Целый час Сандра и ещё два десятка женщин под крики и тычки конвоя брели к ближайшему городу. Наконец, их привели к мостовой на разбор баррикад, предварительно заставив надеть нарукавные повязки со свастикой. На уличных столбах узницы видели немало повешенных людей, на груди которых тоже был вырезан этот знак. А из окон домов доносились звуки выстрелов.

Вокруг женщин столпились прохожие. Они кричали, освистывали и кидали в них камнями. Полиция держала оцепление, пока немки разбирали завалы, а чехи праздно смотрели, как они работают. Вдруг, оцепление прорвали молодчики и какие-то старухи, что принялись бить женщин дубинками и собачьими поводками. Старуха вцепилась в одну из несчастных и начала кромсать ножницами её волосы. С распухших пальцев других срывали обручальные кольца, с ушей сдирали дешевые серьги, стягивали обувь и одежду. Полиция невозмутимо наблюдала, не слыша криков и плача.

Европа погибала. Весь континент теперь — земля убийц, воров и насильников. Никто не лучше, все достойны называться зверьми в человеческом обличии.

И Сандра решила — либо сейчас, либо никогда — вот мост, вот перила, вот бурная река. А за спиной беснующаяся толпа и конвоиры с ружьями.

Континент пылал. Европа умерла. И в Сандре умерло все плохое и хорошее. В душе остался лишь вакуум, чёрная пустота. Как с этим жить? И стоит ли? Ответят воды, что смыкаются над кровоточащей головой и давят на тело пронзительным холодом. Ответ там, глубоко-глубоко, на самом дне.